

Эрик Лор

Русский
национализм
и Российская
империя:

КАМПАНИЯ ПРОТИВ
“ВРАЖЕСКИХ ПОДДАННЫХ”
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ
ВОЙНЫ

Новое
Литературное
Обозрение

2012

ERIC LOHR

Nationalizing the Russian Empire:

THE CAMPAIGN AGAINST
ENEMY ALIENS DURING
WORLD WAR I

Cambridge
Harvard University Press

2003

УДК 323.1(47)(091)"1914/1917"

ББК 63.3(2)534-38

Л78

**Редакционная коллегия серии
HISTORIA ROSSICA**

*Е. Анисимов, В. Живов, А. Зорин,
А. Каменский, Ю. Слэзкин, Р. Уортман*

*Издание подготовлено
при финансовой поддержке Американского университета
(American University) в Вашингтоне, США*

Лор, Э.

Л 78 **Русский национализм и Российская империя: Кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны / Эрик Лор; перевод с английского В. Макарова. — М.: Новое литературное обозрение, 2012. — 304 с.**

ISBN 978-5-86793-942-7

Книга американского историка Эрика Лора посвящена важнейшему сюжету истории Первой мировой войны в России — притеснительной и карательной политике властей в отношении подданных враждебных государств и, в еще большей степени, тех российских подданных, которые были сочтены неблагонадежными в силу своей национальности или этнического происхождения. Начавшись с временных мер, призванных обеспечить безопасность тыла, эта политика переросла в ширококомасштабную кампанию «национализации» империи. Отказ от натурализации иностранцев, конфискация земель и предприятий у целых категорий этнически нерусского населения в пользу «русского элемента», массовые депортации евреев и немецких колонистов, вольное или невольное поощрение стихийного насилия против «инородцев» — все это бумерангом ударило по традиционным основаниям имперского строя. Попытка старого режима мобилизовать русский национализм немедленно отозвалась ростом националистических и сепаратистских настроений в среде меньшинств и тем самым приблизила революционные потрясения. Вышедшая на английском языке в 2003 году, монография Э. Лора остается одной из самых цитируемых работ по предреволюционной эпохе.

УДК 323.1(47)(091)"1914/1917"

ББК 63.3(2)534-38

© Published by arrangement with
Harvard University Press

© В. Макаров, пер. с англ., 2012

© Оформление. «Новое литературное
обозрение», 2012

В оформлении обложки использован фрагмент
агитационного плаката «Война до победы».

Художник П. Бучкин. 1917. ГАРФ

Слова признательности

Данное исследование было частично поддержано грантом Международного совета исследований и обменов (International Research and Exchanges Board, IREX), средствами, выделенными фондом National Endowment for the Humanities и Государственным департаментом США, осуществлявшим руководство Программой российских, евразийских и восточноевропейских исследований (Russian, Eurasian, and East European Research Program). Автор также хотел бы поблагодарить Центр российских исследований Дэвиса (Davis Center for Russian Studies) за предоставление летних исследовательских грантов на первоначальном и завершающем этапах работы над проектом, а также за имевший решающее значение творческий отпуск и создание идеальной интеллектуальной атмосферы для научной работы. Я также хочу поблагодарить Марка фон Хагена (von Hagen) и Институт российских исследований имени А. Гарримана Колумбийского университета (Harriman Institute for Russian Studies at Columbia University) за гостеприимство, оказанное в период написания данного исследования.

Роман Шпорлюк (Szporluk) щедро делился со мной своим временем и советами, постоянно оказывая моральную поддержку, и стал для меня интеллектуальным наставником в самом лучшем смысле слова. Ричард Пайпс (Pipes) организовал отличный семинар, посвященный Российской империи в 1916 г., на котором я открыл для себя данную тему. Тимоти Колтон (Colton) и Эдвард Кинан (Keenan) снабдили меня полезными советами и одарили интеллектуальной поддержкой. Благодарю также Дэвида Макдональда (McDonald), изначально вдохновившего меня заняться российской историей и поддержавшего на этом нелегком пути.

Многие друзья и коллеги читали и комментировали части рукописи на различных этапах подготовки исследования. Я особенно благодарен Ричарду Бенерту (Benert), Дэвиду Брандербергеру (Brandenberger), Роберту Джерейси (Geraci), Марку фон Хагену, Джону ЛеДонну (LeDonne), Доминику Ливену (Lieven), Терри Мартину (Martin), Рэндаллу Пулу (Poole) и Джошуа Санборну (Sanborn) за внимательное прочтение различных вариантов рукописи и многие ценные замечания по существу затронутых проблем. Грант Мейнленд (Mainland) и Келли О'Нейл (O'Neill) обеспечили мне качественную библиографическую и издательскую поддержку. Большое спасибо Марку Бейкеру (Baker), Патрику Дабровски (Dabrowski), Джонатану Дейли (Daly), Бенджамену Фроммеру (Frommer), Питеру Гэтреллу (Gatrell), Питеру Холквисту (Holquist), Янни Котонису (Kotsonis), Дэвиду Макдональду, Кевину Мёрфи (Murphy), Томасу Оуэну (Owen), Джеффри Россмену (Rossman), Сержу Шмеманну (Schmemann), Тимоти Снайдеру (Snyder) и Сержу Трубецкому за чтение и комментирование первоначальных вариантов некоторых глав исследования. Участники семинара по русской и восточноевропейской истории (Russian and East European History Workshop) в Гарвардском университете серьезно помогли мне в работе над одной из глав. Дружба и доброжелательная критика Дэвида Брандербергера поддерживали меня на всех этапах исследования. Питер Холквист подал пример истинно товарищеского сотрудничества, вступив со мной в обширную переписку по проблемам, связанным с Первой мировой войной, и многим другим вопросам взаимных научных интересов. Элизабет Вуд (Wood) и участники ее открытого семинара по русской истории снабдили меня полезными комментариями на ранних стадиях работы над проектом, а участие в семинарах в Центре Дэвиса оставалось полезным до самого конца работы. Питер Гэтрелл щедро поделился рукописью своей тогда еще не опубликованной книги. Благодарю Марка Бейкера, Алекса Диллона (Dillon), Скотта Кенворти (Kenworthy) и Тома Трайса (Trice) за помощь в поисках текстов нужных источников. Также необходимо поблагодарить работников Издательства Гарвардского университета (Harvard University Press) Кетлин Макдермотт (McDermott), Кетлин Драмми (Drummy) и Аниту Сафран (Safran) за профессиональную помощь при подготовке книги к печати.

От моих российских коллег я получил немало полезных советов и помощи как в разработке основных принципов, так и в научном сопровождении данного исследования. Виктор Мальков из Российской Академии наук (Институт всеобщей истории) стал отличным консультан-

том и внимательным представителем принимающей стороны в России. Я хочу сердечно поблагодарить его и всех членов Ассоциации историков Первой мировой войны при РАН за их замечания. Особая благодарность — Евгению Сергееву за его обширную помощь в разрешении как интеллектуальных, так и технических проблем подготовки проекта. Александр Кавтарадзе, Игорь Карпеев, Юрий Кирьянов и Сергей Нелипович поделились сведениями о важнейших архивных источниках. Персонал российских архивов и библиотек везде был равным образом профессионален и готов помочь. В особенности я хотел бы поблагодарить Серафиму Игоревну Варехову и всех работников Российского государственного исторического архива (РГИА), Татьяну Юрьевну Бурмистрову и весь персонал Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) и Нину Ивановну Абдулаеву из Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). Моя особая благодарность за помощь — Сергею и Виолетте Ершовым, Ирине Купцовой и Андрею Малютину.

Самые теплые слова благодарности — моей жене Анне Шмеманн (Schmemann) за постоянную поддержку и терпение во время моих командировок в Россию и длительных периодов чуть ли не ежедневных поездок из Кембриджа в Нью-Йорк и обратно. Наш сын Алексей появился на свет как раз вовремя, чтобы доставить множество счастливых передышек во время работы. И более всего помогли в реализации этого проекта щедрость и поддержка моих родителей — Ричарда и Джойс Лор.

Также хочу поблагодарить Владислава Макарова за тщательный и квалифицированный перевод текста книги. Мне доставили большое удовольствие переписка с ним и совместная работа над переводом. Огромная благодарность и Михаилу Долбилову, выступившему в качестве инициатора данного переводческого проекта и курировавшему его до завершения. Американский университет (American University) предоставил щедрую финансовую поддержку для осуществления проекта.

Часть главы 5 этой книги была опубликована в виде статьи: *Lohr E. The Russian Army and the Jews: Mass Deportations, Hostages, and Violence During World War I // Russian Review. 2001. Vol. 60. № 3. P. 404–419.* С удовольствием выражаю глубокую признательность редакторам и издателям этого журнала.

Эта книга является полным авторизованным переводом английского издания: *Lohr E. Nationalizing the Russian Empire: The Campaign*

against Enemy Aliens during World War I. Cambridge: Harvard University Press, 2003. Текст книги в оригинале доступен для частичного прочтения в сети Интернет в составе проекта Google-книги (http://books.google.ru/books?id=t3tM9MSahDkC&dq=inauthor:Eric+inauthor:Lohr&source=gbs_navlinks_s).

ВВЕДЕНИЕ

Малоизвестным, однако ключевым аспектом первой для России тотально-мобилизационной войны явилась масштабная кампания, направленная против определенных меньшинств, вдруг ставших для правящего режима и всего общества опасными внутренними врагами. Эта кампания изначально была нацелена на «неприятельских подданных», определяемых международным правом как граждане вражеских государств в военное время. Эта сравнительно узкая, однако экономически и социально значимая для России категория подверглась в период войны высылкам, интернированию и конфискации собственности¹. Россия, естественно, не была единственной страной, принимавшей определенные меры против подданных враждебных государств², но в Российской империи данная кампания быстро распространилась на многие категории, в том числе и на имевшие значительные доли в населении страны — от этнических немцев до российских подданных: евреев, мусульман и др. Результатом общественно-государственной кампании стали: вынужденное переселение приблизительно 1 млн. гражданских лиц, национализация весьма значительной части имперской экономики, а также переход обширных земельных владений и городской недвижимости из рук вражеских подданных к другим влиятельным группам населения. Временами кампания проходила при участии широких масс населения и сопровождалась массовым насилием. Это показало, как российский старый порядок, традиционно изображаемый как консервативная система, вяло реагирующая на давление снизу, фактически самостоятельно выдвинул целый набор довольно революционных мер: выявление внутренних врагов, их массовую высылку, масштабную национализацию частной собственности — и все это задолго до революций 1917 г.

До Первой мировой войны можно выявить лишь незначительное число случаев, когда правительства принимали какие-либо меры против вражеских подданных, оказавшихся на их территории во время войны, а ведущие правоведы сходятся в том, что ни одна норма международного права не соблюдалась более строго, чем защита личности и имущества иностранных граждан в военное время³. Однако в конце концов практически все государства интернировали хотя бы незначительное коли-

чество вражеских подданных на своей территории и ввели всесторонние, хотя и временные ограничения на пользование имуществом и свободу экономической деятельности для данных категорий населения. Даже столь отдаленные от театра военных действий государства, как Австралия, Бразилия, США, Канада и Куба, интернировали некоторое количество вражеских подданных⁴. Именно во время Первой мировой войны были впервые опробованы меры, гораздо более систематично и жестко применявшиеся против граждан враждебных государств и гражданского населения вообще во время и после Второй мировой войны.

Несколько общеевропейских событий, имевших долговременные последствия, могут помочь в объяснении причин подобных притеснений вражеских подданных именно в это время. Первым стал постепенный сдвиг в осмыслении современной войны, начавшийся с эпохи Французской революции и преобразивший вооруженный конфликт между правительствами и армиями в глобальное противостояние граждан воюющих стран. Одним из величайших военных нововведений Французской революции стала идея «воюющей нации» (*nation-in-arms*), состоявшая в том, что все гражданское население страны вместе борется с внешним врагом, защищая некий набор общих идеалов. В течение XIX в. многие государства Европы — независимо от политического устройства — развили эту идею путем введения всеобщей воинской повинности и системы резервистов. Воодушевленная надеждой на создание многочисленной и более патриотически настроенной армии, Россия в 1874 г. ввела в действие свой вариант всеобщей воинской повинности⁵. Связь между всеобщей воинской обязанностью, современным пониманием гражданства и интернированием граждан враждебных государств была довольно тесной. В результате повсеместного распространения системы резервистов военные стратеги озаботились тем, что если позволить вражеским подданным мужского пола в военное время возвращаться в страны их происхождения, то в конце концов они появятся в рядах армии противника⁶. Более того, некоторые военные и полицейские чиновники делали из этой теоретической угрозы незамысловатый вывод, что *все* проживающие здесь граждане враждебной стороны окажутся верными своей родине и могут рассматриваться как пятая колонна, т.е. как благодатная почва для вербовки шпионов и проведения шпионских операций. Совсем не совпадением был тот факт, что именно Франция — родина как понятия современной гражданственности, так и идеи «воюющей нации» — стала сценой основных эпизодов интернирования вражеских подданных в XIX в.⁷

Не менее важным фактором стала и волна массовой интернационализации конца XIX — начала XX в. Количество людей, пересекавших государственные границы, путешествуя поездами и пароходами, за несколько десятилетий до 1914 г. значительно возросло, а межгосударственный обмен людьми и капиталами достиг беспрецедентного уровня. Это серьезно увеличило масштаб потенциальной проблемы с гражданами враждебных государств. На рубеже веков шовинистические лозунги, направленные против мигрантов, появились во многих странах и подстегнули введение законодательных актов, ограничивающих въезд в страну определенных этнических групп. Великобритания, Франция, Германия и США пришли к необходимости установления новых форм надзора за иммигрантами и ограничения иммиграции вообще⁸. Эти процессы имели определенное значение, но реальный сдвиг по направлению к новому миру, где гражданство тесно связано со строгим эмиграционным контролем и национальными квотами, произошел во время Первой мировой войны, а проблема вражеских подданных стала важнейшей частью отхода от интернационалистических тенденций предвоенной эпохи. Сказанное особенно верно для континентальных империй (впоследствии вступивших в схватку на Восточном фронте), поскольку они не столь решительно стремились к превращению гражданства в четкую разделительную линию между представителями «титального» сообщества своих подданных и чуждыми ему лицами, пока война не заставила их двигаться в этом направлении.

Российский вариант политики по отношению к вражеским подданным довольно существенно отличался от других в двух важнейших чертах. Во-первых, если во многих странах иммигранты из других государств были экономическими и социальными маргиналами, в России подданные в будущем враждебных государств занимали непропорционально значительную долю важных позиций в экономике в качестве крупных предпринимателей, инвесторов, управляющих фирмами, землевладельцев, владельцев магазинов, высокооплачиваемых служащих, инженеров, мастеров и квалифицированных рабочих. Таким образом, с самого начала возможные последствия и доля ущерба от кампании против вражеских подданных в России имели неизмеримо большее значение, чем в таких странах, как Великобритания, Франция или Германия. Во-вторых, в отличие от большинства других стран, в России как официальные санкции, так и общественная кампания немедленно затрагивали не только иностранных граждан, но и широкие круги уже натурализовавшихся иммигрантов и российских подданных, чья

лояльность подвергалась сомнению по причинам этнической и конфессиональной принадлежности или страны происхождения. Эта ситуация спровоцировала проблемы с терминологией, поскольку определения «гражданин или подданный страны, воюющей с Россией» (*enemy citizen, enemy subject*) технически относились лишь к не связанным с армией гражданским лицам — обладателям паспортов вражеских государств (империй Гогенцоллернов и Габсбургов, Османской империи и, с октября 1915 г., Болгарии). Учитывая некоторые особенности российской националистической кампании, власти добавили к предыдущему еще одно определение: «российские подданные, выходцы из стран, воюющих с Россией». Более того, на практике армия и правительство нередко не стеснялись расширительно толковать действующее законодательство и распространять его действие на все новые и новые «подозрительные» и «ненадежные» категории населения. Обозначая все эти довольно разные категории единым английским термином «*enemy alien*», не имеющим точного русского эквивалента*, эта книга рассматривает всех индивидов и все группы лиц в Российской империи, подпадавшие под ограничения, первоначально введенные исключительно для подданных враждебных государств⁹.

Распространение националистической кампании не только на вражеских подданных, но и более широкие враждебные категории строилось на давних российских представлениях о внутренних врагах и «инородческом» населении. Причины складывания подобных представлений может прояснить имеющий целый ряд значений термин «инородец». Юридически это была сословная категория, относящаяся к иностранцам, евреям, кавказским горцам и кочевым народам. В повседневном употреблении в начале XX в. данный термин приобрел гораздо более широкий смысл и стал обозначать людей неправославного вероисповедания, туземные народы и вообще любую категорию населения, считавшуюся нерусской. Эти тенденции в общепринятом использовании данного термина совпадают с четко выраженной направленностью кампании военного времени против вражеских подданных, постепенно распространявшейся на все более широкие категории населения. Не

* Буквально: «враждебный иностранец». В переводе в зависимости от контекста в целях упрощения понимания обычно используются варианты «вражеский подданный» для подданных Центральных держав и «враждебный подданный» — для российских подданных, подвергавшихся репрессиям, прежде всего немцев и евреев по национальной принадлежности. Иногда используются и более полные, но устаревшие определения, например «подданные неприятельских государств» или «неприятельские выходцы». — *Прим пер.*

концентрируя внимание на применении ограничений к вражеским подданным в узком смысле, данное исследование сосредоточено на широкой мобилизации российского общества и государства против ряда чужеродных элементов. Особое внимание уделяется таким мерам, как высылка, «зачистка» определенных территорий, конфискация земельной собственности и ликвидация частных компаний и предприятий. Данная работа в большей степени исследует административные процедуры, чем конкретные национальные меньшинства, и стремится доказать, что сам процесс практического применения всевозможных ограничений и репрессий фактически укреплял национальные различия, делая их все значительнее.

ОТ ИМПЕРИИ К НАЦИОНАЛИЗИРУЮЩЕМУ ГОСУДАРСТВУ

Кампания военного периода против враждебных меньшинств явилась важным событием в долгой истории построения и реконструкции Российской империи. Одной из важнейших предпосылок расширения и сохранения империи начиная с XV-го и до XIX в. включительно было встраивание нерусских элит в общеимперскую элиту. Династическое имперское государство объединяло татар, поляков, литовцев, прибалтийских немцев и других среди своих наиболее значительных подданных — дворянства, чиновничества и офицерства — в период роста империи в течение XVI—XVIII столетий¹⁰.

Наряду с этой весьма успешной практикой имперского расширения появился и другой важнейший аспект конструирования империи — миграция, колонизация и расселение. Частично это происходило по причине значительного роста населения и миграции восточных славян на подконтрольные империи территории, а также вследствие государственной политики колонизации пограничных районов при помощи строительства стратегических поселений казаков и крестьян. Важной частью этой политики с середины XVIII-го по середину XIX в. стало систематическое поощрение иммиграции из Европы с целью колонизации огромных пространств невозделанных земель юга Украины, Поволжья, Северного Кавказа и других областей, причем как для введения в хозяйственный оборот максимального количества земель, так и для усиления имперского контроля над малонаселенными районами. Самой многочисленной группой из многих иммигрантских этнических меньшинств, решившихся на заселение новых неосвоенных территорий, стали немецкие фермеры-колонисты, в значительном количестве

заселившие Украину, Бессарабию и Среднее Поволжье и по переписи населения 1897 г. насчитывавшие уже более двух миллионов человек¹¹.

Таблица 1.

Баланс иммиграции из отдельных государств в Российскую империю (с учетом эмиграции из Российской империи) в 1828—1915 гг. (в тыс. чел.)

Годы иммиграции	Страна происхождения				
	Германия	Австро-Венгрия	Турция	Китай	Другие страны Азии
1828—1850	24	13	2	—	0,17
1851—1860	64	43	25	—	66
1861—1870	271	146	60	—	86
1871—1880	328	268	53	0,06	144
1881—1890	447	287	33	-0,02	106
1891—1900	78	102	52	6	231
1901—1910	188	-11	111	152	457
1911—1915	59	41	58	132	404

Источник: Оболенский В.В. Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и СССР. М., 1928.

Нехватка свободных участков земли для колонизации постепенно заставила правительство перейти к ограничению иммиграции в сельские районы, однако в конце XIX в. бюрократический режим постарался привлечь очередную волну мигрантов в городские и промышленные районы. Новая волна иммигрантов была меньшей количественно, но имела важнейшее значение для модернизационной стратегии империи. В нее входили: административный персонал, белые воротнички, квалифицированные и неквалифицированные рабочие, мастера, торговцы, техники, мелкие и средние предприниматели. Эти трансграничные миграции совпали с крупномасштабными внутренними переселениями в самой империи, внося вклад в длительный и глубокий процесс перемешивания народов, что было характерно практически для всех империй периода «долгого мира» (от окончания Наполеоновских войн до Первой мировой войны, т.е. в 1815—1914 гг.) и составляло важную, но редко замечаемую особенность позднеимперской истории России¹². Долгая мирная эпоха способствовала межгосударственной миграции и смешению не только народов, но и имперских экономик, особенно в процессе значительной интернационализации экономической деятельности в последние десятилетия перед Первой мировой войной, в который Россия оказалась активно вовлечена¹³.

Старый династический порядок обеспечивал и поощрял смешивание местного и интернационального народонаселения и экономических укладов в значительных пропорциях, однако в конце XIX в. появился целый ряд определенных проблем и нужд, порожденных этими процессами. В связи с распространением грамотности и некоторыми социальными изменениями, связанными с индустриализацией, национальные движения становились все популярнее среди различных этнических групп Российской империи. Частичная демократизация политической сферы и ослабление цензуры в 1905 г. вызвали взрыв активности местных националистов — широкое распространение печати и соответствующих общественных организаций среди различных национальностей империи. Однако в отличие от империи Габсбургов Российская империя так и не решилась на децентрализацию власти по национальному принципу и, в отличие от Советского Союза, не создала институтов для распространения культурной идентичности этнических меньшинств¹⁴. Фактически старый режим последовательно препятствовал всем проявлениям нерусского национализма вплоть до 1914 г.¹⁵

Вместо этого власти империи предпочли воспользоваться идеями «официального национализма» различной степени восторженности, что ярче всего отразилось в политике русификации в годы правления двух последних царей. До конца XIX в. русификация проводилась прежде всего с целью создания более эффективной местной администрации, но в 1880-е гг. намерения центральной власти четко отразили стремление к культурной ассимиляции этнических меньшинств с целью преобразования империи в более однородное, более национальное государство. Однако в недавних серьезных исследованиях, посвященных русификации и русскому национализму, авторами приложено немало усилий для того, чтобы подчеркнуть, сколь ограничены и противоречивы были практические проявления каждой из указанных тенденций¹⁶. Власти слишком часто шли на компромисс в сфере образования, найма служащих, использования языков и в других мерах. Более того, различного рода общественно-политические свободы, появившиеся после революции 1905 г., серьезно подорвали политику русификации среди всех этнических групп империи. Русификация стала одним из важнейших способов, при помощи которого старый режим начинал вести себя как национализирующееся государство (*nationalizing state*) до 1914 г., но ограничения в применении этого способа указывали скорее на государственную «дилемму» русского национализма. Дилемма основывалась на глубоко укорененном консервативном недоверии российской правящей элиты к любым автономным формам национализ-

ма, включая русский национализм, поскольку любая радикальная программа национализации* могла серьезно подорвать имперское государство и легитимность его элит¹⁷.

Многие российские гражданские чиновники сохраняли это противоречивое отношение к национализму даже на начальном этапе Первой мировой войны. Однако вскоре они оказались под серьезным давлением сразу с двух сторон: общественного мнения и армии. В первой главе данного исследования рассматриваются различные лозунги и идеи, окружавшие нарождавшееся русское национальное движение, набравшее силу в течение войны в противовес имперской, «вненациональной» природе государства и требующее его перестройки на более националистических принципах. В центре программы этого движения стояла идея «засилья» немцев, иностранцев, иммигрантов и евреев среди элиты и в экономике империи, для чего была взята на вооружение одна из идей классического национализма — освобождение «коренной» нации от якобы зависимых отношений с мировой экономической системой¹⁸. Программа ставила целью освободить русских (и другие достойные доверия «коренные» национальности) от этих форм зависимости и пропагандировала строгие меры военного времени для воссоздания империи на более национальных, русских началах, даже путем физического устранения «влиятельных» меньшинств или хотя бы окончательного уничтожения их экономического и социального господства над «коренными» национальными группами.

Война обострила межэтнические противоречия, оборвала интернациональные экономические связи, подкрепила общий переход к усиленной автаркии во всех вовлеченных в войну государствах, но в особенно изменчивых формах эти тенденции проявились в сравнительно отсталых многонациональных империях. Это более чем справедливо для Османской и Российской империй, где коренная нация болезненно переживала недостаточность собственного контроля над имперским государством, а иностранцы и представители различных меньшинств занимали важнейшие места в составе экономической и других элит. Хотя Россия сохраняла гораздо больший политический и законодательный контроль над положением иностранцев, чем Османская империя, вынужденная подписывать неравноправные соглашения с европейски-

* Здесь и далее в подобном контексте термин «национализация» используется не только в специальном значении (экспроприация собственности в пользу государства), но одновременно и в более широком — усвоение и применение идеологии и практик национализма. — *Прим. пер.*

ми державами, или Китай, поделенный на сферы влияния, однако в социально-экономическом смысле ситуация была сопоставимой. Фактически кампания против вражеских подданных в России во время войны во многом схожа с проводившимися тогда же кампаниями в Османской империи (против игравших значительные роли армян, греков и других иностранных торговых диаспор) или с «движением за отечественные товары» (против импорта и подавляющей роли иностранцев) в экономике Китая¹⁹. Хотя большинство исследователей роли иностранцев и этнических меньшинств в российской экономике отрицает, что они были эксплуататорами, уверенность в последнем многих русских современников событий придавала немало динамизма общеимперской кампании против вражеских и местных враждебных подданных²⁰.

Новая военная программа порвала с русификацией в том смысле, что никто больше не пытался «национализировать» отдельных индивидов путем их ассимиляции. Скорее она принимала идентичность как данность, а национализировать пыталась некие крупные «абстракции», такие как демографическая структура населения, земельная собственность или отрасли хозяйства, при помощи радикальных средств: конфискации и выселения. Существуют два подхода к анализу этой важнейшей эволюции. Первый из них, выработанный Питером Холквистом, основан на идее М. Фуко о «правительственности»/«управленческой ментальности» (*governmentality*)^{*} и ставит своей целью соотнести появление современного набора практик, включающих надзор и научные приемы статистического описания населения, с применением подобных процедур в течение Первой мировой войны в качестве новоявленной прикладной науки управления народонаселением. По мнению Холквиста, подобные меры (многие из которых впервые были разработаны европейскими державами для применения в колониальных войнах и при управлении обширными территориями за пределами Европы) обозначали резкий переход к консолидации «современного» государства со всеми его патологиями относительно демографической структуры населения и маниакальным стремлением постоянно надзирать за своими гражданами и контролировать их²¹. Я позаимствовал именно эту модель с целью показать переход к «демографизации»

^{*} Среди других предложенных до сих пор переводов этого термина — «властноментальность», «искусство государственного управления». См., например: Фуко М. «Правительственность» / Пер. с фр. И. Окуновой под общ. ред. Б.М. Скуратова // Логос. 2003. № 4—5. С. 4—22; *Он же*. «Искусство государственного управления» // Фуко М. Интеллектуалы и власть. Ч. 2 / Пер. с фр. И. Окуновой под общ. ред. Б.М. Скуратова. М., 2005. С. 183—211. — *Прим. пер.*

(demographicization) национального вопроса, которая началась до Первой мировой войны и оказалась значимым индикатором нового подхода к населению, прочно утвердившемуся, как только война дала возможность опробовать его на практике. Однако как ни важны эти глубокие сдвиги сами по себе, данное исследование в большей степени концентрирует внимание на мерах по национализации, предпринятых царским режимом, и на мобилизации общества, чем на дисциплинарных основаниях властных правоотношений.

Все исследователи, изучавшие последние этапы существования Османской, Габсбургской, Советской и Германской континентальных империй, вынуждены были уделить серьезное внимание межнациональным проблемам, с которыми столкнулись эти многонациональные общества. Достаточно хорошо обосновано, что подъем националистических идей и практик среди основных этнических групп в каждом из этих государств оказался одним из самых серьезных вызовов жизнеспособности имперской политики. Так, мы знаем, сколь важную роль турецкий национализм сыграл в развале Османской империи, в какой мере немецкий и венгерский национализм содействовал гибели империи Габсбургов и как именно русский национализм приблизил распад Советского Союза²². Данное исследование показывает, что некий тип русского национализма имел более важное значение в последние годы существования Российской империи, чем принято считать в историографии²³.

Несмотря на то что кампания против вражеских подданных в значительной мере вобрала в себя русскую националистическую программу, мы увидим, что результатом этого стало не создание русской нации или чувства национальной идентичности, но — совсем наоборот — обострение межэтнических конфликтов по всей империи. Как только государство избрало националистический вариант данной кампании, оно неожиданно обнаружило себя в роли поощрителя процесса, который Марк фон Хаген назвал «мобилизацией этничности»²⁴.

Итак, с одной стороны, воспользовавшись кампанией против вражеских и враждебных подданных, имперское государство вооружилось националистической программой и попыталось более радикально, чем когда-либо, «натянуть небольшую шкуру нации на гигантское тело империи»²⁵. Однако основной для данного исследования является другая, в определенной степени отличная от предыдущей концепция национализации. Она связана с идеями Роджерса Брубейкера, который подчеркивает роль «испытательных полигонов» в межнациональных конфликтах и предполагает, что национализм должен рассматривать-

я скорее не как результат длительного развития различных тенденций, а как «событие», вызывающее «уничтожение смешанных идентичностей ужасной категорической упрощенностью приписываемой им национальности»²⁶. Хотя «события», используемые им для подтверждения своей аргументации, это как минимум — развал империй и появление новых государств, стремившихся стать национальными, все же вполне возможно рассматривать и опыт Первой мировой войны в том же ключе. Данное исследование отвечает на призыв Брубейкера к эмпирическому исследованию «событий», приводящих к «внезапной и всепроникающей национализации общественной и даже частной жизни», когда сама национальность становится «чем-то внезапно сформировавшимся, а не развивающимся постепенно, т.е. выступает как случайная, постоянно колеблющаяся, непрочная структуралистская концепция и основа для индивидуальных и коллективных действий, а вовсе не как сравнительно прочный продукт глубинных тенденций экономического развития, политики или культуры»²⁷. По сути, данное исследование концентрирует внимание на тех аспектах истории государств, которые Джошуа Санборн назвал «мобилизационными событиями» мировой войны: на беспрецедентной мобилизации экономики, а также этнических и политических общностях, составляющих воюющую нацию²⁸.

В той мере, в какой эти установки применимы к военному времени, проблема различных враждебных меньшинств затрагивалась и в исследовательской литературе, пребывавшей в основном в парадигме нация—государство и занимавшейся историей каждой из затронутых национальностей в отдельности²⁹. Однако при подобном подходе сама природа категорий «враждебный иностранец» или «вражеский подданный» вызывает серьезные вопросы. Невозможно написать историю «неприятельского подданного» в России. Как и «беженец», эта категория внезапно появилась лишь в начале войны³⁰. Хотя наиболее влиятельную и многочисленную группу в данной категории составляли немцы, написание истории лишь немецкого меньшинства во время войны не соответствовало бы всей глубине и разнообразию национальных вопросов, возникших вместе с проблемой враждебных подданных. С моей точки зрения, вопрос в целом был гораздо в большей степени проблемой государства, его жизнедеятельности и восприятия войны как «национального события», чем проблемой особого событийного характера в истории немцев, евреев, иностранцев и других этнических меньшинств в России. Именно поэтому композиционное и смысловое ядро данной книги составляет серия исследований конкрет-

ных государственных мер по национализации: конфискации земельных владений и городского имущества, ликвидации предприятий вражеских и враждебных подданных и массовых насильственных переселений. Сосредотачиваясь на предпосылках и осуществлении подобных мер, книга исследует способы, при помощи которых государство оценивало и классифицировало собственное население, деля подданных на сторонников и противников, а также рассматривает попытки государства национализировать имперское общество в целом, манипулируя составлявшими его народами и экономическими факторами.

Глава 1

НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ, ИМПЕРСКИЕ ДИЛЕММЫ

В самом начале войны казалось, что Россия будет твердо придерживаться как традиций международного права, так и своей собственной практики и воздержится от определенных мероприятий против подданных вражеских государств на своей территории. Весьма важный циркуляр Министерства внутренних дел (МВД) от 26 июля 1914 г., направленный всем губернаторам, недвусмысленно устанавливал, что мирные «австрийцы и германцы, находящиеся вне всякого подозрения, могут оставаться в своих местах и пользоваться покровительством наших законов или выехать за границу»¹. В том же ключе выступили и «Русские ведомости», основываясь на анализе российских и международных мер во время предыдущих военных конфликтов и обещая, что права вражеских подданных не будут ограничены: «В отношении подданных неприятельского государства, застигнутых в момент объявления войны на неприятельской территории, никакие меры, которые ухудшали бы их личную или имущественную безопасность, абсолютно недопустимы: они пользуются полной охраной и находятся под покровительством законов страны, как и в мирное время»².

Если первоначальные декларации утверждали, что иностранные подданные будут оставлены в покое, то и первая в России полномасштабная массовая военная мобилизация также сопровождалась дружным хором заявлений с призывами о забвении национальных и социальных различий с целью объединения всего сообщества граждан для общей борьбы. В Высочайшем манифесте об объявлении войны Германии 19 июля 1914 г. царь призывал: «В грозный час испытания да будут забыты внутренние распри. Да укрепится еще теснее единение царя с его народом и да отразит Россия, поднявшаяся, как один человек, дерзкий натиск врага»³. Данная сентенция на всем протяжении

нии войны рефреном повторялась в публикациях и речах государственных и общественных деятелей даже весьма различных политических взглядов.

Происходившее на улицах городов по всей стране лишь усиливало ощущение того, что внутренние разногласия действительно должны быть забыты. 19 июля 1914 г. огромные толпы народа по всей стране собрались на патриотические манифестации в поддержку войны до полной победы⁴. Земства, сельские сходы, общественные клубы и объединения активно слали телеграммы с выражением преданности и полной поддержки объединенных усилий для достижения победы⁵. Печать всего политического спектра неустанно твердила о «невиданном в истории единении всех народов России».

26 июля Государственная Дума собралась на весьма важное пленарное заседание. Один за другим представители различных партий и национальностей империи всходили на трибуну и от имени своих избирателей заявляли о полной поддержке начавшейся войны. Людвиг Люц, представлявший общины немецких колонистов, решительно объявил:

Наступил, господа члены Государственной Думы, час, когда немцы, населяющие Россию, верноподданные Его Величества, сумеют защитить достоинство и честь великого государства и снять то оскорбление, которое могло быть нанесено одним предположением, что русско-подданные немцы могут изменить своему отечеству, чести и достоинства которого они никогда не забудут и никогда его не забывали⁶.

Н.М. Фридман, выступавший как представитель российского еврейства, заявил, что, хотя «в исключительно тяжелых правовых условиях жили и живем мы, евреи, и тем не менее мы всегда чувствовали себя гражданами России и всегда были верными сынами своего отечества». Барон Г.Е. Фелькерзам провозгласил, что прибалтийские немцы, как и ранее, безусловно выполняют свой долг как верноподданные русского царя. Лидеры конституционно-демократической партии официально объявили о прекращении внутривластной борьбы и о полной поддержке правительства и царя в общей битве с внешним врагом. Председатель Санкт-Петербургской городской думы либерал В.Д. Кузьмин-Караваев восторженно заявил, что «среди нас теперь ни национальностей, ни партий, ни различия мнений. Россия предстала перед германизмом как один великий человек»⁷. А либеральная газета «Речь» с торжеством утверждала: «Они ошиблись и поверили глупой клевете о

неспособности русской интеллигенции и народа проявить чувства пламенного патриотизма для защиты чести и достоинства России»⁸.

Подобная всенародная демонстрация верноподданнических чувств, преданности делу общей борьбы с внешним врагом и отказа от конфликтов со своими давними внутренними антагонистами и правительством произвела глубокое впечатление на все общество. Этот момент стал ярким символом и исходной точкой для российского дискурса, разворачивавшегося на протяжении всей войны, чем-то напоминая состояние «гражданского мира» (Burgfrieden) в Германии и «священного единства» (Union Sacrée) во Франции⁹. Как справедливо отметил Джошуа Санборн, мобилизация общества для войны породила настоящее чувство нации и тот самый здоровый национализм, способный, как казалось, преодолеть национальные различия на всей территории империи¹⁰.

Однако с самого начала войны государство столкнулось с определенной дилеммой. Оно желало поощрить патриотические манифестации и выражения воинственного энтузиазма, но при этом так же необходимо было поддерживать порядок. Даже во время этого великого единения нации проявилась и обратная его сторона. 22 июля в Петрограде толпа в несколько тысяч человек проследовала от Зимнего дворца к германскому посольству, по пути разбивая витрины магазинов с немецкими вывесками, а также разгромив немецкий книжный магазин и несколько контор газеты «St. Petersburg Zeitung»¹¹. Придя к посольству, толпа, насчитывавшая по подсчетам полиции уже «несколько десятков тысяч», быстро прорвала полицейское оцепление и принялась громить здание. Не прошло и двух часов, как здание посольства и близлежащая резиденция посла были полностью разгромлены и подожжены¹². Несмотря на энергичные полицейские меры, включавшие запрет на дальнейшие манифестации, следующим вечером большая толпа разгромила еще четыре немецких магазина¹³.

Петроградский градоначальник А.Н. Оболенский запретил любые уличные манифестации с целью предотвратить распространение насилия; подобный приказ был выпущен и в Москве. Даже министр внутренних дел Н.А. Маклаков, имевший устойчивую репутацию воинствующего реакционера, издал секретное распоряжение всем губернаторам и градоначальникам, указывавшее на необходимость сохранения единства страны и призывавшее избегать распоряжений и ситуаций, способных нарушить внутренний мир в империи, включая покушения на жизнь или имущество подданных враждебных государств¹⁴.

На фоне этих событий с участием преимущественно гражданских лиц приказы о мобилизации армии вызвали немалый энтузиазм, а сама мобилизация прошла с меньшими проблемами, чем ожидалось. Это также старательно изображалось как часть великого исторического момента и всеобщего внутреннего единения против внешнего врага. Однако в нескольких городах, куда были собраны новобранцы и резервисты, все же произошли массовые беспорядки. Зачастую они не имели явных причин или целей, по большей части начинаясь с разгрома местных винных и водочных складов и продолжаясь пьяными буйствами и погромами¹⁵. Но в некоторых случаях (особенно яркий пример — события в Барнауле, где одновременно было собрано 20 тыс. призывников) солдаты сознательно выбирали для разгрома магазины и квартиры немецких и других иностранных граждан. Семь иностранных фирм, работавших в Барнауле, понесли совокупный ущерб, исчислявшийся суммой примерно в 200 тыс. руб.¹⁶ Местные власти, включая находившихся на месте командиров формирующихся армейских частей, в течение нескольких часов не могли остановить насилие. Когда пожарные команды пытались тушить подожженные толпой здания, их били и заставляли покинуть место происшествия. В других районах империи, где войска останавливались в пристанционных поселках и городах по пути на фронт, произошел ряд значительных еврейских погромов и других беспорядков, подавленных с немалыми трудностями¹⁷.

Общегосударственная дилемма — поддерживать «патриотизм» или порядок — была практически неразрешима в окраинных областях с преобладанием нерусского населения, особенно в Прибалтийском крае. Народные манифестации в первый месяц войны здесь были частыми, многолюдными и довольно бурными. Латыши и эстонцы оказались вполне готовыми к многолюдным маршам и манифестациям, и полиция с тревогой отмечала, что нередко они были в крайней степени антинемецкими, причем без особого различия между внешним врагом и проживавшими в прибалтийских губерниях немцами. Латвийские и эстонские газеты помещали немало статей, обвинявших местных немцев в измене, а местные власти — в запретах или приостановках подобных «патриотических» демонстраций. Русские имперские власти зачастую не знали, как реагировать на ситуацию, желая продлить изливания патриотических чувств местного населения, но при этом избежать нарастания межнациональной и социальной напряженности, которую подобные манифестации часто провоцировали¹⁸.

Озабоченный докладами об усилении межнациональной вражды, министр внутренних дел послал на место событий ревизора — своего товарища В.Ф. Джунковского, на тот момент успешно делавшего карьеру в МВД. Его отчет о поездке трезво оценивал дилемму властей в Прибалтийском крае. Джунковский писал, что в ходе революции 1905 г. латыши и эстонцы широко участвовали в деятельности революционных партий и поэтому вплоть до июля 1914 г. рассматривались властями в качестве главной угрозы государственному порядку, тогда как прибалтийские немцы, составлявшие большинство высших классов, в основном казались надежным элементом. Война изменила ситуацию. Джунковский докладывал, что патриотический подъем местного населения был действительно силен и выглядел искренним, однако его явная антинемецкая природа вызывала беспокойство. Он делал вывод, что местная немецкая элита не заслуживает прежнего доверия, и подчеркивал необходимость принять меры по противодействию возможной шпионской деятельности местных немцев; он также указывал, что российским властям необходим сбалансированный подход, без явных предпочтений одной из сторон конфликта, могущего перерасти в серьезное межнациональное противостояние. В любом случае приоритетом должно быть сохранение порядка¹⁹.

И в Прибалтийском крае, и по всей империи правительство в начале войны без особых колебаний сделало выбор в пользу порядка. Нападение на германское посольство в Петербурге было сравнительно энергично ликвидировано полицией и войсками гарнизона, которые успешно предотвратили подобную акцию другой толпы, направлявшейся к австрийскому посольству. Жесткие меры были приняты также для предотвращения возможных дальнейших беспорядков в столице. Полиция по всей стране была проинструктирована относительно важности сохранения порядка, и большинство городов отчитались о принятии успешных мер по предотвращению насилия против немцев²⁰.

Однако патриотические манифестации повторялись в течение первого года войны довольно часто, и власти не всегда могли адекватно на них отреагировать. Наблюдались даже крупные спонтанные остановки в работе предприятий с последующими уличными шествиями рабочих с целью отпраздновать новости о любых мало-мальски значительных успехах русской армии в течение первых шести месяцев войны. К подобным манифестациям власти и большинство работодателей относились терпимо, а то и одобрительно²¹.

Таким образом, обычай манифестировать на улицах, чтобы отметить новости с фронта, был установлен с благословения полиции, хотя и невольного. Причем касался он не только побед, но и поражений. 9 октября 1914 г., вскоре после новостей о падении Антверпена, огромная патриотическая манифестация, изначально во главе со студентами Московского университета, прежде всего направилась к сербскому консульству, а затем и к французскому — с целью демонстрации солидарности²². Тем же вечером толпа, по приблизительным подсчетам превышавшая 10 тыс. человек, прошествовала по разным районам Петрограда, разбивая витрины магазинов, владельцами которых считались немцы. Среди наиболее пострадавших оказалась сеть кондитерских магазинов, действительно принадлежавшая немецкой фирме «Эйнем», возглавляемой германскими подданными и ставшей мишенью широкой антинемецкой кампании в печати, а также фирмы «Мандель» и «Циммерман», обе со смешанным русско-немецким капиталом²³.

В течение недели после этого события министр внутренних дел Маклаков в письме Адрианову четко указал, что его предпочтения находятся скорее на стороне порядка, чем хаотических патриотических манифестаций, и сделал градоначальнику строгий выговор за недостаточно энергичные меры по предотвращению или остановке беспорядков²⁴. В особенности Маклаков критиковал Адрианова за то, что тот не наложил запрета на деятельность патриотической организации «За Россию», организовавшей бойкот германских и австрийских фирм. Маклаков четко указывал, что подобные действия никак не согласуются с основными целями организации по поддержанию авторитета Российской империи и ее правительства, а, наоборот, подрывают его²⁵.

Это послание демонстрировало явное желание министра внутренних дел поддержать порядок даже в ущерб патриотическим излишностям. В свете дальнейшей полемики вокруг сомнительной роли Адрианова в последующих майских погромах 1915 г., направленных против граждан враждебных государств, надо отметить, что в действительности последний довольно энергично отреагировал на октябрьские беспорядки, быстро распространив по Москве официальное заявление, в котором он недвусмысленно сформулировал свою позицию:

С глубоким прискорбием я должен сказать, что нашлись люди, не находившие более разумного применения своим силам, чем нападения — в ночное время — на некоторые торговые места, владельцы которых по своим нерусским фамилиям возбуждали ненависть толпы. Пусть же помнит всякий, что на страже интересов родины стоят законные влас-

ти Его Императорского Величества, и не случайному праздному человеку подобает решать вопрос о том, что полезно или вредно для государства, а тем более приводить свое решение тут же в исполнение насильственными, противозаконными мерами. В особенности возмутительно, когда толпа прикрывает свои преступные действия патриотическими песнопениями. Народный гимн — это молитва, а сопровождать молитву безобразием — это кощунство²⁶.

Данное обращение также подчеркивало, что любой участник дальнейших манифестаций будет преследоваться по всей строгости закона. Соответственно, если в начале войны правительство стремилось к «единению с народом» и одобряло патриотические манифестации, то далее стало очевидным, что оно не желало направлять или поощрять подобные акции, если они превращались в беспорядки и погромы.

МАССОВОЕ НАСИЛИЕ И АРМИЯ

Если позиция гражданских властей была изначально вполне ясной в стремлении сохранять правопорядок, то позиция военных — абсолютно иной. Уже в сентябре 1914 г. ряд инцидентов показал, что командование всех уровней поощряет участие солдат в погромах, грабежах и насилии над местным еврейским и другим гражданским населением в прифронтной полосе. Часто местное население собиралось на окраинах городков и поселков с тачками и телегами и вместе с солдатами отправлялось грабить покинутые деревни сразу же после насильственного выселения жителей. Армейское командование редко вмешивалось, а тем более наказывало участников еврейских или немецких погромов на территориях, на которых было объявлено военное положение²⁷. Уже 15 августа 1914 г. варшавский генерал-губернатор, описывая масштабный еврейский погром на подведомственной ему территории, информировал Совет министров о широком распространении среди местного населения слухов о массовых еврейских погромах после войны²⁸. Генерал-губернатор утверждал, что, несмотря на принятие всех возможных предупредительных мер, он совершенно уверен, что участие местного населения в подобных акциях невозможно контролировать, особенно если к ним присоединятся солдаты. Действительно, провоцирующая роль армии ни в коем случае не ограничивалась прифронтными районами и распространялась на всю империю путем опус-

тошительных насильственных выселений, проведением массовых антишпионских кампаний, секвестрованием и конфискацией всех видов имущества.

Армия играла здесь столь важную роль во многом благодаря закону, принятому в первый день войны, который предоставлял широчайшие полномочия военным властям во всех районах, находящихся на военном положении. Это означало, что все военные циркуляры, объявления, распоряжения и приказы становились обязательными для гражданских властей на всей территории под военным управлением, включавшей Польшу, Кавказ, район Петрограда, прибалтийские губернии, Финляндию и обширные районы Центральной Азии и Сибири (см. карту 3)²⁹.

На самом высшем уровне дела сферы гражданского управления координировала Ставка Верховного главнокомандующего. Уже к октябрю 1914 г. стало очевидным, что задачи гражданского управления весьма запутаны и обширны, и поэтому для согласования различных проблемных вопросов, связанных с гражданскими лицами, было создано специальное управление при Ставке (Военно-политическое и гражданское управление при Верховном главнокомандующем). Это учреждение было наделено широкими полномочиями в сфере гражданского управления далеко за линией фронта, и прежде всего это были права по ограничению влияния «неприятельских подданных». Совет министров имел возможность отменять распоряжения Ставки, только заручившись для подобного вмешательства поддержкой самого царя. Одним из самых важных официальных полномочий военных властей по отношению к гражданским лицам было практически неограниченное право высылать всех «подозрительных лиц» или целые группы населения без суда. Более того, военные пользовались практически неограниченным правом реквизиции (т.е. могли официально требовать получения необходимых товаров и имущества с уплатой вознаграждения) и секвестра (конфискации всех видов имущества для государственных или военных нужд без формальной смены собственника)³⁰.

Действующая армия использовала свои немалые возможности для организации масштабной кампании против шпионов, которая частично совпала с мобилизацией общественных сил против вражеских подданных, что имело серьезное влияние на общественное сознание, официальную риторику и направленность всей внутренней политики в течение войны. Обеспокоенность шпионской опасностью быстро росла в последнее десятилетие перед войной не только в обществе, но и сре-

ди профессионалов. Между 1905 и 1914 гг. по всей империи была раскинута обширная сеть разведывательных пунктов, особенно густая в приграничных районах и западных губерниях³¹. В армии твердо решили не допустить повторения того, что считалось полным провалом контрразведки во время русско-японской войны. Поэтому армия и полиция империи уже в 1910 г. приступили к сбору данных о численности и местах проживания иностранных граждан в западных приграничных районах, включая информацию о возможности прохождения ими военной службы в Германии или Австрии³². Уже в мае 1914 г. российская правовая система подготовилась к войне, лишив судебной защиты лиц, заподозренных в шпионаже³³.

По мере нарастания международной напряженности в предшествующие мировой войне несколько лет шпиономания стала не только влиять на деятельность военных и полиции, но и захватывать воображение широких общественных слоев по всей Европе³⁴. Однако в Российской империи общество оказалось в крайней степени охваченным шпиономанией лишь с началом войны. Начальник штаба Ставки Николай Николаевич Янушкевич четко приказал, чтобы и военные и гражданские власти были максимально бдительны и стремились выкорчевать шпионство не только из среды вражеских подданных, но и среди находящихся в русском подданстве немцев и евреев, предлагая денежное вознаграждение за достоверную информацию о тайных телефонных линиях, радиостанциях, сигнализации, подготовке секретных аэродромов или любом подозрительном поведении³⁵. Официальное воззвание, широко распространявшееся в войсках, предупреждало, что любой этнический немец — потенциальный шпион, а военная печать указывала, что подобные предупреждения относятся также и к евреям, и ко всем иностранцам вообще³⁶. Положение о полевом управлении войск предоставило военным властям широкие полномочия для высылки как отдельных лиц, так и весьма свободно определяемых групп, «заподозренных в шпионаже». Никаких доказательств и даже постановления военного суда для подобных депортаций не требовалось; как мы увидим, военные власти широко пользовались столь щедро предоставленными полномочиями³⁷.

Янушкевич множеством различных способов доказал свое первенство в роли главного вдохновителя целого ряда кампаний против шпионов и вражеских подданных. Несколько членов Совета министров позднее подтверждали, что Янушкевич был одержим идеей тотального изменничества, и как его действия, так и переписка подтверждают

твердую уверенность начальника штаба Ставки в том, что евреи, немцы и вообще все поголовно враждебные подданные — предатели и против деятельности этих «внутренних врагов» должны быть приняты строгие предупредительные меры, включая массовые выселения³⁸.

Более того, среди армейского командования Янушкевич был в своих взглядах далеко не одинок. Не менее важно, что его непосредственный начальник, Верховный главнокомандующий вел. кн. Николай Николаевич, разделял многие приоритеты своего начальника штаба и лично поддерживал командующего Петроградским военным округом Михаила Дмитриевича Бонч-Бруевича, одного из самых агрессивных исполнителей кампаний против шпионов и вражеских подданных (а позже — одного из виднейших командиров большевистской Красной Армии и деятелей советского военного образования). Формально власть Бонч-Бруевича распространялась только на район Петрограда, балтийское побережье и Финляндию. На практике же великий князь неофициально наделил его особыми секретными полномочиями по руководству преследованием шпионов по всей империи и приказал быть его особо уполномоченным по вопросам арестов и высылки «подозрительных» подданных вражеских государств и российско-подданных немцев³⁹.

В охоту на шпионов оказалась вовлечена не только армия. Нет оснований сомневаться в том, что шпиономания быстро охватила все общество и вызвала целый девятый вал статей в периодической печати. Периодические скандалы, раздуваемые в прессе, весьма серьезно подогревали общественное недоверие к гражданам враждебных государств. Армейские газеты, журналы и издаваемые Военным министерством брошюры содержали массу страшных выдуманных историй о предателях среди немцев, евреев, мусульман и т.д. Например, в конце декабря 1914 г. «Новое время» опубликовало статью, утверждавшую, что немецкие «колонисты», проживавшие в районе города Аккерман в южной Бессарабии, приютили и прячут в своих домах вражеский десант, состоящий из пяти турок и немцев, переодетых турками⁴⁰. Статья подробно повествовала о том, как местные немецкие общины скрывали вражеских солдат от властей и даже устроили праздничный обед в их честь. Статья произвела сенсацию, и в качестве ответных действий МВД дало указание начать расследование. Вся история оказалась сплошным вымыслом, и месяц спустя «Новому времени» было приказано напечатать опровержение⁴¹. Однако уже в течение этого месяца начались массовые выселения немцев из западных и южных районов

империи под влиянием подозрений и обвинений в измене — враждебной атмосферы, созданной отчасти и «аккерманской эпопеей».

В апреле 1915 г. полковник С.Н. Мясоедов был в спешном порядке осужден военным судом и казнен за шпионаж после громкого скандала в печати, подробно освещавшей все данное дело. Многие историки, заново исследовавшие все обстоятельства и материалы дела, пришли к выводу, что он был практически наверняка невиновен⁴². Тем не менее «дело Мясоедова» привело к волне арестов его коллег и других лиц, обвиненных в шпионаже. Данное дело было лишь одним из массы примеров того, как обвинения в шпионстве и измене становились основной частью текущего политического дискурса. Подобные обвинения нередко были направлены и на известных лиц, носивших немецкие фамилии. В январе 1915 г. поражения на Северном фронте вызвали распространение слухов об измене командующего 10-й армией генерала В.Ф. Сиверса и его начальника штаба Будберга, что чуть не довело их до военного суда⁴³. Генерал П.К. Ренненкампф был уволен из армии после неудачи осенней кампании 1914 г. в Восточной Пруссии, а также в свете распространившихся слухов и начала официального расследования в связи с обвинениями в измене. Хотя расследование выявило полную невиновность генерала, его результаты не были опубликованы по причинам полной убежденности общественного мнения не только в виновности Ренненкампфа, но и в том, что другие члены «немецкой партии» в правящих сферах покрывают его⁴⁴. Слухи и рассказы об измене быстро стали основной чертой российского политического пейзажа. Представители властей и вольные публицисты предпочли превратить кампанию против шпионажа в массовую шпиономанию, воплотившуюся в преследовании целых категорий населения империи.

Приемы российской периодической печати в известной мере повлияли на взрывоопасный характер некоторых шпионских скандалов и вообще способствовали нарастанию угарно-патриотической и шовинистической волны во время войны. В течение первой недели войны власти закрыли целый ряд критически настроенных по отношению к войне органов печати (в большинстве своем — социалистических), однако субсидировали и поощряли все «патриотические» газеты и отдельные статьи, даже если они открыто провоцировали враждебность к представителям национальных меньшинств внутри империи⁴⁵. Это говорит о том, что цензурные органы вполне могли и перестараться. Кампании против вражеских подданных в печати были обычным яв-

лением практически для всех воюющих стран, причем в ряде случаев с гораздо менее строгой военной цензурой. В России даже наиболее терпимые и прогрессивные массовые газеты, как, например, «Газета-копейка», издатель которой до войны ставил своей целью способствовать развитию терпимости, образования и просвещения народных масс, внезапно перешли на весьма своеобразную позицию по убеждению своих читателей в выгодах войны и необходимости мобилизации низших классов общества против врага. Основной задачей цензуры в этом вопросе стало препятствование открытому выражению взглядов немногих противников насильственных мер, применяемых к вражеским подданным⁴⁶.

ЛИБЕРАЛЬНЫЕ И НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРОГРАММЫ И ОРГАНИЗАЦИИ

В то время как армия и периодическая печать старались достойно ответить на призыв правительства к бдительности по отношению к враждебным национальным меньшинствам, политические партии и общественные организации также формировали серьезные националистические программы, причем в самых различных вариантах. Одна из наиболее важных проблем была сформулирована либералами и рядом представителей умеренных кругов, рассматривавших «прекращение внутренних распрей» и объединение всех народов России против общего врага в рамках собственной системы политических взглядов. Для лидера конституционно-демократической партии (кадетов) П.Н. Милюкова русская нация определялась не этническими или конфессиональными признаками, а гражданством⁴⁷. Для него и большинства либералов консолидация и уравнивание как в обязанностях (военная служба), так и в правах всех граждан были центральной идеей воюющей нации. Многие в политических устремлениях либералов может рассматриваться как часть усилий по созданию современного сообщества граждан, и многие либералы стремились к тем же целям, что и якобинцы в период Французской революции, определявшие свою цель так: «Гарантировать равенство граждан и объединить всю нацию в восторженной преданности республике»⁴⁸. Естественно, основная проблема здесь заключалась в том, что Россия была не республикой, а квазиконституционной монархией. Российскую империю пока никак нельзя было назвать страной, населенной в полном смысле граждана-

ми, осознающими свое гражданство, потому что перед лицом закона индивидуумы по-прежнему более зависели от своей сословной и профессиональной принадлежности. Однако в начале войны многие либералы надеялись, что царь и правительство предоставят больше прав и простора для вовлечения всего общества в то, что довольно быстро стало именоваться «народной войной». Действительно, согласно концепции либералов, народная война требовала если не провозглашения республики, то по крайней мере укрепления осознания гражданства — другими словами, расширения круга прав, наряду с обязанностями. С этой точки зрения в мировом масштабе война выглядела как противоборство общностей граждан (или, в случае с Россией, формирующегося общества).

Это объясняет, почему либералы далеко не всегда выступали против мер, направленных против *граждан* вражеских государств. На самом деле идея освобождения России от германского торгового и финансового капитала была популярна среди многих кадетов. Пока подобные меры не затрагивали российских подданных, они могли считаться частью «здорового русского национализма», активно взыскуемого видными либеральными мыслителями в течение войны⁴⁹. Более того, многие кадеты во время войны поддерживали меры по отмене «привилегий» прибалтийских немцев, поскольку в этом можно было усмотреть шаги по направлению к установлению равенства прав и обязанностей, присущего универсальному гражданству⁵⁰.

Июль 1914 г. стал знаковым для либералов: идеализированный момент возможного создания гражданского и национального единства, укрепление универсальной гражданственности, создание «воюющей нации»... Таким образом, поддержка либералами правительства, военных усилий и даже мер против вражеских подданных может рассматриваться как предложенная на условиях «национализации» империи — в смысле консолидации государства, основанного на гражданском национализме и ограниченного гражданственностью.

ПРАВЫЕ ПАРТИИ

Если либералы призывали к национализации государства по образцу национальной гражданственности Французской революции, то члены фракции правых Государственной Думы и крайне правых организаций стремились к совершенно другой «национализации». Правая

агитация против евреев, поляков, немцев, вообще иностранцев и других «инородцев» имела солидную довоенную историю. Война, естественно, привела к усилению этой риторики; она также трансформировала структурные взаимоотношения как своих, так и иностранных врагов и союзников в представлении правых.

Например, в предвоенные годы среди правых политиков не было полного согласия в том, стоит ли включать немцев в список подозрительных национальных меньшинств. Многие из них разделяли то мнение, что немецкие колонисты являются опорой самодержавия в деревне, что прибалтийские немцы более лояльны и достойны доверия, чем представители меньших этнических групп — эстонцы, латыши и литовцы, а союз с Германией более соответствует консервативно-монархическим принципам Российской империи, чем союз с республиканской Францией и демократизированной Великобританией⁵¹. Подобная консервативная ориентация во внешней политике часто открыто называлась «прогерманской»⁵². Рост напряженности в отношениях с Германией и Австрией вынудил многих правых политиков перейти на позиции открытой враждебности к российским немцам. Однако германофильская ориентация по-прежнему имела влиятельных сторонников даже накануне войны. Характерно, что именно бывший министр внутренних дел П.Н. Дурново в феврале 1914 г. направил царю пророческую записку, в которой утверждал, что война с Германией приведет к серьезному общественному недовольству и падению режима. Он настаивал, что многие немцы верно служат царю и, в отличие от других иностранных инвесторов, постоянно живут в России, становясь вместе со своими предприятиями частью народного хозяйства, а враждебное отношение к ним лишь подрывает государственную власть⁵³.

Однако как только началась война, подобные речи никто более не желал слушать. Война вызвала буквально взрыв энергии правых, а также целый шквал обращений к царю, исходивший от вновь созданных в первую неделю войны отделений различных правых организаций⁵⁴. Многие из них призывали самодержца и весь народ к решительной борьбе против всех внутренних врагов. Если либералы надеялись достичь единства путем создания универсальной гражданственности, то многие правые выражали противоположный взгляд. Их идеалом стала сравнительно небольшая народная общность, сплотившаяся вокруг русского национального ядра и объединяющая всех ей сочувствующих в общей борьбе как с внешними, так и с внутренними врагами⁵⁵. Основными внутренними врагами перед войной считались поляки и

евреи, поэтому с ее началом и немцы в правых декларациях и агитации в печати закономерно и оперативно были зачислены во вражеский лагерь и стали предметом особого внимания⁵⁶. Для крайне правых организаций, таких как Союз русского народа и его печатный орган «Русское знамя», традиционная антисемитская и полонофобская риторика была просто и цинично перенацелена на новую, германофобскую тему. Часто немцы и евреи числились партнерами в тайных сговорах с целью саботажа, финансового господства и шпионажа. Вскоре после начала войны «Русское знамя» стало раздувать вопрос о том, что главные враги России — внутренние, и прежде всего это «жиды», немцы, поляки и иностранное засилье, что во многом совпадало в подобном контексте с отрицанием в широком смысле агентов модернизации, коммерциализации, посредничества и т.п.⁵⁷ Весьма распространенной темой, которую столь любил развивать в своих речах лидер думской фракции правых А.Н. Хвостов, были тайные заговоры и засилье международной олигархии в банковском деле, финансах и международной торговле, возглавляемой евреями и вообще иностранцами. Когда в сентябре 1915 г. он был назначен министром внутренних дел, подобные идеи стали основанием и для государственной политики⁵⁸. Лидер одной из наиболее крайних правых групп А.И. Дубровин выразил свои взгляды в записке, направленной царю в мае 1915 г., где он утверждал, что основной внутривластной проблемой России стало «немецкое засилье». В качестве мер борьбы с этим злом он предлагал царю выслать $\frac{9}{10}$ прибалтийских немцев, а заодно и евреев, в Якутию, запретить лицам немецкого происхождения (независимо от гражданства) занимать какие бы то ни было посты на государственной службе, конфисковать земельные владения немецких «колонистов» и прибалтийских немцев и оставить в силе все ограничения для евреев⁵⁹. Крайне правый Русский монархический союз формулировал концепцию своей роли в войне довольно лаконично: мол, «коренники» (коренные русские) должны объединиться вокруг царя и православной церкви и в неустанной борьбе с внутренними врагами⁶⁰. Наиболее поразительно не то, что подобные мнения существовали, а то, что режим, в полном противоречии с декларативно поддерживаемой темой патриотического единения всего населения в общей борьбе, не только позволял вести в печати злобно-клеветническую агитацию против национальных меньшинств, но даже поддерживал и субсидировал подобные шовинистические группы и их печатные органы⁶¹.

ВСЕРОССИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОЮЗ

Партия русских националистов была более серьезной и массовой организацией, чем Союз русского народа или фракция правых Государственной Думы, и пользовалась до определенной степени более широкой и активной поддержкой населения. Она сосредоточила свои усилия на более конкретном предмете — кампании против вражеских подданных⁶². Члены партии присоединились к общему патриотическому порыву в начале войны и «быстро забыли свои внутренние разногласия и равно присущее всем членам партии недовольство правительством», которое никак не желало принять на вооружение программу русских националистов. 21 июля Всероссийский национальный клуб распространил заявление с призывом прекратить все внутренние распри и объединиться с правительством и всем обществом в борьбе против внешнего врага⁶³.

Партия националистов получала большую часть поддержки из юго-западных губерний, где главной проблемой до войны была борьба с «польским засильем». Теперь же империя стремилась заручиться поддержкой поляков в войне, которая в значительной мере шла на польской земле. Лишенная своего традиционного внутреннего врага, партия с энтузиазмом перешла к вопросу о немецком и вообще иностранном влиянии.

Хотя партия националистов поддерживала данную кампанию во всех деталях, свои усилия она сконцентрировала на проблеме земельных владений немецких колонистов, довольно обширных и многочисленных в юго-западных губерниях. Данный вопрос поднимался и активно обсуждался в рядах партии еще до войны, причем как среди дворянства, так и среди крестьян; его решение предполагало усиление русского и украинского крестьянского землевладения за счет немецкого, и при этом без всяких материальных жертв со стороны помещиков.

В своих статьях и речах националисты часто осуждали существующее бюрократическое государство как неспособное и не желающее взять на вооружение истинно русский национальный курс и, следовательно, неспособное вступить в масштабную схватку с иностранным засильем. Согласно одной из агитационных брошюр партии националистов, правительство никогда не справится с данной задачей, поскольку так называемые «русские» (а на самом деле тевтонские) элементы бюрократии готовы уничтожить последние остатки здорового национализма в стране⁶⁴. Правые и националисты объединились в предъяв-

ленном правительству весьма серьезном требовании — преобразоваться в националистическое правительство, стоящее во главе очищенного от иностранных влияний государства. Этот вызов излагался неровным, довольно эмоциональным тоном, да еще и с тем подтекстом, что неспособность государства справиться с задачей будет расцениваться не иначе как измена.

Но главной движущей силой кампании против вражеских подданных в большинстве случаев были не традиционные правые монархические или русские национальные организации и группы, а мощная кампания в печати и всенародное движение, привлекавшее в свои ряды видных сторонников из общественных кругов широкого политического спектра, от крайне правых до умеренных либералов. Если крайние правые валили в одну кучу агитацию против евреев, социалистов, либералов и т.д. и приправляли все это агитацией против вражеских подданных, то более широкое движение уделяло особое внимание важнейшей теме из раздела о враждебных иностранцах: различным группам этнических немцев, проживавших в империи. Наиболее важными из всех аспектов мобилизации против вражеских подданных была «внутренняя германская угроза», захватившая общественное воображение и создавшая дискуссионное поле огромного напряжения.

Издатель влиятельной и массовой консервативной газеты «Новое время» Борис Суворин задал тон кампании в печати, ведущейся под лозунгом «борьбы с немецким засильем». Его передовицы высмеивали то представление, что к русским немцам нужно относиться лучше, чем к германским подданным, и предлагали убрать немцев со всех ответственных постов, особенно в административной сфере, даже если они их занимали «сто лет»⁶⁵. В течение первых месяцев войны «Новое время» ежедневно помещало в среднем по две статьи о немцах, проживающих на территории империи, и данная кампания продолжалась в течение всей войны. Это был буквально поток публикаций, обвинявших немецкое меньшинство в шпионаже, расселении на русской земле согласно заранее составленному германскому колонизационному плану, захвате всех значительных постов в экономике, угнетении русских рабочих и открытых симпатиях к врагу.

Поворот «Нового времени» против «внутренних немцев» и его резкая критика правительства в данном вопросе четко отражали то, что Дэвид Костелло назвал «консервативной дилеммой» этой газеты, а можно добавить, и режима в целом. Беря на вооружение русскую националистическую программу по отношению к вражеским подданным

и иным проблемам, «Новое время» исподволь, а иногда и напрямую подвергало сомнению легитимность имперской монархической системы. Редакторы прекрасно осознавали данную дилемму до 1914 г. и часто довольно неуклюже осаживали русофильствующих публицистов. Однако с началом войны газета бросила все силы на поддержку кампании против вражеских подданных и часто остро критиковала правительство при любых признаках сдержанности в мерах против враждебных инородцев⁶⁶.

НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ ИМПЕРСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

Один из явных и серьезных националистических вызовов имперскому государству исходил от сторонников идеи сделать экономику менее космополитичной и более национальной, т.е. более «русской». Наиболее активные сторонники данной идеи нашлись в русских деловых кругах, особенно в Московском купеческом обществе, которое уже давно поддерживало программу экономического национализма с сильным ксенофобским оттенком. Если до войны подобная агитация в поддержку русской коммерции и русских предпринимателей в противовес иностранцам не встречала сочувствия или поддержки у бюрократии, то война внезапно изменила ситуацию, выдвинув новые, эмоционально насыщенные патриотические аргументы⁶⁷. Уже в последние предвоенные годы, во время балканского кризиса, Московское купеческое общество использовало международную ситуацию для пропагандирования своей внутривнутриполитической программы. В 1913 г. оно профинансировало публикацию полного списка всех австрийских и германских подданных (а также иммигрантов из этих двух стран), ставших российскими подданными три и менее поколения назад, и призвало бойкотировать их предприятия и товары⁶⁸.

Московское купеческое общество энергично возобновило свой бойкот австрийских и германских фирм вскоре после объявления войны в 1914 г., и источники, повествующие об организации данной акции, указывают на значительный общественный интерес и охотное участие в ней⁶⁹. Вскоре была сочинена декларация принципов и список мер, необходимых для «борьбы с немецким засильем» и для создания «истинно русской» экономики, которые общество разослало другим торгово-промышленным организациям империи и солдатам действующей армии⁷⁰. Общество вело обширную переписку с купеческими организациями по всей империи и помогало им организовывать подоб-

ные бойкоты в Нижнем Новгороде, Костроме, Ярославле и других городах⁷¹. Бойкотировались вовсе не импортируемые товары (с началом войны весь импорт из Германии был прекращен), а произведенные внутри России и российскими подданными, но немецкого происхождения. Московские торгово-промышленные группы пропагандировали «борьбу с немецким засильем» не только усилиями Московского купеческого общества, но и при помощи выпуска брошюр и периодических изданий, посвященных данной проблеме⁷².

На общенациональной политической сцене кампанию громогласно и постоянно поддерживала Прогрессивная партия, пользовавшаяся особой популярностью у русских предпринимателей Москвы. Вскоре после начала войны член этой партии, московский городской голова М.В. Челноков, при мощной поддержке московской печати лично возглавил поход против компании «Общество электрического освещения 1886 года» — основного городского поставщика электроэнергии. Он утверждал, что она контролируется немцами и должна перейти под управление городских властей⁷³.

Важно отметить, что московское купечество и партия прогрессистов ни в коем случае не собирались ограничиваться пределами Москвы или чисто экономическими проблемами и вполне сознательно выстраивали свои аргументы по вопросам освобождения России от немецкого и иностранного влияния именно как требования всей русской нации. Исходя из подобных убеждений, они проявили живой интерес к дальнейшему успешному развитию мероприятий, направленных против вражеских подданных по всей стране и во всех сферах — землевладении, культуре и образовании, не говоря уже о проблемах, подобных межнациональным трениям в Прибалтийском крае. Единодушие на почве полной поддержки полномасштабной борьбы с немецким засильем в экономике росло по мере того, как война затягивалась. Например, в сентябре 1914 г. лидер умеренной партии «Союз 17 октября» (октябристов) Александр Иванович Гучков протестовал против бойкота немецких товаров «только потому, что они немецкие». Однако к маю 1915 г. он и его партия уже были в значительной степени убеждены в необходимости всесторонней борьбы с немецким экономическим влиянием и полностью поддержали бойкот⁷⁴.

Националистическая экономическая программа Московского купеческого общества нашла особенно сильную поддержку у ряда общественных организаций, появившихся во время войны. Наиболее активной из последних было «Общество 1914 года: Борьба с немецким

засильем», основанное в декабре 1914 г. и к 1916 г. выросшее из небольшой петроградской группы в сравнительно крупную организацию с шестью тысячами активных членов и девятнадцатью отделениями по всей стране⁷⁵.

Многие из основателей и руководителей общества, включая его первого председателя Михаила Александровича Караулова (депутата Думы и члена партии прогрессистов), были представителями кадетской и прогрессивной партий и потому настойчиво отделяли себя от правых, отвергая практику погромов и насилия. В члены общества входило немало средних и мелких предпринимателей, что заставляло общество сосредоточиться на экономических аспектах кампании борьбы с «немецким засильем». Однако оно не собиралось ограничиваться экономическими проблемами и формировало комиссии для разработки всех аспектов кампании, включая торговлю и промышленность, защиту потребителей, образование и землевладение. Принятый при основании общества устав очерчивал его цели в широком смысле как «поставившего своей задачей содействие самостоятельному развитию производительных и творческих сил России, ее познанию, просвещению и освобождению русской духовной и общественной жизни, промышленности и торговли от немецкого засилья»⁷⁶.

Прежде всего общество занялось лоббированием своих идей во властных структурах и распространением их в народе. Оно оплачивало различного рода публикации и общедоступные лекции с целью поднять уровень осознания немецкого влияния, а также, наряду с подчеркиванием проблем общенационального масштаба, расследовало и раздувало страсти вокруг специфических местных вопросов. Например, одно местное отделение общества целиком посвятило свое очередное собрание обсуждению того, что свечи для местной церкви поставляет этнический немец⁷⁷. Публикации общества содержали множество горьких сетований в адрес правительства за его «антинациональную» политику и нежелание полностью принять истинно патриотическую программу⁷⁸. Правительство, в свою очередь, в течение первого года войны держало осмотрительную дистанцию по отношению к данной организации. Полиция не позволила ей расклеивать свои агитационные плакаты в Петрограде и восприняла публикации общества с призывами расправиться с носителями немецких фамилий в государственном аппарате как особое правонарушение⁷⁹.

Согласно его первому годовому отчету, «Общество 1914 года» потратило немало времени на своих собраниях на обсуждение проблемы

«государственного национализма». В войне общество видело шанс для правительства наконец взять на вооружение истинно русскую националистическую экономическую программу, с помощью которой можно не только надолго избавиться от вражеских подданных, но и выдвинуть на их место русских, причем, что особенно важно, — владельцев малых и средних предприятий. Эта форма экономического национализма во многом напоминала взгляды московского купечества, утверждавшего, что Россия превратилась в колонию немецкого и вообще иностранного капитала и потому тем более необходима масштабная кампания по созданию независимой России⁸⁰. В основном эта аргументация строилась на том, что мировая экономическая система воспроизводит неравенство среди государств, и российской державе необходимо порвать с такой системой с целью высвободить собственный производственный потенциал. Таким образом, общество представляло войну как возможность осуществить далекоидущие планы, а его программа в конечном счете подразумевала снижение значимости иностранного (и не только немецкого) фактора вообще, замену импорта товарами собственного производства и создание самодостаточного сильного национального государства.

Эта программа, обойденная молчанием во всех крупных работах по истории русской революции, представляла серьезную опасность для старого режима. Перед нами наиболее ясная, последовательная и динамичная программа русского национализма, появившаяся в поздней имперской России, а ее основополагающие идеи импонировали весьма многим представителям всего российского политического спектра. Хотя обиды от экономических притеснений играли определенную роль в кампаниях против граждан враждебных стран в Великобритании, Франции и других мононациональных государствах, данная проблема нигде не достигала такой остроты и значимости, как в России. Как и в случае националистической мобилизации в Турции против «иностранцев» — армян, греков и других представителей иностранных коммерческих диаспор, а также в китайском национальном движении против иностранцев и зарубежных товаров, глубинный националистический вызов имперскому статус-кво основательно подпитывался ощущением, что и международная экономика, и многонациональное местное хозяйство ставят коренную нацию в положение эксплуатируемой и нуждающейся в освобождении. Преобладание подобных настроений создавало напряженную атмосферу и породило бурю, разыгравшуюся в мае 1915 г. на улицах Москвы.

Глава 2

МОСКОВСКИЕ БЕСПОРЯДКИ И ДРУГИЕ НАРОДНЫЕ ВОЛНЕНИЯ

Общество и армия продолжали оказывать все нарастающее давление на правительство, также по ряду причин остававшееся заинтересованным в расширении кампании против вражеских подданных, несмотря на угрозу развала экономики, подрыва внутреннего единства и нарастания межнациональных конфликтов. Вспышка насилия, направленного против вражеских подданных, в мае 1915 г. в Москве указала на возможность возникновения массовых беспорядков как закономерного следствия шовинистической кампании. Наиболее распространенное объяснение причин майских беспорядков занимавшимися данной темой специалистами, как в тот период, так и впоследствии, заключается в том, что правительство цинично манипулировало народными настроениями и даже провоцировало выступления. Однако более внимательный взгляд на события показывает, что представители власти ясно осознавали проблему, с которой столкнулись в период военного кризиса, и видели вероятность полного выхода ситуации из-под контроля, что могло привести к быстрому краху имперского государства. Несмотря на свою осведомленность, царский режим, вместо того чтобы притушить кампанию против вражеских подданных, решил еще более ее раздуть в попытке удовлетворить общественное мнение (т.е. то, что под ним понимала власть).

Ранним утром 26 мая 1915 г. около ста женщин, большинство из которых были женами и вдовами низших чинов, собрались на Тверской улице в Москве для того, чтобы получить от Комитета вел. кн. Елизаветы Федоровны свою еженедельную работу — шитье для армии. Однако им было объявлено, что в этот день работы не будет из-за отсутствия пошивочного материала. Некоторые женщины начали плакать, другие принялись кричать на сделавшего объявление чиновника, заявляя, что «немка» великая княгиня отдала все заказы «немецкой» швейной фабрике «Мандль»¹. Толпа быстро увеличилась до нескольких сот

человек, и испуганный чиновник закрылся внутри здания Комитета. Кто-то из толпы предложил прорваться в здание, но в этот момент прибыла полиция и постаралась успокоить народ, предложив желающим обратиться с жалобой к Феликсу Феликсовичу Юсупову, недавно назначенному «главноначальствующим над Москвой». Юсупов — глава одной из самых богатых аристократических семей в России, отец убийцы Распутина и один из наиболее активных сторонников принятия радикальных мер против вражеских подданных — лично принял жалобы и уверил толпу, что рассмотрит дело. После этого народ разошелся².

В другой части Москвы, также днем, рабочие ситценабивной мануфактуры Гюбнера объявили забастовку, заявив, что не вернутся на рабочие места до тех пор, пока администрация не уволит всех служащих-эльзасцев³. (По просьбе французского посольства все выходцы из Эльзаса и Лотарингии были объявлены находящимися под покровительством Франции и избежали воздействия большинства репрессивных законов о вражеских подданных⁴.) Полторы тысячи рабочих вышли на забастовку с требованием уволить с фабрики всех немцев, граждан враждебных государств и эльзасцев⁵. В шесть часов вечера они собрались в районе главного корпуса мануфактуры с государственными флагами и портретами царя. Под звуки национального гимна и выкрики «Долой немцев!» рабочие направились к близлежащему оружейному заводу Прохорова, где в результате недавнего взрыва и вспышки холеры сильно возросло недовольство среди рабочих. Жандармские отчеты указывали, что рабочие считают взрыв результатом действий немецких саботажников, а причиной вспышки холеры — отравление водозаборов завода теми же немцами. Рабочие мануфактуры Гюбнера попытались прорваться на завод, чтобы работники Прохорова смогли присоединиться к манифестации, но полиции удалось этого не допустить. В течение часа толпа разошлась, и события этого дня подошли к концу⁶.

Утром 27 мая рабочие Гюбнера снова собрались с национальными флагами, патриотическими лозунгами и портретами и направились к заводу Прохорова. К ним присоединились рабочие фабрики Рябова, и вместе они решили двинуться к заводу Цинделя. Придя на место, манифестанты потребовали впустить их на территорию предприятия, чтобы проверить, не осталось ли там еще не высланных немецких рабочих. Управляющий Карлсен, российский подданный шведского происхождения, согласился впустить на территорию завода лишь не-

скольких выборных из толпы. Но рабочие силой открыли ворота, ворвались на фабрику, громя все на своем пути, и сильно избили Карлсена. Затем они оттащили управляющего к реке и бросили его в воду на виду у собравшейся там огромной толпы, кричавшей: «Бей немца!» Горстка полицейских попыталась спасти жертву от толпы, продолжавшей кидать в него камнями. Двое полицейских подвели Карлсена к ближайшей лодке и оттолкнули ее от берега в попытке спасти его. В этот момент прибежала дочь управляющего, медсестра; она упала перед толпой на колени и молила сохранить жизнь отцу. Полицеймейстер Мицкевич присоединился к ее мольбам, но народ продолжал бросать камни до тех пор, пока лодка не наполнилась водой и Карлсен не утонул⁷.

Тем временем часть толпы двинулась к фабрике по изготовлению обувного крема «Жако и Ко» и разгромила большую ее часть, включая квартиры двух ее управляющих, граждан Франции, отсутствовавших на месте, поскольку они были призваны во французскую армию. Четверо рабочих немецкого происхождения были схвачены толпой, но полиция смогла их спасти под предлогом ареста. Позже полиция использовала тот же прием для спасения германского подданного Вебера, владельца шерстяной фабрики и сталелитейного завода Винтера. Вебер, его жена и один из мастеров завода были избиты до полусмерти к моменту, когда подошла полиция. Конная полиция арестовала 63 погромщика и была вынуждена использовать нагайки, чтобы разогнать толпу, бросавшую в полицейских камнями⁸.

На фабрике Шрадера был жестоко избит ее директор — Роберт Шрадер. Прибывшие полицейские под предводительством московского полицмейстера едва успели оттеснить толпу и увезти жертву самосуда, заявив, что «забирают его в участок». Однако уже у здания полицейской части толпа вырвала его у конвойных полицейских и жестоко избила. Конная полиция снова вынуждена была разгонять народ нагайками⁹.

В то же время еще одна толпа ворвалась в квартиру немца Янсона, управляющего делами фирмы Шрадера (который к тому моменту был уже интернирован как немецкий гражданин), а также в соседнюю квартиру Бетти Энгельс, где нашли приют жена Янсона Эмилия, его сестра Конкордия (подданная Голландии) и тетя Эмилия Штолль (подданная Германии). Погромщики бросили Бетти и Конкордию в дренажную канаву и утопили их. Эмилия Янсон была избита до смерти на месте, а семидесятилетняя Эмилия Штолль позднее умерла от полученных ран в больнице. Квартира была подожжена, а прибывшим на место пожар-

ным не давали подойти к огню; их тоже избивали. Полицейские, попытавшиеся вытащить трупы, также были избиты¹⁰.

В тот вечер градоначальник А.А. Адрианов объехал самые опасные районы города, охваченные беспорядками, и приказал конной полиции разогнать толпы нагайками. После этого он поехал в дом Юсупова на совещание с командующим Московским военным округом генералом Н.Н. Оболешевым, губернатором И.Н. Муравьевым, вице-губернатором Устиновым и прокурором города Тверским. Адрианов доложил, что «патриотические настроения» среди народа доминируют и что пока еще возможно успокоить толпу уговорами. Он назвал происходящее «обычными уличными беспорядками», которые уже подходят к концу, и считал, что события дня не перерастут в массовые погромы, а жесткие административные меры против вражеских подданных удовлетворят население. После совещания Адрианов издал распоряжение, предписывающее уволить всех немецких рабочих и служащих со всех предприятий города, а также увеличить силы полиции во всех заводских районах. Он остался непреклонным в своем мнении о недопустимости использования оружия для разгона «патриотических» манифестаций¹¹.

Тем вечером особых происшествий более не случилось, однако ранним утром следующего дня (28 мая) толпы народа начали собираться в промышленном районе Замоскворечья. Рабочие разных заводов присоединились к толпе, которая с флагами и портретами царя, с пением национального гимна двигалась к мосту, ведущему в Кремль, направляясь на Красную площадь, по пути громя конторы немецких фирм и квартиры германских подданных. Рабочие и молодежь со всех частей Москвы начали собираться на Красной площади; к двум часам дня вся площадь была заполнена народом, и вскоре начался настоящий погром¹².

Первыми магазинами, подвергшимися нападению, были те же, что уже послужили целями погромщиков во время мелких выступлений против вражеских подданных в октябре 1914 г. — кондитерские и розничные магазины фирм «Эйнем» и «Циндель». Однако в течение часа не только немецкие, но и вообще все магазины с иностранными названиями подверглись нападению. К пяти часам вечера хаос охватил весь центр города. Русские магазины грабили наравне с иностранными. Погром быстро распространился на другие части Москвы, и к семи часам вечера весь город был охвачен беспорядками. Магазины и квартиры поджигались после полного разграбления. Вскоре на Красной площади образовался импровизированный рынок, на котором

можно было купить яйца Фаберже и золотые часы Мозера по 5 руб. за штуку. Повозки и телеги, полные награбленного, открыто передвигались по улицам. Награбленные в Москве вещи на следующий день появились в соседних деревнях и даже в таких сравнительно отдаленных городах, как Рязань, Тула и Ярославль. Погром продолжался до глубокой ночи¹³.

В 11 часов вечера того же дня Московская городская дума потребовала официальных докладов Адрианова и Юсупова для объяснения бездействия полиции. Последние были вынуждены прибыть на ночное заседание, где их ожидало многолюдное собрание гласных, настроенное дерзко и агрессивно¹⁴. Избранный голосами либеральной части гласных городской голова М.В. Челноков сразу начал с гневной критики городских властей и полиции за бездействие, намекая на одобрение ими погромов. Юсупов в ответном выступлении явно не смог опровергнуть подобные подозрения; он говорил о повсеместном засилии немцев и о чинимых из Петербурга препятствиях его попыткам бороться с этим. Он также заявил, что не может «за десять дней» преодолеть десятимесячное бездействие властей до его назначения.

Адрианов отказался говорить. Однако его помощник Севенард открыто заявил, что полиция была слишком малочисленна и при вмешательстве могла быть легко рассеяна погромщиками. Более того, он весьма показательно утверждал, что войска московского гарнизона ненадежны и с большой вероятностью могут присоединиться к восставшим, если им прикажут выйти на улицы. Услышав это, командующий гарнизоном Оболевешев поднялся и негодуя объявил, что он не потерпит таких клеветнических заявлений, что его войска вполне надежны и готовы вмешаться в ситуацию, однако запроса от гражданских властей пока не поступало¹⁵.

Это заявление стало решающим, равно как и очередное донесение, доставленное Адрианову и Юсупову буквально на пороге здания думы перед их уходом: начальник пожарной части докладывал, что в Москве полыхает уже около тридцати неконтролируемых пожаров. После этого Адрианов и Юсупов отдали письменные приказы полиции использовать оружие и призвать на помощь войска московского гарнизона. Планирование дальнейших действий и перегруппировка войск и полиции заняли несколько часов. Тем временем погромы продолжались и ночью. Утром 29 мая войска появились в городе и в трех местах вынуждены были стрелять в толпу¹⁶. Вскоре в центре города стало спокойно, но в тех районах, куда войска не дошли, беспорядки не стиха-

ли до вечера. Погромы продолжались и на окраинах города: сообщения о поджогах и набегах рабочих местных мануфактур и крестьян на дачи и помещичьи усадьбы продолжали появляться в московских газетах вплоть до 5 июня.

Погромщиками было убито около восьми и серьезно ранено сорок вражеских подданных¹⁷. Когда 29 мая войска применили оружие при разгоне толпы, погибло семь солдат и неустановленное число погромщиков. Несмотря на то что число жертв некоторых довоенных еврейских погромов было выше, размеры материального ущерба, причиненного беспорядками, оказались больше, чем от любого другого погрома в русской истории, в основном потому, что было разграблено много магазинов, фабрик и частных квартир¹⁸. Брандмайор Москвы докладывал, что сожжено более трехсот предприятий и магазинов, не считая десятков квартир, частных домов, поместий и дач¹⁹. Общий ущерб, понесенный иностранными гражданами, можно оценить приблизительно в 40 млн. руб.²⁰ Однако погром стал тем событием, о котором вскоре пришлось пожалеть весьма многим, именно потому, что от него пострадали также и российские подданные. Как минимум 579 из них (в основном иностранного происхождения) понесли ущерб более чем на 32 млн. руб.²¹

ГРАНИ КОНФЛИКТА

В единственном недавнем исследовании московских беспорядков Ю.И. Кирьянов опровергает утверждения некоторых советских историков о том, что рабочие в них не участвовали, приводя неопровержимые доказательства того, что рабочие играли в событиях главнейшую роль²². По показаниям многих свидетелей, среди рабочих было необычно много женщин и подростков. Призыв рабочих-мужчин, в том числе и наиболее влиятельных в своей среде, на военную службу привел к массовому притоку женщин и подростков на производство. Фактически число работающих женщин выросло с 27% в 1914 г. до 43% в 1917 г.²³ Призыв в армию и освобождения от него создали напряженную атмосферу на производстве и, конкретнее, усугубили неприязнь по отношению к вражеским подданным, особенно когда последние, отстраненные от военной службы по причине иностранного подданства, оставались на руководящих должностях по отношению к женщинам, чьи мужья воевали на фронте²⁴.

Свое озлобление рабочие выместили путем насилия и грабежей, направленных в точном соответствии с теорией классово́й борьбы против управляющих и владельцев предприятий, технических специалистов и мастеров²⁵. Однако так же несомненно и то, что именно статус вражеских подданных провоцировал насилие со стороны рабочих. Например, 26 мая рабочие-погромщики специально искали управляющих и служащих — эльзасцев и немцев. В первое время после начала погрома, в 2 часа дня 27 мая, группы рабочих нередко требовали у владельцев фирм личные дела сотрудников. Тех, кто мог документально подтвердить свое российское подданство, часто отпускали. Если документы были не в порядке, толпа непременно грабила магазин или квартиру. Иногда полиция заявляла об успехе в охране некоторых фирм, т.к. ей удавалось убедить толпу, что управляющие данного предприятия являются российскими, а не вражескими подданными. Один полицейский прославился тем, что объяснял периодически появлявшимся бандам грабителей, что владелец магазина — поляк, а «поляки теперь наши союзники»²⁶.

Народ пока только пытался вникнуть в признаки, по которым следовало относить иностранцев к враждебным или дружественным подданным, но быстро начал проявлять понимание господствующего общественного настроения, делавшего акцент на лояльности имперской власти в военное время и разделившего население на две неравные части. Например, один свидетель утверждал, что группа рабочих ходила от магазина к магазину с портретом кайзера Вильгельма II и заставляла служащих с иностранными фамилиями выходить из контор, магазинов и квартир и плевать на портрет. Тех, кто отказывался это делать, избивали и грабили; принадлежавшие им квартиры громили. Из тех же соображений потенциальные жертвы выдумывали собственные средства «демонстрации благонадежности». Немцы и иностранцы, владевшие магазинами, выставляли в витринах российские национальные флаги и бюсты российского императора. Один отчаявшийся владелец магазина 28 мая становился в дверном проеме с бюстом Николая II и пел «Боже, царя храни» с явным немецким акцентом каждый раз, когда показывалась толпа погромщиков. Только благодаря этому он в тот день избежал разграбления своего магазина²⁷.

Официальное расследование получило множество свидетельств того, что именно определенные категории вражеских подданных вызвали бесчинства толпы. Участники рабочих манифестаций имели при себе списки с адресами вражеских подданных. Они были состав-

лены Московским купеческим обществом и являлись частью кампании по бойкоту подданных враждебных государств, включая натурализовавшихся иммигрантов вплоть до третьего поколения. Согласно свидетельским показаниям, это придало погрому «идейный» характер. Патриотический символизм и целенаправленный разрушительный порыв не давали возможности заинтересованным лицам легко доказать, что события были абсолютно неуправляемыми. Более того, на ранней стадии беспорядков толпа просто уничтожала имущество, а не грабила его, причем в некоторых случаях даже насильно отнимая у грабителей вещи и тут же уничтожая их на улицах. Статистика разрушений представляет, пожалуй, наиболее убедительные факты, говорящие о том, что в центре событий в основном оставались враждебные подданные (в самом широком понимании этой категории). Из 735 зарегистрированных обращений за возмещением ущерба после погрома лишь 90 поступило от российских подданных с русскими фамилиями²⁸.

СИМВОЛИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ И ИСТИННАЯ РОЛЬ ГОСУДАРСТВА

Беспорядки привели не только к серьезным материальным потерям, но и к идеологическим проблемам и стали значимым символом и явным источником разногласий в политическом дискурсе. Тот факт, что погром превратился в массовую схватку на улицах города, затронувшую русских наравне с иностранными подданными, был ключевым, т.к. указывал на возможность полного разрушения внутреннего порядка в государстве. Либералы и консерваторы с одинаковым страхом ожидали повторения пугачевщины — бесконтрольного, неуправляемого насилия темных масс. Пушкинские слова «Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!» появлялись в виде эпиграфа ко многим статьям и речам того времени²⁹. Консерваторы и полицейские власти были склонны представлять московский погром как очередной вариант революции 1905 г, а либералы — как алгоритм для объяснения причин еврейских погромов, подтверждавший, что правительство вдохновляло, пассивно допускало или даже активно поощряло погромы³⁰. В любом случае, если бы правительство действительно поддерживало погромное движение, это вызвало бы широкое осуждение его курса, т.к. вместо консолидации внутреннего единства и гражданского мира подобная политика способствовала бы внутреннему распаду и вызывала бы постоянные беспорядки. Письма,

перехваченные военными цензорами, были полны комментариев о том, что московский погром походил на настоящую гражданскую войну или революцию³¹. Вскоре после погрома промышленник А.И. Путилов пришел к выводу: «Дни царской власти сочтены... Отныне революция неизбежна; она ждет только повода, чтобы вспыхнуть. Поводом послужит военная неудача..., мятеж в Москве»³².

И все же в политических кругах допускалась возможность участия государственной власти в погроме. Либералы, члены умеренных партий и даже консерваторы в один голос обвиняли правительство. Так, известный представитель кадетской партии Ф.И. Родичев прямо заявил в Думе, что, если бы правительство не желало погрома, он бы не произошел³³. Либерально настроенная Московская городская дума официально объявила, что виновны в произошедшем именно власти, т.к. погром был «подготовлен и организован заранее»³⁴.

Но был ли московский погром организован властями? Это обвинение базировалось в основном на действиях властной фигуры, наделенной наибольшими полномочиями в пределах Москвы, — градоначальника Адрианова. Его действия во время погрома действительно вызывали подозрение. Он не смог принять превентивных мер 26 мая, а также не отдал приказа полиции о решительном применении силы во время событий на фабрике Шрадера 27 мая. Более того, появились свидетельства, что он пассивно наблюдал за погромом в процессе его развития. Журнал «Вестник Европы» отмечал, что Адрианова видели ведущим группу простонародья по улице; когда толпа остановилась напротив одного из магазинов, Адрианов, по имеющимся сведениям, сказал народу: «Он не немец, он русский. Идемте дальше». «Вестник Европы» с негодованием прокомментировал, что если бы владелец оказался немцем, то тогда главному представителю власти в Москве было бы позволительно грабить и громить³⁵. До полуночи 28/29 мая не было издано ни одного приказа использовать войска или оружие для прекращения насилия, хотя погром продолжался уже третьи сутки, что стало причиной серьезных разрушений. Наконец появившийся в полночь приказ стал ответом на давление Московской городской думы. Во многих негодующих статьях и речах все это было представлено как доказательство того, что правительство заранее спланировало погром и приняло в нем участие³⁶.

Как мог главный полицейский чин второго по величине города империи выказывать такой подход к вопросам государственного порядка? Пресса отвечала на этот вопрос прямо: Адрианов сочувствовал по-

грому. В поддержку данного утверждения многие газеты цитировали слова промышленника Н.И. Прохорова. Согласно его собственным показаниям, как только он услышал, что рабочие от мануфактуры Гюбнера движутся к его заводу, он в полдень 27 мая позвонил Адрианову и умолял его остановить толпу. На это Адрианов ответил, что, по его данным, толпа настроена мирно, а когда процессия несет портреты царя и поет «Боже, царя храни» и «Спаси, Господи, люди твоя», он не может отдать приказ стрелять в нее или насильственно разогнать³⁷.

Действия Адрианова вскоре заняли особое место в официальном расследовании, предпринятом не только для того, чтобы успокоить общественное мнение, но также и в ответ на требования некоторых возмущенных министров. Министр торговли и промышленности В.Н. Шаховской писал полные негодования письма Н.А. Маклакову и в Совет министров с требованием четкого публичного заявления со стороны МВД о том, что частная собственность всех подданных впредь будет гарантирована, и при этом особого указания, что оставшиеся на территории империи вражеские подданные будут защищены законом наравне с российскими. Осажденный письмами протеста от послов нейтральных и союзных государств, требующих компенсации своим гражданам, министр иностранных дел С.Д. Сазонов также потребовал подобного заявления. Уже 29 мая в Москву для расследования случившегося был направлен товарищ министра внутренних дел В.Ф. Джунковский, а через несколько дней к нему присоединился другой видный чиновник МВД Н.П. Харламов с двумя помощниками. К 10 июня стало очевидно, что внутреннее расследование МВД никого не удовлетворит, и общее ведение расследования было поручено сенатору И.С. Крашенинникову, весьма уважаемому в судебных кругах чиновнику. Он был наделен широкими полномочиями в проведении расследования, а его группа следователей работала независимо от министерств³⁸.

4 июня, т.е. еще до того как началось расследование, Адрианов был отстранен от должности, а на следующий день отправили в отставку и Маклакова³⁹. Появились подозрения, что в подготовке погрома участвовали крупные чиновники. Увольнение Маклакова было истолковано как завуалированное подтверждение того, что он тайно принимал участие в организации беспорядков, хотя, вероятнее всего, оно было вызвано другими причинами⁴⁰.

Расследование продолжалось несколько месяцев в режиме строжайшей секретности. Лишь наиболее общие его выводы стали достоянием гласности, и только отдельные факты просочились в прессу. Даже

не все члены Совета министров получили доступ к итоговому отчету⁴¹. Секретность стала причиной появления в обществе различных домыслов и, как следствие, способствовала распространению того мнения, что правительство одобряло такого рода беспорядки.

СТРЕЛЯТЬ ИЛИ НЕ СТРЕЛЯТЬ?

Расследование пришло к следующему заключению: Адрианов и Севенард виновны в неисполнении служебного долга и в неспособности пресечь беспорядки на ранней стадии. Но имеющиеся обвинительные свидетельства против этих представителей власти существенно отличались от распространенных представлений о том, что высшие чиновники организовали или по крайней мере были замешаны в беспорядках⁴². Первым выводом расследования стало то, что не только Адрианов, но и МВД в целом разработали общую директиву, запрещающую использование огнестрельного оружия для разгона уличных толп и позволявшую лишь в крайних случаях пускать в ход нагайки или применять силу в иных формах. Эта установка была отражена в серии циркуляров и широко распространена по каналам МВД во время вспышки демонстраций протеста и беспорядков против повышения цен в апреле 1915 г.⁴³ Среди основных причин народных выступлений, как предвоенных, так и продолжавшихся в течение первых девяти месяцев войны, было «чрезмерное использование силы полицией», а новая тактика МВД имела целью снижение числа подобных конфликтов⁴⁴.

Эта установка помогает понять малообъяснимые на первый взгляд действия Адрианова и полиции во время беспорядков. Лишенная права открывать огонь, полиция быстро потеряла контроль над ситуацией, причем толпа чувствовала это, а возможно, и знала о запрете. Однако полиция все же далеко не бездействовала. Некоторые нижние чины, используя смекалку, в известной мере добивались успеха. Самым распространенным был следующий способ: заявлялось, что управляющие и немецкие рабочие магазина или фабрики, осажденных погромщиками, уже арестованы, затем их быстро уводили в участок для обеспечения безопасности. Другие полицейские предотвращали грабежи путем разъяснения погромщикам, что владелец или управляющий того или иного магазина — русский. Полиция также не стеснялась использовать силу в наиболее отчаянных ситуациях. Адрианов позволил пускать в ход нагайки и применять любые меры, кроме использования

огнестрельного оружия, и полиция нередко пыталась вмешаться, что заканчивалось яростными ответными атаками погромщиков. В результате 68 полицейских были серьезно ранены до появления приказа стрелять по толпе⁴⁵.

Адрианов не сомневался, что он сам, Юсупов и другие местные крупные чиновники могли бы разрядить напряженную ситуацию путем убеждения, уверяя толпы в том, что правительство само избавилось бы от вражеских подданных путем высылки и полицейских арестов. Это убеждение заставило его ездить по городу и появляться на улицах перед народом, но не в качестве предводителя мятежа, как утверждали многие очевидцы.

Почему же Адрианов с таким упорством запрещал открывать огонь? Стрельба по толпе, состоящей в большинстве своем из женщин, подростков или вдов, чьи родственники находились или уже погибли на фронте, очевидно, справедливо рассматривалась градоначальником как очень серьезный и политически рискованный шаг. Однако когда в 2 часа дня 28 мая начались крупномасштабные беспорядки, подход Адрианова начал казаться все более неприемлемым. К вечеру стало ясно, что город охвачен всеобщими беспорядками, которые описывались свидетелями как пролог гражданской войны, но даже тогда Адрианов не отдал приказа полиции стрелять и отклонил предложение Оболенцева ввести в город войска. Ответ градоначальника, в передаче Оболенцева, вносит некоторую ясность в мотивацию его решений. Адрианов с чувством воскликнул, что он «не новичок в таких делах» и что он успешно подавил несколько выступлений в 1905 г. Адрианов был твердо уверен, что, если полиция начнет стрелять по толпе, это только обострит конфликт и приведет к полномасштабному восстанию или даже революции⁴⁶. Он также знал, что московский гарнизон был укомплектован малообученными новобранцами, а многие солдаты-отпускники на тот момент уже участвовали в грабежах. Кроме того, он вовсе не был уверен в том, что войска подчинятся приказу стрелять по толпе. Письма солдат гарнизона, перехваченные военной цензурой, подтверждали, что его опасения на этот счет нельзя приписать параноидальным настроениям⁴⁷. Поэтому не удивительно, что официальный доклад о погроме держался в строжайшем секрете. Он выявил не силу власти, управляющей погромами, а слабеющее неэффективное государство, неспособное контролировать положение в городах, охваченное страхом того, что ситуация может выйти из-под контроля и погрузить все во всеобщий хаос или перерасти в революцию.

Хотя необходимость трудного выбора, с которым столкнулся Адрианов, действительно существовала, подавляющее большинство членов правительства высказало резко отрицательное отношение к его неспособности стрелять в толпу. Тем не менее данная дилемма никуда не исчезла. Запрет на использование полицией оружия против гражданских лиц был снят вскоре после погрома, и уже 3 июня в Костроме 12 рабочих-манифестантов были убиты и 50 ранены⁴⁸. Расстрел вызвал значительный скандал в прессе, и до сих пор данный факт отмечается учеными как переломный момент в возвращении в жизнь империи стачечного движения, которое практически сошло на нет с началом войны⁴⁹. Колебания в использовании оружия, особенно против толпы, состоящей в основном из женщин и подростков, в исторической ретроспективе оказываются не лишены смысла. Более того, остается открытым вопрос о том, смогла бы полиция и даже армия подавить московские беспорядки в самый их пик 28 мая. Беспорядками был охвачен весь город, количество их участников оценивалось десятками тысяч. Отдельные группы погромщиков насчитывали от дюжин до нескольких сотен человек, в то время как полицейские силы были ослаблены из-за частичного призыва в действующую армию⁵⁰.

Другим важным фактором, объясняющим колебания Адрианова и быстроту, с которой его сместили с занимаемого поста, было то, что в бюрократических кругах его считали «законником», последователем П.А. Столыпина, верившего в верховенство закона и в возможность нормальных отношений с общественными организациями и умеренными политическими партиями⁵¹. Тактика Адрианова по неприменению оружия была в основном продиктована этой философией, хотя многие правые политики и чиновники открыто возмущались ею, считая его слабовольным и боящимся использовать силу для разрешения социальных проблем. Все вышесказанное обнаруживает практически всеобщую уверенность в том, что власть старается скрыть свое участие в погромах. Однако власть не организовывала погромы. При попытке подавления беспорядков режим ставил себе целью скрыть паралич правительственной власти, а также свой страх и несомненное осознание того, что у него нет достаточно надежных войск, полиции и авторитета, чтобы уберечь Москву от отката к анархии и даже к революции.

ПРИЧИНЫ БЕСПОРЯДКОВ

Если беспорядки не были спланированы правительством, то что же стало их причиной? Ряд факторов мог спровоцировать погромы. Во-первых, существовало несколько непосредственных причин. Выступления совпали с широко освещенным в прессе приближением 1 июня, т.е. окончательного срока ликвидации промышленных и торговых компаний, владельцами которых были вражеские подданные. Могло возникнуть ощущение, что их имущество с этого момента теряет защиту закона и готово к расхищению. Другим совпадением стал день рождения императрицы Александры Федоровны (25 мая), на которую смотрели как на «немку» и сочувствующую Германии. Великую княгиню Елизавету Федоровну сильно недолюбливали за ее «немецкое» происхождение, что, как мы видели, сыграло важную роль в первый день описываемых событий⁵².

Князь Ф.Ф. Юсупов был назначен «главноначальствующим над Москвой» лишь за 10 дней до начала беспорядков. Его полномочия не были четко определены, и хотя Москва в то время не находилась на военном положении, Юсупов как приближенный ко двору имел огромный вес среди московской элиты и немалое неофициальное влияние в местных делах. Он организовал целую кампанию шовинистических публичных выступлений о «засилии немцев» в Москве, в том числе и на заводах, где он лично просил рабочих предоставить ему списки подозрительных немцев и вражеских подданных⁵³. Юсупов также руководил массовой высылкой последних из Москвы в течение недели, предшествующей мятежу, а «Московские ведомости» и «Новое время» ежедневно печатали предоставленные им списки высылаемых, что выглядело явно провокационно. Предположения о прямой поддержке погрома «главноначальствующим» или о его участии в организации погрома маловероятны, однако Юсупов определенно придал неожиданную легитимность и значимость проблеме немецкого засилья в Москве⁵⁴.

Пресса и пропагандистские кампании, призывающие к бдительности из-за множества немецких шпионов и саботажников, вызвали огромное количество слухов. Например, московские жандармы докладывали о широко распространенных толках о том, что «немцы» в армейском командовании продались Германии, а местные немцы готовят в Москве масштабные диверсии⁵⁵. Взрывы на военном заводе и Гатчинской железной дороге изображались как первые шаги этой масштабной диверсионной операции. Слухи также приписывали вспышку холеры в Москве тому, что служащие-немцы отравили воду⁵⁶.

В сравнительной перспективе очевидно, что на развитие событий повлияли как причины исключительно национального характера, так и универсальные факторы, присущие всем воюющим странам. Среди последних решающими представляются связь с событиями на фронте и политика, проводимая против иностранцев внутри государства. Примером этому — череда разочаровывающих поражений 1915 г., переход Перемышля на осадное положение и масштабное отступление русских войск (причем самое безнадежное положение на многих участках фронта сложилось именно в конце мая). Лишь за месяц до погрома немцы начали применять удушающие газы, 12 мая германские подводные лодки потопили пассажирский корабль «Лузитания», что вызвало массовые антигерманские выступления в Лондоне и других городах Великобритании⁵⁷. Хотя британская полиция активно использовала все возможные средства для усмирения манифестантов, британские беспорядки также продолжались три дня и по своим масштабам были во многом схожи с московскими, начавшимися вскоре после них. Сообщения о более мелких выступлениях против иностранных граждан появлялись по всему миру, обычно совпадая с плохими известиями с фронтов. Например, вспышки локальных выступлений против вражеских подданных в Великобритании, Франции и России совпали с падением Антверпена 10 октября 1914 г. Московский погром начал разрастаться после получения известий о серьезных поражениях у Перемышля, Львова и Либавы.

Если все эти факторы помогают объяснить причины вспышки беспорядков, то их длительность и разрушительная сила могут быть поняты лишь исходя из динамики происходивших событий. Как показали исследования довоенных еврейских погромов, очень важным в них становился простой мотив грабежа, причем после того, как власть показывала свое бессилие. Также, судя по всему, одним из ключевых моментов в майских погромах стала возможность разграбления складов спиртных напитков, т.к. в условиях военного времени действовал «сухой закон». Ряд писем, перехваченных цензурой, показывает всю важность подобных мотивов для некоторых лиц из числа городских низов, когда никто уже не поддерживает порядок⁵⁸. Полицейские донесения указывали, что действия толпы, врывавшейся на вино-водочные склады, постепенно становились все более разрушительными и менее целенаправленными, т.к. водка буквально лилась рекой. Свидетели утверждали, что к вечеру 28 мая множество тел упившихся погромщиков валялось на улицах рядом с винными складами. Более того, грабеж

после этого принял такие большие размеры, что на Красной площади появился менный рынок, а награбленные в Москве вещи активно продавались в соседних губерниях.

Позже представители торговой оптовой компании «Гергард и Гей» описывали данные события в отдельных показаниях, указав, что большая толпа била витрины и грабила магазин с 16.00 до 20.00. К 21.00 все, что нельзя было увезти, было разбито, в здании полыхал пожар, а во дворе валялись упившиеся до бесчувствия погромщики.

Последствия

Кроме тяжелого похмелья и процветающих рынков, полных награбленных товаров, погром имел значительное влияние на последующий политический курс относительно вражеских подданных. В то время как многие либералы использовали погром для громогласного осуждения правительственной кампании против российских подданных иностранного происхождения, другие представители элит утверждали, что беспорядки — это досадное, но понятное выражение неудовлетворенности народных масс, желающих видеть результаты энергичной кампании против влиятельных враждебных подданных. Одним из наиболее высокопоставленных сторонников этой точки зрения был Ф.Ф. Юсупов. Даже во время беспорядков он продолжал осуждать излишнюю вялость политики правительства в отношении вражеских подданных. В своей речи перед городской думой поздно вечером 28 мая, во время уже вовсю бушевавшего погрома, он утверждал, что неспособность властей выслать всех вражеских подданных в течение девяти месяцев до его назначения вызвала вполне понятную тревогу в народе. Газеты цитировали его обещания рабочим, что государство разрешит проблему, «близкую сердцу» всех жителей Москвы, и именно поэтому будут и далее закрываться предприятия вражеских выходцев, а также увольняться все вражеские подданные и «нежелательные» российские подданные иностранного происхождения. Сразу же после массовых беспорядков Юсупов снабдил прессу копиями своих приказов полиции об аресте всех вражеских подданных, нелегально проживающих в Москве. Он также заявил, что все эти люди будут заключены под стражу на три месяца, а темпы высылки ускорятся⁵⁹.

Большинство весьма «разноречивых» сторонников борьбы с немецким засильем придерживались той точки зрения, что лучший способ

предотвратить массовые беспорядки — вести более жесткую политику по отношению к вражеским подданным, что заставляло их резко критиковать правительство за бездействие. Даже некоторые либералы, такие как недавно избранный московский городской голова М.В. Челноков, утверждали, что к погрому привела мягкость правительства по отношению к ряду предприятий и фирм, возглавляемых вражескими подданными. Лидеры умеренных и либеральных промышленников, включая Гучкова и Коновалова, выражали опасения, что дальнейшие беспорядки могут окончательно подорвать производство, и призывали в качестве превентивной меры к скорейшей высылке оставшихся вражеских подданных⁶⁰.

Вышеизложенная точка зрения быстро оказала влияние на официальную политику государства. В своем докладе о беспорядках в Москве Совету министров и царю Юсупов подробно изложил аргументы в пользу предельного расширения мер против вражеских подданных. Приводя конкретные примеры, он заявлял, что московским властям в их попытках высылать из города немцев месяцами мешал поток предоставляемых Петроградом разрешений остаться для отдельных лиц и целых категорий вражеских подданных. Юсупов утверждал, что колебания МВД оскорбляют патриотические чувства населения, и предлагал на время войны выслать «всех немцев, включая и российских подданных», в специальные концентрационные лагеря⁶¹.

Некоторые члены Совета министров негласно расценивали предлагаемые меры как явную крайность, демагогический и безответственный выпад, направленный не только против российских подданных, но также против самого правительства. Однако вел. кн. Николай Николаевич и сам царь, весьма доверявшие Юсупову, вместо того чтобы сделать последнему высочайший выговор, созвали особое совещание для обсуждения его доклада. Уже 14 июня 1915 г. царь председательствовал на особом совещании в Ставке с участием великого князя, всех командующих фронтами и основными армиями, а также Совета министров в полном составе. Это было первое совещание за время войны с участием всей правящей элиты страны, и проблема вражеских подданных оказалась здесь основным вопросом повестки дня.

На основании доклада Юсупова совещание пришло к следующим решениям, тут же утвержденным царем⁶²:

1. Прекратить предоставление российского подданства гражданам неприятельских и нейтральных государств. Исключения допускаются только в особых ситуациях и требуют согласия царя в каждом отдельном случае.

2. Депортировать всех вражеских подданных, независимо от пола и возраста, из мест их проживания, особенно из Москвы, в специально назначенные местности, определяемые министром внутренних дел.

3. Вторая мера не может быть применена без исключений (по каждому отдельному случаю) для подданных вражеских государств славянского, французского, итальянского происхождения или турецких подданных христианских вероисповеданий. Однако и эти лица должны находиться под особым полицейским надзором. Те из них, чье проживание в данном районе будет рассматриваться местными чиновниками МВД или Департамента полиции (для Петрограда) как угрожающее общественной безопасности и спокойствию, подлежат высылке.

4. Российские подданные — австрийские, венгерские или немецкие иммигранты, принявшие российское подданство после 1 января 1880 г., — не могут все без исключения подозреваться в шпионаже и рассматриваться как угроза общественному порядку. Однако в случае угрозы общественному спокойствию они могут быть высланы в пункты, указанные министром внутренних дел в каждом конкретном случае. Пункты назначения должны выбираться таким образом, чтобы высылаемые не создавали угрозы общественному спокойствию в их новых местах проживания.

5. Что касается других иностранных граждан, при необходимости нужно применять общие меры депортации из России нежелательных иностранных подданных в соответствии с существующими правилами.

Изложенные правила, принятые и подписанные главами трех основных источников власти в империи — царем, верховным главнокомандующим и главой правительства, четко устанавливали принципы насильственного перемещения даже для отдаленных от фронта районов и безусловно распространялись на натурализовавшихся иммигрантов и иностранцев вообще.

Пункты 4 и 5 официально выражали то, что открыто отразилось в действиях погромщиков: подозрительность в отношении иностранных граждан не считалась с четкими правовыми категориями, созданными для подданных враждебных государств, и расширялась до более общих ксенофобских принципов, направленных против иммигрантов и иностранцев вообще. Россия, таким образом, стала единственной великой державой, запретившей принятие своего подданства гражданами враждебных государств во время войны. Этот запрет привел к отклонению многих несомненно достойных заявок и раскрыл глубинную проблему, а именно: России недоставало сильного

чувства гражданственности как основного признака национальной принадлежности. Откровенно раздражало либералов и то, что режим включал и российских граждан в выдвинутое им же самим определение «неприятельский подданный».

Другим важным следствием погрома явилась его потенциальная цена для государственного бюджета в пересчете на компенсационные выплаты жертвам беспорядков и, что даже более важно, потеря уверенности иностранных кредиторов и инвесторов в способности российского правительства защищать их интересы. В ответ на сильное дипломатическое давление со стороны нейтральных стран, чьи граждане понесли значительные материальные потери, и на внутренний нажим со стороны российских предпринимателей, добивавшихся официального заявления о том, что частная собственность будет защищена, правительство неохотно признало необходимость компенсационных выплат и учредило специальный комитет при Министерстве финансов для определения размеров ущерба. В то время как Министерство финансов поддерживало компенсационный принцип, МВД, особенно под руководством А.Н. Хвостова, делало все возможное для затруднения работы комитета⁶³. В конечном итоге справедливой была признана лишь незначительная часть требований, а фактических выплат практически не производилось⁶⁴.

Но основное значение имела даже не цена вопроса; более важным стало его влияние на позицию общества и правительства. Вместо того чтобы смягчить свои внутривластные методы, царь и режим истолковали беспорядки как знак того, что общество требует проведения еще более агрессивной политики против вражеских подданных. Аналогичная картина наблюдалась и в других странах, где официальные меры по выявлению и интернированию граждан враждебных государств, конфискации их имущества или другие подобные мероприятия сопровождались массовыми беспорядками. Подобная динамика в наибольшей степени была заметна в Великобритании, также пострадавшей от народных выступлений в мае 1915 г.⁶⁵ Уверенность либералов и представителей более умеренных партий в том, что именно правительство виновно в допущении погрома, укрепляло распространяющееся в этой среде мнение, что власть препятствует объединению народа в общей борьбе против внешнего врага.

НАРОДНЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ ПОСЛЕ ПОГРОМА

Стал ли московский погром лишь единичным эпизодом или движение против враждебных подданных было широко распространенным долговременным явлением и пользовалось значительной поддержкой общества во время войны? Основной проблемой при ответе на этот вопрос являются признаки, которые учитывались полицейскими чиновниками и позднее историками для классификации забастовок и различных видов массовых протестов. Забастовки, полностью или частично вызванные требованиями уволить иностранных управляющих или рабочих, не рассматривались как отдельная категория и появлялись лишь в общих разделах, таких как «прочие»⁶⁶. Однако существует множество свидетельств того, что напряженность в отношениях с иностранным персоналом была важной частью разгоравшегося внутри общества конфликта на всем протяжении войны. В период с мая 1915 г. до Февральской революции и даже позднее местные чиновники и МВД были глубоко обеспокоены ежемесячными жандармскими отчетами о настроениях народных масс. В большинстве подобных докладов утверждалось, что германофобские, антисемитские и вообще ксенофобские настроения были столь сильны, что погромы и другие виды насилия против враждебных подданных могли вспыхнуть в любой момент во многих местностях империи⁶⁷.

Отчеты о забастовках с одним только требованием удаления иностранного персонала приходили со всех концов империи. Случай завода паровых двигателей в Харькове был вполне типичным. Уже в августе 1914 г. 783 рабочих начали забастовку, требуя увольнения носильщика, главного инженера, слесаря по металлу и мастера цеха только потому, что они были вражескими подданными⁶⁸. Эти четверо были уволены сразу же, и рабочие вернулись на свои места. Когда десятью месяцами позже новости о московском погроме достигли завода, напряженность снова возросла. Причиной стали все еще работающие на заводе германские граждане, и ситуация не разрядилась до тех пор, пока все вражеские подданные не были высланы в начале июня 1915 г.⁶⁹ Фабричные инспекторы и полиция по всей стране сообщали о множестве подобных случаев. Большинство конфликтов были спонтанными, вызванными новостями с фронта или действиями конкретного управляющего или мастера — немца или представителя другой некоренной национальности.

В некоторых случаях шовинистические кампании в прессе и агитация со стороны отдельных рабочих или патриотических организаций

приводили к открытым конфликтам. «Общество 1914 года» принимало жалобы от рабочих и русского персонала касательно особых случаев поведения германских и австрийских подданных на заводах или в органах местного управления. Общество расследовало эти случаи, информировало прессу и использовало собственные средства для публикации серий разоблачений в отношении отдельных личностей. Жандармы и фабричные инспекторы сообщали, что тайные собрания рабочих, на которых звучали призывы к борьбе против вражеских подданных на рабочих местах, были весьма частыми⁷⁰.

Подобная агитация привлекла особое внимание полиции сразу же после московского погрома. Напряженная атмосфера в Москве сохранялась еще несколько недель. Цензура перехватила несколько характерных писем, как, например, послание Зины А. Ивану Андрееву, датированное 15 июня 1915 г. Зина писала, что в городе много говорят о готовящихся убийствах немцев и лютеран на будущей неделе, включая слух, что армия этому сочувствует и не будет вмешиваться⁷¹. Полиция также сообщала о тайных собраниях рабочих, на которых планировалось возобновить погромы, включая конкретные планы убийств генералов и полицейских чинов, если власти попытаются вмешаться⁷².

Сообщения о забастовках, требующих устранения немцев с фабрик, а также о небольших манифестациях приходили со всей страны спустя еще несколько недель после погрома. На фабрике Эдуарда Штолля, частично разгромленной во время беспорядков, все 250 рабочих подписали петицию, содержавшую требование уволить двух оставшихся на заводе рабочих, носивших немецкие фамилии⁷³. Последние являлись российскими подданными, один с 1862 г., а другой был потомком иммигранта, получившим российское подданство в 1711 г. Их уволили для предотвращения забастовки. Хотя управляющий Юлий Штолль был российским подданным, МВД боялось возобновления беспорядков на заводе уже через две недели после московского погрома. В письме Совету министров с требованием ликвидации предприятия (хотя формально оно не подпадало под существующие ограничительные законы) МВД ссылалось на жандармский отчет о студенте, который смущал пассажиров трамвая рассказами о том, что Штолль — немец, и если будут продолжаться поражения на фронте, на заводе начнутся беспорядки. Позже Комитет по борьбе с немецким засильем постановил, что управляющий должен быть уволен в интересах сохранения общественного порядка, несмотря на то что он не подпадает под действующие репрессивные законодательные положения⁷⁴.

Напряженность не спадала не только в Москве. В Екатеринославе жандармы раскрыли целую «организацию» по преследованию «немцев» на русско-бельгийском металлургическом заводе. В серии анонимных доносов утверждалось, что управляющий завода Шлюпп прикрывает активный шпионаж в пользу Германии своим швейцарским гражданством. К тому же жандармы конфисковали «воззвание рабочих партий», распространявшееся среди рабочих и объявлявшее, что пришло время выкинуть немцев-шпионов с завода, не считаясь с мнением инженеров или руководства, даже если для этого нужно будет обратиться к самому Верховному главнокомандующему Николаю Николаевичу⁷⁵.

В Казани агитация против враждебных подданных стала такой настойчивой, что губернатор приказал временно закрыть все магазины, владельцами которых были подданные Центральных держав или российско-подданные немцы⁷⁶. В Киеве, Казани и других городах распространялись слухи о приближающихся массовых немецких и еврейских погромах⁷⁷. Жандармские отчеты из Петрограда на протяжении всего лета 1915 г. отмечали, что подданные враждебных государств обвиняются в каждом пожаре или взрыве на фабриках⁷⁸. Начальник Самарского губернского жандармского управления докладывал, что по всему городу рабочие собирают подписи под петициями с требованием увольнения всех управляющих и мастеров, являющихся вражескими подданными. В случае неудовлетворения своих требований рабочие грозили учинить массовые беспорядки, забастовки и насилие. Самарский губернатор ответил приказом об увольнении нескольких рабочих и служащих, а также увеличением состава полиции в городе на 140 человек. Однако он боялся, что сделал слишком мало для сохранения спокойствия в деревне, где напряженность взаимоотношений русских крестьян, немецких фермеров-колонистов и выселенцев была очень велика. Архангельский губернатор докладывал, что один из городских жандармов был уличен в планировании погрома иностранцев и немцев, и только аресты подозреваемых в сговоре помогли предотвратить крупный погром⁷⁹.

Даже несмотря на жесткие меры, предпринятые полицией, в Астрахани 9—10 сентября все же произошел массовый погром, направленный против иностранных подданных, в результате которого было разграблено несколько больших магазинов, владельцами которых были немцы. Лишь аресты более ста человек помогли подавить выступления, которые, несмотря на вмешательство полиции, продолжались два дня⁸⁰. Отчеты жандармов второй половины 1915, а также 1916 гг. указывали

на то, что без энергичных мер, предпринятых полицией, летом и осенью 1915 г. в Астрахани регулярно случались бы события, схожие с московскими⁸¹.

Однако наиболее успешными акциями по предотвращению беспорядков и погромов стало большое количество превентивных увольнений и высылки вражеских подданных. Отчасти это делалось по приказу местных властей. Но зачастую работодатели увольняли иностранцев в ответ на давление со стороны рабочих. Очевидно, что по всей стране проходила широкомасштабная чистка общества от иностранцев, хотя масштаб ее крайне сложно измерить. Все добровольные и профессиональные организации приняли резолюции, которые отменяли членство для вражеских подданных и исключали последних из числа действительных членов. Например, в начале 1915 г. театральные и музыкальные труппы по всей стране исключили из своего состава лиц немецкого происхождения⁸². Требования бастующих рабочих об увольнении подданных враждебных государств часто удовлетворялись немедленно⁸³. В сентябре 1915 г., еще до того как Болгария официально вступила в войну, по всей России и особенно Украине проходили столь массовые увольнения болгар, что правительство вынуждено было неоднократно заявлять, что такие увольнения незаконны⁸⁴.

В течение 1915 и 1916 гг. слухи и порождаемая ими социальная напряженность сосредоточились на российских подданных, носящих немецкие фамилии и занимающих значительное положение в коммерции, а также ответственные посты в армии, правительстве и судебной системе⁸⁵. Увольнения отдельных заметных лиц с немецкими фамилиями из государственных учреждений только обострили слухи об измене, гнездящейся на самом верху. Например, в Москве за месяц до беспорядков полковник А. Модль был атакован на улице во время спонтанной манифестации после очередного повышения цен и закидан камнями толпой, кричащей «Бей немца!» (хотя он был выходцем из Франции). Вместо того чтобы сделать публичное заявление, осуждающее действия толпы, власти уволили Модля и еще одного из главных помощников градоначальника, объяснив свои действия тем, что невозможно оставить на посту высших полицейских чиновников, потерявших доверие народа из-за своих иностранных фамилий⁸⁶. Один из свидетелей показывал, что во время московских беспорядков было много возмущений по адресу «немца» Владимира Карловича Саблера, занимавшего пост обер-прокурора Святейшего Синода. У московской синодальной конторы прошла крупная манифестация, требующая увольнения «немца»⁸⁷.

Губернаторы ряда губерний увольняли служащих с немецкими фамилиями, а чиновники с иными иностранными фамилиями повсеместно попадали под сильное и постоянное общественное давление⁸⁸. Типичным был случай Эмиля Штемпеля, который работал экспертом-юристом в Министерстве юстиции на протяжении десяти лет. Он предоставил письма с положительными характеристиками от многих вышестоящих лиц, удостоверяющих его значимость как специалиста для московского прокурорского надзора, однако его увольнение не было отменено министром юстиции из-за более позднего германского подданства Штемпеля (он стал российским подданным в 1881 г.)⁸⁹.

Полиция и либеральные политики были обеспокоены тем, что официальная кампания против немецкого засилья порождала «погромную атмосферу» не только на фабриках и в городах, но также среди солдат и крестьян. Доклады о том, что такие настроения просачиваются в армию, вызывали определенное беспокойство. Жандармы выражали тревогу, что нижние чины положительно отнеслись к московскому погрому. Например, солдат К.И. Воган писал, что, когда солдаты прочитали в газетах о беспорядках в Москве, они говорили: «Слава Богу, наконец-то народ нас поддерживает»⁹⁰. По имевшимся достоверным сведениям, в июне 1915 г. солдаты 177-го батальона, входящего в состав гарнизона Новгорода, выражали сильное неудовольствие деятельностью все еще остающихся в России немецких «шпионов». Судя по отчетам жандармов, на своих сходках они говорили, что погром немцев в Петрограде может начаться со дня на день, а так как войска сочувствовали погромщикам, полиция опасалась, что мятеж может распространиться на все города империи. На одной из встреч солдаты решили стрелять в командующего гарнизоном и губернатора, если они прикажут усмирять народ для предотвращения планируемого в Новгороде погрома⁹¹.

Московские беспорядки четко иллюстрируют дилемму власти и социальную напряженность, с которыми столкнулось правительство во время войны. Тотальная война требовала беспрецедентной мобилизации всех сил страны и повышала значимость и безотлагательность требований сделать имперское государство более национальным. Но московский погром показал, насколько изменчивой и дестабилизирующей может стать «патриотическая» кампания против вражеских подданных, наглядно продемонстрировав опасность сползания имперского государства в хаос неуправляемого межнационального и классового насилия. Некоторые чиновники правильно понимали данную проблему и убеж-

дали остановить кампанию против подданных враждебных государств, но большинство протестующих к осени 1915 г. были смещены со значимых постов в правительстве и заменены чиновниками, поддерживающими всеобъемлющую репрессивно-ограничительную политику.

Глава 3

НАЦИОНАЛИЗМ В ТОРГОВЛЕ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Широко распространенное враждебное отношение к подданным неприятельских государств достигало пика в вопросе о решающей роли отдельных иностранцев и целых национальных меньшинств в модернизации экономики империи. Так как деятельность вражеских подданных, и особенно немцев, составляла большую часть непосредственного иностранного участия в имперской экономике и значительную долю всей передовой экономической деятельности в империи, пропагандистская кампания против них имела чрезвычайно широкие и далекоидущие последствия. Сначала правительство действовало осторожно, но в конце концов одобрило националистическую программу и начало претворять ее в жизнь с целью освобождения России и государственного аппарата от иностранного влияния, тем самым выходя за рамки временных мер и стремясь к систематическому и долговременному ослаблению роли немецкого и вообще иностранного предпринимательства в экономической жизни империи. Эта шовинистическая кампания показывает, насколько сильно старый режим тем самым подрывал основы, защищавшие частную собственность и правопорядок, и способствовал обострению социальной напряженности на уровне как классовых, так и национальных отношений, хотя стремился лишь к тому, чтобы в военное время создать российскую национальную экономику.

РОЛЬ ИНОСТРАННЫХ И НАТУРАЛИЗОВАВШИХСЯ МЕНЬШИНСТВ В ИМПЕРСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

Для понимания степени накала страстей и общественного резонанса, вызванного кампанией военного времени против вражеских под-

данных в экономике, необходимо дать краткий обзор роли иностранцев и нерусских коммерческих диаспор в модернизации имперской экономики. Индустриализация Российской империи конца XIX — начала XX в. совершалась при участии большого числа иностранных предпринимателей, специалистов, рабочих, а также за счет значительного притока иностранного капитала. В большинстве исследований, посвященных иностранному участию в экономике России, особое внимание уделяется именно поразительному количеству привлеченного иностранного капитала. Между 1893 и 1914 гг. иностранные инвестиции составляли примерно половину всего вновь привлеченного капитала в производственных акционерных компаниях, а в 1914 г. иностранцам принадлежало по меньшей мере 40% совокупного акционерного капитала торгово-промышленных предприятий, действовавших в России¹. Среди противников России в Первой мировой войне на долю Германии приходилась наибольшая часть иностранного капитала (20% всех прямых иностранных инвестиций в 1914 г.). В 1914 г. в России насчитывалось 29 акционерных предприятий с капиталом в 38,5 млн. руб., а также 256 неакционерных фирм с совокупным капиталом в 42 млн. руб., основанных по германским законам и полностью принадлежавших германским подданным². Австрийские подданные, хотя и весьма многочисленные в России, были менее активны, а их инвестиционные вложения менее значительны. Роль Турции и Болгарии в передовой экономической деятельности была довольно слабой. Таким образом, во время войны враждебное отношение вызывали преимущественно немцы.

Отдельно взятое количество иностранных инвестиций не отражает в полном объеме степень участия иностранцев и инородцев в передовой экономической деятельности. Как иностранные, так и русские фирмы нанимали немало иностранцев, преимущественно немцев, в качестве управляющих, на административные и инженерные должности. Так, статистические данные по фирмам, принадлежавшим исключительно немцам, провоцируют серьезную недооценку степени включенности последних и других иностранцев в российскую экономическую систему. Некоторые приведенные ниже данные указывают на многонациональный или даже интернациональный состав экономической элиты. Приблизительно десятую часть всех основателей акционерных обществ в Российской империи в течение XIX в. и непосредственно перед Первой мировой войной составляли подданные зарубежных государств³. На рубеже веков почти $\frac{1}{3}$ всех технических

специалистов в российской промышленности и $1/10$ управленческого персонала являлись иностранными подданными⁴. К тому же российские подданные немецкого, еврейского и польского происхождения составили, соответственно, 20% и по 11% от общего числа основателей акционерных предприятий (в 1896—1900 гг.). Среди этих последних, а также среди управляющих акционерными компаниями процент российско-подданных немцев или иностранцев в двенадцать раз превосходил аналогичное соотношение в составе населения империи в целом. И наоборот, число русских предпринимателей составляло только 75% для подобного соотношения ко всему населению, а украинских — лишь 9%⁵. Подобное исследование управленческих кадров меньших по размеру, но более многочисленных неакционированных предприятий за 1903 г. обнаруживает сходную структуру, показывая, что 9% от 16 400 управляющих ими лиц были иностранцами⁶.

Советские историки начиная с 1920-х и по 1960-е гг., как правило, утверждали, что императорская Россия в рассматриваемый период находилась в колониальной зависимости от Запада⁷. Однако несколько западных ученых, а начиная с 1960-х гг. и некоторые их советские коллеги представили серьезные аргументы, ставившие под сомнение подобные утверждения. Длительный период относительного мира с 1815-го по 1914 г. помог создать условия для беспрецедентной в мировой истории циркуляции товаров, капитала и людей между множеством стран. Почти каждое значительное промышленно развивавшееся общество в XIX в. широко использовало зарубежные источники капитала, привлекало иностранных предпринимателей, управленческие и технические квалифицированные кадры. Иностранное участие в российской индустриализации не выглядит таким уж экстраординарным, если сравнивать его с ролью иностранцев в промышленном развитии Франции, Германии, Австрии, Соединенных Штатов, Австралии и Канады в XIX в.

Действительно, оптимистичные современники и последующие историки указывали, что Россия уже была на пути к подобной «натурализации» (nativization) иностранцев и иностранных фирм, присущей всем перечисленным странам в то время, когда индустриализация в них достигла определенной стадии. Оптимисты предпочитали думать, что роль иностранцев в России не столько создавала условия для «влияния», сколько ускоряла промышленный рост, который в конечном итоге сделает Россию сильнее и независимее. В 1913 г. один из таких экономистов писал, что ситуация в России коренным образом отличается

от положения в колониях европейских держав. В России «процесс национализации иностранной промышленности начался и продвигается гораздо быстрее, чем где бы то ни было..., включая натурализацию и ассимиляцию иностранного персонала»⁸.

Тот же автор на примере немецкой фирмы «Фишнер и Гампер» объяснял, как этот процесс обычно происходит, показывая, что доля иностранного персонала в администрации данного предприятия снизилась с 81% в момент его основания в 1880 г. до 9% в 1898 г. Незначительное количество детальных исследований деятельности отдельных иностранных фирм в России не позволяет с уверенностью утверждать, что этот процесс носил всеобщий характер, но работы ряда исследователей по истории некоторых предприятий показывают, что во многих ведущих иностранных фирмах наблюдались схожие процессы постепенной замены иностранного персонала и руководства русским⁹. Данные о российских акционерных предприятиях, собранные Томасом Оуэном, наводят на мысль, что именно такой анализ ситуации правомерен для последнего предвоенного десятилетия. Эти данные свидетельствуют об относительно резком снижении доли иностранцев среди руководителей предприятий с более чем 10% в 1905 г. до менее чем 6% в 1914 г.¹⁰ Конечно, большая часть этой статистической «замены» была результатом натурализации иностранных подданных. Но подавляющее большинство имеющихся данных позволяет предположить, что натурализация подразумевала нечто большее, чем просто обретение нового паспорта. Иностранцы, в особенности немцы, были склонны к быстрой ассимиляции в российском обществе. Недавнее исследование Санкт-Петербургского промышленного района, с наибольшим числом немецких и других иностранных предприятий, подтверждает этот вывод, показывая, что имперская российская культура оказывала мощное ассимилирующее влияние как на иностранцев, так и на российских немцев. Автор этой работы пришел к заключению, что уровень натурализации, познаний в русском языке и культурной ассимиляции среди этих коммерческих диаспор был очень высок¹¹.

В российском обществе существовали отдельные оптимисты и даже целые организации, содействовавшие распространению терпимости к иностранцам, иммигрантам и вообще нерусским участникам народного хозяйства и выступавшие в защиту космополитической экономической системы в целом даже во время войны. Например, влиятельная организация российских предпринимателей в относительно космополитичном Петроградском промышленном районе, Совет съездов представи-

телей промышленности и торговли, оказывала мощную поддержку свободной торговле и выступала против ограничений экономической деятельности иностранцев в пределах империи в течение войны¹². В записке, направленной министру торговли и промышленности, Совет съездов утверждал, что хотя Германия действительно осуществляла сознательную политику экспорта капитала с целью внедрения в зарубежные страны с политическими целями и с 1904-го по 1914 г. немцы и немецкие выходцы закупили российских акций на 147 млн. руб., однако германские планы подчинить Россию собственному влиянию потерпели неудачу. Германский капитал лишь укрепил рубль и российскую государственную власть, увеличив производственные мощности страны¹³.

Некоторые наблюдатели, такие как П.Б. Струве, подчеркивали, что единственным способом для России превратиться в современную великую державу, оставаясь империей, было найти либерально-конституционные методы для привлечения иммигрантов в русское подданство и признать всех натурализовавшихся иностранных выходцев в качестве полноправных граждан. По мнению одного из обозревателей, квазиконституционная Россия успешно продвигалась в этом направлении. Он считал, что иностранцы уже начали «отказываться от своего иностранного гражданства и становились неотъемлемой частью нового либерального российского гражданского общества». Кроме того, вклад иностранцев в развитие экономики помогал России становиться сильнее и независимее в ее отношениях с более мощными экономиками мира¹⁴.

Существование подобных взглядов в 1914 г. уравнивалось наличием прямо противоположного отношения к этому вопросу в официальных и широких общественных кругах, зародившегося еще в самом начале индустриальных реформ. Министерство внутренних дел возглавляло официальную оппозицию Министерству финансов и его стратегии индустриализации в конце XIX — начале XX в.¹⁵ МВД и правительство в целом установили ряд ограничений для иностранцев и отдельных меньшинств в экономической сфере, выступая в некоторых случаях в патриархальной роли защитника крестьянства против вторжений иностранцев, современного капитализма и развращающего влияния иноверцев-посредников, ростовщиков и трактирщиков. Подыгрывая предполагаемым крестьянским представлениям о том, что оптовая и розничная торговля являются «непроизводительной» деятельностью, подвергающей крестьян суровой эксплуатации, многие чиновники МВД стремились представить коммерцию и капитализм в целом воплотившимися в личностях евреев и других инородцев, заня-

тых «эксплуататорскими» видами деятельности. Здесь официальная политика объединялась с общераспространенным антисемитизмом и ксенофобской риторикой, что создавало соответствующий фон для погромов 1880-х гг., изгнания евреев из Москвы и Петербурга в 1890-х гг., а также погромов и насилия периода революции 1905 г. Несмотря на ограничения в сфере предпринимательства и квоты на поступление в университеты, количество евреев в рядах экономической и профессиональной элиты продолжало расти¹⁶. Власти испытывали все возрастающую обеспокоенность по поводу не только выдающейся роли евреев в коммерческой деятельности, но и участия в ней других инородцев. Например, МВД вело подробный статистический учет числа служащих банков и акционерных предприятий по национальному признаку в течение последних десяти предвоенных лет. Основываясь на подобных данных, чиновники МВД с тревогой констатировали, что в северо-западной части империи немцы составляли 26%, евреи — 35%, поляки — 19%, а русские — лишь 8% от числа банковских служащих, и настаивали на введении еще более строгих ограничений для иностранцев с целью изменения данного соотношения¹⁷. Борьба мировоззрений между МВД и Министерством финансов продолжалась вплоть до 1914 г.

Несмотря на то что Совет министров и царь нередко поддерживали Министерство финансов, в правительстве постоянно сохранялось напряжение между сторонниками модернизации и «полицейской точки зрения». В результате был установлен ряд правил, которые ставили иностранцев и представителей некоторых национальных меньшинств в весьма неопределенное положение. Даже сами принципы частной собственности и правового статуса предприятия в 1914 г. все еще составляли предмет спора, и не только по отношению к иностранцам или подозрительным меньшинствам, но и ко всем акционерным обществам, действовавшим в Российской империи. В деловой сфере наиболее важным отражением этого спора стала концессионная система учредительства¹⁸. Чтобы зарегистрировать предприятие, нужно было получить разрешительный документ, в котором был прописан ряд условий дальнейшей деятельности предприятия. Подобные документы часто содержали условия, запрещавшие фирмам принимать на работу евреев, поляков и/или иностранных администраторов, а также не допускавшие, чтобы акциями владели лица ряда национальностей. Кроме того, эти документы часто оговаривали в качестве особого условия, что фирмы с определенным числом евреев, поляков и/или иностранцев в составе их собственников и совладельцев не имеют права приоб-

ретать недвижимое имущество¹⁹. Концессионная система учредительства также имела теоретико-правовой аспект чрезвычайной важности, особенно для военного времени, заключающийся в том, что и российские, и зарубежные акционерные предприятия не становились субъектами права с соответствующим статусом, а лишь удостаивались некой условной привилегии работать в России, которой они могли лишиться по воле правительства в любое время. Во время войны правительство прямо использовало этот правовой принцип, чтобы оправдать отзыв разрешений на деятельность в России для определенных фирм²⁰.

Именно такая политика официальных кругов встречала широкую поддержку у сторонников истинно русского экономического развития России. Общественное противодействие слишком большой роли, которую играли иностранцы в экономике России, появилось уже в 1860-х гг., когда наплыв заграничных дельцов только начинался. Реакция российской буржуазии на иностранное вмешательство разнилась в зависимости от региона²¹. Так, предпринимательские организации Петербурга и польских губерний демонстрировали сравнительно космополитичный подход, поддерживая свободную торговлю и либеральную политику по отношению к иностранцам и местным национальным меньшинствам, в то время как московские и уральские торгово-промышленные сообщества были более русскими по составу и русофильскими по мировоззрению. Споры между этими экономическими районами по поводу государственных заказов, тарифов, железнодорожного строительства и ряду других вопросов бушевали в печати с 1860-х гг. и вплоть до падения царского режима. В этих спорах именно московские предприниматели особенно часто прибегали к националистическим аргументам, требуя от правительства отдавать предпочтение коренным русским перед иностранцами. Славянофильствующие публицисты и издатели выработали и всячески поддерживали достаточно последовательную идеологию русского экономического национализма, которую и пытались претворять в жизнь в некоторых конкретных ситуациях²². Однако сторонникам идей русского национализма в экономике редко удавалось оказывать влияние на правительство до войны. Министерство финансов было в большей степени заинтересовано в использовании всех возможных источников экономического роста для обеспечения ускоренной индустриализации, чем в продвижении русских в состав экономической элиты²³.

Однако эта идея оставалась чрезвычайно популярной. Если рассматривать национализм как идеологию, то идеи русского экономичес-

кого национализма представляются весьма схожими с идеями классика национализма Фридриха Листа, прежде всего в отрицании мировой космополитической экономической системы как по сути эксплуататорской и призывах к развитию национальной экономики²⁴. Русская национально-экономическая программа обрела значимость, когда на рубеже веков индустриализация вступила в свою более зрелую фазу. По мере того как росло число российских предпринимателей, их капиталы и уверенность в себе, они все больше претендовали на то, чтобы выступать от лица нации, а не только в защиту узких сословно-классовых интересов. Война дала им возможность опереться на государство в экономической конкуренции с иностранцами и местными инородческими меньшинствами и сделать это якобы во имя национальных интересов.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

После внезапного начала войны министр иностранных дел С.Д. Сазонов заявил: никаких репрессивных мер, касающихся личности или имущества граждан враждебных государств, принято не будет²⁵. Как утверждает Эдвин Борхард, «Пожалуй, ни один принцип международного права не считался в 1914 г. более незабываемым, чем тот, что гласил, что частная собственность, принадлежащая гражданам вражеских государств в пределах юрисдикции любой воюющей страны, неприкосновенна»²⁶. Российская империя строго придерживалась этого принципа во время войн XIX в. По мнению российского правоведа, занимавшегося проблемой вражеского имущества, «начиная с 1812 года и далее, ни одна из войн с участием России не сопровождалась никакими ограничениями личных прав неприятельских подданных»²⁷. Положение о полевом управлении войск от 28 июля 1914 г. давало армейскому командованию и губернаторам право реквизировать и секвестровать имущество любого лица или организации на территориях, находящихся на военном положении, и при этом не выделяло собственность вражеских подданных в особую категорию. Уже 23 августа 1914 г. Совет министров, отвечая на (ложные) слухи о том, что российские активы в германских банках подвергаются конфискации, признал возможность применения схожих мер к денежным средствам, вкладам и ценным бумагам, принадлежащим вражеским подданным. Однако широкое использование подобных мер может серьезно затронуть российскую промышленность

и торговлю, т.к. в результате ряда особенностей экономического развития России значительное число ее торгово-промышленных предприятий принадлежит иностранцам, среди которых особо выделяются немцы. От бесперебойной работы многих подобных предприятий напрямую зависят интересы российских промышленных кругов, рабочих, занятых на них, а также правительственных учреждений, размещавших у них свои заказы. В этих условиях арест активов и потеря этими предприятиями оборотных средств приведет к их ликвидации или по крайней мере к перебоям в поставках продукции и невозможности выполнить деловые обязательства, что несомненно негативно повлияет на нормальное течение экономической жизни страны. В заключение Совет министров пришел к выводу, что выступать против прав собственности неприятельских подданных внутри империи было бы не в интересах самой России²⁸.

Однако от этого принципа через несколько месяцев пришлось отказаться, частично из-за необходимости отвечать на действия других воюющих держав. В рамках мер, предпринятых с августа по ноябрь 1914 г. и ставших известными как Законы о торговле с враждебными странами (Trading with the Enemy Acts), Великобритания запретила все сделки с лицами, постоянно проживавшими во вражеских государствах, и назначила инспекторов, обладавших правом надзора за финансовыми операциями фирм, принадлежавших вражеским подданным, чтобы удостовериться, что последние не осуществляют перевод денег в Центральные державы. Многие вовлеченные в войну государства, включая Россию, последовали примеру Великобритании и ввели подобные ограничения²⁹.

Однако уже к сентябрю 1914 г. Россия начала отходить от своей первоначально осторожной позиции по вопросу имущества вражеских подданных. Указ 22 сентября 1914 г. запрещал гражданам враждебных стран приобретать какое бы то ни было имущество или предприятие в собственность, брать что-либо в аренду или управление³⁰. С этого дня и до конца войны внутривнутриполитические мероприятия России по суровости и постоянству конечных целей последовательно превосходили аналогичные меры, принимаемые другими странами³¹.

АРЕСТ, СЕКВЕСТР И КОНФИСКАЦИЯ

Официальная кампания против присутствия вражеских подданных в экономике велась не только на основании специальных законов, но

также с помощью представителей государственной власти, наделенных чрезвычайными полномочиями военного времени. Положение о полевом управлении войск предоставляло военным властям на подконтрольной им довольно обширной территории широкие полномочия. Права военных варьировались от реквизиции, которая предполагала выплату стоимости изымаемого имущества, до самой крайней меры — конфискации, которая вовсе не предусматривала никакой компенсации³². *Арест* означал замораживание средств фирмы и запрет на торговые операции или реализацию прибыли. *Секвестр* предусматривал фактический переход бизнеса или всего имущества под прямой контроль государственного учреждения (чаще всего Департамента государственных имуществ), органа местного самоуправления типа земства, городского самоуправления, общества Красного Креста или же частных лиц и других надежных предприятий. Секвестр отличался от полной конфискации только тем, что по закону он не являлся бессрочной передачей прав собственности. Теоретически, подвергшееся секвестру имущество подлежало возврату первоначальному владельцу после окончания войны или после снятия секвестра³³. Положение о полевом управлении войск, различные правила и узаконения предоставляли военным властям право использовать эти инструменты, исходя из самого широкого толкования, и настолько часто, насколько этого потребуют интересы «государственного порядка и общественного спокойствия»³⁴. Кроме того, в августе 1914 г. на всей территории империи было введено Положение о чрезвычайной охране, дававшее всем губернаторам сходные права по использованию секвестра и ареста.

В результате массовой высылки военнообязанных вражеских подданных мужского пола в первые недели войны сотни небольших предприятий и домовладений остались без хозяев. Красный Крест и военные власти ходатайствовали о превращении этого недвижимого имущества в помещения для госпиталей и нужд армии. В ответ МВД разослало циркуляр от 20 августа 1914 г., определявший, что фирмы, чьи владельцы поступили на службу врагу или проявили открытую враждебность по отношению к России, должны быть закрыты, а их имущество арестовано или секвестровано³⁵. Чиновничество быстро почувало, что вся собственность вражеских подданных является в новой ситуации законной добычей. Отчеты о массовых конфискациях ценного имущества на оккупированной территории Восточной Пруссии возбуждали аппетиты различных ведомств в отношении собственности вражеских подданных внутри России³⁶. Например, министр земледе-

лия А.В. Кривошеин сопроводил свои заявки на конфискованные в Восточной Пруссии сельскохозяйственный инвентарь и продовольствие требованиями секвестровать принадлежавшие подданным враждебных государств фирмы, участвующие в производстве и продаже зерна, и внутри России³⁷.

До войны конфискация имущества применялась только к лицам, признанным виновными в государственной измене. В сентябре 1914 г. МВД в своем циркуляре приказало конфисковывать всю собственность, принадлежавшую любому *подозреваемому* в принадлежности к Германской военно-морской лиге, Пангерманской школьной лиге, Пангерманскому союзу или любой другой организации схожей направленности³⁸. Однако это указание послужило лишь официальным оправданием продолжавшихся всю осень 1914 г. массовых конфискаций. Десятки тысяч человек, высланных «по подозрению в шпионаже», лишались своего имущества посредством конфискаций, даже если их вина не была доказана. Это давало их мелким конкурентам шанс на успех, чем и воспользовались, например, недруги Фридриха-Августа Кайля, по утверждениям его жены. В своем прошении к властям она утверждала, что квартировавший у них постоялец, задолжавший Кайлю квартплату за несколько месяцев, и другой человек, конкурент-предприниматель, поругались с ее мужем, а вскоре после этого донесли на него местным военным властям. На основе измышленного ими ложного доноса о тайной встрече с австрийским подданным Кайль был выслан, а его предприятие конфисковано и передано русскому конкуренту³⁹. По всей стране русские фирмы и организации спешно начали ходатайствовать о взятии под свое управление предприятий, особенно конкурирующих, принадлежащих вражеским подданным, тем самым стимулируя процесс секвестров и конфискаций⁴⁰.

В прибалтийских губерниях, где антинемецкие настроения и близость к фронту создавали напряженную атмосферу, секвестр применялся особенно широко и нередко на сомнительных основаниях. Известный в свое время латыш В.Л. Керковиус, член рижского биржевого комитета, жаловался в МВД на губернатора, приказавшего наложить арест на все имущество, принадлежавшее вражеским подданным, и полиция начала секвестровать магазины, коммерческие предприятия и личное имущество иностранцев. В результате, по его утверждению, десятки тысяч теперь уже русских подданных, работавших в этих фирмах или зависимых от них, лишились работы⁴¹.

Посягательства на имущество граждан враждебных государств не ограничивались прифронтовыми районами. Подобные случаи имели место и в глубинке, как, например, в Тамбове, где командующий местным гарнизоном приказал конфисковать все «иностранные яйца» для нужд армии⁴². Широкий спектр изданий общенациональной печати, включая относительно либеральные газеты, постоянно публиковал горячие призывы к гражданским властям более широко применять меры конфискации и секвестра по отношению к вражеским подданным⁴³.

Обеспокоенное тем, что действия властей создавали ощущение полного отсутствия законной защиты собственности иностранных граждан и вообще «погромную атмосферу», МВД попыталось ограничить активность сначала губернаторов, а затем и военных. Начиная с конца сентября 1914 г. умеренный по своим взглядам товарищ министра внутренних дел Джунковский непрерывно слал циркуляры губернаторам, в которых указывалось, что они не имеют права секвестровать имущество подданных неприятельских государств без достаточных оснований. Председатель Совета министров Иван Логгинович Горемыкин писал Янушкевичу, что массовые конфискации имущества и предприятий вражеских подданных в Риге, Пскове и Витебске, о которых сообщалось в отчетах правительству, создают нежелательную атмосферу по отношению к частной собственности в целом и провоцируют применение ответных мер против российских подданных в Германии⁴⁴. В результате Янушкевич приказал своим подчиненным не конфисковывать или секвестровать предприятия и имущество всех подряд этнических немцев «без достаточных на то оснований». В ответ на послание Горемыкина он заверил последнего, что в будущем армия будет конфисковывать предприятия и имущество лишь помогающих врагу или постоянно контактирующих с ним лиц. Это вмешательство сдержало рост числа приказов о конфискации и секвестрах, но не остановило подобную практику, применявшуюся в течение всей войны. Янушкевич сдерживал себя лишь в течение месяца, а затем вернулся к своей агрессивной тактике и в письме к генералу Ю.Н. Данилову утверждал, что, хотя конфискации и должна применяться только при наличии доказательств связи с врагом или помощи ему, ее необходимо применять при малейшей возможности и отдавать ей предпочтение перед секвестром, т.к. только это гарантирует полную, немедленную и окончательную смену собственника⁴⁵.

Армия также играла активную роль в наращивании репрессивных действий против ряда фирм, что в конечном итоге приводило к их лик-

видации. Типичный пример подобного рода представлял собой случай с петроградским торговым домом «Шварц, Брант и К^о». Он был основан по российскому торговому уставу в 1900 г., на начало войны в нем работало восемь служащих (трое русских подданных, четверо немецких и один австрийский). Немецкие совладельцы фирмы, Метцельтин и Брандт, были высланы из Петрограда в самом начале войны. Специализация фирмы на торговле зерном и вторичном страховании вызвала подозрения армейских властей в том, что страхование российских судов может давать этой фирме ценную для врага информацию о деятельности российского торгового флота. Командующий Петроградским военным округом приказал провести обыск в помещениях фирмы в ночь с 23 на 24 ноября 1914 г. Хотя ничего подозрительного обнаружено не было, Военное министерство потребовало принудительной ликвидации фирмы. В результате Совет министров назначил контролеров, которые довольно быстро, к 10 мая 1915 г., сформировали ликвидационный комитет. Фирма была закрыта и ликвидирована вскоре после этого⁴⁶.

Военные власти проявляли инициативу по применению ареста и секвестра даже к довольно крупным фирмам. Например, в феврале 1915 г. военные власти приказали секвестровать акционерное общество, поставлявшее значительную часть электроэнергии для Киева, Двинска и Варшавы — «Общество электрических предприятий в Берлине», — и пять его дочерних предприятий с совокупным капиталом в 14,1 млн. руб.⁴⁷ Секвестр часто был лишь первым шагом на пути к полной ликвидации фирм с участием вражеских подданных. Передавая временный контроль над имуществом частным лицам, государству или общественным организациям, власти с помощью секвестра создавали мощное лобби за безвозвратное удержание собственности в руках новых хозяев. Масштабы секвестра довольно трудно определить, но, судя по докладам губернаторов, в некоторых районах он применялся достаточно широко, особенно на территориях, объявленных на военном положении, где целый ряд начальствующих лиц секвестровал в среднем по двадцать крупных и десятки мелких предприятий каждый⁴⁸.

Секвестр и конфискация стали новыми инструментами, широко применяемыми для реорганизации национальной экономики. Со стороны царского режима это была лишь часть общего радикального поворота в сторону национализации экономики. Во-первых, данные инструменты де-факто осуществляли переход многих фирм и недвижимого имущества в руки государственных учреждений. Во-вторых, меньшее, но все же значительное количество фирм они передавали в

собственность «надежным» русским частным лицам и общественным организациям. Однако более важными, чем эти экстраординарные меры, стал набор указов, создававших правовую основу для более организованной кампании против вражеских подданных и их коммерческих предприятий.

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ОГРАНИЧИТЕЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Указ 11 января 1915 года

Несмотря на то что в Совете министров прекрасно понимали возможные последствия массовой кампании против вражеских подданных в экономической сфере⁴⁹, давление со стороны общества и армии в конечном итоге заставило правительство действовать. Некоторые члены Совета во главе с министром юстиции И.Г. Щегловитовым уже в октябре 1914 г. начали говорить о том, что война даст возможность освободить Россию от германского и вообще иностранного влияния. Даже Министерство финансов, считавшееся самым осторожным в вопросе избавления от не в меру активных подданных враждебных государств, пришло к необходимости поддержать некоторые репрессивные меры, заявив, что возбуждение фабричных рабочих против иностранных владельцев, управляющих и мастеров становится настолько серьезным, что правительство не должно оставаться безучастным в этом вопросе⁵⁰.

Первый важнейший указ был принят 11 января 1915 г. и применялся к товариществам с полной и ограниченной ответственностью и к фирмам, занятым прежде всего страхованием, оптовой или розничной торговлей, а также к акционерным обществам, действовавшим по уставам, выработанным во вражеских государствах⁵¹. Первая статья указа запрещала выдачу разрешений на торговую или иную деятельность подобным фирмам с участием вражеских подданных или представителям акционерных предприятий, зарегистрированных по законам этих государств. Данная статья касалась физических лиц — обладателей длинного списка профессий, включая служащих судоходных компаний, брокеров, нотариусов, страховых агентов, приказчиков торговых домов и других специалистов. Она фактически требовала, чтобы все неприятельские подданные подобных профессий были уволены. Другие статьи предусматривали принудительную ликвидацию фирм, полностью принадлежавших вражеским подданным, товариществ, где

один или несколько партнеров были подданными неприятельского государства, и акционерных обществ, чья деятельность считалась «национально враждебной», а также фирм, занятых перечисленными выше видами деятельности. Устав определял и «национальность» подобных акционерных обществ. Если фирма была основана во враждебной стране и по вражеским законам, тогда она считалась вражеской по национальности, но если ее учредили по российскому законодательству, фирма считалась российской⁵². Это требование до поры до времени защитило значительную часть крупных промышленных предприятий с участием вражеских подданных, поскольку большинство их было основано по российским законам. Более того, одна из статей указа давала возможность многим крупным промышленным фирмам, даже учрежденным по иностранным законам, продолжать свою деятельность. Таким образом, на практике этот закон затрагивал мелкие и средние фирмы и товарищества, в основном занимавшиеся торговлей или организованные лицами свободных профессий.

Принудительная ликвидация фирм, целиком принадлежавших вражеским подданным, считалась открытой и прозрачной процедурой. Владельцы были обязаны продать фирму не позднее 1 апреля (позже этот срок был продлен до 1 июля) 1915 г., если не хотят столкнуться с принудительной ликвидацией, проводившейся местными властями. Фирмы, в состав собственников которых входили российские подданные, подвергались ликвидации комитетом российских совладельцев, который решал участь фирмы и выкупал доли других совладельцев или пайщиков — вражеских подданных в соответствии со сложными правилами, позволявшими выплачивать гораздо меньшие суммы, чем текущая стоимость долей иностранцев в предприятии. При выкупе платежи не могли идти непосредственно бывшему владельцу, а поступали на специальный заблокированный счет в Государственном банке с разрешением на его использование по окончании войны. На практике такая процедура вела к ликвидации преуспевающих фирм и по существу превращала долю вражеского подданного в замороженный счет. Действие закона испытали на себе как минимум 3054 фирмы. Чуть более половины (1665) этих фирм были исключены из действия закона в результате ходатайств благодаря славянской, французской или итальянской национальности германских и австрийских подданных из числа их совладельцев, а также по причине христианского вероисповедания подданных Турции и Болгарии. Три четверти оставшихся фирм (1360) закрылись добровольно или перешли к другим владельцам, а еще

четверть (479) была принудительно ликвидирована государством под надзором специально назначенных чиновников⁵³. Большая часть фирм, попавших под действие этого закона, была небольших размеров и в среднем имела по 30 служащих и годовой оборот в 100 тыс. руб.⁵⁴

Два фактора особенно повлияли на суровость этих мер и подхлестнули кампанию против вражеских подданных. Во-первых, в результате решения, принятого Правительствующим Сенатом 9 февраля 1915 г., Россия стала единственным воюющим государством, отказавшим вражеским подданным в праве судебной защиты. Таким образом, у тех, кто попал под действие репрессивных законов, не было возможности оспорить их положения или особенности их конкретного применения, что открывало широкий простор для злоупотреблений⁵⁵. Во-вторых, применение указа 11 января сопровождалось потоком яростных статей в консервативной печати, следовавших после каждого конкретного шага в исполнении закона, в которых звучали требования еще более решительных мер, а временами и прямые обвинения правительства в недостаточной приверженности делу «борьбы с немецким засильем». Из-за сложности процедуры ликвидации фирм конечный срок их закрытия был перенесен с 1 апреля на 1 июля 1915 г. Накануне окончания данного срока в Москве начались массовые беспорядки, направленные против владельцев немецких и других иностранных предприятий, что еще более усилило общественное давление на правительство с целью заставить его ужесточить кампанию против вражеских подданных — предпринимателей⁵⁶.

В сентябре и октябре 1915 г. царь решил отправить в отставку своих умеренных министров, а важнейшим новым назначением стало появление в правительстве нового министра внутренних дел — А.Н. Хвостова. Последний, прежде бывший главой фракции правых в Государственной Думе, являлся одним из главных сторонников всеобъемлющей «борьбы с немецким засильем» и особенно настойчиво добивался распространения этой борьбы на сферу крупной торговли и промышленности. Поскольку Хвостов твердо верил в существование международного заговора с участием крупного капитала и промышленных монополистов, находившихся, по его убеждению, под контролем евреев и немцев, он заявлял, что правительство должно было разорвать все отношения с иностранными фирмами, поддерживавшими эту систему. Министр настаивал на том, чтобы правительство наконец вмешалось в запутанные дела, в том числе и тех промышленных и финансовых кругов, где вражеским подданным принадлежали лишь доли в российских ком-

паниях и где их интересы тесно переплетались с интересами российских подданных и крупных фирм⁵⁷. Взгляды нового министра разделяли все последующие председатели Совета министров. Оба преемника И.Л. Горемыкина — А.Ф. Трепов и А.Д. Протопопов — еще до своего назначения были членами Комитета по борьбе с немецким засильем, а Б.В. Штюрмер, болезненно воспринимавший критику в адрес своей немецкой фамилии, был также весьма агрессивен в этом вопросе.

Указ 17 декабря 1915 года

Новый указ распространил репрессивную кампанию и на крупные промышленные предприятия. Положения нового узаконения были схожи с указом 11 января, но уже не давали фирме возможности избежать ликвидации, уволив вражеских подданных, однако и не позволяли русскому персоналу данных предприятий проводить ликвидацию и реорганизацию своих фирм. Эта операция проводилась только «правительственными инспекторами», образовывавшими особые «ликвидационные комитеты», специально назначенные для каждого предприятия.

В законе с оговорками признавалось, что его жесткое применение могло разрушительным образом отразиться на оборонном производстве. Поэтому он предусматривал исключения для предприятий, выполнявших оборонные заказы, и фирм, уже находившихся под контролем государства в результате секвестра⁵⁸. Подобные льготы не являлись автоматическими, но могли быть предоставлены, если власти сочли бы их соответствующими интересам государственной обороны⁵⁹. Однако в каждом случае применения льгот чиновники, закрепленные за предприятием, не отзывались, а продолжали осуществлять надзор за деятельностью фирмы при помощи «временной администрации». Если в дальнейшем принималось решение перейти к ликвидации, то «временная администрация» преобразовывалась в «ликвидационный комитет».

С момента публикации указа 17 декабря 1915 г. и вплоть до Февральской революции ликвидационная кампания продолжала набирать обороты. 2 января 1916 г. задним числом была прекращена ранее допускаемая практика, позволявшая торговым фирмам, при условии соблюдения закона 11 января 1915 г., продолжать свою деятельность, если все вражеские подданные были уволены. Все контракты и соглашения между бывшими владельцами (вражескими и российскими подданными или гражданами нейтральных и союзных стран) были признаны не имеющими юридической силы и подлежали проверке со стороны пра-

вительственных инспекторов. Целью подобной проверки было раскрытие случаев «фиктивной передачи», при которой бывший владелец (подданный враждебного государства), чтобы избежать ликвидации предприятия, заключал неофициальную сделку с российским подданным, действовавшим как подставное лицо⁶⁰.

Ликвидационные комитеты были созданы на 460 крупных промышленных предприятиях, и к 1 ноября 1917 г. 59 из них были полностью ликвидированы, а 75 находились в процессе ликвидации. Временное правительство не снизило темпов ликвидации, и во время его непродолжительного пребывания у власти в большинстве случаев уже начавшийся ранее процесс официального закрытия ряда предприятий был завершен⁶¹.

АКЦИОНЕРНЫЙ КАПИТАЛ ВРАЖЕСКИХ ПОДДАННЫХ В РОССИЙСКИХ АКЦИОНЕРНЫХ ОБЩЕСТВАХ

Самой трудной задачей в кампании против участия подданных враждебных государств в экономике была ликвидация их пакетов акций в предприятиях, основанных согласно российскому законодательству. Агитация в прессе против «немецкого засилья» довольно скоро затронула и крупные фирмы. Как уже отмечалось ранее, согласно указам 11 января и 17 декабря 1915 г. «национальность» акционерных компаний определялась по стране, в которой они были учреждены. Таким образом, пакеты акций, принадлежавшие вражеским подданным в предприятиях, созданных по российским законам, а также по законам нейтральных или союзных стран, не попадали под действие этих указов.

Для того чтобы разобраться с предприятиями подобного рода, правительство ввело в действие ряд репрессивных мер. Во-первых, указ 1 июля 1915 г. давал право Совету министров закрывать акционерные компании, учрежденные *по российским законам*, если их деятельность можно было считать наносящей ущерб общественным интересам. До закрытия указ предписывал закреплять за фирмами правительственных инспекторов, которые должны были определить «национальность» фирмы, истинный размер ее акционерного капитала и выявить физических лиц, владевших этим капиталом. Новое правило коренным образом меняло принцип, по которому определялась национальность фирм. Прежде национальную принадлежность предприятия определяло законодательство, по которому фирма была учреж-

дена. Теперь же фундаментальный принцип корпоративного права, подразумевавший, что акционерное общество есть юридическое лицо, четко отделенное от его акционеров и владельцев, был полностью отменен в пользу классификации обществ по национальной принадлежности его акционеров и управляющих. Правительственным инспекторам предоставлялось право участвовать в управлении и надзирать за повседневной работой предприятий, в которых подозревалось хотя бы минимальное участие вражеских подданных.

К концу 1915 г. инспекторы были назначены уже на две тысячи российских предприятий, в 364 из которых было выявлено значительное участие вражеских подданных. В течение 1916 и 1917 гг. инспекторы появились еще по крайней мере на одной тысяче предприятий, включая крупнейшие фирмы России⁶². Эти чиновники действительно глубоко вникали в повседневную деятельность и управление предприятиями. Они имели полный доступ и неограниченный контроль над всей финансовой документацией предприятия и право требовать изменений в производственном процессе и замены персонала, а также выступали в роли законных представителей фирмы в любых спорах. Это новое вмешательство в сферу частного предпринимательства стало важной вехой общего усиления роли государства в экономике во время войны. Кроме того, пресса также сыграла большую роль в принятии решений о назначении нового административного персонала, изображая их появление в качестве первого шага к окончательной ликвидации связанных с вражескими подданными предприятий. В том же ключе были выдержаны директивы и инструкции для правительственных инспекторов, в которых подчеркивалось, что они должны быть бдительны, поскольку даже сравнительно небольшое число акций в руках вражеских подданных может послужить основой для их нового проникновения в российскую промышленность после войны⁶³.

Тем не менее правительство с полным основанием остерегалось форсировать изъятие пакетов акций, находившихся в собственности вражеских подданных. В количественном отношении эта форма участия подданных враждебных государств составляла основную долю вражеского капитала в экономике России. Совет съездов представителей промышленности и торговли предупреждал, что непродуманные действия в данном вопросе негативно скажутся на фондовом рынке, подорвут деятельность некоторых крупнейших и важнейших российских предприятий, неблагоприятно скажутся на доходах многих российских акционеров и компаний и, если государство возьмет под свой контроль

все акции вражеских подданных, это резко усилит его роль в экономике, против чего Совет съездов решительно возражал. Если подданные враждебных государств получали условную компенсацию при помощи замороженных счетов в Государственном банке, это все равно означало массовый отток капитала из экономики на время войны, что было крайне нежелательно в период, когда все усилия направлялись на максимальное увеличение производства⁶⁴. Более того, и Совет съездов, и Министерство иностранных дел указывали на то, что, поскольку во многих компаниях, подпадающих под действие закона, существенная часть капитала принадлежит подданным нейтральных или союзных стран, подобный закон может создать серьезные дипломатические затруднения, а также повредить России в ее послевоенных устремлениях к привлечению иностранных инвестиций. Если акционерный капитал вражеских подданных не возместить сразу и в полном объеме, то суммы компенсационных выплат за убытки на предстоящих мирных переговорах могли быть громадны.

Несмотря на столь весомые аргументы, правительство продолжило подготовку указа, который и был подписан царем 8 февраля 1917 г. Указ устанавливал сложную процедуру, на основании которой акции, принадлежавшие вражеским подданным, объявлялись недействительными, а аналогичные ценные бумаги пускались в обращение в равном количестве. Министерство торговли и промышленности передавало эти новые акции новым владельцам. В число последних могли входить российские акционеры данной компании, Государственное казначейство, органы местного самоуправления или другие государственные учреждения. Вражеские подданные могли получить компенсацию за свои акции, однако методы определения цены, выплачиваемой прежним владельцам, не оставляли сомнения в том, что она будет гораздо ниже рыночной. Компенсационная цена устанавливалась в соответствии с годовым балансовым отчетом, утвержденным последним предвоенным общим собранием акционеров. Существенное обесценивание рубля, инфляция и общий рост курсов акций во время войны гарантировали, что компенсация будет гораздо ниже текущей стоимости. Так или иначе, Комитет по обязательной продаже акций неприятельских подданных, учрежденный при Министерстве торговли и промышленности с целью контроля за применением закона, получил полномочия снижать цену по своему усмотрению. Более того, процедура была организована так, что списки акций, принадлежавших подданным враждебных государств, публиковались в официальном журнале «Вестник фи-

нансов, промышленности и торговли», а владельцам акций давалось всего две недели с момента публикации для передачи своих акций. Если владеющий акциями вражеский подданный не укладывался в назначенный срок, он терял право на компенсацию⁶⁵. Учитывая, что большое число вражеских подданных, депортированных в глубь страны, высланных из пределов империи или уже давно находившихся за границей, не могли уложиться в двухнедельный срок, становится ясно, что они просто теряли свои акции. Большое количество пакетов акций, подпадавших под действие этого закона, было именно таким образом ликвидировано при Временном правительстве, не отменившем этого или ранее принятых узаконений, направленных против экономической деятельности вражеских подданных⁶⁶.

Хотя времени на осуществление сложной процедуры ликвидации акций вражеских подданных было мало, результат все равно стал значительным. Во время мирных переговоров в Брест-Литовске сводные данные по выплатам, произведенным до большевистского переворота, показали, что акций вражеских подданных было ликвидировано на сумму свыше 50 млн. руб.

Таблица 2. Применение закона 8 февраля 1917 г. в промышленности

Отрасли промышленности	Доля акций, принадлежавшая вражеским подданным		
	Основной капитал (в тыс. руб.)	в %	в руб.
1. Металлообрабатывающая	56 700	11	6 355 050
2. Химическая	20 200	25	5 174 300
3. Обработка волокнистых веществ	88 582,8	16	14 488 200
4. Пищевое производство	9 207	23	2 164 195
5. Нефте- и угледобывающая	44 200	7	3 042 800
6. Машиностроение	46 892	10	5 107 625
7. Электроэнергетика	65 600	17	11 363 000
8. Другие	43 085,6	14	6 037 240
Всего	374 467,4	14	53 732 320

Источник: РГИА. Ф. 23. Оп. 27. Д. 689. Л. 7.

Если сопоставить данные в хронологическом порядке, то в 1914 г. в российской промышленности доля акционерного капитала составляла 2,8 млрд. руб., из которых 1,3 млрд. находились в иностранных руках. Таким образом, данная программа затронула российские фирмы

более чем с 13% общего капитала российской промышленности и привела к фактической ликвидации и передаче другим собственникам приблизительно 4% всех иностранных акционированных капиталовложений, или примерно 2% всего российского промышленного капитала. Данные результаты были достигнуты в течение нескольких месяцев после опубликования указа в феврале 1917 г. и касались лишь части акций вражеских подданных, подлежавших ликвидации в соответствии с данным законоположением⁶⁷.

НАДЗОР И ЛИКВИДАЦИЯ

Реализация ряда ликвидационных указов имела результатом национализацию многих фирм вражеских подданных, но также привела к увеличению вмешательства государства в экономику путем назначения правительственных инспекторов на предприятия. Для координации их деятельности был даже создан совершенно новый отдел Министерства торговли и промышленности⁶⁸. Количество чиновников, занятых в осуществлении надзора и ликвидационных процедур, исчислялось сотнями. В течение войны они были назначены более чем на 3 тыс. предприятий, большая часть которых была основана по российским законам и имела значительное, если не подавляющее большинство российских собственников и административного персонала⁶⁹. Министерство торговли и промышленности могло направить инспекторов практически на любое предприятие, где предполагалось хотя бы малейшее участие вражеских подданных⁷⁰. Даже на полностью русские предприятия назначались государственные представители, если имелись подозрения, что оно тесно связано посредством кредитных или торговых отношений с гражданами враждебных стран или вражескими фирмами.

Министерство торговли и промышленности оказывало давление на инспекторов с целью ускорения ликвидационных процедур и отклоняло многочисленные протесты последних, считавших ликвидацию губительной для уровня производства⁷¹. Инспекторы, нередко превращавшиеся в ликвидаторов, поскольку именно они начинали процедуру ликвидации, также были склонны распространить кампанию против вражеских подданных на более широкие категории враждебных элементов в российской экономике. Их отчеты показывают, что эти чиновники уделяли пристальное внимание операциям подконтрольных им фирм с еврейскими фирмами или кредиторами и в некоторых слу-

чаях требовали увольнения «неблагонадежных» российских подданных еврейского, немецкого или польского происхождения из числа административного персонала. На Дальнем Востоке инспекторы также оказались вовлеченными в широкомасштабную кампанию по замене азиатских рабочих на русских и военнопленных славян⁷².

Инспекторы имели весьма широкие полномочия в подчиненных им фирмах, включая право решать кадровые вопросы, вмешиваться в финансовую и ценовую политику. В случае необходимости они могли вызывать полицию или войска для обеспечения исполнения своих решений⁷³. Они также имели указания налагать запрет на все выплаты дивидендов вражеским подданным и отслеживать действия русских клиентов этих фирм на предмет их возможного тайного сотрудничества с вражескими подданными и «надежности» с точки зрения государственных интересов. Ряд инспекторов был назначен в более крупные фирмы, образуя там «временную администрацию», которая по сути брала на себя полномочия совета директоров и управляющих. После того как инспекторы и временные управляющие были приписаны к большому количеству фирм (на значительную часть всех действующих в России компаний), государство стало использовать их для постепенного увеличения регулирующего воздействия на производство. Директивы побуждали их использовать все доступные средства, чтобы стимулировать достижение максимального уровня производства, удерживать частные прибыли на низком уровне и ориентировать производство на государственные заказы. Таким образом, правительственные инспекторы, управляющие и ликвидаторы играли важную роль в общем курсе на все большую вовлеченность государства в экономику во время войны⁷⁴.

Быстрый рост государственного контроля над производством все равно не мог удовлетворить чиновников, и они предпочли перейти к дальнейшей национализации, увеличивая роль государства в прямом владении предприятиями. Как только инспекторов назначали в какую-либо компанию, государственные органы ходатайствовали о ее ликвидации и национализации. Одна из наиболее спорных ликвидаций, когда само государство вступило во владение частью акционерного капитала, затронула «Общество электрического освещения 1886 года». Компания с уставным капиталом в 50 млн. руб. имела отделения в Петрограде, Москве, Киеве и Лодзи и являлась одним из крупнейших поставщиков электроэнергии в каждом из этих городов⁷⁵. Вскоре после начала войны в нескольких крупных газетах появились статьи, на-

мекавшие на то, что эта компания немецкая и поэтому должна быть секвестрована или ликвидирована⁷⁶. МВД, основываясь на жандармском расследовании, утверждало, что компания действительно «несомненно германская», и требовало от военных употребить власть и установить контроль над ней. Последние вынуждены были в августе 1915 г. заморозить все счета и активы компании⁷⁷. Газеты, а также Московская и Петроградская городские думы подняли вопрос о передаче компании под муниципальный контроль. Правительство назначило инспекторов во все местные отделения фирмы, но из-за неуступчивости министра торговли и промышленности В.Н. Шаховского Совет министров явно не спешил передавать компанию муниципалитетам, поскольку не доверял либеральным устремлениям их членов⁷⁸. Более того, инспекторы докладывали, что компания в конечном счете не являлась немецкой. Она была создана по российским законам в 1886 г., и большая часть ее акций до войны была приобретена швейцарской компанией. Швейцарский посол весьма энергично защищал права своих соотечественников⁷⁹. Лишь 21% акций фирмы принадлежал гражданам Германии. Почти все служащие и управляющие — подданные враждебных государств были высланы в первые месяцы войны, включая двух из шести управляющих, являвшихся германскими подданными. Шесть членов правительственной инспекции, назначенной в данную компанию, единогласно выступили против насильственного отчуждения акций вражеских подданных, в том числе из-за опасности резкого падения производства⁸⁰.

Тем не менее под сильным давлением со стороны городских дум, а также консервативной и либеральной печати Совет министров принял решение закрыть компанию, ликвидировать участие в ее акционерном капитале вражеских подданных и передать его под контроль государства⁸¹. Непосредственная реорганизация была проведена Временным правительством по закону 7 февраля 1917 г. о ликвидации акционерного капитала подданных враждебных государств. Согласно окончательной договоренности, более $\frac{2}{3}$ акций, ранее принадлежавших вражеским подданным, переходили под контроль городского самоуправления, а оставшаяся треть — в распоряжение Государственного казначейства.

Государственные учреждения завладели значительными долями акций и некоторых других ликвидированных фирм. На мелких предприятиях государственные органы зачастую становились полными собственниками, в то время как в крупных корпорациях государство, как правило, принимало во владение лишь часть акций. Например, когда

крупные электроэнергетические компании корпорации «Сименс» (Акционерное общество «Сименс и Гальске» и Русское общество «Сименс-Шуккерт») в ноябре 1916 г. подверглись ликвидации, казначейство выкупило 35% акций новой объединенной компании с капиталом в 25 млн. руб.⁸² В некоторых других крупных электроэнергетических компаниях с долями немецкого акционерного капитала поступили аналогичным образом. Городские самоуправления по всей империи требовали особых прав на получение акций вражеских подданных в электрических и электротранспортных акционерных предприятиях, и во многих случаях — весьма успешно. Например, «Всеобщая компания электричества» — один из важнейших поставщиков электричества, также специализировавшийся на поставках и обслуживании трамваев и железных дорог в Петрограде, Москве, Екатеринбурге, Самаре, Ташкенте, Владивостоке, Иркутске, Томске, Харькове, Екатеринославе, Ростове-на-Дону, Одессе, Киеве, Пскове и Баку, была ликвидирована 1 июля 1917 г. Казначейство перевело на себя 35% из двадцатичетырехмиллионного основного капитала компании и продало 34% русским коммерсантам⁸³. Киевская электрическая компания была сначала секвестрована по приказу военного губернатора в феврале 1916 г., затем ликвидирована и, спустя месяц, передана в управление городской думе. При наличии повышенного интереса со стороны министерств и ведомств, земств и городов к получению контроля над различными фирмами целиком или частично очень скоро стало ясно, что единственным фактором, ограничивающим движение к масштабному присвоению государством имущества вражеских подданных, была цена вопроса. Приобретение акций подданных враждебных государств вышеупомянутых компаний обошлось казне более чем в 30 млн. руб.⁸⁴

Чтобы содействовать далекому плану национализации экономики России, должностные лица прежде всего стремились реализовать программу по передаче акций враждебных подданных частным российским собственникам. Министерство торговли и промышленности в своем циркуляре правительственным инспекторам, ликвидаторам и управляющим заявляло, что основная цель ликвидационной программы состояла в передаче предприятий и акций новым владельцам, что «должным образом обеспечивало бы русскую торговлю и промышленность от зависимости и влияния неприятельских подданных и капитала»⁸⁵. Несколько раз министерство недвусмысленно подтверждало, что оно рассматривало программу ликвидации как долговременный механизм русификации промышленности России, а не как временную

меру, применяемую в военное время⁸⁶. В тех редких случаях, когда подданным нейтральных стран разрешалось приобретать акции, ранее принадлежавшие вражеским подданным, правительство чинило им множество препятствий, тщательно изучало условия сделок и устанавливало жесткий надзор за реорганизованными предприятиями⁸⁷. Комитет по борьбе с немецким засильем работал в тесном взаимодействии с ликвидаторами для координации подобных переводов собственности в рамках обширного плана русификации экономики. Совет министров именно ему предоставил право решать в каждом отдельном случае, что более соответствовало интересам государства — переход определенной компании в руки русского частного собственника или государства⁸⁸.

Важным аспектом репрессивного законодательства было поощрение участия русских предпринимателей в ликвидационной кампании. Это особенно очевидно из одной статьи указа 8 февраля 1917 г., гласившей, что для начала процесса ликвидации лишь четверть от общего числа российских акционеров определенной фирмы должна была ходатайствовать о необходимости изъятия акций вражеских подданных, а оценка стоимости этих акций давала существенный материальный стимул русским высказаться в пользу ликвидации собственности своих иностранных коллег-совладельцев⁸⁹. Многочисленные письма в Министерство торговли и промышленности от русских совладельцев с требованием конфискации государством или ликвидации акций вражеских подданных с последующей передачей их российским собственникам подчеркивали общественную динамику и массовую вовлеченность в националистическую экономическую политику во время войны⁹⁰.

Наряду с тем, что меры, обсуждавшиеся нами до сих пор, применялись к подданным враждебных государств и их фирмам, они также могли воздействовать на гораздо более широкий круг российских предприятий. Как только практика ликвидации, секвестра и контроля над вражескими подданными стала вполне официальной частью внутренней политики, данные инструменты могли быть применены к более широким категориям субъектов общества и экономики. Два примера демонстрируют, во-первых, как российские подданные могли становиться мишенью репрессивных кампаний и, во-вторых, как иностранные граждане нейтральных стран могли серьезно пострадать в ходе подобных мероприятий. Оба случая показывают ход развития кампании против вражеских подданных при постоянной радикализации стиля ее проведения в обществе, армии и правительстве.

«КУНСТ И АЛЬБЕРС»

Одно из наиболее масштабных и спорных ликвидационных дел во время войны было связано с крупной торговой компанией «Кунст и Альберт», обслуживавшей в основном российский Дальний Восток. Годовой оборот компании составлял 17 млн. руб., а доля в обороте рынка — почти 50% по целому ряду потребительских товаров, продаваемых в разветвленной сети магазинов⁹¹. Данное дело показывает, насколько важна была роль прессы и конкурентов во всеобщей шовинистической мобилизации против вражеских подданных в экономике, а также какова была роль армии во внутренней политике и сколь запутанным был клубок взаимосвязанных русских и «иностраных» интересов в имперской экономике даже в далекой Сибири.

Компания «Кунст и Альберс» являлась торговым предприятием, основанным по российскому законодательству в 1864 г. и имевшим 30 отделений по всему Дальнему Востоку и во всех крупных городах империи. Ее управляющие и совладельцы Адольф Даттан и Альфред Кунст получили российское подданство в 1880-х гг. Как компания, принадлежавшая российским подданным, она не подпадала под действие ликвидационных указов о вражеской собственности. Однако нападки на компанию начались уже вскоре после начала войны. На основании анонимного доноса на Даттана, обвинявшегося в ведении якобы шпионской деятельности с помощью своей компании, генерал-квартирмейстер Ставки приказал провести 11 сентября 1914 г. ночной обыск в конторе компании и в доме Даттана. Все служащие — вражеские и враждебные подданные, включая и самого Даттана, были арестованы и высланы в Иркутск, хотя в полицейском отчете отмечалось, что «доказательств шпионской деятельности» не обнаружено. Эти действия властей спровоцировали шквал газетных статей, утверждавших, что Даттан — шпион, а его компания — немецкая и должна быть ликвидирована. Через несколько недель Даттан был освобожден, что вызвало громогласные обвинения правительства в измене. Янушкевич писал министру внутренних дел в декабре 1914 г. о том, что вел. кн. Николай Николаевич проявил личную заинтересованность в этом деле и желал бы, чтобы Даттан был снова выслан, а его компания ликвидирована. В январе 1915 г. полиция снова произвела обыски в отделениях фирмы, на этот раз Даттан был арестован и выслан в Нарым Томской губернии. Янушкевич приказал наложить арест на прибыль и основной капитал фирмы. Агитация за ликвидацию фирмы «Кунст и Альберс»

продолжалась в течение всей войны. Редактор правой петроградской газеты «Вечернее время» сыграл главную роль в разжигании кампании в печати и утверждал в особой записке в 1917 г., что именно он первым раскрыл «измену» Даттана и его компании⁹². «Общество 1914 года» отчаянно ратовало за ликвидацию и заверяло в поддержке данной меры со стороны всех главных военачальников, утверждая, что ликвидация «Кунст и Альберс» объединит правительство с живыми силами населения и будет содействовать победе здорового русского национализма над тлетворным иностранным влиянием⁹³.

Однако действительность оказалась гораздо более сложной. Из Хабаровска, Владивостока и Николаевска-на-Амуре биржевые комитеты сообщили, что ликвидация фирмы поставит все население Дальнего Востока в затруднительное положение и обострит существующую нехватку потребительских товаров и инфляцию⁹⁴. Старшие русские служащие «Кунст и Альберс» написали коллективное письмо в защиту компании, в котором указали, что практически все руководящие должности в ней занимают русские подданные, 200 из 750 служащих находятся в рядах действующей армии и продолжают получать полное жалование, а 85% товаров, продаваемых компанией, производилось в России и что Дальнему Востоку совсем не нужен рост цен на товары первой необходимости и новый виток инфляции⁹⁵. Они также подали иск против «Вечернего времени» за клевету и предупредили, что весь сибирский рынок розничной торговли поделен между «Компанией Чурина» и «Кунст и Альберс» и, следовательно, ликвидация последней сделает Чурина монополистом. Жесткая конкуренция между двумя фирмами была выгодна потребителям, поскольку не позволяла ценам расти. В «Кунст и Альберс» утверждали, что за всей этой ликвидационной кампанией стоял Чурин, инспирировавший анонимные доносы и подкупавший прессу для публикации скандальных статей⁹⁶.

Поскольку фирмой целиком владели и управляли российские подданные, власти не могли просто применить один из ликвидационных законов, поэтому сначала они наложили арест на имущество компании, а потом назначили правительственных инспекторов для контроля над ее деятельностью. Комитет по борьбе с немецким засильем рассмотрел этот вопрос в декабре 1916 г. и постановил, что фирма должна быть ликвидирована. Совет министров утвердил это решение в январе 1917 г., но прежде чем оно могло быть выполнено, произошла Февральская революция⁹⁷. Временное правительство пересмотрело данное дело и отложило процедуру ликвидации.

Совладелец компании А. Даттан, уже 30 лет бывший российским подданным, провел большую часть войны в сибирском лагере для интернированных. Вскоре после Февральской революции он получил свободу на несколько недель, но вновь был арестован и интернирован 7 апреля 1917 г. Его космополитический стиль жизни и связи с Германией были слишком подозрительны для военного времени. Будучи полноправным российским подданным, удостоенным потомственного дворянства, два сына которого служили в русской армии, он при этом поддерживал связи с Германией, часто ездил в Берлин, где сохранял отделение своей компании. Никаких доказательств того, что он или кто-либо из его служащих занимались шпионской деятельностью во время войны, найдено не было. Контрразведка действительно сталкивалась с серьезными трудностями в Сибири, как и по всей империи, а военная контрразведка была особенно озабочена свидетельствами того, что Германия использует базы в Китае, чтобы вести шпионскую и подрывную деятельность в Сибири⁹⁸. Но «Кунст и Альберс», конечно же, не была единственной фирмой принадлежавшей российским подданным и все же попавшей под жесткое давление во время войны. Много других, особенно мелких фирм, не избежали той же участи. Однако полемика вокруг компании показала, как пропагандистская кампания может легко выйти за положенные рамки агитации против именно вражеских подданных и перекинуться на давно натурализовавшихся российских подданных и их предприятия⁹⁹. Стала довольно типичной ситуация, когда стоявшие на первом месте проблемы безопасности при более внимательном рассмотрении лишь прикрывали попытки передачи рычагов экономического влияния в руки «истинно русских» владельцев.

«КОМПАНИЯ ШВЕЙНЫХ МАШИН ЗИНГЕР»

Другим крупным и чрезвычайно спорным делом военного времени стала ликвидация компании «Зингер». Оно также показывает, как кампания против вражеских подданных могла распространиться на широкие категории предприятий в пределах империи. С акционерным капиталом в 50 млн. руб., с 27 тыс. рабочих и служащих, обладая сетью из сотен магазинов по всей стране, «Зингер» была одной из крупнейших торгово-промышленных компаний в Российской империи¹⁰⁰. Как ни в каком другом случае, дело компании «Зингер» было раскручено именно военными властями на основании обвинений сотрудников

фирмы в шпионаже. Толчком к началу кампании против «Зингер» послужило перехваченное открытое письмо из Германии, адресованное в главное управление компании, в котором было обещано денежное вознаграждение за информацию о внутреннем положении в России, о ходе мобилизации и передвижениях войск¹⁰¹. Это побудило Ставку в декабре 1914 г. разослать всем местным воинским начальникам циркуляр, в котором утверждалось, что «Зингер» — германская компания, а ее сотрудники и представители — шпионы¹⁰². Началось расследование, которое вели контрразведка и МВД. Основу обвинения в шпионаже составляло обнаруженное контрразведкой свидетельство, что главное управление фирмы запрашивало у всех своих отделений подробные отчеты по следующим параметрам: состояние экономики на местах, изменения в настроении населения, детальная характеристика состава населения, сроки и успешность прохождения призывов в армию и т.п.¹⁰³ Военные и полиция увидели в этом «несомненное подтверждение шпионской деятельности» фирмы. Однако образцы подобных отчетов, сохранившиеся в делах Департамента полиции, показывают, что они были всего лишь частью стандартного применения «системы Зингера» в маркетинговых исследованиях — одной из самых современных маркетинговых систем в мире на тот момент, по мнению Фреда Карстенсена¹⁰⁴.

Преисполненные решимости найти доказательства шпионской деятельности компании, военные власти в июне 1915 г. перевели расследование из секретной в более чем открытую для общества форму. Генерал М.Д. Бонч-Бруевич приказал провести 6 июня 1915 г. ночные обыски в 500 отделениях и магазинах фирмы, расположенных в подведомственном его 6-й армии Петроградском районе. Обыск сразу стал сенсацией. Пресса подхватила эту историю и обвинила фирму в создании прикрытия для немецких шпионов. В течение следующего месяца командование Петроградского, Киевского, Двинского и Кавказского военных округов провело согласованные ночные обыски в магазинах и на складах фирмы «Зингер». 31 июля 1915 г. Бонч-Бруевич приказал немедленно закрыть более 500 магазинов компании и арестовать их имущество и счета. В результате этой акции было уволено 6 тыс. рабочих и арестовано товаров на 12 млн. руб.¹⁰⁵

МВД закрыло отделения «Зингер» и в других регионах по всей империи, включая 94 отделения в Тифлисской губернии и 119 — в районе Ростова-на-Дону. Пресса продолжала свои нападки на «германскую фирму «Зингер»» и требовала ее немедленного секвестра или ликвида-

ции. Губернаторы по всей империи, ссылаясь на статьи из «Нового времени», требовали дать им право закрывать, секвестровать или ликвидировать отделения «Зингер» на подчиненной им территории¹⁰⁶. Казанский губернатор предупреждал, что, если «Зингер» не закроют, возможны массовые беспорядки¹⁰⁷. Чтобы защититься от атаки властей, компания провела чистку рядов своих служащих от вражеских подданных и от российских подданных немецкого и еврейского происхождения¹⁰⁸. Местные власти также не дремали и в ускоренном порядке выслали многих местных служащих фирмы — немцев и евреев¹⁰⁹.

Вскоре общественность узнала, что широко распространенная аксиома о германской принадлежности компании «Зингер» оказалась ложной. Вмешательство возмущенного американского посла, крупного финансиста Дж. П. Моргана и других известных лиц заставило князя Г.Е. Львова, главу объединенного Союза земств и городов (Земгора), провести серьезное неофициальное расследование вопроса¹¹⁰. Результаты были опубликованы в августе 1915 г. в специальном отчете, отмечавшем, что из 30 328 служащих компании до войны только 131 были подданными враждебных государств и совсем малое число работников были гражданами союзных или нейтральных стран. В отчете содержалось заключение о том, что компания, основанная в 1897 г. как российская, была изначально американской и получала все руководящие указания из Нью-Йорка, а не из Берлина. Один из трех основателей русской компании был германским подданным, но только до 1902 г. Более того, «Зингер» уже имела 82 оборонных заказа на 3,6 млн. руб., а расследования, закрытия и секвестры грозили их невыполнением. Американская головная компания приказала кораблям, на борту которых находились основные компоненты для производства авиамоторов на Подольском заводе, развернуться, возвратиться в Нью-Йорк и оставаться там до тех пор, пока не прекратятся закрытия и секвестры, а также не будет снят запрет на перевод денег из России в Нью-Йорк. Секвестры и запрет на выплаты за рубеж не только угрожали объемам производства в России, но и привели к образованию 120 млн. руб. долга фирмы «Зингер-Россия» перед головной компанией в Нью-Йорке. Это в свою очередь угрожало экономическим отношениям с США, которые и так уже были натянутыми из-за массовых депортаций евреев и гражданских лиц как враждебных подданных¹¹¹. Продолжавшиеся газетная травля и официальная кампания еще более обостряли проблему, поскольку многие клиенты и фирмы отказывались погашать свои долги перед «Зингер». Текущие долги по расчетам стремительно росли, еще

более угрожая способности компании выполнять оборонные заказы и продолжать производство товаров для потребительского рынка¹¹².

Несмотря на очевидный урон экономике, оборонному производству и отношениям с важной нейтральной державой — США, включая прямые угрозы Дж.П. Моргана покинуть Россию и агитировать против предоставления ей кредитов, ликвидационная кампания продолжалась. 26 сентября 1915 г. все 94 магазина на Кавказе были закрыты по приказу военных властей, а сам военный министр продолжал требовать прекращения деятельности отделений «Зингер» по всей стране¹¹³. Центральные власти все же позволили большинству магазинов к концу 1915 г. открыться вновь, но под контролем правительственных инспекторов, что практически приравнивалось к секвестру. Государственные управляющие докладывали о больших трудностях при восстановлении деятельности отделений компании, многочисленных конфликтах с полицией и военными властями, которые упорно продолжали противодействовать их усилиям¹¹⁴.

Дело фирмы «Зингер», хотя и не приведшее к полной ее ликвидации, наглядно показало динамичную природу данной пропагандистской кампании. Обвинения в шпионаже, исходившие от военных, привели к своего рода «официальному погрому» компании, прокатившемуся по всей стране, чему способствовали присоединившиеся к травле МВД, местные власти и печать. Некоторые управляющие филиалами «Зингер» пытались избежать расправы, увольняя российско-подданных немцев и евреев, даже если от них этого напрямую не требовали. Этот случай демонстрирует, как шовинистическая кампания, нацеленная исключительно на вражеских подданных, распространилась на граждан нейтральных стран и даже российских подданных. В 1930-е гг. в СССР можно было наблюдать новый расцвет этой своеобразной «ментальности чисток» (*purge mentality*). «Зингер», конечно же, была не единственной крупной фирмой иностранного, но не вражеского происхождения, практически уничтоженной в ходе ликвидационных кампаний военного времени¹¹⁵.

Хотя Временное правительство сняло ограничения военного времени с российских подданных, оно не собиралось сворачивать репрессивные меры против вражеских подданных и их имущественных прав. Фактически стремление свести на нет участие подданных враждебных государств в экономике даже усилилось, и самым поразительным образом эта тенденция сохранялась в программах четырех совершенно

разных режимов, находившихся у власти в 1917—1920 гг. «Ликвидационные комитеты», созданные при старом режиме, продолжали свою работу при Временном правительстве, а затем и при большевистском режиме (безусловно, с существенной сменой состава членов). Существуют свидетельства, что белые в самом начале Гражданской войны также предприняли попытку наконец завершить ликвидацию некоторых немецких фирм на контролируемой территории¹¹⁶. Во время недолгого пребывания у власти Временного правительства акции вражеских подданных, составлявшие приблизительно 2% стоимости всего основного акционерного капитала в российской промышленности, были переданы российско-подданным частным лицам или государственным учреждениям. Всем 33 крупным акционерным обществам, действовавшим в России на основании германских и австрийских уставов, было запрещено продолжать работу в России, и многие из них были ликвидированы к ноябрю 1917 г. В итоге 1839 торговых фирм и 59 крупных промышленных предприятий также были ликвидированы или сменили владельцев. На 364 предприятиях началась ликвидация паев вражеских подданных, т.к. выяснилось, что в капиталах этих фирм участвовало значительное число вражеских акционеров. Кроме того, десятки предприятий, включая некоторые самые крупные иностранные компании в России, были секвестрованы и переданы под контроль государственных или общественных организаций. К тому времени, когда большевики захватили власть, большая часть германского и австрийского участия в имперской экономике была ликвидирована; практика национализации собственности, принадлежавшей «враждебным» категориям населения, была узаконена и стала применяться в полную силу¹¹⁷.

Большевики также не отменили законы царского правительства, направленные против вражеских подданных, и не распустили ликвидационные комитеты, введенные при царском режиме. В первые месяцы правления большевиков, до известного декрета 28 июня 1918 г. о национализации крупной промышленности, еще 191 предприятие, на котором до революции были сформированы ликвидационные комитеты, было ликвидировано¹¹⁸. По сути, вопрос о собственности вражеских подданных оказал важнейшее влияние на выработку положений и дату принятия этого основополагающего декрета¹¹⁹.

По причине того, что роль иностранцев в экономике позднего имперского периода была велика и в основном это были подданные враждебных государств, санкционированная государством кампания

против последних имела существенные последствия для экономики империи в целом. Роль иностранцев в экономике империи была не просто значительна сама по себе — инвестиции, коммерческие связи, акции и паи иностранных подданных были теснейшим образом переплетены с русским бизнесом. Спеша создать более русскую экономику, власти весьма агрессивно вмешались в функционирование общеимперской экономической системы и попытались распутать сложный многонациональный узел смешанных сфер промышленности, торговли и финансов, стремясь выявить и нейтрализовать секторы, как считалось, захваченные врагом. Деятельность властей влияла на характер внутренней политики и на отношение не только непосредственно к вражеским подданным, но и к более широким категориям населения, включая иностранцев вообще и российско-подданных членов коммерческих диаспор. Государство отказалось от своей роли защитника прав собственности, круто изменило прежнее отношение к иностранным инвестициям и приняло радикальную программу национализации экономики путем передачи собственности и рабочих мест подданных враждебных государств русским, лицам других «благонадежных» национальностей или самому себе.

Глава 4

«НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ» ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ

Одним из краеугольных камней кампании против вражеских подданных в Российской империи во время Первой мировой войны был план конфискации земельной собственности и передачи ее представителям русской и других привилегированных национальностей. В некоторых отношениях сосредоточение усилий на землевладении отражало известное положение о том, что земля есть главный инструмент достижения социальной и политической власти, а на применение экстраординарных мер военного времени до определенной степени оказывала влияние традиционная сословная система. Однако также оно отражало переменчивые подходы к национальному вопросу и системе имперского правления на приграничных территориях. Меры военного времени имели ряд серьезных непредвиденных последствий для экономики, стабильности и легитимности частной собственности в деревне.

ЗЕМЕЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС ПЕРЕД ВОЙНОЙ

Ограничения еврейского землевладения

Задолго до Первой мировой войны имперская власть тщательно разработала ограничения на приобретение земли представителями определенных национальностей, и прежде всего евреями и поляками. Хотя экспроприация применялась лишь в редких случаях, ограничения еврейского землевладения стали решающим прецедентом для мер военного времени.

Меры по ограничению еврейского землевладения относятся уже к временам разделов Польши в конце XVIII в., когда Россия получила большую часть ее еврейского населения. Екатерина II приписала евреев к купеческому сословию, пытаясь тем самым содействовать сбору на-

логов и росту городов. Это привело к принятию ряда мер, направленных на вытеснение евреев из сельской местности в города. В 1784 г. лицам нехристианских вероисповеданий было запрещено владеть крепостными крестьянами, а до 1800 г. члены городских сословий не имели права владеть землей. Применение этих и других мер привело к тому, что к 1840 г. до 200 тыс. евреев переселились из сельских районов в города. Хотя эти обстоятельства, в сущности, лишали всю национальную группу права владения землей, законоположения и правила были выдержаны в сословных терминах. Евреев вытесняли из сельской местности не как евреев, а как лиц, приписанных к городским сословиям. Несмотря на многочисленные ограничения, многие из них остались в сельской местности, а некоторым даже удалось получить значительные участки земли, официально или неформально, на правах аренды у дворян-помещиков в черте оседлости¹.

Более строгие ограничения были введены после освобождения крестьян в 1861 г. и польского восстания 1863 г. Важным последствием восстания стал закон 1864 г., запрещавший евреям приобретать землю у дворян-помещиков или крестьян. После волны погромов 1881 г. правительство не давало разрешения евреям селиться в сельских районах и запрещало им приобретать недвижимость в сельской местности на правах аренды, купли-продажи или каким-либо другим способом. Эти весьма серьезные ограничения на тот момент были установлены как часть печально известных Временных правил 3 мая 1881 г., которые действовали до падения старого режима в 1917 г.²

Ограничения частично основывались на представлении правительственных чиновников о том, что крестьяне христианского вероисповедания не могли конкурировать с евреями в сельском хозяйстве; если ограничения будут сняты, поток евреев хлынет в сельскую местность и приведет к «еврейскому засилью» над необразованными и неумелыми крестьянами «практически в любой сфере жизни и труда»³. Запрет на приобретение земли евреями оказался основой для множества других ограничений, в том числе на выбор места проживания, профессии и экономической деятельности. Даже когда 4 августа 1915 г. была вынужденно отменена черта оседлости, правительство так и не решилось открыть сельские районы для еврейского расселения и землевладения⁴.

Недостаток земли в европейской части России, наблюдавшийся в результате быстрого роста населения после освобождения крестьян, был важным фактором для сохранения и расширения ограничений, но

не менее значимыми стали новые, реализуемые после польского восстания 1863 г. попытки увеличить процент надежных землевладельцев среди населения западных пограничных губерний⁵.

Хотя ни правительство, ни армия не предприняли официальных шагов для экспроприации небольшого числа участков в сельской местности, все еще находившихся во владении или аренде у евреев во время войны, все старые запреты на приобретение земли оставались в силе. Эта запретительная модель настолько прочно укоренилась в сознании русских чиновников, что в оккупированной Галиции власти никак не могли смириться с мыслью о существовании здесь еврейского землевладения (что было разрешено австрийским законодательством) и предпринимали попытки конфисковать все их земельное имущество. Осуществление этого бюрократического проекта было прервано летом 1915 г. в связи с вытеснением русских войск с данной территории. Более того, когда началась экспроприация земельной собственности враждебных подданных немецкого происхождения в Российской империи во время войны, власти стремились удостовериться, что это имущество не попадет в руки евреев⁶.

Ограничения польского землевладения

Исходные положения и методы применения ограничений в отношении евреев в России стали моделью, по которой осуществлялись ограничения, а затем и полная конфискация земельных владений у других враждебных подданных во время войны. Ограничения польского землевладения, существовавшие в XIX в., создали еще один важный прецедент для мер военного времени.

Одним из важнейших элементов российской имперской экспансии начиная с времен Московского государства XVI столетия и в течение всего XIX в. было встраивание местных элит в единую имперскую систему⁷. Хотя земельные владения элит были частично экспроприированы и перераспределены вслед за включением в состав Российского государства территорий Новгорода, Казанского ханства, Украины, Прибалтийского края и Польши, следует подчеркнуть, что такое отчуждение было избирательным и было направлено против конкретных лиц, а не определенных национальностей. Тем самым предпринимались попытки построить местные национальные элиты в имперскую систему. Исключительные права прибалтийских и польской элит на свои земли, крестьян и общественно-сословные организации часто сохранялись за ними до тех пор, пока они признавали имперскую власть.

После польских восстаний 1831 и 1863 гг. ряд поместий, принадлежавших представителям польской знати из числа главных участников восстаний, был конфискован и передан «русским»⁸. Такие действия также служили наказанием политически неблагонадежных лиц. Тем не менее во второй половине XIX в. в польском национальном движении начали происходить важные перемены, связанные с расширением его социальной базы, включавшей теперь не только шляхту, но и все остальные слои общества. Когда польские национальные лидеры стали вовлекать в свое движение и, соответственно, в концепцию польской нации горожан, мелких землевладельцев и крестьянство, польский вызов имперской российской системе превратился из проблемы с польскими элитами (против которых имперские власти могли бороться, предполагая отсутствие национального чувства у польских крестьян и рассчитывая на способность последних к ассимиляции) в проблему с поляками вообще⁹. Разрастание польской проблемы вело к радикальной перемене стратегии имперского управления, что нашло отражение в секретном декабрьском указе 1865 г., который стал «красноугольным камнем земельной политики в западных губерниях» в течение последних пятидесяти лет существования империи. В указе сохранилось неприкрытое намерение русифицировать эти губернии, воздействуя на самые основы «польского владычества» — землевладение. Он запрещал «лицам польского происхождения» приобретать земельную собственность в Западном крае какими бы то ни было способами, кроме наследования¹⁰.

Этот указ ознаменовал собой полный отказ властей от традиционной тактики встраивания местных элит, установив ограничения по национальному признаку и не учитывая переход в православную веру и любые доказательства ассимиляции или беспорочной службы Российской империи. Из указа и практики его применения четко следовало, что лица именно польской национальности ограничивались в правах на приобретение земли¹¹. В соответствии с узаконениями 1866 и 1871 гг. ограничения касались не только дворянских земель, но и всего земельного имущества в сельской местности, включая то, что принадлежало горожанам и крестьянам. Эти меры привели к решительной замене одного типа русификации другим, а именно: на смену русификации в смысле ассимиляции и включения польских элит в имперскую систему и культуру пришла другая, предполагавшая неизменность национальной идентичности людей, но изменившая объект приложения усилий от людей к их земельным владениям. Другими словами, произо-

шел переход от встраивания элит и ассимиляции народов к «национализации» земель.

Реализация этих новых принципов проходила совсем не гладко, и тем не менее доля номинально русских земельных имуществ в западных губерниях выросла с 17% в 1865 г. до 40% в 1885 г. По данным официальной статистики, к 1914 г. доля польского землевладения в западных губерниях сократилась почти вдвое¹².

Несмотря на то что вскоре после начала войны вел. кн. Николай Николаевич объявил о намерении царя предоставить Польше широкую автономию и вопреки тому, что вражеские подданные польской национальности не подвергались действию конфискационных законов военного времени, ограничения на приобретение земли поляками оставались в силе до тех пор, пока Временное правительство не отменило их в марте 1917 г.¹³ Губернаторы западных губерний специально позаботились о том, чтобы не допустить попадания конфискованных у немцев во время войны земель в руки поляков¹⁴.

Довоенные ограничения на расширение немецкого землевладения

По сравнению с ограничениями на владение землей для евреев и поляков довоенная официальная политика по отношению к немецким фермерам-колонистам в гораздо большей степени зависела от наличия или нехватки свободной земли. Фактически первые основные потоки крестьянской иммиграции из Австрии, с Балканского полуострова, из Болгарии и в особенности из немецкоговорящих государств начали приливать в Россию в XVIII в., когда русские цари приглашали иммигрантов заселять и возделывать целинные пространства Новороссии, Среднего Поволжья и других районов. Нужда в приглашении иностранцев в фермерские общины к середине XIX в. постепенно отпадала по мере роста населения и сокращения площади неиспользуемых земель. К концу XIX в. быстрый рост прежде всего русского крестьянского населения привел к нехватке земли во всех основных районах немецкого расселения¹⁵.

В то время как в правых кругах и даже в правительстве призывы к сдерживанию приобретения земли немецкими иммигрантами начали раздаваться еще в 1880-х гг., причиной первых официальных ограничений стала борьба с ростом польского землевладения, а вовсе не негативное отношение к немцам¹⁶. Наоборот, узаконения 1865 г., ограничивающие приобретение земли поляками, решительно утверждали, что, если немцы приобретали землю в ущерб полякам, это способство-

вало достижению главной цели государственной политики в крае — «ослаблению польского элемента»¹⁷. Ограничения, наложенные на поляков и евреев, способствовали притоку немецких иммигрантов в конце XIX в. на Волынь и в другие западные губернии¹⁸. Только в Волынской губернии в результате иммиграции немецкое население увеличилось в 1880-х гг. с 70 тыс. до 200 тыс., а доля их земельных владений выросла еще в большей пропорции. Многие немцы арендовали землю у поляков или покупали ее по заниженным ценам из-за искусственно ограниченного спроса со стороны последних.

14 марта 1887 г. был издан важный указ, запрещающий иностранным подданным в Волынской, Киевской, Подольской и десяти привислинских губерниях арендовать или приобретать землю в собственность, за исключением вступления в права наследования. Хотя этот закон действительно ограничивал права немецких иммигрантов на приобретение земли, гораздо важнее был тот факт, что он не давал возможности прусским и австрийским полякам (которые в качестве иностранных подданных, по иронии бюрократических судеб, имели больше прав приобретать землю, чем российские подданные польского происхождения) приобретать землю для себя или своих родственников в России. Кроме немцев, эти законы затрагивали чехов, поляков и галицийских славян (поляков и украинцев), которые составляли соответственно 13, 9 и 5% от общего числа иммигрантов. Эти меры были направлены не столько против немецких иммигрантов, сколько против их роли в расстраивании планов по расширению русского землевладения за счет польского. Власти были чрезвычайно обеспокоены тем, что иммигранты «тяготели к местным полякам и евреям, а не к русским»¹⁹.

Поскольку в начале 1890-х гг. отношения с Германией ухудшились, взгляды на иммигрантов и их поселения приобрели определенно германофобский характер, особенно среди военных, которые подняли вопрос о безопасности в связи с подозрительной плотностью сети немецких поселений в стратегически важных приграничных районах.

Не менее важным фактором стал быстрый рост крестьянского населения в Российской империи. В то время как размер земельного надела для большинства крестьян уменьшался по мере роста населения, немцы продолжали расширять свои земельные владения, в основном благодаря сравнительной эффективности хозяйствования и особой практике наследования недвижимого имущества²⁰. Только один сын получал наследство, а поскольку средняя семья состояла по крайней мере из восьми человек, то многие из младших сыновей оставались без

земли. Наследник должен был выплатить своим братьям компенсацию наличными деньгами, которые они часто использовали для покупки новых земель у соседних дворян-помещиков или крестьян. Быстрое развитие обществ взаимного кредита, обслуживавших немецкие общины в конце XIX — начале XX в., давало возможность безземельным сыновьям получить кредит на приобретение земли²¹. Эти факторы привели к значительному росту немецкого землевладения. Например, в губерниях Новороссии (Херсонской, Екатеринославской, Таврической и Харьковской) доля немецкого землевладения выросла с 10% (2,3 млн. дес.) от общего числа в 1890 г. до более чем 17% (3,8 млн. дес.) в 1912 г. В Волынской губернии доля немецкого землевладения выросла с 0,6% (96 тыс. дес.) в 1871 г. до 4,6% (685 258 дес.) в 1909 г. относительно всей земельной площади губернии²². В Поволжье число немцев-колонистов выросло с 400 тыс. до 600 тыс. в период с 1897-го по 1914 г., а размер их земельных владений увеличился с 1,2 млн. до 2 млн. дес. К 1914 г. немецкие фермеры владели почти 9 млн. дес. (около 9,8 млн. гектаров) земли в Российской империи. Значимость этих цифр усиливалась тем фактом, что большинство земель считались одними из самых плодородных в империи²³.

Когда в конце XIX в. масштаб немецкого землевладения стал очевидным, проблема сразу же оказалась в центре разрастающейся полемики вокруг немцев. К этому времени ситуация в России изменилась. Государство уже не было озабочено тем, как заселить свои земли; напротив, теперь проблема заключалась в том, чтобы обеспечить землей быстрорастущее население. Вместе с тем, по мере того как отношения с Германией в конце века ухудшались, немецкие поселенцы подвергались все более придирчивому критическому изучению со стороны общественности и властей. В результате закон 1892 г. впервые установил ограничения на приобретение земли *российскими подданными* «немецкого происхождения» в Киевской, Подольской и Волынской губерниях. Этот закон был несколько смягчен в 1895 и 1905 гг.²⁴, но с его помощью удалось существенно затормозить рост немецкого землевладения в этих трех губерниях.

Некоторые представители правительственных кругов считали, что реальной проблемой сельского населения империи с определенного момента стало положение крестьян славянского происхождения. Во-первых, бывшие крепостные, в отличие от немецких колонистов, были обременены обязательствами по уплате выкупных платежей в течение 49 лет, пока их наконец не отменили в 1907 г. Во-вторых, традицион-

ная общинная форма землевладения давала мало стимулов для накопления капитала и приобретения земли. Попытки оживить и укрепить крестьянскую общину в 1890-х гг. обострили эти структурные недостатки. Широкое распространение правила единонаследия в большинстве немецких поселений создавало сильную мотивацию для накопления средств в семье для того, чтобы младшие сыновья могли приобрести дополнительные земельные участки. Подобная мотивация отсутствовала при подлежащем разделу наследстве и в общинной системе, имевшей распространение на большей части Европейской России. Таким образом, проблему приобретения немцами земли можно рассматривать как часть более общей проблемы российского сельского хозяйства. В конечном счете, как утверждали многие немецкие фермеры и российские реформаторы, решение лежало не в ограничении немецкого землевладения, а скорее в реформировании общинного землевладения, преобладавшего среди крестьян славянского происхождения. Сравнительная эффективность методов ведения хозяйства немецких фермеров была принята во внимание чиновниками, готовившими реформы, позднее осуществленные П.А. Столыпиным²⁵.

Тяжелые последствия крестьянских волнений 1905—1907 гг. заставили правительство отказаться от веры в то, что община есть главное средство сохранения порядка в деревне. Столыпинские реформы были направлены на создание консолидированного землевладения и независимых землевладельцев, что уже давно присутствовало в немецких общинах в гораздо большем объеме, чем среди других групп населения империи²⁶. Если столыпинские реформы имели своей целью пробудить сознание частной собственности, чтобы бороться с самовольным захватом земли, активно практикуемым общинниками в 1905—1907 гг., то немецких поселенцев с их крепкими едиными хозяйствами и гораздо более высоким процентом хуторского землевладения можно было считать основными союзниками в решении этой задачи²⁷.

Вскоре, однако, стало очевидно, что попытка заменить традиционную русскую модель землевладения на такую, которая бы напоминала давно существовавшую в немецких общинах, не принесет быстрого успеха²⁸. Накануне войны проблема роста немецкого землевладения снова стала главным предметом общественных дискуссий и основной заботой властей. Несколько губернаторов в районах с большим числом немецких поселений и высокой долей иммигрантов среди населения снова и снова требовали от МВД ограничить иммиграцию немцев и возможности приобретения ими земли. В ответ на эти требования в

1909 г. Главное управление землеустройства и земледелия запретило немецким иммигрантам осуществлять покупки через государственные земельные фонды (особенно посредством Крестьянского банка) и ограничило заключение новых арендных договоров с государством шестилетним сроком²⁹.

В 1910 г. МВД предложило более жесткий законопроект с целью остановить приобретение земли немецкими иммигрантами (включая и уже натурализовавшихся) в трех губерниях, затронутых законами 1887 и 1895 гг.: Волынской, Киевской и Подольской. Дума отклонила законопроект. Некоторые правые депутаты выступили против подобных мер, потому что они ограничивали помещиков в их естественных устремлениях продавать и отдавать землю в аренду. Но гораздо важнее был тот факт, что умеренная фракция октябристов выступила резко против этих мероприятий, поскольку она всегда протестовала против любых ограничений прав собственности по национальному признаку³⁰. После избрания новой, IV Думы в декабре 1912 г. МВД снова вынесло на рассмотрение отклоненный законопроект 1910 г. в еще более жесткой редакции, включив в него Бессарабию. Законопроект предполагал запретить приобретать в собственность или арендовать землю всем иммигрантам, получившим российское подданство после 15 июня 1888 г., а также лицам польского происхождения, эмигрировавшим из Царства Польского после этой даты, наряду с их прямыми потомками мужского пола, так и не получившими российского подданства³¹.

И снова, даже несмотря на то что в IV Думе стало больше правых депутатов, законопроект не получил поддержки и вызвал резкое осуждение как октябристов, так и более беспристрастных, хотя и малочисленных ораторов правых и националистов. Например, лидер фракции националистов А.И. Савенко продолжал защищать немецких фермеров, утверждая, что Россия «не должна превращать своих инородцев во врагов». Он предложил запретить дальнейшую иммиграцию, но не ограничивать права тех, кто уже находится в России³².

Провал законопроектов, разработанных МВД, свидетельствует о том, что до войны Дума не пошла даже на то, чтобы ограничить приобретение земли немецкими иммигрантами хотя бы в четырех приграничных губерниях. Тем не менее эти законопроекты сделали данный вопрос предметом огромной значимости в общественных дискуссиях на общенациональном уровне. Некоторые члены фракций октябристов и правых начали склоняться к поддержке ограничений на право владения землей немцами уже перед войной под воздействием в том

числе и этих законопроектов, и агитация в прессе против немецких колонистов заметно усилилась³³.

Комитеты, разрабатывавшие эти предложения для МВД, собрали обширный материал о землевладении немцев и других иностранных подданных в западных губерниях. Губернаторы по всей стране начали собирать статистические данные и составлять подробные карты немецкого землевладения. Военные в своих докладных записках и на картах все чаще обозначали иммигрантов и любое иностранное население как источник всевозможных стратегических проблем³⁴. Даже в малонаселенной Акмолинской области для губернатора были разработаны подробные карты и собраны статистические данные о земельных владениях немцев по состоянию на 1911 г.³⁵ В 1913 г. начальник Главного управления землеустройства и земледелия во всеподданнейшем докладе выразил обеспокоенность тем, что 4000 немцев приобрели почти 20 тыс. дес. земли вдоль основной стратегической железной дороги на Кавказе. Царь при ознакомлении с докладом дважды подчеркнул заключение, в котором говорилось, что пока еще не поздно, но нужно поторопиться и заселить этот район русскими³⁶. Мысль о том, что безопасность государства и поддержание имперской власти зависели от процентного соотношения категорий населения и их землевладения на той или иной территории, значительно укрепилась и в официальной практике, и в общественных дискуссиях³⁷. Подобная «демографизация» (demographicization) национальных вопросов и вывод о том, что государство нуждается в благоприятном демографическом балансе национальных групп для того, чтобы контролировать имперские пространства, были важным обстоятельством, подготовившим массовые акции военного времени³⁸.

Ситуация в Германии

Подобные трансформации осуществлялись по всей Европе и миру. В нашем случае наиболее существенными являются аналогичные изменения, имевшие место в германской практике на землях, полученных при разделах Польши. В то время как еще в 1848 г. возможность интеграции в германское общество являлась реальностью для поляков в Пруссии, к 1880-м гг. немецкие власти в Познани стали уделять пристальное внимание демографическому равновесию и ситуации в землевладении края. В 1886 г. О. Бисмарк основал так называемую Прусскую королевскую колонизационную ассоциацию для выкупа земель у польских помещиков и передачи их немцам³⁹. Досадуя на отсутствие

прогресса в этом вопросе и десятилетиями бессильно наблюдая за крайне плохо финансируемыми и малоуспешными попытками колонизации Пруссии, рейхсканцлер Б. Бюлов в 1908 г. продал законопроект, позволявший экспроприировать земли польской знати. Хотя оппозиция в рейхстаге препятствовала его применению и всего четыре поместья были экспроприированы до войны, в докладе губернатора Познанской провинции Вильгельма фон Вальдова указывалось, что все же произошли важные концептуальные изменения. Традиционная, в духе Бисмарка, точка зрения, определявшая польскую знать как главное препятствие на пути германизации, была отброшена из-за новых проблем, связанных с демографическими особенностями населения и прав собственности. Историк Уильям У. Хаген отмечал, что к 1914 г. германизация уже «имела отношение не столько к полякам, сколько к земле, на которой они проживали»⁴⁰.

Новый курс германской национальной политики и риторика относительно уравнивания национальной принадлежности и подданства, а также стремление «национализировать» свою территорию оказали значимое влияние на действия России⁴¹. Это новое направление в политике Германии, воплотившееся в четких, этнически определенных концепциях подданства, включавших немцев за рубежом в единое немецкое гражданство и сообщество, было воспринято в России как прямая угроза, ставившая под сомнение лояльность даже тех немцев, которые давно натурализовались в России. Реальное проявление этих концептуальных сдвигов нашло отражение в дебатах 1913 г. по новому закону о подданстве в Германии, в которых германские правые усиленно лоббировали положение о признании немецких диаспор за пределами Германии ее полноправными подданными на основании кровного родства. В то время как действующий в Германии закон был сформулирован осторожно и допускал двойное толкование проблемы двойного подданства, в дебатах по поводу нового закона было уделено большое внимание идее о том, что Германия считает немецкие диаспоры за рубежом членами германской нации независимо от их официального подданства⁴². Более того, российские аналитики и военные стратеги не преминули заметить, что военные планы Германии включали тактическое использование близких этнических групп и что германские правые строили грандиозные планы по переселению немцев из России для создания нового порядка в прибалтийских губерниях и частях русской Польши, которые рассматривались не иначе как будущие германские колонии⁴³.

Мечты о завоеваниях, взлелеянные некоторыми германскими правыми (а также очевидное сочувствие им некоторых членов германского правительства) заставили некоторых российских правительственных лиц прислушаться к голосам тех патриотов в России, кто утверждал, что Берлин ставит перед немецкой иммиграцией стратегические задачи. Латвийская и литовская пресса негодовали по поводу переселения нескольких тысяч немцев из Поволжья и Южной Украины в Прибалтику, утверждая (не без некоторого основания), что это было частью пангерманского заговора с целью «мирного завоевания» региона⁴⁴. Опубликованные притязания Пауля Рорбаха и других видных членов Пангерманской лиги на то, что прибалтийские губернии должны стать частью будущей Германской империи, превратили эту проблему в первостепенную не только в местной прессе, но и в российских общенациональных газетах⁴⁵. Представители русского Генерального штаба писали, что иммиграция в Волынскую губернию и другие территории была спланирована и профинансирована из Берлина, и усердно разрабатывали карты губернии, чтобы вскрыть логику подобного расселения, особо отмечая появление новых поселений вдоль морских побережий, железных дорог, западной границы империи и крепостей. Во время войны официальная пропаганда придавала этой теме огромное значение⁴⁶.

РАЗВИТИЕ КОНФИСКАЦИОННЫХ МЕР В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

До войны уже существовали меры, которые ограничивали права как иммигрантов из других стран, так и подданных Российской империи еврейского, польского и немецкого происхождения на приобретение земли. Однако путь от ограничений на приобретение до полной конфискации был недалеким.

Уверенность в том, что частная собственность неприкосновенна и что государства не могут произвольно экспроприировать ничье имущество, особенно земельное, основывалась на давно существовавших узаконенных традициях в Европе, связанных с фундаментальными принципами личностных и гражданских прав. В России эти традиции безусловно были гораздо слабее, чем в большинстве европейских государств⁴⁷. В Основных законах 1906 г. впервые было четко указано, что государство гарантирует, что земля и собственность российских подданных не может быть экспроприирована без компенсации. Согласно

статье 77, «собственность неприкосновенна. Принудительное отчуждение недвижимых имуществ... допускается не иначе, как за справедливое и приличное вознаграждение»⁴⁸. Как и сама идея гражданства с установлением равных прав и обязанностей перед законом для всех, гарантии имущественных прав были одним из основных принципов, за установление которых боролись умеренные политики и общественные деятели⁴⁹. Одной из главных целей столыпинских реформ в деревне было концептуальное и практическое установление частной земельной собственности взамен общинного землевладения. Хорошо известно, что против установления этого принципа выступали многие представители левых партий, ратовавшие за экспроприацию помещичьих и государственных земель, но обычно забывают о том, что правые и само государство коренным образом подрывали этот самый принцип во время войны⁵⁰.

От вражеских подданных к немецким иммигрантам

Хотя правительство официально заявило, что имущество вражеских подданных будет защищено, оно быстро изменило отношение к их земельным владениям. 22 сентября 1914 г. царь подписал указ, запрещающий на время войны *приобретение* земли и любой недвижимости в собственность или аренду всем вражеским подданным на всей территории империи⁵¹. Этот указ означал существенное расширение всех довоенных ограничений, которые ранее применялись лишь в нескольких губерниях.

Напряжение в обществе быстро нарастало, и вскоре уже раздавались требования перейти от ограничений на приобретение собственности к более жестким конфискационным мерам. Первоначально правительство действовало осторожно. На требования военных министров внутренних дел Маклаков ответил 22 августа циркуляром для губернаторов польских губерний, в котором напоминал им, что МВД уже до войны обратило внимание на неестественное усиление немецкой колонизации в польских губерниях и серьезную угрозу русским интересам, возникшую в результате этого процесса⁵². Однако в тот ранний период он еще сохранял определенную долю объективности, указывая на то, что многие немцы прибыли в Польшу еще в XI в., а колонисты всегда были надежным оплотом имперского порядка во время польских восстаний XIX в. и общественных волнений 1905 г. В то же время он отмечал, что приобретение земель немцами и рост их численности вызывают озабоченность наряду с последними донесениями о фактах

подачи немцами сигналов врагу и их общего сочувствия Германии. Маклаков запросил у губернаторов отчет о том, насколько оправданы были эти подозрения, и если так, то как они предлагают с этим бороться. Полученные ответы весьма разнились. Большинство губернаторов утверждало, что немецкие колонисты ненадежны, т.е. их следует выселить, а их земли экспроприировать. Некоторые местные чиновники поначалу были более сдержанны в суждениях, докладывая, что колонисты с готовностью шли на военную службу и вообще представляли собой положительный консервативный элемент⁵³. Обсуждение проблемы среди военных было гораздо более кратким, а выводы — однозначными. Почти все главные боевые генералы и офицеры с первых дней войны высказывали мнение о том, что колонисты — опасный внутренний враг, с которым следует бороться всеми возможными способами.

Под давлением военных и массовой печати правительство быстро утратило объективность в этом вопросе. В октябре Совет министров учредил комитет под председательством А.С. Стишинского для доработки отклоненных законопроектов 1910 и 1912 гг. с целью их ужесточения. Переломный момент наступил, когда вел. кн. Николай Николаевич в октябре 1914 г. прислал из Ставки телеграмму, требуя проведения обширной программы мер против вражеских и враждебных подданных по всей империи⁵⁴.

В результате Совет министров провел ряд заседаний, чтобы обсудить этот вопрос. На двух заседаниях в октябре 1914 г. в Петрограде военный министр В.А. Сухомлинов и командующий 6-й армией (развернутой на территории Петроградского военного округа) К.П. Фан-дер-Флит предложили чреватую последствиями программу выселения и ограничения в правах вражеских подданных и «так называемых российских подданных немецкого происхождения» по всей империи. В ответ на это министры заняли оборонительную позицию, указав, что они уже предприняли некоторые временные меры по ограничению прав вражеских подданных; также они высказались против принятия более жестких мер из опасения возмездия по отношению к российским подданным во вражеских государствах и неблагоприятной реакции со стороны нейтральных стран. К тому же, поскольку вражеские подданные играли важную роль в российской промышленности, жесткие меры против них могли нанести непоправимый урон военному производству. Такие экстраординарные меры, как полная конфискация и секвестр собственности, влекли бы за собой вопрос о компенсации в конце войны, которая могла быть весьма значительной. В своей яркой речи министр

иностранных дел Сазонов отклонил возможность принятия ряда общих мер против вражеских подданных, а вместо них от лица большинства Совета министров высказался за экспроприацию земельных владений немецких колонистов непосредственно в прифронтовых районах. Поскольку эта мера затронула бы прежде всего и по большей части российских подданных, Сазонов, возможно, считал, что международные последствия не были бы столь вредоносными, как предложения Сухоминова и Фан-дер-Флита, направленные против вражеских подданных. Предлагая применять указанные меры в прифронтовых районах, министры в некотором смысле лишь пытались упорядочить то, что военные власти уже практиковали на этих территориях. Военные к тому времени уже начали высылку российских подданных немецкого происхождения из прифронтовых районов, а Положение о полевом управлении войск предоставляло широкие полномочия для секвестра и реквизиций на подчиненной им территории⁵⁵.

Меры военных властей

Сначала своими широкими полномочиями военные начали пользоваться на оккупированных вражеских территориях. В первые месяцы войны российские оккупационные власти в Восточной Пруссии приняли масштабную программу реквизиций и конфискаций оборудования, скота и другого имущества. Вскоре после оккупации Галиции российские власти начали секвестровать земли, оставленные беженцами, уходившими с австрийской армией⁵⁶. Председатель Совета министров Горемыкин горячо поддерживал подобные меры. В ответ на намерение Янушкевича секвестровать оставленное беженцами имущество в оккупированной Галиции он предложил военным властям не ограничиваться секвестром, а прямо переходить к полной конфискации. Он также подчеркивал, что эти меры должны применяться к оставленному имуществу, принадлежавшему евреям, немцам и лицам, подозревавшимся в шпионаже на территории Российской империи⁵⁷.

Тактика военных на оккупированных территориях Османской империи была еще более агрессивной в плане поддержки русских за счет ненадежных меньшинств. Здесь власти начали передавать освободившееся недвижимое имущество русским поселенцам-казакам. Помимо казаков генерал Н.Н. Юденич в октябре 1915 г. начал завозить в оккупированную часть Турции «дружины» русских сельскохозяйственных рабочих. К концу 1916 г. более 5 тыс. русских крестьян и сельскохозяйственных рабочих поселились в оккупированных частях Восточной

Анатолии, и планировалась дальнейшая масштабная колонизация. Российские власти запретили армянам участвовать в программе заселения и препятствовали возвращению армянских беженцев в оккупированную русскими войсками часть Турции, в том числе из-за стремления предотвратить столкновения между возвращавшимися армянами и русскими, курдами и турками, завладевшими их домами и землями. Дальнейшие планы предполагали расселение демобилизованных казаков на армянских землях по окончании войны. 10 февраля 1916 г. земли армянских беженцев были официально объявлены государственной собственностью, а тем немногим беженцам, которым удалось вернуться, было отказано в праве требовать возвращения своих домов и земель. Их вынуждали брать свои же земли в аренду у властей, и только в районах, менее пригодных для земледелия. Плодородные долины и земли вдоль границы предназначались для казаков и русских, а армян на их бывшие земли было решено не допускать⁵⁸.

Российские военные власти вскоре после начала войны применяли секвестр и на обширных территориях самой Российской империи. С декабря 1914-го по февраль 1915 г. военные сменили тактику и перешли от насильственной высылки всех немцев из прифронтовых районов к целенаправленному изгнанию сельских землевладельцев немецкого происхождения, кроме немецкого населения городов. На представительном совещании армейского командования по определению категорий немцев, подлежащих депортации, проходившем в январе 1915 г., было решено включить в них всех лиц немецкого происхождения, владевших недвижимостью или занятых в торговле или кустарной промышленности за пределами городских поселений, а также наемных и сезонных работников немецкого происхождения, работавших в городах, но приписанных к общинам колонистов. Эти всеобъемлющие рекомендации по выселению показывают, насколько тесно депортационная стратегия армии была связана с общегосударственной патриотической «национализацией» земли⁵⁹.

На совещании армейского командования также было доложено об уже имевших место случаях воровства и захватов имущества и земель колонистов местными крестьянами, которые считали недвижимость выселенцев уже никому не принадлежащей⁶⁰. Опасаясь полного разрушения законности и порядка, совещание постановило секвестровать и при содействии Крестьянского банка формально передавать имущество выселенцев Министерству государственных имуществ⁶¹. Главное управление землеустройства и земледелия тесно сотрудничало с военными

и в начале 1915 г. приступило к масштабному переводу земель выселенных колонистов под контроль государства. Доступно лишь небольшое количество статистических данных по этому вопросу, но о размахе мероприятий можно судить по материалам Волынской губернии, где в июне 1916 г. более 90% имуществ, подлежащих экспроприации, уже было секвестровано⁶².

Военные власти изо всех сил старались сделать процесс передачи земель враждебных подданных новым хозяевам необратимым. Уже в январе 1915 г. генерал-губернатор Варшавы разослал циркуляр десяти губернаторам польских губерний, в котором указывал, что во время массовых выселок властям «надлежит способствовать добровольной ликвидации для конечного прекращения германского землевладения»⁶³. На практике такая передача была далека от добровольной. Нередко военные переходили непосредственно к прямой передаче земель новым хозяевам путем конфискации, минуя тем самым медленную процедуру экспроприации с ее необходимыми условиями компенсации бывшим владельцам. В июне 1915 г. командующий Юго-Западным фронтом приказал поселить беженцев на землях ранее высланных немцев и евреев на подчиненной ему территории⁶⁴. Приказ военных властей 1 июля 1915 г. о высылке немецких поселенцев из Волынской губернии давал последним 10 дней, чтобы самостоятельно «ликвидировать» свое имущество или подчиниться принудительной конфискации без компенсации⁶⁵. В тех частях Волыни, которые Россия отвоевала обратно в июне 1916 г., военные власти просто распределили 50 тыс. дес. земли, принадлежавшей высланным немцам, среди 200 тыс. беженцев (в основном из Галиции), 100 тыс. дес. — среди 7500 местных крестьян и 12 тыс. дес. передали местным крестьянским общинам для использования в качестве коллективных выпасов⁶⁶. Таким же образом, когда 11 тыс. немецких колонистов были высланы из поселения Гиршенгоф в 1916 г., их земли были секвестрованы и переданы Прибалтийскому отделу Министерства государственных имуществ. На этих землях военные разместили латышских беженцев⁶⁷. Подобные действия военных властей повлекли за собой массовое изъятие всех видов собственности без какой бы то ни было компенсации в ряде губерний⁶⁸.

Военное командование продолжало демонстрировать упрощенческий и радикальный подход к сложным вопросам взаимосвязанных немецко-русских интересов, особенно относительно немецких арендаторов. Генерал А.А. Маврин 8 июля 1915 г. писал Янушкевичу во время осуществления одной из массовых выселок и информировал его о том,

что немецкие колонисты арендовали большие земельные участки и к моменту высылки оставляли засеянные поля, инвентарь, строения и крупные долги русским землевладельцам⁶⁹. Он запрашивал, каков должен быть статус арендованных ими участков и как следовало поступить с их имуществом. Янушкевич ответил только через два дня, пояснив, что акт высылки приравнивался к официальному расторжению договора аренды и что вопрос о домах, строениях, фабриках, мельницах и оборудовании на этих землях «решится сам собой» (!). Таким образом, в своей бесцеремонной манере он решал судьбу не только десятков тысяч немцев и их имущества, но также и вопрос, затрагивавший материальные интересы многих русских землевладельцев. Более того, пустив проблему ценного имущества на самотек, он тем самым предоставил возможность крестьянам, солдатам и местным организациям бесконтрольно захватывать эту собственность, о чем вскоре и стали сигнализировать местные власти. Сообщения о том, что местные крестьяне растаскивали движимое имущество и захватывали целые домохозяйства, множились со зловещей быстротой в первый год войны⁷⁰. Государственные и общественные организации также требовали от правительства и армии секвестровать или конфисковать собственность враждебных подданных и передать им их земли для самых различных и неотложных нужд⁷¹.

В дополнение ко всему жесткие конфискационные меры, применявшиеся к немцам и евреям, усилили ощущение того, что собственность высланных лиц не находится под защитой закона. Например, в июне 1915 г. генерал Н.И. Иванов приказал реквизировать все зерно, кроме необходимого для посева, у немцев и евреев, а для гарантии полной выдачи взять заложников от каждой общины⁷². Посредством своих радикальных действий армия поставила под вопрос незыблемость правовых основ собственности вражеских и враждебных подданных. Но какими бы жесткими ни были методы военных властей, они применялись лишь на оккупированных территориях и в подчиненных военным районах внутри страны. Более того, военные чаще всего отдавали приказы о *секвестре*, а не конфискации. Хотя секвестрованные земли переходили под контроль государства, технически они оставались законной собственностью бывших владельцев. Самый важный шаг на пути к совершенно определенной бессрочной передаче имущества вражеских и враждебных подданных другим лицам был сделан подписанием 2 февраля 1915 г. трех особых указов.

Указы 2 февраля 1915 г.

В ответ на усиливающеся давление со стороны военных и прессы комитет, возглавляемый А.С. Стишинским, представил на рассмотрение Совета министров пакет из трех узаконений, которые были подписаны царем 2 февраля 1915 г. и вступили в силу на основании ст. 87 Основных законов⁷³. Первый указ касался вражеских подданных. Он вводил еще большие ограничения на приобретение земельной собственности, чем те, что были введены в сентябре 1914 г., и предполагал прямое государственное управление имуществом и землями фирм, учрежденных по законам неприятельских государств. В указе также содержалось требование уволить всех вражеских подданных, занимавших административные посты в организациях, владеющих землей. Эти меры распространялись на территорию всей империи.

Наиболее важные статьи указа содержали требование об отчуждении земельных имуществ, принадлежавших вражеским подданным на огромных территориях империи, включая большинство западных и южных губерний, Кавказ и Приамурское генерал-губернаторство⁷⁴. Земли и вообще вся недвижимость за пределами городских поселений должны были быть описаны местными властями, а сведения о них опубликованы в течение двух месяцев. После публикации для владельцев устанавливался определенный срок (от шести месяцев до двух лет) для продажи своего имущества. Если же выселенцу не удавалось осуществить продажу в указанные сроки, его имущество принудительно продавалось местными властями с публичных торгов.

Кроме того, еще один важный пункт указа предписывал в течение одного года прекратить все виды арендных отношений (официальных или неофициальных), включая аренду квартир, садов и домов. Это требование относилось и к долговременной «бессрочной» аренде, что на самом деле практически не отличалось от полноправного владения. В конце концов земли, принадлежавшие обществам и фирмам, учрежденным по законам неприятельских государств, и товарищества, в которых хотя бы один из акционеров или пайщиков был вражеским подданным, должны были отчуждаться до истечения установленного срока.

Второй и третий указы относились к значительно большему числу российских подданных немецкого происхождения. Они затрагивали всех лиц, попадавших под следующие категории: 1) члены волостных земледельческих, сельских, колонистских или общинных учреждений, образованных бывшими австрийскими, венгерскими или немецкими

подданными или иммигрантами немецкого происхождения; 2) лица, зарегистрированные в поселениях колонистов на территории Холмской губернии и Варшавского генерал-губернаторства; 3) лица, принявшие российское подданство после 1 января 1880 г. Эти указы относились к десяти польским губерниям (Привислинский край) и территориям, протянувшимся в виде пояса шириной 150 верст (160 км) вдоль западных и южных границ империи от Финляндии до Каспийского моря, а также к 100-верстной зоне по границе с Привислинским краем⁷⁵.

Карта 1

НАЦИОНАЛИЗИРУЮЩИЕ ЦЕЛИ УКАЗОВ

Если февральские указы относились к сравнительно небольшим территориям вдоль границ империи и могли с оговорками рассматриваться как меры безопасности, то относительно значительной площади земель, подлежащих экспроприации, возникал вопрос: кому это выгодно? Уже 28 января 1915 г., за несколько дней до опубликования февральских указов, член Государственного Совета Г.А. Лашкарев на одном из заседаний предложил передать земли колонистов раненым солдатам, награжденным за отличия в боях, а также придержать эти земли для «представителей русской национальности». По его мнению, к кругу избранных следовало причислить и польских героев войны, что должно было способствовать лояльности польских крестьян, однако других славян, весьма многочисленных в Западном крае, привлекать к раздаче не следовало⁷⁶.

Это предложение было быстро подхвачено прессой. Некоторые консерваторы считали, что земли надо передать дворянству, но количество их оппонентов с левого и правого флангов политического спектра было слишком велико. Представители левых высказывались в пользу безземельных и малоземельных крестьян, в то время как чиновничество и правые публицисты из западных пограничных губерний отдавали предпочтение национальному, а не классовому фактору⁷⁷. Например, один чиновник из Волынской губернии в широко распространенной докладной записке заявлял, что землю следовало отдать русскому дворянству, и аргументировал свое предложение не столько с классовых позиций, сколько в свете продолжавшейся борьбы русских и поляков за общественное и политическое влияние. Он писал, что главной проблемой этого региона было недостаточное количество образованных русских землевладельцев, которые уравновешивали бы в общественном и политическом плане польских землевладельцев. Он утверждал, что конфискованные земли в Волынской губернии должны перейти русскому дворянству, а не безземельным или малоземельным крестьянам, поскольку последние не играли существенной роли в поддержании общественного, политического или экономического равновесия в постоянной борьбе с польским влиянием⁷⁸.

Февральские указы не способствовали достижению ни одной из этих целей, поскольку они допускали продажу земли любому желающему с публичных торгов. Но задача перераспределения вскоре вытеснила первоначальные, якобы вызванные заботой о безопасности государства цели данных мероприятий. Когда 2 мая 1915 г. Совет министров

собрался для обсуждения указов и их будущей реализации, вопрос о землях вражеских и враждебных подданных и их перераспределении уже приобрел характер прямой угрозы безопасности государства. Военные активно проталкивали вариант использования этих земель в качестве награды для отличившихся солдат, в то время как большинство министров выступали за передачу земли Крестьянскому банку для дальнейшего распределения среди крестьян⁷⁹. Четыре члена Совета, включая Сазонова, который изначально выдвинул идею февральских указов, в частном порядке заявили о своем несогласии с новыми предложениями, которые, по их мнению, коренным образом изменят цели указов и будут способствовать распространению среди крестьян идеи о том, что принудительное отчуждение земли разрешено и одобряется государством. Их возражения были отвергнуты большинством Совета министров и, что гораздо важнее, самим царем, который написал на журнале заседания Совета:

Необходимое и благое дело. Вполне одобряю и дам свои указания. Вся суть вопроса в широкой скупке Крестьянским банком колониетских земель. Приступить к ней немедленно...⁸⁰

Впреки тому, что царь отдавал предпочтение решению земельного вопроса через Крестьянский банк, Ставка заключила, что ее план по награждению солдат землей все равно будет реализован. 26 мая Янушкевич издал приказ, запрещающий какую бы то ни было продажу земель колониетов в частные руки, с тем чтобы сосредоточить их в руках государства и таким образом иметь возможность в конце войны распределить их среди солдат⁸¹. Этот приказ, который действовал на всей подконтрольной военной территории, лишил гражданских чиновников возможности продавать земли на публичных аукционах. Таким образом, приказ Янушкевича фактически приостановил на некоторое время исполнение конфискационных указов, кроме случаев с высланными подданными вражеских государств, чьи земли были секвестрованы и переданы под контроль государства.

Возражения четырех несогласных членов Совета министров находили возрастающую поддержку внутри Совета по мере того, как в МВД начали поступать тревожные отчеты, как, например, из одесского жандармского управления, где утверждалось, что среди крестьян идут постоянные разговоры о том, что после войны крестьянские наделы значительно увеличат за счет земель немецкого дворянства, хотя многие

крестьяне опасались, что значительное количество земли все равно останется в руках колонистов; в любом случае, если землю не дадут, то солдаты после войны потребуют ее в качестве награды за свои жертвы во благо родины.

В многонациональных районах намерение увеличить число русских землевладельцев часто вступало в противоречие с устремлениями местных нерусских крестьян. Например, латышская пресса и члены Думы с негодованием отреагировали на слухи о том, что конфискованные у немцев земли будут переданы русским солдатам. В тот раз латыши смогли убедить власти, и большая часть земли отошла соседним мелким латышским фермерам и беженцам⁸². Данный вопрос мог также обострить социальную напряженность. Слухи о том, что немецкие колонисты, дабы избежать конфискации, тайно сдавали свои земли в аренду помещикам-дворянам, распространились очень быстро и вызвали очередную волну возмущения дворянскими сословными привилегиями⁸³. Отчасти опасаясь того, что конфискационные указы вызовут столь же нервную обстановку в сельской местности ряда губерний, правительство высказалось против майских предложений 1915 г. о распространении февральских указов на новые территории. В августе министр внутренних дел Н.Б. Щербаков зашел настолько далеко, что заявил в Думе о приостановлении действия февральских указов. Он утверждал, что «закон, который затрагивает собою миллионы десятин, непосредственные интересы сотен тысяч колонистов и экономическую жизнь целых губерний, разумеется, должен быть вполне обоснован и в очень краткое время не может быть составлен»⁸⁴.

Расширение конфискационного законодательства

Щербаков и другие умеренные члены правительства были отправлены в отставку в сентябре и ноябре 1915 г. Новый министр внутренних дел А.Н. Хвостов объявил одной из основных задач внутренней политики империи «борьбу с немецким засильем». Он ускорил темпы исполнения февральских указов и провел новые серьезные изменения в законодательстве.

13 декабря 1915 г. новый пакет узаконений распространил возможность конфискации земель вражеских подданных на всю территорию империи и расширил район применения тех же мер для российских подданных, включив в него двадцать одну губернию Европейской России и Приамурское генерал-губернаторство⁸⁵.

Новые указы, принятые в августе 1916 г., расширяли конфискационную программу для российско-подданных враждебных иностранцев на несколько сибирских областей и губерний, где в предвоенные десятилетия росло немецкое землевладение и куда уже было выслано большое количество лишенных имущества немцев. Расширение было отчасти ответом на ходатайства сибирских губернаторов⁸⁶. К концу 1916 г. Комитет по борьбе с немецким засильем выработал еще более радикальный законопроект, расширявший область применения конфискационных мер: в нее были включены Поволжье и чуть ли не вся территорию империи за исключением нескольких районов Сибири с полным отсутствием обрабатываемых земель. Новый законодательный кульбит отказывал всем лицам, лишенным имущества согласно предыдущим указам, в праве аренды домов, квартир или строений в любых местностях, включая города. Таким образом, подвергшимся конфискации колонистам закон позволял жить только в некоторых районах Сибири. Законопроект Комитета был подписан царем 6 февраля 1917 г. без внесения существенных изменений⁸⁷. Пояснение к узаконению в журнале Совета министров включало откровенное объяснение того, насколько сильно и почему намерения законодателей эволюционировали всего за два года. Изначально идея закона была преимущественно стратегической, и предназначался он для вражеских подданных. 22 декабря 1916 г. Комитет по борьбе с немецким засильем решил, что ликвидация землевладения вражеских подданных должна охватить всю территорию империи и удалить землевладение российско-подданных иммигрантов немецкого происхождения там, где оно угрожало весьма широко понимаемым государственным интересам. Большинство Комитета рассудило, что в дополнение к государственной обороне нужно принять во внимание «необходимость упразднения многолюдных немецких гнезд, раскассирования той планомерной германской колонизации, которая превратила обширные в различных частях нашего Отечества районы в сплошные уголки враждебного нам Vaterland'a»⁸⁸. Эти значительные территориальные расширения решительно изменили характер конфискационного законодательства, перешедшего от реализации необходимых мер безопасности в прифронтовых районах к национализации демографических показателей землевладения путем полного вычищения вражеских и враждебных подданных из деревни и аграрного сектора экономики.

Декабрьские указы стимулировали значительное государственное участие в покупке земель. В мае 1915 г. Крестьянский поземельный

банк получил официальные полномочия на покупку земель вражеских подданных и немецких иммигрантов. Декабрьские узаконения весьма расширили роль банка, наделив его правом преимущественной покупки при *всех* продажах подобных земель. Банк имел право аннулировать любые сделки с частными лицами, будь то «добровольные» или заключенные на принудительных публичных торгах. Основная цель состояла в том, чтобы сконцентрировать земли в особом фонде Крестьянского банка, который мог перераспределить их в конце войны согласно государственным приоритетам⁸⁹.

Покупки земель Крестьянским банком создали намного больше затруднений (вплоть до обнищания бывших владельцев), чем прежние принудительные продажи. На практике банк устанавливал крайне заниженную цену на землю — в среднем около одной трети довоенной цены. Что еще более важно, выплаты производились не наличными деньгами, а чаще всего именными банковскими свидетельствами на 25 лет без права передачи, с уплатой держателю фиксированных 4,5% годовых. Таким образом, например, недвижимое имущество, оцененное в 1913 г. в 3 тыс. руб., обычно оценивалось в 1 тыс. руб., и лишавшееся его лицо могло получать лишь 45 руб. ежегодно. Свидетельства при этом постоянно обесценивались инфляцией. Таким образом, преуспевающий владелец некоего имущества стоимостью в 3 тыс. руб. превращался в обнищавшего бездомного человека с 45 руб. в кармане и несколькими быстро обесценивающимися свидетельствами-облигациями, которые ему не разрешали продать⁹⁰.

Землевладельцы, решавшиеся продать имущество «добровольно», и те, чья недвижимость шла на публичные торги, получали гораздо меньше, чем можно было выручить до войны, вследствие резкого снижения цен на землю в годы войны. Например, житель Таврической губернии Яков Зудерман получил на аукционе в сентябре 1916 г. лишь 90 руб. за свой земельный участок, который до войны стоил 900 руб.⁹¹ Это было вызвано призывом большого количества крестьян в армию (что уменьшило спрос на землю) и массовой распродажей земель немецкими выселенцами, наводнившими рынки в ряде губерний. Таким образом, хотя указы и упоминали о компенсации, применяемые именно в такой форме, они привели к обнищанию большинства затронутых лиц⁹².

Декабрьские узаконения 1915 г. решительно отбросили прежнюю осторожность властей в вопросе о нарушении прав собственности. Закон впервые посягнул на землю, первоначально предоставленную общинам колонистов в конце XVIII — начале XIX в. в «вечное потом-

ственное владение». Эти владения, исключенные из действия февральских указов, составляли приблизительно половину всей земли, намечаемой для конфискации к концу 1916 г. Кроме того, декабрьские указы требовали конфискации земель, находившихся в совместном или общинном владении, если *любой* из членов общины или иного сообщества подпадал под действие данного закона, таким образом подводя многих потомков первых поселенцев-колонистов и их земли под действие указов, даже если они получили российское подданство задолго до 1880 г.

Выявление владельцев подлежащего отчуждению имущества

Первая задача исполнения закона состояла в том, чтобы установить фамилии и опубликовать списки лиц, подпадавших под действие конфискационных указов. Это оказалось чрезвычайно запутанным и трудным делом. Февральские и декабрьские указы устанавливали для местных властей лишь двухмесячный срок, чтобы опубликовать списки всех соответствующих вражеских подданных в местной официальной печати, и от десяти до восемнадцати месяцев, чтобы опубликовать списки враждебных российских подданных. МВД довольно быстро оказалось заваленным ходатайствами местных властей о том, что число их сотрудников и финансирование совершенно не адекватны поставленной задаче; в результате лишь в немногих губерниях списки были опубликованы в установленные сроки. В большинстве случаев публикация списков была отсрочена на несколько месяцев, но в течение 1916 г. организация работ значительно улучшилась, поскольку МВД предоставило чрезвычайные бюджетные кредиты и дополнительный персонал для успешного выполнения задачи⁹³.

Крестьянский банк собрал наиболее достоверные, хотя и неполные данные о числе земельных имуществ и отдельных лиц, попавших в конфискационные списки. К 1 января 1917 г. у банка была информация относительно 2906 участков вражеских подданных площадью 296 351 дес. и 41 570 участков российских подданных площадью 3 223 559 дес.⁹⁴ К началу 1917 г. для конфискации было намечено более 44 тыс. земельных имуществ вражеских и враждебных подданных общей площадью 3,5 млн. дес. Поскольку среднее домохозяйство немецкого колониста состояло из восьми человек, можно приблизительно подсчитать, что около 350 тыс. человек попали в конфискационные списки.

Эти данные не включают значительные территории, оккупированные немецкими и австрийскими войсками, которые к концу 1915 г.

охватывали все польские губернии, Лифляндскую и части Курляндской, Холмской, Минской, Подольской, Волынской и Бессарабской губерний. До отступления из этих областей военные власти успели секвестровать и передать новым владельцам немало недвижимого имущества немцев. Кроме того, МВД дало указание, чтобы процесс конфискации продолжался даже на территориях, оккупированных противником. Поскольку это было явно невыполнимо, эвакуированные губернские чиновники делали что могли, работая с имеющимися данными по землевладению, готовя все необходимое для процедуры полной конфискации на территориях, контролируемых противником. Когда некоторые из них были освобождены в результате летнего Брусиловского прорыва и наступления 1916 г., многие чиновники были готовы быстро прибыть на место и продолжить процесс конфискации⁹⁵.

Данные Крестьянского банка также не включают существенные изменения в структуре землевладения и фактическую передачу прав собственности, вызванную требованием, чтобы все арендные договоры были разорваны в течение одного года после издания важнейших февральских и декабрьских указов. Крестьянский банк не собирал статистику земельных аренд, но их число было существенным. Только в четырех губерниях Новороссии (Таврической, Херсонской, Екатеринославской и Бессарабской) 20 тыс. немецких поселенцев арендовали более полумиллиона десятин земли уже в 1890 г.⁹⁶ Хотя никаких сводных статистических данных предоставить невозможно, судя по ходатайствам и материалам прессы, требование закона о разрыве арендных договоров широко выполнялось⁹⁷. Нужно отметить, что, хотя арендные отношения не фигурировали в официальной статистике, разрыв арендного договора мог быть столь же разрушительным для отдельных семей и общин колонистов, как и конфискации находившихся в их собственности земель, и возможно даже более, поскольку бывшие арендаторы не получали вообще никакой денежной компенсации. Большинство репрессированных были долгосрочными арендаторами и вкладывали значительные средства в домашний скот, постройки и различные усовершенствования. В отсутствие компенсации они были вынуждены продавать свой скот, инвентарь и строения по очень низким ценам на местных рынках, заполненных подобными товарами других колонистов, оказавшихся под угрозой конфискации своих земель. Весьма приблизительные подсчеты арендуемых немцами земельных участков, затронутых конфискационными указами, предполагают около 75 тыс. арендаторов, владевших 750 тыс. дес. земли⁹⁸. Если включить в подсчет

оккупированные Центральными державами территории, это число должно быть по крайней мере удвоено.

Очевидно, что одни лишь выкладки Крестьянского банка неадекватны в качестве ориентира для подсчета общего числа лиц, чье имущество было намечено для конфискации до Февральской революции. В качестве осторожной оценки можно назвать приблизительное число в 6 млн. дес. и по крайней мере 0,5 млн. собственников, подлежащих экспроприации к началу 1917 г. Расширение территории, на которую предполагалось распространить действие узаконений августа 1916 г. и 6 февраля 1917 г., не включено в эти числа. Это расширение угрожало общинам немецких поселенцев конфискацией по крайней мере 750 тыс. дес. в Сибири и, вероятно, 1 млн. дес. в поволжских губерниях, хотя Февральская революция вмешалась в процесс прежде, чем земли, подлежащие экспроприации, могли появиться даже в опубликованных списках⁹⁹.

Масштаб запланированной передачи собственности был внушительным. Чтобы поместить цифровые данные в некий ретроспективный контекст, отметим, что за время проведения столыпинской аграрной реформы с 1907-го и до 1915 г. приблизительно два миллиона крестьянских домохозяйств перевели около 14 млн. дес. земли из общинного в частное владение¹⁰⁰. Хотя фактически конфискованных до февраля 1917 г. земельных имуществ было гораздо меньше, чем включенных в списки на экспроприацию, нельзя недооценить значение самого внесения в списки. Процесс сбора данных и публикации списков серьезно воздействовал на местные сообщества. Чтобы собрать данные для списков, оценщики и местные полицейские чиновники приезжали в немецкие поселения и на отдельно стоявшие фермы, осматривали границы земельных участков, внимательно проверяли счета и всю документацию поселений и подробно фиксировали размеры и текущую стоимость земельных имуществ, количество скота, инвентаря, строений и вообще всего, представлявшего какую-либо ценность. Подобные посещения достаточно много значили для напуганных колонистов и поселений в целом, что вело к индивидуальным или коллективным отказам засеивать поля, распродаже дойных коров, домашнего скота и инвентаря, а также демонтажу оборудования на мельницах, текстильных фабриках и других предприятиях и мелких производствах на подлежащих экспроприации землях.

Другой эффект конфискационных указов сказался в объединении всех столь различных немецких сообществ перед лицом общей угрозы,

помогая укрепить растущее осознание единства и национальной идентичности, причем определенно нацеленное против государства более, чем когда-либо прежде в долгой истории немцев в России. Например, газета «*Volgadeutsche Zeitung*» открыто утверждала 6 февраля 1917 г., что расширение конфискационного законодательства на территорию Поволжья доказало острую необходимость в объединенной национальной организации всех немецких поселенцев¹⁰¹. Аналогично, исследование немецких благотворительных организаций в Акмолинской области показывает, что массовые выселения и ликвидация землевладения и аренд вызвали резкое увеличение немецкой финансовой помощи из всех областей империи высланным и лишенным собственности колонистам, в больших количествах появившимся в сибирских губерниях во время войны¹⁰².

Наконец, нужно также отметить, что в губерниях, где немецкие поселенцы составляли значительную часть населения, программа затрагивала существенную долю всей земельной площади. Например, в губерниях Новороссии (Таврическая, Херсонская, Екатеринославская, Харьковская и Область Войска Донского) 6% всей обрабатываемой земли были намечены для конфискации¹⁰³. Несогласные с общим курсом правительственные чиновники и многие умеренные депутаты Думы предупреждали, что конфискация земель немецких колонистов возродит крестьянские надежды на отчуждение земель более широких категорий населения, от национальных меньшинств до хуторян и помещиков. Заявление П.Н. Милюкова в Думе о том, что, «если вы начинаете с земель колонистов, они закончат вашими», казалось все более и более правдоподобным¹⁰⁴. Как ни иронично, но именно либеральная кадетская партия (поддерживавшая конфискацию помещичьих земель с компенсацией «по справедливой оценке») оказалась единственным последовательным защитником права частной собственности немецких фермеров, в то время как правительство с большим воодушевлением подрывало данный консервативный принцип.

Определение категорий враждебных подданных

Определение государством лиц, подлежащих экспроприации, включало в себя массовые операции по классификации и категоризации больших групп населения по разнообразным критериям в основном на два противоположных класса — надежных и ненадежных, желательных и нежелательных землевладельцев. Этот процесс шел не только на категориальном уровне, где и задавались параметры класси-

фикации, но и на индивидуальном, поскольку различные комиссии, комитеты и отдельные чиновники принимали решения по тысячам ходатайств об освобождении от применения репрессивных законов.

Традиционные сословные и конфессиональные признаки сохраняли свое значение при принятии подобных решений. Хотя сословие колонистов было ликвидировано в 1871 г., и с этого момента официально для их обозначения стал употребляться термин «поселяне-собственники», старое определение «колонист» оставалось общеупотребительным даже среди самих немецких поселенцев. Основным решением властей по экспроприации стало четкое разделение между российско-подданными немцами, проживавшими в сельской местности, и не менее многочисленной группой лиц немецкого происхождения, давно осевших в городах. Освобождения от конфискации, предоставленные дворянам-помещикам, купцам и другим представителям некрестьянских сословий, еще четче указывали, что законодательство пошло по традиционному сословному пути.

Конфискационные указы также предусматривали льготы для тех, кто принял православие до 1 января 1914 г., что было еще одним старым критерием для определения категории враждебных подданных. Однако весьма примечательно то, насколько оперативно к этим старым классификационным признакам присоединились национальность и гражданство.

Февральский указ в той части, в какой он относился к русским подданным, мог применяться лишь к лицам «германского происхождения». Отдельная статья изымала из его действия членов сельских общин, могущих доказать свое славянское происхождение, что означало введение законных льгот для значительного числа российских подданных — чехов, болгар, сербов и греков, живших в «колонистских» поселениях на юго-западе России. Таким образом, хотя новая категория враждебных подданных представляла собой переиздание старой сословной категории, она была четко разграничена по национальному признаку.

Более того, узаконения, относившиеся к вражеским подданным, в конце концов привнесли национальность в определение категории вражеских подданных. Существовало всего несколько категорий для исключений, и даже традиционно наиболее привилегированные национальности — чехи, словаки и греки — официально получили освобождения от конфискации лишь летом 1916 г.¹⁰⁵ Тем не менее на практике власти позволяли большинству частных ходатаев избежать конфискации иму-

шества, если те могли доказать свое «желательное» национальное происхождение. К чехам и словакам относились наиболее благосклонно, тогда как вражеские подданные польского и болгарского происхождения гораздо чаще получали отказы на свои обращения к властям.

Различные исключения фактически создали составную категорию вражеских подданных по старым сословным шаблонам, относившимся когда-то к «колонистам», однако дополненным разделительными признаками национальности, гражданства и статуса иммигранта. Если ранее категория «вражеский подданный» оставалась для многих загадочной, то теперь произошла быстрая конкретизация в выявлении отдельных групп населения при помощи наиболее значительных признаков. Абсолютно аналогично утверждению Питера Гэтрелла о том, что беженцев можно рассматривать как совершенно новую группу населения, новую идентичность, порожденную войной, экспроприированных враждебных подданных также можно представить как особую вновь созданную категорию, возникшую на основе смешения старых сословных и новых этнических и гражданственных признаков идентичности¹⁰⁶. Людей, однажды зачисленных в категорию вражеских или враждебных подданных, это клеймо продолжало преследовать даже после того, как они теряли свои фермы и столь важную для их идентичности связь с землей. Губернаторы и градоначальники часто с возмущением утверждали, что репрессированные колонисты заволокли города и активно скупают недвижимость и предприятия, и старались лишить их этой возможности в подчиненных им городских поселениях¹⁰⁷. Декабрские узаконения 1915 г. частично отвечали на обеспокоенность местных властей и предусматривали, что враждебные подданные, происходившие из сельских сообществ, должны быть уволены из всех фирм, общественных организаций и с гражданской службы, даже если они на данный момент живут и работают в городах. Расширение в августе 1916 г. конфискационных законов на территорию Сибири было отчасти мотивировано попыткой предотвратить или отменить уже состоявшиеся земельные приобретения репрессированных и высланных вражеских подданных даже в этих отдаленных областях, где земля не была в таком дефиците, как в центральной России¹⁰⁸. Наконец, запрещающая бывшим колонистам приобретать любую недвижимость или даже снимать квартиры в городах, указ 6 февраля 1917 г. узаконил то, что многие местные власти уже фактически делали в течение многих месяцев.

Внезапное появление враждебной группы населения с соответствующим клеймом и набором законодательных ограничений дало начало

использованию термина, традиционно ассоциируемого с советской категорией «лишенцев» (лиц, лишенных в Советской России избирательных прав), а именно: «бывшие люди». Данный термин широко использовался по отношению к репрессированным враждебным подданным, лишенным всех прав и земель, но временно оставленным на месте проживания или в той же местности на особых «льготных» основаниях и на определенный срок¹⁰⁹.

ПРОБЛЕМЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ КОНФИСКАЦИИ

На практике конфискационные законы сразу же натолкнулись на проблемы, связанные с их исполнением. Недостаток чиновников и персонала, а также финансирования для выполнения сложной и масштабной программы препятствовали быстрому исполнению требований конфискационных указов. Сложные и часто меняющиеся правила о предоставлении льгот и исключений способствовали созданию огромных залежей спорных и нерешенных дел. Однако наиболее важной помехой для ускоренной конфискации оказалось все же не это, а никем не предвиденный масштаб ущерба, наносимого данной программой местному хозяйству и национальной экономике в целом. Очень непростой оказалась задача по изоляции и ликвидации «засилья» считавшихся враждебными подданных в аграрной сфере, чтобы не вызвать резкого спада сельскохозяйственного производства в военное время и других серьезных затруднений для экономики империи в целом, а также не нанести ущерба экономическим интересам «русских» по всей империи. Экономические последствия конфискационной программы стали очевидны в начале 1916 г., вскоре после того как были резко расширены условия и районы применения декабрьских указов 1915 г. и новости об имеющихся и возможных результатах реализации программы стали поступать из губерний.

Немецкие колонисты вели высокопродуктивное и ориентированное на экспорт земледельческое хозяйство. Только в четырех причерноморских губерниях немцы обрабатывали 3 млн. дес., что составляло приблизительно 14% всей распаханной земли в этом районе. Их капиталоемкие методы ведения хозяйства, передовая селекция, обновление зерновых культур, активный севооборот, применение удобрений и усовершенствованного инвентаря — все приводило к получению гораздо более высоких урожаев, чем в среднем в данном регионе или по импе-

рии в целом. Высокая урожайность стала основной причиной того, что эти губернии являлись основными производителями экспортного хлеба, причем вывозившегося не только за рубеж, но и в другие губернии России. К началу 1916 г. это стало важнейшим фактором, поскольку снабжение хлебом ряда регионов империи сократилось до критического минимума. К 1916 г. около половины всего товарного хлеба шло на нужды армии, и на местных хлебных рынках возникли серьезные затруднения¹¹⁰. Установленные государством предельные закупочные цены, транспортные затруднения и резкое снижение количества товарного хлеба на рынках в связи с тем, что крестьяне и скупщики придерживали зерно в ожидании повышения цен, — все это приводило к нехватке хлеба в важнейших регионах империи¹¹¹. Конфискационную программу следует добавить к этим опасным факторам.

Если в мирное время малоземелье и земельный голод были значительной проблемой, то во время войны многочисленные, в том числе и досрочные призывы мужчин в действующую армию вызвали нехватку сельскохозяйственных рабочих. В 1915 г. недостаток был смягчен привлечением к сельскохозяйственным работам военнопленных и направлением трудоспособных беженцев в особенно нуждавшиеся в рабочих руках районы. Однако в начале 1916 г. военный министр доложил правительству, что более 700 тыс. военнопленных и интернированных уже привлечены к работе в сельском хозяйстве, промышленности и строительстве и больше рабочей силы в его распоряжении не имеется. Несколько десятков тысяч сельскохозяйственных рабочих из Центральной Азии получили разрешение на въезд в Европейскую Россию в течение 1916 г., однако из-за противодействия Военного министерства и МВД число реально приехавших рабочих значительно сократилось¹¹².

В начале 1916 г., как раз когда нехватка рабочих рук в деревне стала наиболее острой, масштабные конфискационные планы начали активно реализовываться. Военные власти еще более усугубляли ситуацию. Например, командующий Кавказским военным округом издал предписание с требованием, чтобы все враждебные подданные покинули территорию округа после завершения конфискации, таким образом обезопасившись от того, что они будут работать на своих бывших землях или наймутся в работники к другим сельским хозяевам. Последовавший в мае 1915 г. приказ военных властей, запрещавший продажу конфискованной земли с целью сохранить ее для распределения среди героев войны, также серьезно усложнил работу гражданских властей и вовсе разрушил уверенность в том, что отчужденные земли не

останутся заброшенными до конца войны. Этот приказ не был официально отменен до 10 июля 1916 г., несмотря на множество писем с жалобами от чиновников МВД¹¹³.

Более важные последствия, чем даже сама конфискация, имела волна паники, прокатившаяся по населенным немцами районам после того, как были опубликованы списки тех, чья земля подлежала конфискации по декабрьским указам 1915 г. Согласно планам, многие из конфискаций требовалось осуществить до осеннего сбора урожая 1916 г. В результате многие фермеры не видели смысла вообще сажать яровые культуры в 1916 г. Опубликование конфискационных списков на основании узаконений февраля 1915 г. и решение Совета министров в марте 1915 г. отказать в кредите фермерам немецкого происхождения вынудили многих отказаться от посевов яровых и озимых уже в 1915 г.¹¹⁴ Отказ в кредите имел особенно разрушительные последствия, поскольку немецкие фермеры-колонисты вели капиталоемкое хозяйство и зависели от ежегодных краткосрочных ссуд на покупку семян, удобрений и необходимого инвентаря. По данным одного широко распространенного отчета, 1,5 млн. дес. земель колонистов в течение 1915 г. остались незасеянными, что привело к падению урожая зерновых на 150 млн. пудов¹¹⁵. Для данного года это составило более половины всего сокращения посевных площадей в Российской империи (за исключением районов, занятых противником)¹¹⁶.

Узаконения декабря 1915 г. еще более усугубили и без того ставшую опасной ситуацию. 24 марта 1916 г. член Государственного Совета П.В. Каменский утверждал, что около 2 млн. дес. в Екатеринославской, Херсонской, Харьковской и Таврической губерниях остаются незасеянными¹¹⁷. Ожидалось, что такое сокращение посевных площадей приведет к снижению урожайности на 200 млн. пудов зерна только в четырех южных губерниях. Если включить эти данные в общеимперский контекст, общее снижение урожайности зерновых в 1915 г. составит 344 млн. пудов¹¹⁸.

Опубликование списков подвергнутых экспроприации лиц также вызвало массовые распродажи живого и мертвого инвентаря, семенного зерна, скота и другой движимой собственности¹¹⁹. Столкнувшись с выплатами за свое имущество в виде неликвидных именных свидетельств Крестьянского банка, репрессированные фермеры вполне логично старались перевести все, что у них еще оставалось, в наличные деньги. Продавать землю частным лицам было рискованно, поскольку банк имел право аннулировать сделку и действительно нередко так

и делал, реализуя свое преимущественное право покупки, сохранявшееся за ним в течение трех месяцев после проведения частных сделок или аукционных торгов. Не удивительно, что немцы в этой ситуации продавали все содержимое своих ферм подчистую. Мясозаготовители во множестве появлялись в районах расселения германских колонистов и за бесценок скупали крупный рогатый скот, овец, свиней и даже высокопродуктивных молочных коров. В населенной преимущественно меннонитами Молчанской волости Симферопольского уезда Таврической губернии в первые месяцы 1916 г. было продано 37% лошадей и 18% всего молочного скота¹²⁰. В результате этих массовых распродаж, когда земли окончательно перешли в руки новых владельцев, те часто испытывали нужду в необходимом инвентаре, тягловом скоте и оборудовании для мельниц, маслобоен и иных предприятий. Даже когда данные виды имущества оставались на местах, чиновники докладывали, что новым владельцам нередко требовались оборотные средства и соответствующая квалификация, чтобы управляться с машинным оборудованием маслобоен, мельниц, селекционных питомников и других предприятий на полученных фермах¹²¹.

Помимо экспроприации немецких землевладельцев, декабрьские указы были нацелены на полное удаление вражеских и враждебных подданных со всех важных постов и изоляцию от всех значимых видов деятельности в деревне. Важное положение одного из указов требовало скорейшей ликвидации всех фирм и предприятий, работавших в сельской местности, если хотя бы один из их совладельцев подпадал под действие репрессивных мер. Это положение включало в себя сотни мельниц, предприятий по обработке сельхозпродукции, винных заводов и других, обслуживавших нужды как проживавших здесь немцев, так и окружающих крестьянских общин других национальностей.

Все малые, средние и крупные сельскохозяйственные предприятия, расположенные в сельской местности, оказались так или иначе затронуты законами военного времени. В марте 1916 г. Министерство торговли и промышленности отчиталось о том, что в сельских районах уже выявлены 400 фирм, на которых начат процесс ликвидации, причем это была лишь часть предприятий, подлежащих закрытию по декабрьским указам 1915 г.¹²² Среди этих предприятий было 26 фабрик, производящих сельскохозяйственный инвентарь, до войны выпускавших продукции на 116 млн. руб. ежегодно, а также несколько мельниц, производивших 14 млн. пудов муки ежегодно¹²³. В некоторых районах было остановлено производство в целых отраслях. Например, в Подольской

губернии в середине 1916 г. было остановлено крупное текстильное производство вслед за массовыми увольнениями и экспроприацией собственности вражеских подданных и панической распродажей ткацких станков и другого оборудования¹²⁴. Положение Совета министров, принятое в августе 1916 г., гласило, что все строения, принадлежавшие общинам немцев-колонистов, должны быть конфискованы и переданы Крестьянскому банку, что вело к нарастанию ущерба¹²⁵.

Одним из наиболее серьезных последствий разрушения мелкой сельской промышленности стал резкий рост цен на помол зерна по всей южной России, включая Вольнь и другие территории со значительной долей расселения вражеских подданных¹²⁶. Владельцы сельских предприятий, столкнувшись с неминуемой ликвидацией, предпочитали распродавать все оборудование и инвентарь, а не дожидаться компенсационных выплат по значительно сниженным ценам, да еще и в виде казначейских обязательств, не подлежащих передаче в течение двадцати пяти лет.

Более того, одна из статей декабрьских указов требовала увольнения вражеских подданных немцев из штатов предприятий, общественных организаций и с государственной службы и приводила список из двадцати конкретных типов должностей, причем находящихся на других должностях вражеских подданных работодателю позволялось увольнять по своему усмотрению¹²⁷. Дополнительное положение 20 февраля 1916 г. требовало увольнения всех российско-подданных иммигрантов немецкого происхождения и вражеских подданных с должностей управляющих. Статистики подобных увольнений не существует, однако отдельные упоминания и архивные источники указывают на большой размах этого явления по мере того, как ментальность чисток (*purge mentality*) расплзалась по всей стране¹²⁸.

Подобные действия стали применяться и к представителям других национальностей. Около 220 тыс. болгар проживало в сельских поселениях на Украине к началу войны. После того как в октябре 1915 г. Болгария вступила в войну на стороне Центральных держав, Совет министров распространил действие всех ликвидационных указов на болгарских подданных. Вскоре после этого местные административные учреждения, управляющие промышленных заведений и общественные организации по всему югу России начали спонтанно увольнять болгар с работы, даже если они являлись российскими подданными. Этот процесс принял такие масштабы, что Совет министров был вынужден действовать, чтобы его хоть как-то замедлить. Отмечая, что многие

губернии с большим процентом болгарского населения находились в весьма трудном положении из-за нехватки рабочих рук, Совет министров постановил, что дальнейшие увольнения и высылки применимы лишь к считающимся «действительно опасными» и не занятым сельскохозяйственным производством лицам¹²⁹. На практике МВД было вынуждено периодически рассылать специальные напоминания о том, что вражеские подданные — болгары временно освобождены от действия некоторых репрессивных мер, а российско-подданные болгары вообще не подлежат действию никаких ограничительных указов.

Увольнения немецких иммигрантов в городах также приобрели массовый характер. Лишь в начале 1917 г., спустя долгое время после того как разрушительные последствия этих действий стали очевидны, Комитет по борьбе с немецким засильем начал отходить от поощрений подобных акций¹³⁰.

Экономические последствия данной кампании никак не могли затрагивать интересы лишь отдельных лиц или исключительно преследуемых сообществ. Например, только из одной волости в Крыму сообщали, что там оказались за короткое время ликвидированы: фабрика Г. Шредера (первого производителя нефтяных насосов в России), мельница Г. Вилемса (производившая 6 тыс. пудов муки в день и обслуживавшая население далеко не только данной волости), общество взаимного кредита, потребительское общество, пятьдесят более мелких фабрик и мельниц, на которых работало 5 тыс. рабочих¹³¹. Естественно, что многие из рабочих этих предприятий и их клиентов (жителей близлежащих районов) не являлись вражескими подданными.

К подобным последствиям вела и ликвидация участия вражеских подданных в кредитных учреждениях, закончившаяся банкротством многих из них, потянувших за собой немало русских организаций и частных лиц. Вынужденное обнищание вражеских подданных в свою очередь привело к волне отказов платить проценты по ссудам и погашать кредиты в банках, о чем российские банкиры более чем подробно и настойчиво оповестили власти всех уровней. Банковская группа, работавшая в Таврической губернии, информировала всех заинтересованных лиц о том, что у нее скопилось не погашенных немцами-колонистами ссуд на 2 млн. руб., причем вернуть деньги не было уже практически никакой надежды ввиду активно проводимой ликвидационной программы¹³².

По принципу домино репрессивная кампания привела и к другим непредвиденным последствиям, затрагивавшим интересы не только частных лиц или определенных сообществ, но и общегосударственные.

Карл Линдеман, собравший немало информации о финансовых операциях немцев в сельской местности на юге России, подчеркивал, что эти довольно богатые переселенческие общины делали значительные пожертвования на нужды Красного Креста и армии, а также уделяли немало времени и средств помощи беженцам¹³³. В 1916 г. все подобные пожертвования ощутимо сократились. Школы, лазареты, сиротские приюты и добровольные благотворительные общества, собиравшие деньги и обслуживавшие различные нужды армии, оказались в тяжелом положении; многие из них были вынуждены закрыться в 1916 г. как по причине отсутствия средств, так и по предписанию закона, требовавшего закрытия общественных организаций, основанных или управляемых немцами-колонистами или вражескими подданными¹³⁴.

Очевидность значительных масштабов ущерба, наносимого ликвидационными указами (особенно в связи с продовольственным кризисом и ростом площади незасеянных полей в 1916 г.), стала значимым стимулом для мобилизации либеральных и умеренных общественно-политических сил против репрессивной программы в целом. Эта проблема несколько раз обсуждалась в Думе, и в результате видные члены партии октябристов, ранее одобрявшие или хотя бы допускавшие конфискационную программу, перешли в оппозиционный лагерь и по этому вопросу. Прогрессивный блок выступил с заявлением, что данные законы наносят ущерб экономике страны и необходимо принять меры, чтобы гарантировать ведение продуктивного сельского хозяйства на конфискованных землях¹³⁵. В мае 1916 г. князь Г.Е. Львов послал в правительство целую серию жалоб от имени Особого совещания по обороне государства, утверждая, что закрытие предприятий и увольнение служащих затрагивает многие фирмы, выполняющие оборонные заказы, что никак не соответствует национальным интересам страны. Он приводил в качестве примера сведения из одного из уездов Екатеринославской губернии, где 20 предприятий, работавших исключительно на оборону, неожиданно оказались в ликвидационном плане¹³⁶.

Многие русские землевладельцы, сдававшие земельные участки в аренду вражеским подданным, также слали во многие инстанции ходатайства о получении льгот, утверждая, что принудительный разрыв арендных договоров серьезно отразится на их благосостоянии. Подобные ходатайства редко удовлетворялись, причем даже в тех случаях, если просителями выступали члены влиятельных дворянских фамилий со связями в высших сферах, ручавшиеся за полную благонадежность своих арендаторов и высокую продуктивность их хозяйств¹³⁷.

Власти, столкнувшись с неоспоримыми свидетельствами серьезного ущерба национальной экономике и оборонному производству, попытались, хотя и не приостанавливая ликвидационную кампанию, уменьшить ее негативные последствия. 1 мая 1916 г. МВД разослало всем губернаторам циркуляр с запросом списков предприятий и фирм, предназначенных для экспроприации, которые, однако, следовало освободить от нее по причинам чрезвычайной значимости для оборонного или местного производства. В ответ губернаторы прислали списки, содержавшие сотни предприятий и фирм, работавших на нужды обороны или по другим причинам имевших «общественное или государственное значение»¹³⁸. МВД посчитало, что такие фирмы вместе с необходимым для их функционирования земельным имуществом могут быть оставлены в покое, однако те земли, в которых эти предприятия не нуждались, должны быть конфискованы согласно ранее утвержденным планам. При этом важно подчеркнуть, что льготы таким предприятиям обычно предоставлялись лишь на условиях временной отсрочки до того времени, когда «условия позволят» продолжить экспроприацию. Конечно, далеко не все фирмы получили освобождение от конфискаций, но это значительное отступление вскрыло частичное признание властями невозможности полного удаления вражеских подданных из аграрного сектора, да еще и в короткий срок¹³⁹.

Стремясь остановить распродажу ценного имущества, Совет министров в июне 1916 г. предписал, что если владельцы будут распродавать скот, инвентарь и другое движимое имущество до конфискации, то его стоимость будет вычитаться из компенсационных выплат Крестьянского банка; если же ликвидация будет происходить через аукционную процедуру, то бывший собственник обязан выплатить штраф, составляющий до 5% стоимости всего земельного имущества. Сохранилось мало свидетельств того, что эта мера остановила распродажу движимого имущества, поскольку главной причиной ускоренных распродаж было стремление получить наличные деньги, и потери, оценивавшиеся в неликвидных казначейских обязательствах, никого не пугали¹⁴⁰.

Правительство пользовалось теми же принудительными мерами, пытаясь разрешить проблему незасеянных полей, вводя штрафы в размере до 10% стоимости земли с тех вражеских подданных, кто воздерживался от посевов на конфискуемых землях; штрафы взимались, даже если экспроприация была запланирована до ближайшего урожая. К июлю 1916 г., столкнувшись с нехваткой рабочих рук и практической невозможностью осуществить столь масштабный переход зе-

мельных имуществ к новым владельцам, правительство издало откровенно циничный указ, позволявший новым владельцам «оставлять» вражеских подданных на их бывших землях в качестве наемных работников или арендаторов на срок до одного года для того, чтобы убрать урожай и засеять поля¹⁴¹.

Затруднительно проанализировать последствия такого множества мер по конфискации собственности и вычищению вражеских подданных и немецких колонистов в российском аграрном секторе. Приведенные выше примеры — лишь незначительная часть огромного массива разнообразных местных свидетельств, подтверждающих, что произведенные и запланированные конфискационные меры оказали огромное влияние не только на немецкие общины, но и на все соседние поселения и на российскую экономику в целом.

Несмотря на все новые свидетельства значительного экономического ущерба от ликвидационной программы, немногие чиновники признавали необходимость мягкого подхода, выразившегося в расширении предоставления льгот. Одной из причин этого была бдительность консервативной печати, внимательно следившей за каждым значительным решением властей в данном вопросе. Чиновники по всей империи были весьма чувствительны к статьям в «Новом времени», «Вечернем времени» и других популярных газетах и к малейшему намеку на мягкость того или иного бюрократа в борьбе с немецким засильем. По свидетельству крупного чиновника МВД Н.П. Харламова, несколько занимавших высокие посты бюрократов и администраторов немецкого происхождения, таких как херсонский губернатор барон Н.А. Гревениц, были особенно агрессивны и безжалостны в исполнении всех репрессивных указов, поскольку стремились отвести от себя обвинения в симпатиях к немцам. Крупные чиновники с русскими фамилиями также не чувствовали себя спокойно. Харламов сам признавался в том, что отклонял многие очевидно стоившие удовлетворения ходатайства о льготах, опасаясь увидеть свою фамилию на страницах «Нового времени»¹⁴².

Исключения и льготы обычно предоставлялись в форме временных отсрочек и никоим образом не служили средством всесторонней перестройки долговременных целей ликвидационной программы: их получали либо лица, доказавшие свою принадлежность к привилегированной национальности, либо могущие подтвердить, что их предприятие действительно необходимо для укрепления боеспособности армии. Как ни иронично, но последняя категория противоречила одной из основ-

ных смыслообразующих целей программы — удалению подозрительных лиц с деликатных позиций в народном хозяйстве, где они якобы активно участвуют в саботаже, а вместе с ними и всех враждебных и вражеских подданных со всех важных постов, находясь на которых они якобы экономически подавляют русских. Правая печать быстро обнаружила и указала на эти противоречия, начав очередную озлобленную кампанию против правительственных чиновников, обвиняя их в предательском «покровительстве» влиятельным немцам и иностранцам. Таким образом, хотя власти осуществляли на практике довольно радикальный вариант репрессивной программы, это не помогло правительству приобрести общественную поддержку даже со стороны правых кругов, не видевших ни малейшей возможности для компромисса по столь спорной проблеме, уже успевшей попасть в крайне эмоционально накаленное поле между такими полюсами, как измена и патриотизм.

СТАТИСТИКА ПОСЛЕДСТВИЙ ЭКСПРОПРИАЦИИ

Непосредственные земельные конфискации прежде всего относились (и наиболее полным образом их затрагивали) именно к неприятельским подданным. Доклады губернаторов показывают, что к лету 1916 г. в большинстве губерний все до единого земельные имущества вражеских подданных были конфискованы. Однако вражеские подданные владели сравнительно небольшой долей земли, намеченной для экспроприации (2906 участков общей площадью 296 351 дес.)¹⁴³.

Экспроприация земель русских враждебных подданных в крупных масштабах практически не начиналась до конца 1916 г., поскольку февральские указы содержали целый ряд ограничений, а также по причине постоянно передвигаемых сроков окончания кампании, растянувших процесс их исполнения на долгие месяцы. Лицам, чья собственность оказалась внутри 150- и 100-верстного запретных поясов, было предписано окончательно покинуть запретные зоны соответственно в десяти- и шестимесячный срок после публикации списков участков, предназначенных к конфискации. Большинство списков были опубликованы между апрелем и июнем 1915 г., следовательно, экспроприация не могла начаться до февраля 1916 г. Указы декабря 1915 г. ужесточили данные условия, предоставляя всем российским подданным лишь 10 месяцев после публикации списков до начала принудительной конфискации. Поскольку к марту 1916 г. в районах, включенных в действие

репрессивного законодательства в декабре 1915 г., были опубликованы лишь немногие списки, конфискация там могла начаться только в начале 1917 г.

Исходя из такого графика, нисколько не удивительно, что лишь небольшая часть появившихся в списках земельных имуществ была реально конфискована до Февральской революции. В нашем распоряжении нет точных данных о большей части «добровольных» распродаж земли фермерами, пытавшимися выручить хотя бы что-то до истечения указанных сроков; доступны лишь разрозненные цифры о принудительных аукционах. С того момента как Крестьянский банк в декабре 1915 г. получил право преимущественной покупки земель враждебных подданных, он начал вести наиболее полную и точную регистрацию конфискаций. Согласно этим данным, на 1 января 1917 г. 1923 земельных участка, принадлежавших российским подданным, общей площадью 665 892 дес. были принудительно направлены на публичные торги и проданы по совокупной цене в 123 млн. руб. Кроме того, сам Крестьянский банк принял решение о приобретении 1127 участков площадью 516 749 дес. и к тому времени уже завершил процедуру покупки 431 участка общей площадью 144 894 дес. и стоимостью 22 млн. руб.¹⁴⁴

Конфискации продолжали проводиться с возрастающей скоростью в первые два месяца 1917 г. вплоть до Февральской революции. В печати сообщалось о крупных распродажах земли на публичных торгах в эти два месяца, включая 100 тыс. дес. в январе в Херсонской губернии и 130 тыс. дес. в Бессарабской губернии за один день торгов¹⁴⁵. По подсчетам Линдемана, в феврале в южных губерниях проводилось 20—30 аукционов ежедневно¹⁴⁶. Крестьянский банк в начале 1917 г. также резко увеличил свою активность в приобретении земли. К 1 марта он приобрел уже 920 тыс. дес. за 140 млн. руб.¹⁴⁷

К началу Февральской революции царский режим всенародно объявил о своем стремлении конфисковать земельные владения общей площадью более 6 млн. дес. более чем у полумиллиона своих подданных и уже начал этот процесс, насильственно экспроприировав около 2 млн. дес., не говоря уже о значительных земельных имуществях, переданных новым хозяевам на территориях, находившихся на военном положении¹⁴⁸. Построенные на довоенных административных моделях и правилах, ограничивающих землевладение исходя из признаков национальности и гражданства, проекты, реализованные в течение Первой мировой войны, распространили репрессивную политику, основанную на принципах земля = национальность, на новые группы населения.

Программа была нацелена на радикальную трансформацию демографических показателей земельной собственности и расселения в империи, стремясь навсегда удалить определенные категории населения и заменить их представителями привилегированных национальностей.

Выбор правительства в пользу именно такой конфискационной кампании имел принципиальное значение в свете растущего напряжения в деревне вокруг вопросов частной собственности на землю в целом. В некоторых районах значительного немецкого расселения, таких как Волынская губерния, немцы составляли основную массу сельского населения, ведущего хуторское хозяйство¹⁴⁹. Превращение немцев во врагов, чье имущество подлежит конфискации, придавало статус официально одобренной популярной идее, бытовавшей среди крестьян, о том, что хутора и другие формы частной земельной собственности незаконны¹⁵⁰. На макроуровне экспроприация частной земельной собственности (той самой, которую Столыпин стремился создать) в масштабах, сопоставимых с результатами столыпинской аграрной реформы, указывает на важнейший сдвиг в политике самого правительства¹⁵¹. Во время войны режим решился на резкий разворот от поддержки обширной программы по созданию и защите частного землевладения к сопоставимой по масштабу программе «национализации» земли путем конфискации частного земельного имущества.

Глава 5

ВЕЛИКОЕ ВЫСЕЛЕНИЕ НАРОДОВ

Из всех практик, составляющих идеологию «национализирующего государства» (*nationalizing state*), насильственное переселение — едва ли не самая драматичная. Насильственное перемещение населения, последовавшее за Балканскими войнами непосредственно перед Первой мировой войной, депортации армян в 1915 г., взаимообмен населением ряда государств накануне Первой мировой войны и еще более масштабные перемещения и массовые убийства во время Второй мировой войны и их последствия — все это показывает, насколько важны были принудительные перемещения народов для перестраивания имперского и постимперского пространства в национальные государства. В этом широком контексте насильственное перемещение национальных групп внутри Российской империи во время Первой мировой войны занимает важное место в истории Европы как один из наиболее ранних примеров широкомасштабного, санкционированного государством насильственного переселения в XX столетии. Это был важный первоначальный шаг в сторону от имперского мироустройства и «смешения» (*mixing*) народов в течение периода долгого мира в XIX в., предшествовавшего 1914 г., к «обособлению» (*unmixing*) народов в эпоху войн и становления национальных государств.

Поначалу казалось, что массовые операции военных властей в ближнем тылу направлены на решение проблем безопасности, вытекающих из самой природы тотальной войны, особенно такой, в которую массово вовлечено гражданское население воюющих сторон. Исходя из этого, первая подобная масштабная операция военного времени была направлена на интернирование всех подданных враждебных государств мужского пола призывного возраста с целью предотвратить их отъезд на родину и поступление на службу в армии своих стран. Однако подвергавшиеся выселениям категории населения постепенно расширялись, пока не охватили практически всех подданных враждебных государств, включая мужчин всех возрастов, женщин и детей, а затем

продолжили стремительное расширение и на российских подданных немецкой, еврейской и других национальностей. Каждая такая операция сразу приобретала черты всеобъемлющей национализации посредством конфискации земельных владений, предприятий и движимого имущества, меняя дальнейшие цели и природу операции по мере ее осуществления. В этой главе рассматривается насильственное переселение каждой из основных групп населения империи, пострадавших от данных репрессивных мер: подданных враждебных государств, российско-подданных евреев и немцев, а также несколько менее масштабных случаев переселения других этнорелигиозных меньшинств.

ВЫСЫЛКА И ИНТЕРНИРОВАНИЕ ВРАЖЕСКИХ ПОДДАННЫХ

Правила военного положения напрямую давали военным властям на подконтрольной им территории право принуждать гражданских чиновников высылать любого человека или группу лиц за пределы конкретного уезда или в глубь страны. Военные власти сразу же после начала войны воспользовались этим правом, чтобы отдать приказ о первой массовой высылке и интернировании вражеских подданных. 25 июля 1914 г. исполняющий обязанности начальника Генерального штаба М.А. Беляев отдал приказ о высылке всех подданных неприятельских государств мужского пола призывного возраста, проживавших на подчиненной военным властям территории, и интернировании их в специальные лагеря в Вятке, Оренбурге и Вологде¹. Переписка между военными чинами, осуществлявшими эту процедуру, показывает, что она рассматривалась ими как полномасштабная военно-стратегическая операция, направленная на недопущение поступления вражеских подданных мужского пола на службу во вражеские армии. Поскольку на самом деле трудно было отличить резервистов от потенциальных призывников, военные власти и МВД постановили, что «все подданные Германии и Австрии мужского пола в возрасте от 18 до 45 лет», т.е. считавшиеся физически способными носить оружие, должны быть интернированы². МВД взяло на себя надзор за этими ссыльными и отделяло их от военнопленных, создав для них новую категорию — «гражданские выселенцы», и в первые несколько дней действия военного положения распространило возможность применения данной меры на всю территорию империи³.

Для проведения первых массовых выселков военного времени МВД открыло ряд этапных пунктов в крупных городах по всей империи, используя для этого тюрьмы, охраняемые бараки или наскоро обустроенные лагеря временного содержания. Из этих пунктов выселенцев под охраной партиями отправляли в опечатанных товарных вагонах в одну из предварительно назначенных губерний⁴. 18 октября 1914 г., за день до того как Россия объявила войну Османской империи, Совет министров при поддержке военных властей постановил распространить все меры, применяемые к германским и австрийским подданным, на подданных Османской империи⁵.

Интернирование этой сравнительно ограниченной категории вражеских подданных, проживавших на с некоторых пор подконтрольных военным властям территориях Российской империи, затронуло около 50 тыс. человек (из предполагаемых 600 тыс. подданных враждебных государств, постоянно проживавших в империи)⁶. Эта операция во многом объясняется созданием по всей Европе системы массовых резервных армий, что подразумевало восприятие мужчин призывного возраста как потенциальных вражеских солдат в случае, если бы им было позволено выехать на родину. Все другие воюющие страны приняли схожие меры, и эта категория населения составила основную часть вражеских подданных, интернированных по всему миру во время Первой мировой войны. Хотя интернирование этой категории было напрямую связано с проблемами безопасности, само по себе оно, по мнению некоторых ученых, являлось существенным отступлением от сложившейся мировой практики ведения войн, создавая новую категорию пленных: гражданский подданный враждебного государства⁷.

В начале войны мало кто ожидал, что всех гражданских подданных вражеских государств (женщин, детей, мужчин, непригодных для службы во вражеских армиях) коснутся законы военного времени, не говоря уже о выселке. На самом деле в циркуляре МВД от 26 июля 1914 г. недвусмысленно указывалось, что мирные «австрийцы и германцы, находящиеся вне всякого подозрения, могут оставаться в своих местах проживания и пользоваться покровительством наших законов или выехать за границу»⁸. Некоторое количество вражеских подданных смогли покинуть страну в первые дни войны, но к концу первой недели военные власти надежно закрыли границы. Хотя Министерство иностранных дел достигло соглашения с Германией и Австрией по некоторым вопросам обмена гражданскими подданными, военные власти и МВД фактически имели возможность блокировать выполнение

этих соглашений. Маловероятно, что империю смогли покинуть более 10 тыс. гражданских вражеских подданных, и это составило менее 4% лиц этой категории, интернированных внутри России, и всего 2% от общего числа вражеских подданных, проживавших в России до войны⁹.

Представление о необходимых для поддержания безопасности государства мерах быстро расширялось в сознании военного командования. В отдельных случаях некоторые военные чины отдавали приказы о «полном очищении» прифронтовых районов от всех без исключения вражеских подданных уже в первые недели войны. 27 июля 1914 г. Верховный главнокомандующий вел. кн. Николай Николаевич приказал высылать любых подозрительных иностранцев из районов активных боевых действий¹⁰. Такие далекоидущие распоряжения наряду с широкими полномочиями военных властей вели к резкому расширению за намеченные пределы категории высылаемых лиц, т.е. мужчин, подлежащих призыву во вражеские армии. Уже в сентябре 1914 г. военные власти включили женщин и детей в число 7 тыс. высылаемых из Риги вражеских гражданских подданных. Операция была настолько масштабной, что только 80 человек получили разрешения остаться¹¹.

Изначально, в августе и сентябре, высылки в прифронтовых районах происходили спорадически, однако 3 октября 1914 г. вел. кн. Николай Николаевич направил в Совет министров телеграмму, ставшую одним из главных поворотных пунктов на пути к широкомасштабной и систематической программе высылки и интернирования. Великий князь заявлял о зверствах немцев и австрийцев на фронте и в качестве ответа требовал принятия «самых решительных и суровейших мер относительно подданных воюющих с нами государств без различия их общественного положения на всем пространстве России»¹². Это позволило начальнику штаба Верховного главнокомандующего Н.Н. Янушкевичу издать ряд приказов, в соответствии с которыми в ближайших к фронту районах должны были систематически проводиться чистки населения от всех вражеских подданных *без исключения*.

Затем высылки быстро распространились на все подчиненные военным властям районы, в том числе и находившиеся довольно далеко от фронта. В ноябре 1914 г. генерал В.Ф. Сиверс приказал губернаторам прибалтийских губерний выслать всех оставшихся вражеских подданных из Рижского уезда и всей Курляндской губернии и просил позволения для военных выселять их из других пунктов вдоль побережья Балтийского моря, утверждая, что уже были случаи получения кем-то сигналов с германских военных кораблей. В первые три дня депорта-

ционной операции женщин и детей выслали вместе с мужчинами. На четвертый день в ответ на поток жалоб командующий операцией весьма неохотно дал разрешение оставлять женщин на месте, но только в том случае, если их лояльность не вызвала сомнений¹³.

13 декабря 1914 г. приказы о высылке приобрели поистине массовый характер. Главный начальник снабжений Северо-Западного фронта приказал переселить на восток всех подданных Австро-Венгрии, Германии и Османской империи из всех губерний Привислинского края (десяти губерний бывшего Царства Польского в составе Российской империи), освободив от этого лишь лиц славянского происхождения, которые оставались вне подозрений в шпионаже¹⁴. В течение следующих трех месяцев высшее военное командование издало ряд дополнительных приказов о полном очищении Волынской губернии и части Прибалтийского края от всех без исключения вражеских подданных, включая женщин и детей. Янушкевич неоднократно в письменной форме бранил командующих военными округами, примыкавшими к линии фронта, которые, как он считал, проявляли мягкость по отношению к вражеским подданным, и требовал, чтобы они выполняли все приказы о выселении в полном объеме и наказывали своих снисходительных подчиненных¹⁵.

Военные власти не только распространили высылку и интернирование вражеских подданных на все подконтрольные им обширные территории, находившиеся на военном положении, но и оказывали давление на гражданские власти с целью расширения подобных операций на районы глубокого тыла. Гражданские власти уже и сами подготовили для этого почву при помощи двух сентябрьских (1914 г.) циркуляров МВД, лишивших вражеских подданных прав судебной защиты по любому гражданскому иску, а также аннулировавших международные соглашения и конвенции о защите вражеских подданных. Кроме того, местным чиновникам было запрещено позволять вражеским подданным оставлять места проживания без письменного разрешения полиции¹⁶. 12 декабря 1914 г. Янушкевич писал командующему Петроградским военным округом, что «очищение» от вражеских подданных театра военных действий, включая и столицу империи, для обороны — дело первостепенной важности¹⁷. 20 декабря 1914 г. он приказал генерал-лейтенанту А.А. Маниковскому «очистить самым тщательным образом» стоверстную полосу вдоль побережья Финского залива, а также сложную цепь особых зон, поясов и полос внутри Петроградского района вдоль рек, вокруг оборонных предприятий и других стратеги-

чески важных объектов в столице и ее пригородах¹⁸. Янушкевич причел казал не делать никаких исключений для высылаемых на основании социального статуса, славянского происхождения или по иным причинам¹⁹. 7 января 1915 г. генерал К.П. Ван-дер-Флит расширил запретную зону, включив в нее всю Эстляндскую (Эстония) и Лифляндскую (Литва) губернии, большую часть Петроградской и части Новгородской и Выборгской губерний²⁰.

В апреле 1915 г. под давлением военных властей Департамент полиции присовокупил к требованиям военных свою сеть охраняемых территорий по всей стране, включавших двадцати- и пятидесятиверстные запретные полосы по обеим сторонам железных дорог, вдоль морского побережья и некоторых рек, а также охраняемые участки вокруг сотен предприятий, работавших на оборону. Гражданским властям предписывалось выселять с этих территорий всех вражеских подданных, включая лиц славянского происхождения, женщин и детей. Если вражеский подданный появлялся в этих запретных зонах, он мог быть обвинен в измене и судим военным судом. По мере развертывания военных действий особые зоны расширялись, поглощая все новые прифронтовые территории²¹.

К лету 1915 г. приказы о выселении охватывали уже всех вражеских подданных без исключений, проживавших на большей части территорий, подконтрольных военным властям, и в особых зонах, а также всех мужчин призывного возраста данной категории по всей империи. Однако несколько влиятельных военных чинов считали даже эти меры недостаточными и настаивали на более экстремальной тактике, которую можно назвать «жесткой политикой» выселения. Например, князь Ф.Ф. Юсупов, в мае — «главноначальствующий над Москвой» несколько тысяч вражеских июля 1915 г. руководивший высылкой нескольких тысяч вражеских подданных из Москвы, в докладной записке царю в июне 1915 г. резко критиковал недостаточность депортационной политики на территориях, управлявшихся гражданскими властями. Он предлагал создать сеть концентрационных лагерей, в которые должны были направляться все без исключения подданные враждебных государств (а также российские подданные с немецкими фамилиями) на время войны. И хотя его предложение не было осуществлено в масштабах империи, Юсупову было разрешено продолжать свою активную депортационную политику в пределах Москвы²². Весьма значимый доклад, предназначенный для использования в штабе Верховного главнокомандующего и выдержанный в духе «жесткой политики» выселений, гласил, что ни один гер-

манский или австрийский подданный не может считаться безвредным; проверять нужно всех, что будет крайне дорого и не принесет успеха. На фоне множества патриотических выступлений, требовавших спасти Родину без всяких компромиссов, записка утверждала, что единственно верным решением было поголовное выселение²³.

Действительно, на протяжении первой половины 1915 г. добиться льгот на основании возраста или пола потенциального высленца становилось возможным все реже. 21 июня Янушкевич отдал приказ о немедленном выселении всех вражеских подданных, независимо от пола и возраста, ранее получивших разрешение оставаться в стоверстной зоне вдоль линии фронта и в приграничных районах²⁴. Военные власти стремились к максимально полному очищению подконтрольных им территорий от вражеских подданных и требовали от гражданских властей следовать их примеру в других местностях. На практике эта операция, включавшая выявление и выселение более полумиллиона постоянных жителей империи, оказалась гораздо более сложной и проблематичной, чем ожидалось, в основном из-за того, что в число «неприятельских подданных» попало большое число славян (чехов, поляков, словаков, сербов и других), требовавших освобождения от высылки. Но даже с учетом того, что многих представителей перечисленных национальностей было решено не выселять, депортация затронула значительную часть вражеских подданных, постоянно проживавших в Российской империи. Суммарную статистику определить довольно сложно, поскольку приказы о выселении отдавались самыми разными органами власти. Точные данные можно получить только из отчетов Управления начальника санитарной и эвакуационной части при штабе Верховного главнокомандующего, ответственного в том числе и за эвакуацию по железным дорогам. В них сообщается о четверти миллиона вражеских подданных, высленных и помещенных под полицейский надзор в местах временного проживания в течение войны (см. таблицу 3).

Таблица 3. Вражеские подданные, перемещенные по железным дорогам в течение войны (по данным Управления начальника санитарной и эвакуационной части)

1914	68 000
1915	134 000
1916	41 278
1917	11 511
Всего	255 789

Источники: Нелипович С. Репрессии против подданных «центральных держав» // Военно-исторический журнал. 1996. № 6. С. 41; РГВИА. Ф. 400. Оп. 8. Д. 697. Л. 242; Д. 704. Л. 1—163; Д. 707. Л. 1—8.

Эти данные включают лишь некоторое число из десятков тысяч, выселенных из Москвы, Петрограда и сети зон безопасности по всей стране. Они также не учитывают лиц, выехавших самостоятельно, чтобы избежать высылки под конвоем. Включая эти цифры, общее число вражеских подданных, депортированных или высланных за время войны, достигло приблизительно 300 тыс. человек. В это число не входят примерно столько же иностранных граждан гражданских специальностей, депортированных во внутренние губернии России с оккупированных территорий²⁵.

Таким образом, примерно половина из 600 тыс. вражеских подданных, зарегистрированных в качестве постоянно проживавших на территории Российской империи в 1914 г., были высланы, затем интернированы в лагеря или получили предписание поселиться в особо оговоренных местах под надзором полиции на время войны²⁶. Большинство освобожденных от высылки имели славянское происхождение, тогда как выселение вражеских подданных — немцев, турок, венгров и евреев — было проведено с особой тщательностью. Например, к июню 1915 г. 14 890 вражеских подданных было выселено из Варшавы, а 7199 разрешено остаться, и почти все они были поляками²⁷. Аналогично этому, к началу 1915 г. около 10 тыс. подданных Германии и Австрии были высланы из Петроградской губернии; из оставшихся 3227 человек 1858 были славянами и еще 635 — гражданами нейтральных стран²⁸. Губернаторы нескольких западных и южных губерний докладывали, что все до единого вражеские подданные немцы и евреи высланы²⁹.

Хотя высылка и интернирование подданных враждебных государств начались в России раньше, чем аналогичные действия в большинстве других европейских стран, и превосходили их по масштабам, все же власти действовали в рамках принятых во всем мире изменений практики ведения войны. Уже 20 июля (12 августа) 1914 г. Франция объявила, что вражеские подданные должны покинуть страну в течение одного дня. В случае невыполнения данного распоряжения они должны были поставить полицию в известность о своем местонахождении, а проживавшие в укрепленных районах северо-западной части Франции в любом случае были обязаны выехать³⁰. В Великобритании 3 (16) августа 1914 г. был принят Закон об ограничении прав вражес-

Карта 2

ких подданных, обязавший их зарегистрироваться и запрещавший проживать в определенных районах или приближаться к почти сотне стратегически важных территорий, в основном в прибрежных зонах. Фактическое интернирование в обеих странах началось в середине 1915 г., к концу которого каждая интернировала около 50 тыс. вражеских подданных. Германия и Австрия начали аналогичный процесс через 4 месяца после начала войны. Число гражданских вражеских подданных в немецких лагерях для интернированных выросло с 48 тыс. в июне 1915 г. до 110 тыс. в октябре 1918 г. Даже такие удаленные от районов бое-

вых действий страны, как Австралия, Бразилия и США, депортировали и интернировали значительное число вражеских подданных³¹. Главным аспектом, приводившим к активизации интернирования вражеских подданных во всем мире, стала взаимозависимость от действий других стран и реакция на них, и действия России здесь играли ключевую роль. Высылки были частью общей тенденции стирания грани между потенциальными участниками боевых действий и гражданскими лицами, а также усиления различий между «коренным» населением и иммигрантами, вызванных Первой мировой войной.

В российских условиях высылка и интернирование более четверти миллиона вражеских подданных были особенно существенны по причине их многочисленности и выдающегося положения среди экономической элиты страны. В то время как в большинстве государств интернированные вражеские подданные сохраняли имущество и принадлежавшие им предприятия, в России стремление национализировать всю собственность вражеских подданных стало частью более широкой программы долговременных общественно-экономических и демографических преобразований. Как таковые, эти меры получили довольно широкую общественную поддержку. Даже среди либералов высылки вражеских подданных не вызвали особых возражений, отчасти потому, что в их представлении воюющее русское общество определялось и связывалось воедино гражданством. Относительно высылки российских подданных подобного единства мнений не существовало.

ВЫНУЖДЕННОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ РОССИЙСКО-ПОДДАННЫХ НЕМЦЕВ

Положение о полевом управлении войск давало право военным властям выселять из подконтрольных им районов не только вражеских подданных, но любую группу населения, которую они считают подпадающей под действие закона. Первые мероприятия по выселению и интернированию вражеских подданных стали лишь прелюдией к массовой депортации, и в течение следующих месяцев отдельные ответственные чины начали применять аналогичные меры к представителям меньшинств, давно находившихся в российском подданстве. Наиболее пострадавшими группами стали немцы и евреи.

По имеющимся свидетельствам, первым офицером, отдавшим приказ о широкомасштабной высылке российско-подданных немцев, был сравнительно низкий военный чин. 7 сентября 1914 г. губернатор Су-

валкской губернии Куприянов докладывал, что некий корпусной командир приказал выселить всех «немецких колонистов» из всех районов губернии, занимаемых войсками его корпуса. Куприянов с готовностью испросил разрешения правительства распространить этот приказ на всю губернию. Хотя сначала ему разрешили выселять немцев лишь из районов расположения войск, уже 30 ноября он получил санкцию удалить с территории губернии всех немцев, включая поселенцев-колонистов, жителей городов и даже находившихся на государственной службе. Общее их число составило около 34 тыс. человек³². Эта инициатива сразу же нашла поддержку у высшего военного командования, начиная с вел. кн. Николая Николаевича и начальника его штаба Янушкевича.

Быстрое развертывание и эволюция мероприятий против российских немцев указывают на тот факт, что важнейшим фактором этого процесса очень скоро стали земли немецких колонистов. В то время как высылка вражеских подданных перестала преследовать лишь цели безопасности по нейтрализации мужчин призывного возраста и распространилась на всех граждан враждебных государств по всей империи, приказы об удалении всех немцев из отдельных районов были уточнены и свелись к конкретной программе по устранению всех фермеров-землевладельцев немецкого происхождения.

Эта новая программа получила конкретные очертания в течение одной из крупнейших операций по насильственному выселению за все время войны. 23 декабря 1914 г. генерал Ю.Н. Данилов приказал командующим тремя фронтовыми армиями и Двинским военным округом выслать всех немецких колонистов мужского пола старше 15 лет с левого берега Вислы во внутренние губернии. Три дня спустя Янушкевич писал одному из своих подчиненных генералов, что немецкие колонисты с правого берега Вислы подают сигналы врагу с целью указать на расположение русских войск. Он приказывал адресату вешать каждого пойманного на месте преступления без суда и следствия и выселить всех колонистов мужского пола из Привислинского края³³. К концу 1914 г. были изданы приказы о выселении всех немецких колонистов мужского пола из всех десяти польских губерний. Генерал-губернатор Варшавы П.Н. Енгальчев приблизительно подсчитал, что приказ о выселении затронет более 200 тыс. немцев (мужского пола), владевших около 20 тыс. земельных участков³⁴.

5 января 1915 г. Янушкевич недвусмысленно указал, что не только фермеры-колонисты, но и городские жители немецкого происхожде-

ния должны быть высланы³⁵. Поначалу приказы о выселении применялись только к мужчинам старше 15 лет, но Енгальчев в циркуляре губернаторам польских губерний разъяснил, что власти должны «содействовать» отъезду семей высланных, поскольку этого требуют интересы государства³⁶. Даже без этого указания большинство семей решили уехать вместе с мужчинами. Жена одного из высылаемых немецких фермеров высказала общее мнение, заявив, что и не думает оставаться без защиты мужа, зная обо всех насилиях, творящихся вокруг³⁷. Выселению подверглись более 420 тыс. немцев-колонистов (включая членов их семей) наряду по крайней мере с сотней тысяч городских жителей немецкого происхождения из польских губерний³⁸.

Выселения сразу же повлекли за собой поток ходатайств от частных лиц и целых групп населения, затронутых распоряжениями военных властей. Это потребовало дать четкое определение таким понятиям, как «немец», «колонист», и другим категориям, подлежащим выселению или имеющим основания рассчитывать на льготы. Сувалкский губернатор Куприянов начал понимать сложность задачи уже в ноябре. Он послал длинную телеграмму командующему Двинским военным округом, указав на то, что все колонисты в его губернии являются российскими подданными, проживающими в основном на своих личных фермерских усадьбах и в домохозяйствах, причем среди них есть не только немцы, но и поляки, литовцы и русские. В этой связи он просил разъяснить, кого из них считать «колонистом», а кого «немцем». Кроме того, он спрашивал, следует ли выселять женщин, детей, стариков, государственных служащих, военных резервистов, членов семей лиц, находящихся в действующей армии, пасторов, больных и немощных. На это он получил весьма невнятные ответы и, по-видимому, как и другие губернаторы, вынужден был определять стратегию выселения самостоятельно³⁹. В результате две недели спустя после того, как гражданские и военные власти начали выселять колонистов из польских губерний, Енгальчев жаловался Янушкевичу, что выселение происходит беспорядочно. Некоторые военные чины и губернаторы считали нужным выселить всех без исключения немецких колонистов, в то время как другие стремились ограничиться депортацией лишь мужчин старше 15 лет⁴⁰. Одни представители властей предоставляли выселяемым ряд льгот на основании достаточно широкого ряда факторов, а другие практически никого не освобождали.

Указывая на этот недостаток «руководящих принципов» в вопросе выселения, Енгальчев в начале января 1915 г. предложил созвать

специальное совещание для выработки набора соответствующих директив. Янушкевич одобрил эту идею, совещание было собрано и заседание 25 января по 2 февраля 1915 г. под председательством Енгальчева, который пояснил свою точку зрения в письме к Янушкевичу таким образом: «Со своей стороны я считаю необходимым безотлагательно принять самые решительные меры борьбы с германизмом путем выселения по возможности всех немецких колонистов, независимо от возраста и пола»⁴¹.

В такой атмосфере представители штабов Северо-Западного и Юго-Западного фронтов и губернатор Петроковской губернии встретились с генерал-губернатором Варшавы, чтобы выработать основные принципы для достижения своей ранее заявленной главной цели — «полного очищения театра военных действий от враждебных элементов». Не найдя в тексте закона четкого определения понятия «немецкой колонист», совещание выдвинуло собственное определение и постановило, что выселяемые лица должны входить в одну из следующих категорий:

1. Лица немецкого происхождения, владеющие землей или другим имуществом за пределами городских поселений (включая временных жителей городов, таких как сезонные рабочие).
2. Сельскохозяйственные рабочие немецкого происхождения.
3. Лица немецкого происхождения, занятые торговлей и мелким производством в сельских районах.

В итоге совещание пришло к единогласному решению, что никаких исключений на основании возраста и пола при выселении быть не должно, поскольку опыт последних шести месяцев показал, что подпольно в шпионаже распространялись не только на мужчин в возрасте от 15 до 60 лет. Также было решено, что все лица, относившиеся к указанным категориям, должны в трехдневный срок после объявления губернатором о выселении покинуть польские губернии, имея при себе документы с указанием пунктов назначения, находящихся за пределами управляемых военными властями территорий. Если немцы самостоятельно не уедут до истечения этого срока, они должны быть выселены под конвоем. Совещание наделило генерал-губернатора Варшавы исключительным правом предоставлять отсрочки некоторым лицам, если «возникали сомнения в немецком происхождении колониста», но лишь в особых случаях⁴².

Енгальчев, с этого времени руководивший депортационными мероприятиями в Польше, 11 февраля 1915 г. издал циркуляр, в котором

были изложены выводы совещания и установлен окончательный срок для выселения всех немецких колонистов из данного района — 20 февраля 1915 г.⁴³

Генерал Ю.Н. Иванов сразу же опротестовал исключение из депортационной программы городских жителей немецкого происхождения, не являвшихся колонистами, утверждая, что, поскольку эти немцы близко общаются друг с другом и с евреями, они имеют гораздо больше возможностей для шпионской деятельности, чем сельские колонисты⁴⁴. Этот вопрос был принципиальным, поскольку в больших и малых городах десяти польских губерний проживало более 100 тыс. немецкоговорящих жителей, не являвшихся колонистами. Янушкевич не дал четкого ответа на запрос Иванова. Он написал, что последний имеет право выселять именно *колонистов*, независимо от того, проживают ли они в городах или сельской местности, и оставил открытым вопрос относительно неколонистов, проживавших в городах⁴⁵. На практике многие немцы, не являвшиеся колонистами, все же были выселены на ранних стадиях операции⁴⁶.

Со временем, однако, стало очевидно, что важнейшие приказы военных властей в основном были направлены скорее против «колонистов», чем против «немцев». Такое положение обнаруживало непреходящее значение сословных категорий. Оно также отражало широко распространенное мнение о том, что колонисты менее восприимчивы к русской культуре, чем немцы-горожане. Общины колонистов были компактны и легко различимы среди других поселений; даже по внешнему виду колонисты были более «другими», чем немцы-горожане. Наряду с тем, что поселенческие общины немцев существовали в Польше на протяжении сотен лет, также имела место и широкомащтабная иммиграция немцев из Германии и Австро-Венгрии в предшествовавшие войне десятилетия. Армейское командование и гражданские чиновники считали всех колонистов неассимилированными иностранцами, независимо от того, как давно они приняли российское подданство. Именно такую точку зрения на колонистов высказал Янушкевич: «Обеспечение наших воинских интересов от вредного вблизи и на самом театре войны присутствия враждебных иностранцев в Привислинском крае чрезвычайно затруднено обилием немцев колонистов, хотя и принявших русское подданство, но, как показывает текущий опыт, лишь прикрывающих им часто преступное тяготение к германскому отечеству»⁴⁷.

Но наиболее существенным объяснением стремления особо выделить именно немцев-колонистов было явное желание правительства навсегда конфисковать их земельные владения. Касавшиеся этих земельных имуществ законы, находившиеся на стадии окончательной доработки перед началом первых депортаций, бесповоротно преобразовали массовую высылку из временной охранительной меры в целенаправленную программу изменения демографического состава землевладельцев и национального состава населения вдоль западных и южных границ империи, включая и весьма далекие от прифронтовой полосы районы.

Исполнение февральского приказа Енгальчева натолкнулось на ряд проблем с железными дорогами и техническим персоналом, а абсолютная грандиозность задачи растянула процесс ее выполнения до лета при постоянно возрастающих темпах высылки. «Великое отступление» русских армий через польские губернии, продолжавшееся с апреля по сентябрь 1915 г., способствовало ускорению депортационных операций. Теперь появилась угроза, что немецкие колонисты окажутся на оккупированной врагом территории, где их могут заставить пойти на военную службу, выдать сведения о русской армии, участвовать в шпионских операциях или даже просто снабжать вражескую армию продовольствием. Фактически в июне и июле 1915 г. армия на короткое время перешла к тактике «выжженной земли», насильственно выселяя не только колонистов, евреев и другие определенные группы, но в некоторых случаях вообще все население⁴⁸. Однако массовое выселение определенных групп населения шло полным ходом еще до «Великого отступления», и было бы ошибкой полагать, что оно стало лишь дополнением к тактике «выжженной земли», применявшейся sporadически, кратковременно и на довольно ограниченной территории летом 1915 г.⁴⁹ На самом деле уже в конце июня 1915 г. Ставка заявила, что армии придется отказаться от насильственной высылки всего населения, за исключением «немецких колонистов», которым нельзя позволить оставаться в районе ведения боевых действий⁵⁰.

Несмотря на транспортные трудности, вызванные массовой депортацией, армейское командование настаивало на ускорении темпов высылки. 12 июня 1915 г. Янушкевич сообщил командующему Киевским военным округом об очередном расширении рамок операции по выселению:

По дошедшим до Штаба Верховного главнокомандующего сведениям в пределах Волынской и других пограничных с Австро-Венгрией губернии-

ях, входящих в состав вверенного вам округа [Подольской, Холмской и части Бессарабской губерний], до сего времени еще не приступлено к окончательному выселению проживающих в этих местностях немецких колонистов. Между тем колонии эти, несмотря на свое довольно продолжительное существование, настолько обособлены от коренного русского населения, что в общей своей совокупности на всем протяжении этих губерний явятся готовой базой для германского нашествия. Поэтому в настоящее время, когда неприятель приближается к этой части нашей границы, дальнейшее оставление в этих местах лиц, враждебно настроенных к нашей государственности, представляется особенно нежелательным. В виду сего Верховный главнокомандующий повелел выселить в кратчайший срок немецких колонистов, проживающих в пограничных губерниях, входящих в состав Киевского военного округа, с соблюдением установленных в сем отношении правил⁵¹.

Янушкевич издал аналогичные приказы с целью выселить всех немецких колонистов из приграничных губерний Одесского и даже Киевского военных округов⁵². Командующий Юго-Западным фронтом распространил депортационную программу на всю Бессарабию, назначив срок окончания операции на 1 июля 1915 г.⁵³ Без учета значительного числа высланных или просто изгнанных из Польши колонистов, нашедших убежище в указанных губерниях (которые необходимо было очистить), численность основной части проживавшего в них сельского населения немецкого происхождения представлена в таблице 4.

Таблица 4. Численность немецких колонистов, высланных из Волынской губернии до 22 июня 1916 г.

июль 1915 г.	67 367
октябрь 1915 г.	6409
декабрь 1915 г.	8000
1916 г.	34 113*
Всего	115 889*

Источник: РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 32. Л. 20 (Отчет, составленный начальником канцелярии Волынского губернатора, 22 июня 1916 г.).

* Эти данные не включают как минимум 13 тыс. колонистов, по достоверным данным, высланных с Волыни до 23 июня 1916 г. на основании нескольких приказов Брусилова.

Когда поток приказов о выселении принял лавинообразный характер, представители военных властей, ответственные за эти операции, снова собрались на совещание 24 июня 1915 г., чтобы доработать, унифицировать и систематизировать депортационные процедуры. В результате был разработан список жестких директив. Они указывали, что все немецкие колонисты должны высылаться за собственный счет, что высылаемые более не могли выбирать место ссылки, а должны были направляться в губернии, указанные военными или чиновниками МВД, а также, что от депортации никто не мог быть освобожден, кроме жен и детей солдат и офицеров, находящихся в действующей армии⁵⁴.

По причине оставления многих районов в руках врага в результате летнего отступления и учитывая массовый характер операций по выселению, применение указанных директив на практике не отличалось полнотой. Но представители военных и гражданских властей проявили в данном вопросе удивительную настойчивость даже после смены Янушкевича генералом М.В. Алексеевым на посту начальника штаба Ставки в августе 1915 г. Некоторые исследователи обвиняли именно Янушкевича в превышении полномочий в отношении гражданского населения. Хотя отношение этого генерала к рассматриваемой проблеме было несомненно важным, Алексеев, считавшийся гораздо более здравомыслящим военным администратором, в своем отношении к российским подданным немецкого и еврейского происхождения мало чем отличался от предшественника. Фактически выселение немцев продолжалось и после окончания «Великого отступления» и тем более после вступления Алексева в должность. М.К. Лемке, находившийся в тот период в Ставке, вспоминал, что с 9 ноября 1915 г. по 8 марта 1916 г. 40 833 немецких колониста были высланы только из расположения частей Юго-Западного фронта⁵⁵. Другие командующие фронтами были не менее усердны. В октябре 1915 г. герой летнего наступления 1916 г. генерал А.А. Брусилов жаловался Алексеву, что во время июльской высылки из Волынской губернии от нее были освобождены жены и матери немцев, воевавших или убитых на фронте, их отцы старше 60 лет, ветераны предыдущих войн, удостоенные наград, инвалиды, глухие и слепые. Брусилов ходатайствовал о высылке оставшихся немецких колонистов без всяких исключений из Волынской губернии западнее линии Сарно — Ровно — Острог — Изяславль. Он утверждал, что данная мера затронет приблизительно 20 тыс. человек и займет не более трех недель. На следующий день Алексеев ответил, что не имеет возражений, и Брусилов продолжил выселение⁵⁶.

Как и при выселении немецких фермеров из Польши, суммарные данные о числе депортированных из западных и юго-западных губерний империи трудно установить. Опубликованные данные указывают на 10 тыс. человек, высланных к концу 1915 г. из Киевской губернии, 20 тыс. — из Подольской, 11 540 — из Черниговской и 20 тыс. — из Бессарабской⁵⁷. Самые точные из доступных данных — на июнь 1916 г. — были собраны для Волынской губернии (см. таблицу 5).

Таблица 5. Основные районы расселения немецких колонистов

Губерния	Сельское население немецкого происхождения		% ко всему населению	
	1897	1912	1897	1912
Волынская	171 331	211 000	5,7	5,7
Бессарабская	60 206	62 875	3,1	2,5
Таврическая	78 305	135 875	5,4	6,9
Екатеринославская	80 979	124 805	3,8	3,9
Херсонская	123 453	169 313	4,5	4,8
Другие	20 000	30 000		
Всего (предположительно)	534 272	733 868		

Источники: Neutatz D. Die «deutsche Frage» im Schwarzmeergebiet und in Wolhynien: Politik, Wirtschaft, Mentalitäten und Alltag im Spannungsfeld von Nationalismus und Modernisierung (1856—1914). Stuttgart, 1993. S. 254, 259; Кабузан В.М. Немецкое население в России в XVIII — начале XX в. (численность и размещение) // Вопросы истории. 1989. № 12. С. 18—29; Die Nationalitäten des Russischen Reiches in der Volkszählung von 1897, Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa / Eds. H. Bauer, A. Kappeler, B. Roth. Stuttgart, 1991. Vol. 32-A. S. 184.

Выселение немцев, проживавших в сельских районах, продолжалось вплоть до Февральской революции, причем как из вновь назначенных для этого районов, так и в виде окончательной зачистки территорий, ранее уже подвергшихся этой процедуре. Например, в августе 1916 г. последние из 11 965 жителей поселения колонистов Гиршенгоф в восточной части Лифляндской губернии были выселены в Пермь⁵⁸. Власти пытались выявить и выселить всех до единого жителей поселения, включая всех женщин, детей и даже рабочих из Риги и других близлежащих городов, которые навсегда покинули поселение задолго до войны⁵⁹.

Эта настойчивость и серьезные усилия, направленные на достижение полного очищения территорий от колонистов, стали особенно очевидны, когда ранее оставленные по разным причинам без должно-

го внимания районы были снова отвоеваны русскими войсками. После победоносного Брусиловского прорыва летом 1916 г. некоторые части Волынской губернии снова оказались в составе империи. Немецкие поселенцы и их семьи еще не были полностью выселены из этих мест до того, как они были заняты вражескими войсками годом ранее. 23 июня 1916 г. Брусилов послал Алексееву телеграмму, в которой сообщал о своем плане выселения этих лиц. Данный план и его реализация обнаружили пугающую результативность и стремление к абсолютной завершенности, которые стали характерной чертой депортационных мероприятий. Брусилов отмечал, что в районе Луцка, Дубно и Кременца оставалось еще 13 тыс. колонистов. Он наметил детальный план действий, спланировав каждый шаг операции, которая и была проведена 27 июня — 3 июля 1916 г. чрезвычайно результативно⁶⁰.

Если массовое выселение военнообязанных вражеских подданных мужского пола означало распространение правил военного времени на гражданских лиц, беспрецедентное в столетней военной истории России, то методичное выселение всех до единого российско-подданных немцев-колонистов из ряда регионов (включая семьи солдат действующей армии, инвалидов и даже слепых) показывает, насколько далеко за два года тотальной войны Россия зашла по пути осознания совершенно нового подхода к национальному вопросу.

ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ВЫСЕЛЕНИЕ РОССИЙСКИХ ПОДДАННЫХ ЕВРЕЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Кампания против враждебных инородцев еще более усугубила официально установленную форму дискриминации евреев и общественную антисемитскую кампанию в Российской империи. Поэтому не удивительно, что, как только принудительное выселение было введено в действие в качестве законной процедуры, российские власти применили ее к евреям.

Армейское командование убедило себя в том, что российские евреи ненадежны, тесно связаны со своими родственниками за границей, уклоняются от военной службы и в массовом порядке занимаются шпионажем. Янушкевич выражал сильную личную неприязнь к евреям и был одержим шпиономанией, видя шпиона в каждом немце, иностранце и особенно еврее⁶¹. Подобные настроения не были редкостью и среди известных боевых генералов. Анкетирование, проведенное сре-

ди высшего командного состава, показало, что все ответившие офицеры разделяют опасения о неблагонадежности евреев и считают, что к ним следует относиться как к шпионам⁶². Положение о полевом управлении войск предоставляло военным властям возможность дать волю своим навязчивым идеям относительно российских евреев, не опасаясь того, что гражданские власти им помешают.

Принудительное выселение евреев отличалось от аналогичных мер относительно других групп населения целым рядом признаков. Во-первых, массовые выселения осуществлялись с использованием поездов предпринимались лишь в течение короткого периода. Во-вторых, большая часть высылки производилась из районов расположения войск, и последние принимали более активное участие в этом процессе, чем в других случаях. В-третьих, выселения сопровождались насилием и грабежами со стороны солдат и местного населения в масштабах, не сравнимых с подобными действиями при депортации других групп враждебных подданных. Принимая во внимание бессистемный характер высылки (приказ о которых мог отдать любой офицер сравнительно небольшого чина), а также сложность в различении высылаемых по приказу и масс беженцев, спасавшихся от войны или погромов, трудно подсчитать число евреев, выявленных по национальному признаку и изгнанных из своих домов. Приблизительные подсчеты колеблются от полумиллиона до миллиона человек⁶³.

На первом этапе применения подобной тактики военными (с начала войны до января 1915 г.) наблюдались единичные случаи насильственного выселения евреев непосредственно из прифронтовой полосы во внутренние губернии и первые случаи удержания заложников. Сохранилось мало свидетельств того, что эти разрозненные и несогласованные действия были частью официальной политики, разработанные высшими военными властями, — по всей видимости, такие действия предпринимались по приказу отдельных боевых офицеров. С другой стороны, командование очень редко предпринимало какие-либо действия по предотвращению насильственного выселения евреев из городов вдоль линии фронта или наказанию младших офицеров за жестокость и взятие заложников из гражданского населения в этот ранний период войны⁶⁴.

Более скоординированная политика армии по отношению к евреям появилась, по большому счету, лишь в начале 1915 г. 25 января 1915 г. Янушкевич предпринял первый серьезный шаг по пути ускорения высылки евреев из прифронтовых городов, направив циркуляр команд-

ющим армиями на всех фронтах, в котором санкционировал выселение «всех евреев и подозрительных лиц» из районов военных действий и расположения войск. В последующей переписке Янушкевич пояснил свою позицию, указав, что хотел бы, чтобы его подчиненные полностью выселяли еврейские общины, если хотя бы один из их членов был заподозрен в шпионаже⁶⁵. Ставка неоднократно высказывала полное одобрение подобной практики в самых различных ситуациях и не отказывалась от нее вплоть до 1917 г. Во время своих отступлений и наступлений русская армия проходила по большей части территории черты оседлости, поэтому у нее было достаточно возможностей использовать свои широкие полномочия против еврейских общин, попадавших на пути. Поскольку во время «Великого отступления» с апреля по октябрь 1915 г. линия фронта смещалась чрезвычайно быстро, конфликты армии с гражданским еврейским населением были наиболее частыми в тот период.

Фронтные командиры активно использовали права, данные им Положением о полевом управлении войск (а также различными правилами и узаконениями) и уточненные Янушкевичем. Вскоре после получения циркуляра Янушкевича генерал Н.В. Рузский приказал выселить «всех евреев и подозрительных лиц» из прилегающих к линии фронта пунктов, находящихся в районе дислокации подчиненных ему войск. В своем приказе он утверждал, что цель массовой высылки заключалась в том, чтобы не дать евреям возможности получить информацию о военных операциях (которую, по его мнению, они будут передавать врагу)⁶⁶. Этот приказ, потенциально затрагивавший до 50 тыс. человек, был выполнен лишь частично, поскольку большая часть данной территории вскоре оказалась оккупированной немецкими войсками⁶⁷. Однако в течение последней недели января Ставка и генерал-губернатор Варшавы согласовали массовую высылку евреев из сорока городов и местечек вблизи Варшавы, затронувшую приблизительно 100 тыс. человек. В результате более 80 тыс. еврейских беженцев появились в Варшаве в течение нескольких дней⁶⁸.

В апреле и мае 1915 г. армия в течение короткого периода пыталась перейти к третьей фазе своего плана, а именно к широкомасштабной депортации евреев, напоминавшей операции против вражеских подданных или немецких колонистов. Эти операции отличались от принудительной высылки в двух отношениях. Во-первых, предполагалось планомерно очищать от евреев большие территории (в масштабах целых губерний), намного превосходящие места непосредственной дис-

локации войск. Во-вторых, в отличие от высылаемых, депортированные заранее знали место назначения, для их транспортировки использовались поезда, а гражданские чиновники выполняли большую часть работы по исполнению приказов военных властей.

Командующий Двинским военным округом 17 марта 1915 г. принял очередной шаг к массовому выселению, установив предельную территорию, с которой должны были быть выселены евреи, причем размеры этой территории намного превышали район расположения войск в Виленской губернии⁶⁹. Но 1-й генерал-квартирмейстер Ставки Ю.Н. Данилов приостановил депортацию тремя неделями позже из-за полного расстройтва железнодорожного транспорта⁷⁰. Настоящий поток приказов о выселении полился вскоре после того, как австрийские и германские войска разгромили 3-ю русскую армию и 19 апреля 1915 г. прорвали фронт в районе Горлице. Четыре дня спустя курляндский губернатор получил приказ Ставки выселить все еврейское население из мест расположения войск на территории губернии⁷¹. Несколькими днями позже Ставка распространила свой приказ на гораздо большую территорию, а именно к западу от линии Рига — Бауск — Поневеж — Вилькомир — Ковно. Депортация проводилась чрезвычайно тщательно. Курляндский губернатор докладывал в начале июня, что из семи уездов его губернии было выселено 26 338 евреев и только 519 (менее 2%) получили разрешение остаться⁷².

3 мая 1915 г. началась еще более масштабная операция — массовое выселение евреев из Ковенской губернии⁷³. Как сообщает Д.О. Заславский, около 150 тыс. евреев было депортировано из пределов губернии в течение двух недель⁷⁴. В соответствии с дополнительными приказами операция распространилась на другие районы северо-запада империи, и к 15 мая, по утверждению председателя Совета министров И.Л. Горемыкина, приказы о высылке должны были охватить 300 тыс. евреев⁷⁵.

Однако выполнение столь масштабной задачи сразу же оказалось весьма проблематичным. Ключевыми трудностями являлись нехватка железнодорожных вагонов и персонала, но наиболее серьезной проблемой оказались места назначения для выселенцев⁷⁶. Дело в том, что военные власти противились тому, чтобы депортированным разрешили поселиться на территориях, находившихся на военном положении. Поскольку большая часть территории черты оседлости находилась в ведении военных властей, то оставалась лишь половина Полтавской и малая часть Екатеринославской губерний в качестве подходящего места для ссылки. Под давлением МВД военные власти нехотя открыли

некоторые территории под своей юрисдикцией для размещения высланных евреев. Но общая площадь территорий, выделенных для переселения евреев, оставалась сравнительно небольшой и включала районы к востоку от Днепра в Екатеринославской, Могилевской, Черниговской, Полтавской и Таврической губерниях (за исключением Крымского полуострова)⁷⁷. Таким образом, в соответствии с приказами апреля и мая 1915 г. города и местечки, находившиеся в этой сравнительно узкой полосе (сельские районы по-прежнему оставались закрытыми), должны были принять всех выселенных евреев.

В начале мая первые поезда с евреями из Ковенской и Курляндской губерний стали прибывать в указанные районы. 8 мая полтавский губернатор телеграфировал командующему Двинским военным округом о том, что 11 поездов с 10 738 евреями уже прибыли в Полтаву и еще несколько — на подходе. Губернатор и другие должностные лица протестовали, утверждая, что им негде размещать и нечем кормить такое огромное количество истощенных выселенцев. Губернаторы пяти внутренних губерний, предназначенных для размещения евреев, в отчаянии умоляли министра внутренних дел остановить депортацию⁷⁸.

Гражданские власти имели серьезные претензии к действиям военных. Горемыкин написал важную докладную записку царю, в которой выражалось несогласие правительства с дальнейшими массовыми депортациями евреев. Он утверждал, что наказание всего народа за ранее совершенные преступления отдельных лиц было очевидной несправедливостью, и добавлял, что это повлечет за собой многочисленные нежелательные последствия. Сосредоточение большого количества высланных в городах нескольких губерний усилит обнищание еврейских общин, вызовет эпидемии, приведет к снижению заработной платы в этих городах, обострит напряженность в отношениях между христианами и иудеями и приведет к погромам. Но самое главное, продолжал Горемыкин, это реакция, которую депортации вызывают в союзных странах и западноевропейских финансовых кругах, которые, как известно, находятся под сильным «еврейским влиянием»⁷⁹.

Записка Горемыкина — лишь один пример из целого потока жалоб гражданских властей, хотя эта жалоба исходила от весьма высокопоставленного лица. Многие, как например, виленский губернатор, жаловались, что переселения разрушают местное хозяйство и готовят ужасные последствия не только для местного населения, но и для армии. Губернатора особенно волновало, что высланными оказались все владельцы аптек, что сказалось на снабжении населения лекарствами, а

Карта 3

также то, что из-за высылки квалифицированных рабочих важнейших специальностей закрывались оборонные предприятия⁸⁰. Противодействие правительства акциям военных по отношению к евреям помогло предотвратить еще более жесткие репрессии и сыграло важную роль в прекращении массовых депортаций⁸¹.

Наиболее убедительным аргументом для военного руководства стало постепенное осознание того, что массовая депортация евреев заставляла МВД постепенно отменять ограничения, связанные с чертой оседлости, с целью более равномерного распределения высланных по территории империи. Столкнувшись с этими трудностями, командующий Северо-Западным фронтом М.В. Алексеев 8 мая 1915 г. нехотя уступил прагматичным доводам Совета министров. Он разослал циркуляр всем штабам армий и соединений в его подчинении, который перевел политику выселений в четвертую стадию. Циркуляр предписывал заменить высылку взятием заложников в районах за линией фронта, а массовую депортацию использовать только как меру устрашения или избирательно в качестве наказания⁸². На следующий день генерал Данилов сообщил военным властям по всему Северо-Западному фронту, что правительство не только отменило массовую высылку евреев, но и разрешило уже выселенным евреям вернуться в свои дома. Однако возвращение было возможно лишь при условии, что от каждой общины будут взяты заложники⁸³. Уже 10 мая командующий Двинским военным округом Н.Е. Туманов довел до сведения губернаторов своего округа процедуру взятия заложников. Он требовал составления списков потенциальных заложников с учетом наиболее влиятельных членов общин, включая раввинов. Туманов подчеркивал, что губернаторы должны обеспечить осведомление всего еврейского населения о том, что заложники будут повешены в случае малейшего враждебного действия по отношению к отечеству или вообще любой помощи врагу со стороны любого представителя еврейского населения⁸⁴. Ковенский губернатор и командующий 10-й армией разделили губернию на три района, один из которых следовало полностью очистить от евреев, из второго требовалось взять заложников, в третьем вовсе не следовало применять никаких репрессивных мер⁸⁵. В течение последующих недель Ставка последовательно отклоняла просьбы командующих армиями и фронтами дать разрешение на высылку евреев из районов расположения их частей, приказывая им вместо высылки брать заложников. Таким был ответ и генералу В.Н. Григорьеву, командующему Ковенским укрепленным районом, когда он написал Туманову о том, что в его районе находились стратегически важные железнодорожные линии, и поэтому он считал необходимым «очистить его от нежелательного элемента», выслав оттуда всех без исключения евреев. Туманов ответил, что массовые выселения теперь запрещены (кроме районов непосредственной дислокации войск), и дал указание вместо выселения взять 5—6 залож-

ников от каждого поселения, включая *всех* «неправительственных раввинов» наряду с богатыми и влиятельными евреями⁸⁶.

В результате очередного поразительного, хотя и недолгого изменения стратегии Янушкевич ввел тактику «выжженной земли» для некоторых районов отступления, приказав уничтожить все запасы зерна, разрушить строения и полностью депортировать население *за исключением евреев*. Он объяснял это тем, что евреи оказывали такое развращающее влияние и представляли собой такую обузу для армии, что лучше уж оставить их немцам. Несколькими неделями позже эта практика была отменена вел. кн. Николаем Николаевичем. Исходя из тех же соображений, Янушкевич приблизительно в это же время отдал лаконичный приказ вынудить всех евреев — жителей оккупированной Галиции перейти через линию фронта на вражескую территорию, а не высылать их в глубь России. Подобная тактика применялась только в оккупированной Галиции и только в течение нескольких недель⁸⁷. Все эти примеры отчетливо показывают, что в армии считали: какую бы тактику ни применять относительно евреев, будь то высылка в глубь страны, разрешение оставаться в своих домах, выдавливание на вражескую территорию или взятие заложников, евреи должны быть изолированы и к ним следует относиться как к опасным внутренним врагам.

Вышеперечисленные меры были вскоре отменены, но заложников продолжали брать еще в течение нескольких месяцев. Нельзя сказать, что подобного никогда не случалось в русской истории. Данная тактика временами использовалась в войнах, которые вело Московское государство, и иногда в Кавказской войне в XIX в., но к 1914 г. она считалась устаревшей. Русская армия впервые начала брать и удерживать заложников в оккупированной Галиции в сентябре 1914 г. Как сообщал новоявленный генерал-губернатор Галиции Г.А. Бобринский, эта мера позже широко применялась и стала основной во время отступления из Галиции как гарантия от доносительства и шпионства евреев против русской армии⁸⁸. Лишь около 400 евреев были взяты в заложники в оккупированной Галиции, что не идет ни в какое сравнение с практикой, которая стала систематически применяться в мае 1915 г. вдоль всей линии фронта на российской территории. Сводных данных по этому вопросу нет, но только штабы 1-й и 10-й армий в конце мая 1915 г. докладывали о 4749 удерживаемых заложниках (практически все из которых были евреями)⁸⁹.

Тактика удержания заложников широко применялась и местными гражданскими властями, как правило, в ответ на запросы военных.

Служащие губернских канцелярий составляли списки потенциальных заложников, а когда последних задерживали, с них необходимо было взять расписку в том, что они осведомлены о грозящей им казни в случае, если кто-либо из членов их общины будет уличен в шпионаже или иной помощи врагу⁹⁰.

Один из самых примечательных документов военного времени был подписан генералом Алексеевым 30 июня 1915 г. Этот документ — «Правила высылки евреев из военных округов Северо-Западного фронта» — представлял собой тщательно разработанный стратегический план относительно евреев. Он официально подтверждал право командующих армиями приказывать губернаторам высылать евреев из районов расположения войск и детально прописывал процедуру взятия заложников⁹¹. Любая еврейская община, которой разрешено было оставаться в районе расположения войск, должна была выделить из своей среды заложников в качестве гарантий лояльности. Правила подтверждали, что заложники должны были содержаться под полицейским надзором в своих общинах. Но во время вражеского наступления и при отступлении русской армии из данного района заложники должны были арестовываться и высылаться гражданскими властями под конвоем. В последующих приказах о высылке и взятии заложников часто цитировались эти Правила, остававшиеся в силе до февраля 1917 г.

Взятие и удержание заложников продолжалось в течение всего лета 1915 г. Многих из них под охраной отправляли в тюрьмы Полтавы, Киева, Вильно и других городов внутренних губерний. В августе под напором критики со стороны Думы Совет министров убедил военные власти, возглавляемые теперь несколько более рассудительным начальником штаба Ставки М.В. Алексеевым, отказаться от этих драконовских методов. Это позволило еврейским заложникам вернуться в места своего постоянного проживания (если они не были на тот момент оккупированы противником). Однако заложники, которым было разрешено вернуться, оставались под полицейским надзором и сохраняли «статус» заложников, которых следовало казнить, если кто-либо из военных чинов заподозрит члена их общины во «враждебном отношении к русским войскам или в шпионаже»⁹².

Общее число взятых во время войны заложников определить крайне трудно. Если 5 тыс. человек были взяты уже в мае 1915 г. только двумя армиями, то общее число заложников за всю войну должно исчисляться десятками тысяч. После принятого в августе 1915 г. решения, позволявшего заложникам оставаться в своих общинах при условии

получения от них подтверждавших их новый «статус» расписок, подобная тактика приняла локальный характер⁹³. Крайняя степень рассредоточения евреев обнаружилась в 1917 г., когда Временное правительство столкнулось с большими трудностями при попытке установить местонахождение и личные данные людей, по-прежнему считавшихся заложниками. Временное правительство не ввело всеобщей амнистии для евреев-заложников, даже являвшихся российскими подданными, а военные власти успешно препятствовали освобождению отдельных заложников на протяжении ряда месяцев после Февральской революции⁹⁴. Хотя общее число заложников остается неустановленным, количество еврейских общин, которым угрожали расправой над их влиятельными членами по прихоти местного гражданского или военного начальства, было несомненно велико. К концу 1915 г. выселения и массовое взятие заложников пошли на убыль. Однако окончательно они не прекратились; это было скорее не изменение тактики, а результат стабилизации положения на фронтах; командование сохраняло за собой право выселять евреев из прифронтовой зоны и брать заложников, что и случалось время от времени вплоть до Февральской революции⁹⁵.

НАСИЛИЕ И ПОГРОМЫ

Одним из важнейших и наименее изученным последствием массовых депортаций стала волна погромов и насилия, достигшая пика в период отступления русских армий с апреля по октябрь 1915 г., но также сопровождавшая выселения до и после данного периода. Одна существенная черта отличала насилие против евреев от довоенных погромов — роль армии. Ряд исследователей недавно заявил в своих работах, что высшие правительственные круги до войны не одобряли погромного движения⁹⁶. То же самое, во многом, наблюдалось и во время войны. Совет министров и представители других высших гражданских властей неоднократно высказывались против погромов. В действительности уже 15 августа 1914 г. генерал-губернатор Варшавы, описывая антисемитскую кампанию на подчиненной ему территории, предсказывал в письме в Совет министров, что война повлечет за собой массовые погромы⁹⁷. Он предупреждал, что, несмотря на все возможные превентивные меры, ситуация может выйти из-под контроля, если солдаты станут провоцировать насилие против евреев. Почти на всей территории на военном положении, где находились еврейские поселения,

гражданские власти практически ничего не смогли сделать, чтобы остановить насилие, исходившее от армии⁹⁸.

Причина столь неустойчивого положения заключалась в том, что с самого начала войны экономические мотивы играли важную роль в высылке евреев. Например, уже 14 октября 1914 г. 4 тыс. евреев были изгнаны из своих домов в местечке Грозин (Варшавская губерния) и отправлены пешком в Варшаву. Им не дали повозок, чтобы вывезти свои вещи, а вскоре после их ухода местные поляки присвоили их имущество и торговые заведения. Когда нескольким изгнанникам было разрешено вернуться неделю спустя, местные власти отказались вмешаться, чтобы помочь им вернуть свое имущество и жилье⁹⁹. По мере того как с начала 1915 г. высылки становились все более частым явлением, грабежи и присвоение имущества евреев также резко участились. Совет министров выражал озабоченность по поводу вопиющего нарушения главнейших правовых норм по защите частной собственности и вскоре установил строгие правила, по которым *все* имущество высланных (прежде всего немцев, вражеских подданных и евреев) должно было быть секвестровано Министерством государственных имуществ и взято под охрану местными властями¹⁰⁰. Последним с трудом удалось остановить грабежи и самовольный захват имущества высланных российско-подданных немцев и вражеских подданных, но они не смогли или не пожелали сделать того же по отношению к собственности евреев.

Когда в апреле—мае 1915 г. высылка евреев приобрела массовый характер, грабежи и самовольный захват брошенного имущества быстро переросли в насилие против евреев как до, так и во время их выселения или депортации. В некоторых районах евреев стогнали, погружали в железнодорожные вагоны и отправляли к месту высылки как обычно жестоко, но организовано; в других же местах этот процесс сопровождался крайними проявлениями насилия и хаоса. Типичным примером последнего стали события в городке Шедува Ковенской губернии. Население города составляло 5 тыс. человек, половина из которых была евреями. Вторую половину составляли поляки и литовцы, а также некоторое количество русских гражданских служащих и железнодорожных рабочих. В конце апреля 1915 г. немецкие войска на неделю заняли город, отступив 2 мая. После их ухода русские разведывательные и казацкие отряды вошли в город и, как позже свидетельствовали местные евреи, незамедлительно начали грабеж еврейских домов и магазинов. Несколько женщин были изнасилованы. Одному еврею выкололи глаза за то, что он не мог заплатить казакам, сколько

те требовали. Казаки отдали часть награбленного местным крестьянам и подстрекали их к участию в погромах. На следующий день все еврейское население покинуло Шедуву и отправилось в близлежащее село Баукай. Туда пришел другой отряд казаков, и снова началось насилие.

Евреев вновь выгнали и заставили бросить на месте то немногое, что им удалось вывезти из Шедувы. На следующий день (5 мая) группа евреев, изгнанных сначала из своих домов, а потом и из первого пристанища, получила уведомление о том, что в течение шести часов они должны уйти еще дальше от линии фронта. Поскольку поездов им не предоставили, большинство из них пошло пешком в Поневеж¹⁰¹. Жители десятков еврейских городков и местечек Курляндской и Ковенской губерний прошли через подобные испытания в апреле и мае. Несомненно, до конца войны столь жестокие операции в районах расположения войск нередко повторялись, особенно в период отступления русских войск, которое длилось до октября 1915 г.¹⁰²

Наиболее точные из ныне доступных документов о погромах были собраны Еврейским комитетом помощи жертвам войны, получавшим отчеты от своих представителей в общинах, подвергшихся насилию и выселению. Документы этого комитета полностью не сохранились, но те из них, что были опубликованы, как, впрочем, и неопубликованные, дают достаточно оснований для общей характеристики волны погромов, прокатившейся с апреля до конца октября 1915 г. по черте оседлости¹⁰³. Сведения, приводимые далее, основаны на документированных сообщениях о 19 погромах в Виленской, 13 в Ковенской, 7 в Волынской и 15 в Минской губерниях. Из этих 54 выборочных случаев лишь трижды погромы начинались в отсутствие солдат. Очевидно, что практически всегда именно военные выступали инициаторами насилия. Точнее говоря, видимо, именно казачьи части спровоцировали практически все погромы. Более 80% отчетов свидетельствуют, что появление казаков в определенном районе было ключевым событием, побуждавшим местное население к погромам. В некоторых случаях при появлении в городе частей регулярной армии погромы не начинались в течение нескольких дней; однако стоило войти в город даже небольшому казачьему отряду, как сразу начинались грабежи и насилие. Данная схема была широко известна в прифронтовых районах, и в августе 1915 г. местные крестьяне, как правило, появлялись на окраинах еврейских поселений, когда разносился слух о появлении в данной местности казаков, даже если последние еще не начинали погрома. Насилие главным образом было связано с попытками вымогать у евреев деньги; изнасилования упоминались в каждом третьем отчете.

Погромы, описанные в этих документах, не всегда связаны с конкретными приказами о высылке евреев из затронутых отступлением районов. Казачьи офицеры часто пользовались своими правами по высылке евреев в целях грабежа. В некоторых случаях офицеры и казаки приказывали евреям покинуть свои дома в течение нескольких часов или даже минут, не давая им повозок для вывоза имущества, а также избивали и грабили их, пока те уходили. Отступление от официальной политики, стремящейся гарантировать государственную и общественную безопасность, и переход к неприкрытым грабегам и вымогательствам особенно отчетливо проявились в практике заложничества. Данная мера, введенная в качестве коллективной ответственности евреев за якобы имевший место шпионаж, зачастую использовалась просто как узаконенное вымогательство. Судя по отчетам с мест, офицеры (прежде всего казаки) брали в «заложники» видных местных евреев и грозили убить их, если родственники или община не заплатят выкуп. В одном из случаев казачий офицер методично ходил от одного дома в городке к другому, беря в «заложники» почти каждого взрослого мужчину, пока не получал выкуп за освобождение каждого из них¹⁰⁴.

Почти в каждом пятом отчете указывалось, что слухи о денежных кладах евреев служили побудительным мотивом к участию в погромах и для местного населения. Представление о том, что евреи хранили свои сбережения в золотых и серебряных рублях, в каком-то смысле было не лишено оснований. Принимая во внимание растущую инфляцию, и евреи, и христиане имели все основания держать свои сбережения по возможности в доступных драгоценных металлах и не менять их на быстро обесценивавшиеся бумажные банкноты¹⁰⁵. Местные чиновники и газеты распространяли слухи о еврейских кладах, и, как следствие, некоторые погромы начинались после того, как казак, солдат или местный житель, зайдя в еврейскую лавку с целью обменять бумажные деньги на золотые монеты, получал отказ¹⁰⁶. Таким образом, на всех прифронтовых территориях инфляция военного времени обострила отношения между евреями и христианами, которые и в довоенный период были достаточно напряженными. Это в первую очередь происходило в Польше, где еще до войны поляки под предводительством Национально-демократической партии Польши (Stronnictwo Narodowo-Demokratyczne) бойкотировали еврейские торговые предприятия. Схожие явления случались в Прибалтике, на Украине и в некоторых регионах России¹⁰⁷.

Но существуют примеры и того, как местные крестьяне и горожане, солдаты и даже казаки защищали евреев от нападений. В тех случаях, когда военные власти давали понять, что насилие против евреев и их имущества не останется безнаказанным, погромов не случалось, причем даже тогда, когда возникал вопрос о золотых кладах и напряжении между евреями и христианами обострялось до предела. Показательный пример такого рода — ситуация в Риге, где генерал Е.А. Радкевич успешно предотвратил погром, несмотря на напряженную антисемитскую атмосферу и многочисленные погромы в близлежащих районах вне зоны его полномочий¹⁰⁸. Практически всегда схема возникновения погромов была одинаковой: только когда регулярные или казачьи части провоцировали насилие, тогда и местное население принимало в нем активное участие. Несмотря на это, тактика военных потворствовала участию гражданского населения в грабежах и массовых насилиях и тем самым способствовала ужесточению общей политики властей на затронутых погромами территориях.

Если высылка евреев почти всегда проводилась наиболее жестокими методами, то депортация немцев, иностранцев и других лиц редко была более щадящей¹⁰⁹. К концу 1916 г. полиция была завалена сообщениями о том, что крестьяне вырубают леса на участках, принадлежавших немцам и вражеским подданным, грабят имущество высланных и распространяют слухи о готовящихся «больших беспорядках» против немецких фермеров¹¹⁰. Проблема массового насилия не исчерпала себя после Февральской революции и фактически приобрела еще больший масштаб, когда тысячи высланных российских подданных попытались вернуться в свои дома. Хотя Временное правительство сняло все ограничения подобного рода с российских подданных, военные власти продолжали препятствовать возвращению из мест высылки всех лиц еврейского, немецкого и татарского происхождения, а также блокировали попытки правительства разработать схемы возвращения имущества выселенцев. Армия делала все возможное, чтобы воспрепятствовать возвращению высланных российских подданных, и не выдавала никаких официальных разрешений на возвращение, но она не могла предотвратить и стихийное движение подобного рода, принявшее значительные масштабы¹¹¹. Губернаторы докладывали, что когда ранее высланные немецкие колонисты, евреи и другие лица возвращались к местам проживания, то между ними и новыми владельцами их жилищ, земель и предприятий часто вспыхивали жестокие конфликты¹¹². Например, с апреля по сентябрь 1917 г. МВД получило немало

донесений о том, что большое количество ссыльных немцев «стихийно» возвращаются в свои дома на юго-западе страны. В некоторых случаях они выгоняли украинских беженцев, которых власти разместили на их землях в 1916 г. В других случаях новые владельцы успешно защищали свое недавно приобретенное имущество от бывших собственников. Местные власти откровенно не знали, что делать. Они оказались в патовой ситуации, созданной распоряжениями Временного правительства, восстанавливавшими ссыльных во всех правах, и противоположными приказами военных властей. В результате не было выработано никакой четкой политики, и жесткое противостояние, временами переходившее в насилие, продолжалось¹¹³. В этот конфликт оказались вовлечены и украинская Центральная Рада, и немецкие общественные организации, остро критиковавшие правительство за его неспособность занять твердую позицию по данному вопросу¹¹⁴. Насилие вспыхивало также в районах, куда ссылали вражеских подданных; один из самых значительных случаев — крупный погром мирных неприятельских подданных, который произошел в Вятке 24 апреля 1917 г.¹¹⁵

Политика армии и спровоцированное ею насилие имели серьезные последствия в широком контексте войны и революции. Во-первых, они подрывали военные усилия России. Репрессивные меры не только наносили огромный ущерб местной экономике, но и вызывали перебои в работе железнодорожного транспорта, что в свою очередь порождало хаос и дороговизну во внутренних губерниях, вынужденных справляться с наплывом выселенцев. Разрушение и разграбление предприятий, складов и магазинов на местах также отрицательно сказывалось на армии, затрудняя снабжение солдат продовольствием и медикаментами¹¹⁶. Представление о масштабе нанесенного урона можно составить по исследованию, проведенному сотрудниками еврейских комитетов взаимопомощи среди 2300 евреев, высланных в Полтаву. По данным анкетирования, уничтоженное или разграбленное имущество только этой небольшой группы людей оценивалась более чем в 1 млн. руб.¹¹⁷ Во-вторых, массовые высылки заставили царский режим разорвать гордые узлы ограничений мест проживания для евреев, который был завязан и с таким трудом затянут в предыдущем столетии: это позволило евреям селиться в городских поселениях различных губерний по всей стране. И хотя слом черты оседлости в некотором смысле стал актом исторического освобождения, о котором мечтали многие поколения евреев, это событие имело свои темные стороны. Военные и правая пресса способствовали распространению того мнения, что ев-

реи выслались из прифронтовых районов как подозреваемые в шпионаже, что вызывало нарастание напряженности между местными жителями и прибывавшими еврейскими выселенцами. Действительно, погромы 1918—1919 гг., в которых участвовали все стороны Гражданской войны и которые привели как минимум к 100 тыс. жертв, нельзя рассматривать в отрыве от условий, в которых произошел слом черты оседлости. Как показал Ганс Роггер, география бунтов и погромов на национальной почве в контексте определенных исторических и национальных условий свидетельствует о том, что насилие имеет тенденцию концентрироваться в тех местах, куда в течение короткого времени приезжает большое количество мигрантов другой национальности. Вряд ли можно считать совпадением то, что самые страшные погромы 1919 г. произошли в губерниях, куда было выслано больше всего евреев во время войны¹¹⁸.

ДРУГИЕ МАССОВЫЕ ОПЕРАЦИИ

Вражеские подданные, немецкие колонисты, имевшие российское подданство, и евреи вместе составляли большую часть населения, изолированного и насильственно депортированного во время войны, однако пострадали и другие категории российских подданных. 27 июня 1915 г. командующий Двинским военным округом приказал арестовать и выслать всех «кочевых цыган» в губернии, находящиеся вне зоны действия военного положения¹¹⁹. Существуют некоторые свидетельства того, что несколько тысяч крымских татар также были высланы во внутренние губернии по приказу командующего Одесским военным округом¹²⁰.

Одной из крупных операций подобного рода было выселение мусульман из Карсской и Батумской областей. Российская империя даровала российское подданство всему населению этих областей вскоре после того, как они были отвоеваны у Османской империи в 1878 г. Во время Первой мировой войны эта группа населения была сначала признана враждебной по религиозным основаниям, потом, в конечном счете, реабилитирована по этнографическому критерию, что свидетельствовало об общей замене старых признаков идентичности на новые под давлением военного времени. Этот случай наглядно демонстрирует, как практика высылки, начинавшаяся с заботы о государственной безопасности, быстро превратилась в попытку колонизации и национализации отдельных районов империи посредством выселения нежелательных народностей и пожалования их земель поощряемым группам населения.

15 января 1915 г. наместник на Кавказе И.И. Воронцов-Дашков выселил примерно тысячу «непокорных» российско-подданных мусульман из Карсской и Батумской областей во внутренние губернии России¹²¹. В последующие три недели он отдал приказ о выселении еще 5 тыс. человек¹²². Наместник обвинил их в пособничестве турецким войскам во время кратковременной оккупации последними этих губерний в декабре 1914 г. По признанию начальника эвакуационной части А.П. Ольденбургского, выселенцы-мусульмане прибыли на поездах в Харьковскую, Курскую, Орловскую, Тульскую и Нижегородскую губернии в состоянии полного истощения и с явными признаками тифа¹²³. Обеспокоенный тем, что эпидемия распространится на русское население, он немедленно издал приказ о том, что мусульманских ссыльных следует изолировать по крайней мере на три недели, чтобы не допустить разрастания эпидемии¹²⁴. Губернаторы тех губерний, куда были направлены карсские и батумские мусульмане, жаловались на то, что их не предупредили о прибытии выселенцев, а нижегородский губернатор докладывал, что опасается проявлений насилия против мусульман и не будет селить их рядом с местными татарами из боязни распространения пантюркистских настроений¹²⁵. В ответ на эту обеспокоенность в качестве места ссылки последующих групп российско-подданных мусульман был определен необитаемый остров Нарген в Каспийском море. Через несколько недель там оказалось уже более 5 тыс. человек¹²⁶. До 3 тыс. мусульман были внесены в списки тех, кто должен был быть казнен по обвинению в измене¹²⁷.

Тем временем помощник Воронцова-Дашкова по гражданским делам сенатор Петерсон предложил Совету министров переселить все мусульманское население двух указанных областей в глубь России, а впоследствии навсегда лишить их российского подданства. Он утверждал, что эти мусульмане не смогли ассимилироваться с русской культурой и, несмотря на то что в составе России они пользовались большими свободами, все же остались верны Турции. В соответствии с его предложением «изменников» следовало в массовом порядке выслать в Османскую империю по окончании войны. Министр земледелия горячо поддержал это предложение, заявив, что их земли можно отдать русским крестьянам, и большинство министров выразило свое одобрение¹²⁸.

Вскоре после этого грузинские депутаты Государственной Думы заявили, что высылаемые мусульмане были не турками, а аджарцами, которых следовало считать грузинами, несмотря на исповедуемый ислам, и в любом случае лояльными России¹²⁹. В ответ на протесты гру-

зинских депутатов была создана специальная комиссия под председательством вел. кн. Георгия Михайловича, которая исследовала этот вопрос и в двадцатитомном отчете изложила выводы, что со стороны аджарцев не было никаких проявлений враждебного отношения ни к русским войскам, ни к администрации. В отчете осуждались казаки и армяне за то, что они обвиняли аджарцев в измене, и они же назывались виновниками разжигания вражды против местных мусульман. В конце концов вел. кн. Николая Николаевича убедили встретиться с аджарскими старейшинами и лидерами, и он даже наградил их медалями за преданность и вклад в военные усилия России!¹³⁰ Руководствуясь этим, Совет министров отклонил предложение Петерсона. Однако за те шесть месяцев, в течение которых это предложение рассматривалось, более 10 тыс. российскоподданных мусульман были высланы из двух упомянутых губерний. Им не разрешали возвращаться до июня 1917 г., когда Временное правительство наконец пересмотрело их дело. По приказу военных местные власти принудительно продали или сдали в аренду большую часть земли и недвижимого имущества высланных. Хотя чиновники и были отчасти заинтересованы в передаче земельных участков мусульман русским крестьянам и казакам, на практике большая часть этих земель досталась армянским беженцам¹³¹.

ВЫСЕЛЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ЛИЦ

Массовые операции против различных категорий населения объясняли высылку огромных масс людей во время войны, но эти действия также служили средством узаконить использование радикальных мер во внутренней политике при решении конкретных проблем. Армия играла особо важную роль в распространении этой практики на отдельных лиц, не попадавших ни в одну из категорий населения, предназначенных для массовой депортации или высылки, но по той или иной причине считавшихся «нежелательными» элементами. В областях под прямым военным управлением военные власти периодически предписывали полиции высылать всех, кто находился под полицейским надзором, и тех, кого считали «подозрительными» по какой бы то ни было причине, как это было в сентябре 1914 г. при выселении всех поднадзорных из городов Либава и Виндава на Лифляндском побережье¹³². В категорию поднадзорных входили те, кого

подозревали в неблагонадежности, будь то с уголовной или политической точки зрения, многие иностранцы (из вражеских и нейтральных стран) и лица, находившиеся под негласным полицейским надзором по подозрению в шпионаже.

Каждый военный округ проводил серьезную работу по пресечению шпионской деятельности на своей территории. В мае 1915 г. Верховный главнокомандующий вел. кн. Николай Николаевич отдал секретное повеление главе Петроградского военного округа М. Д. Бонч-Бруевичу скоординировать выявление и высылку потенциальных шпионов из всех районов, находившихся на военном положении¹³³. Военные обратились к местному населению с просьбой доносить обо всех подозрительных личностях, и вскоре штабы военных округов были завалены тысячами доносов¹³⁴. Янушкевич придавал ксенофобский характер этой кампании своими приказами, в которых, например, все лица, имеющие семейные или деловые связи с зарубежными странами, должны были подвергаться «строжайшему надзору» и немедленно высылаться при малейшем подозрении в неблагонадежности¹³⁵. Не удивительно, что гораздо чаще других в доносах фигурировали иностранцы, российско-подданные немцы и евреи.

Выселение на индивидуальной основе стало особенно существенным для протестантских и вообще всех неправославных религиозных общин. Война дала противникам самого существования этих общин новый эмоциональный аргумент: именно они якобы являлись частью германского заговора с целью разрушить Россию¹³⁶. Командующий Одесским военным округом закрыл 20 евангелических конгрегаций в первый же день войны и начал активно пресекать деятельность евангелистов и штундистов, включая высылку десятков их пасторов¹³⁷. Три месяца спустя, т.е. вскоре после начала войны, министр внутренних дел недвусмысленно обвинил евангелистов, баптистов и адвентистов в том, что они воодушевлены «германизмом», и приказал закрыть большую часть их конгрегаций и организаций, а также призвал губернаторов решительно пресекать их деятельность¹³⁸. Борьба против организованных неправославных религиозных общин была особенно драматичной в прибалтийских губерниях, где она вполне очевидно накладывалась на межнациональную напряженность. Например, губернатор Курляндской губернии выслал большое количество немецких пасторов под весьма прозрачным предлогом ослабления германского влияния в протестантской церкви (де-факто усиливая в ней латвийское влияние)¹³⁹.

Репрессии по религиозному признаку также затронули многие национальности, которые при желании можно было бы назвать союз-

никами в борьбе с общим внешним врагом. Это прежде всего относилось к западным губерниям, где местные протестантские, баптистские и евангелистские общины постоянно жаловались на то, что власти выслали многих польских, латышских и литовских их членов. Глава польских евангелистов подчеркивал, что их община насчитывала приблизительно 40 тыс. человек, многие из которых носили немецкие фамилии, но полностью ассимилировались с польской культурой. Он утверждал, что тысячи его единоверцев были высланы только из-за своей национальной и религиозной принадлежности¹⁴⁰.

Репрессии по отношению к представителям национальной интеллигенции отдельных народов, включая высылку выдающихся лиц, стали обычным явлением во время войны. Украинские, польские и прибалтийские политические лидеры всегда привлекали особое внимание полиции. Подобные репрессивные меры особенно основательно применялись в тех регионах, в частности в Галиции, где были чрезвычайно сильны антирусские настроения среди украинцев и поляков, а лидеры националистов, будучи вражескими подданными, сотрудничали с германским и австрийским правительствами в надежде спровоцировать восстания против России¹⁴¹. Выборочное выселение национальных лидеров, например политически активных католических священников из польских губерний, серьезно обостряло напряженность в международных отношениях¹⁴². Высылка известных личностей — лидеров местных национальных элит, таких как глава прибалтийских немцев барон Э. Штакельберг-Зутлем, лидер украинских националистов Михайло Хрущевский или политический и религиозный лидер немецких колонистов Якоб Штах, вызвала огромное общественное недовольство как в соответствующих общинах, так и в умеренной российской печати¹⁴³.

НАСИЛЬСТВЕННОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ

Данные массовые операции были поразительно похожи на современные «этнические чистки». Действительно, в приказах о выселении часто использовался термин «полное очищение»¹⁴⁴. Технически эти выселения действительно имели много общего с современными этническими чистками, которые практически всегда предполагают защитные меры от угроз со стороны этнических групп, имеющих родственников за границами государства, а также идеологический компонент

и националистическую освободительную риторику, подразумевающую возвышение одной группы за счет перемещения другой. Сходным является и переход от индивида, национализирующегося посредством ассимиляции, к национализации «экономики», «земли» или всего населения. Однако если подобные намерения трактовать как попытки удалить нежелательные национальные группы из политической и общественной жизни государства или вообще из состава воюющей нации, то последствия могут быть непредсказуемыми. В июньском письме 1915 г. командующего Петроградским военным округом М.Д. Бонч-Бруевича к Янушкевичу нашли отражение как эти намерения, выраженные в крайней форме, так и их противоречивые результаты: «Чисто русские губернии весьма засоряются враждебным нам элементом, и потому сам собой напрашивается вопрос о точной регистрации всех высланных подданных воюющих с нами держав, дабы по окончании войны ликвидировать без остатка весь этот наносной элемент»¹⁴⁵.

Как и предполагал Бонч-Бруевич, важным следствием насильственных переселений было привнесение новых межнациональных и социальных конфликтов в целый ряд внутренних российских губерний. Из всех высленцев или изгнанников лишь небольшая часть была действительно заключена в тюрьму или содержалась в лагерях. Большинство же было просто взято на учет во внутренних или сибирских губерниях. Почти каждая губерния России получила свою немалую долю насильственно высланных и беженцев. В ходатайствах и письмах всех категорий вражеских и репрессированных российских подданных отмечалось, что сам факт их высылки уже навлекал на них в глазах местного населения подозрение в том, что они — опасный элемент, виновный в шпионаже и других преступлениях¹⁴⁶. Высокий уровень заболеваемости инфекционными болезнями среди высленцев, которые зачастую приезжали на место поселения после нескольких недель, проведенных в тесных опечатанных и недезинфицированных товарных вагонах, вызывал у местного населения еще больший страх и неприятие вновь прибывших¹⁴⁷. После инспекционной поездки по местам нового расселения высланных генерал-майор царской свиты князь Дашков докладывал о серьезной напряженности отношений между местным населением и приезжими, особенно теми, кому было разрешено жить на частных квартирах и работать в данном районе¹⁴⁸. Местные жители обвиняли высленцев в том, что они способствуют росту цен и создают конкуренцию местным предпринимателям, а Департамент полиции получал многочисленные доклады о бойкотировании и

насилии, направленных против переселенцев. В результате по стране прокатилась волна манифестаций протеста, бойкотов, бунтов и ходатайств местных чиновников выслать переселенцев куда угодно, но дальше от их губерний¹⁴⁹.

Еще одним непредвиденным последствием насильственного переселения стало проявление нового, более сильного чувства национального единения среди пострадавших категорий населения. Кроме вражеских подданных мужского пола, интернированных в лагеря и содержащихся как военнопленные, большая часть высланных была брошена на произвол судьбы и должна была сама о себе заботиться. Обнищавшие и не способные свести концы с концами в новом окружении без посторонней помощи, они, естественно, обращались за поддержкой прежде всего к своим соплеменникам.

Это было особенно справедливо по отношению к немцам, многие из которых переселились в немецкие общины Поволжья. Хотя массовые выселения немецких колонистов служили примером одного из способов, при помощи которого официальная Россия стремилась национализировать обширные территории в попытке сделать их более «русскими», они также ускоряли процесс образования более сплоченных немецких общин внутри России. Иммиграция «немецкого меньшинства» в Россию проходила на общеимперском уровне в течение обширного временного периода с середины XVII в. до 1914 г. из разных частей Германии, Австрии, Польши и Голландии. Хотя политическая активность немецких поселенцев возросла после 1905 г. благодаря появлению их депутатов в Государственной Думе, у разбросанных на большой территории общин было весьма слабое чувство причастности к единой категории немецких колонистов, не говоря уже о чувстве принадлежности к тем же прибалтийским немцам, проживавшим в основном в городах¹⁵⁰. Даже в первые дни войны члены старейших немецких общин выражали возмущение по поводу того, что правительство и общество относились ко всем сельским общинам колонистов одинаково, как будто все они иммигрировали совсем недавно¹⁵¹.

Массовые перемещения населения времен войны вынудили немцев из Польши, Волыни, Прибалтики, Бессарабии и Украины отправиться в Поволжье и другие внутренние губернии. Это способствовало тому, что немцы по всей империи оказывали своим соплеменникам поддержку, давая приют или помогая деньгами¹⁵². Помощь имела огромное значение, т.к. к концу 1915 г. правительство официально прекратило всякую государственную поддержку выселенных колонис-

тов¹⁵³. Более того, в некоторых регионах местные власти отказались давать высланным разрешение на работу и даже заставляли работодателей увольнять уже принятых выселенцев¹⁵⁴.

Тесные контакты между общинами в свою очередь способствовали росту интереса к немецким общинам по всей империи. В 1915 г. главная газета поволжских немцев «*Volkszeitung*» начала впервые печатать большие ежедневные обзоры с новостями из других немецких поселений и из Прибалтийского края. Под натиском тягот войны и высылки отдельные индивиды и разрозненные группы спланивались в более крупные сообщества¹⁵⁵. Как только в марте 1917 г. был отменен запрет на политические организации, лидеры немецкой общины быстро образовали первые успешные национальные организации «русских немцев»¹⁵⁶. На общинном уровне лидеры организаций, помогавших ссыльным и беженцам во время войны, стали лидерами немецкого национального движения и нередко посылались в качестве делегатов на всероссийские съезды; в отличие от довоенных собраний, теперь в них участвовали представители всех столь разнообразных немецких общин России¹⁵⁷. Первый всероссийский съезд немецких колонистов состоялся в апреле 1917 г., и в нем приняли участие 36 национальных политических активистов из 15 губерний. Их первоочередной задачей было преодолеть региональные и другие различия, с тем чтобы объединиться для достижения общей цели — добиться восстановления гражданского статуса и компенсации ущерба, нанесенного российским немцам ограничительными и репрессивными законами царского правительства. Для этого съездом был создан постоянный Всероссийский центральный комитет российских граждан немецкой национальности, призванный разрешать возможные разногласия между различными немецкими сообществами¹⁵⁸.

На втором съезде немцев Поволжья, проходившем в сентябре 1917 г., отмечалось, что «мы больше не обсуждаем, из какого именно района мы прибыли, являемся мы “поволжскими колонистами” или другими. Теперь, на втором съезде, вопрос единства стоит только так: “Немцы ли мы?”»¹⁵⁹. Таким образом, насильственное переселение невольно способствовало консолидации некогда раздробленных и широко разбросанных по империи немецких общин и отдельных лиц в единое, обладающее самосознанием национальное меньшинство немцев России. Действия царского режима привели к тому, что самое консервативное из всех российских меньшинств превратилось в лишенное гражданских прав и места жительства, обнищавшее сообщество, из которого вышли многие члены революционных партий¹⁶⁰.

Схожие процессы происходили и среди евреев и других меньшинств, затронутых выселениями. Как и немцы, евреи обратились за помощью к своим соплеменникам; в ответ на это по всей империи наблюдался примечательный расцвет объединительной и организационной деятельности среди еврейского населения. Отношение последнего к царскому режиму по всей стране ужесточилось и радикализировалось, а осознание того, что единая еврейская община нуждается в политическом представительстве для защиты своих прав и интересов, заметно усилилось¹⁶¹.

«МОБИЛИЗАЦИЯ ЭТНИЧНОСТИ» ПОСРЕДСТВОМ ТАКТИКИ ИСКЛЮЧЕНИЙ

Одним из последствий кампании против вражеских подданных было то, что тысячи из них сразу же подали прошения об исключении их из действия репрессивных законов на основании славянского происхождения, православного вероисповедания и других признаков. В результате царскому режиму пришлось заняться упорядочиванием, классификацией и категоризацией населения страны и выделением из сложного многообразия народов империи упрощенной иерархии национальностей, выстроенной согласно степени надежности в соответствии с национальным происхождением и взаимоотношениями с внешними врагами России во время войны. Сам по себе этот процесс способствовал мобилизации этничности даже у тех национальных групп, которые добились различных льгот и менее пострадали от репрессий¹⁶².

Подданные враждебных государств славянского происхождения составили наиболее многочисленную категорию лиц, избежавших депортации¹⁶³. Еще до войны идея панславизма возродилась как среди консерваторов, так и среди некоторых либералов¹⁶⁴. В своем обращении к населению империи по поводу начала войны царь провозгласил, что Россия выступает как защитница славянских интересов и поддерживает единение всех славян¹⁶⁵. Таким образом, возникла нелепая ситуация, когда тысячи гражданских лиц славянского происхождения собирались в определенных местах для последующей высылки и интернирования как вражеские подданные, и при этом каждая славянская община параллельно пыталась добиться особого отношения к своей национальной группе и специальных условий во взаимоотношениях с властями.

Первые шаги по пути предоставления льгот и введения исключений из общих правил для вражеских подданных славянского происхождения были сделаны под влиянием чешского вопроса. Уже 3 августа 1914 г. товарищ министра внутренних дел В.Ф. Джунковский посредством особого циркуляра довел до сведения губернаторов, что ссыльным гражданским вражеским подданным и военнопленным чешской национальности разрешается формировать воинские части под руководством представителей военного министерства. Это, конечно, относилось только к мужчинам, годным к военной службе, а число таковых было незначительно до 1917 г.¹⁶⁶ К тому же большую часть солдат вербовали среди военнопленных, а не гражданских высленцев.

Более важным было решение МВД от 14 августа 1914 г., по которому разрешалось исключить из списков депортируемых мужчин призывного возраста сербской, чешской и русинской (украинской) национальностей¹⁶⁷. Даже для славянских народов, пользовавшихся наибольшими льготами во время войны, освобождение от выселения считалось скорее привилегией, чем правом. Решение МВД об освобождении чехов, русинов и сербов от выселения не было обязательным для военных, и перед каждой депортационной операцией славянские общества взаимопомощи вынуждены были неоднократно обращаться к военным властям с прошениями о получении уже официально подтвержденных льгот. 27 февраля 1915 г. М.В. Алексеев сообщил командующему Минским военным округом, что вражеские подданные славянского происхождения, несмотря ни на что, не могут быть освобождены от выселения из района ведения боевых действий¹⁶⁸. Аналогичным образом, командующий Киевским военным округом генерал В.И. Троцкий в феврале 1915 г. опубликовал в местных газетах обращение к неприятельским подданным — славянам, французам, итальянцам и туркам христианского вероисповедания — с предложением добровольно покинуть территорию, находящуюся в его юрисдикции, или готовиться к принудительному выселению¹⁶⁹.

Льготы никогда не предоставлялись автоматически даже столь любимым властями чехам¹⁷⁰. Первый съезд «российских чехов», проходивший в Киеве 13 января 1915 г., в основном занимался обсуждением вопроса о получении освобождения от выселений и составлением прошения к царю о предоставлении помощи. В ответ вел. кн. Николай Николаевич потребовал от правительства облегчить получение чехами российского подданства и объявил, что все ранее высланные чехи могут подавать прошения о разрешении вернуться в свои дома¹⁷¹. После

этого выселения чехов и словаков стали более редкими, но не были прекращены. Например, генерал С.С. Саввич в письме Алексееву 27 сентября 1915 г. указывал, что не может позволить враждебным подданным чешской национальности оставаться в Волынской губернии — основном районе чешских поселений в империи¹⁷².

Наряду с чехами и словаками другие группы населения, считавшиеся дружелюбно настроенными по отношению к российскому государству, также получали освобождение от выселения в ходе войны. Христиане, жившие на территории Османской империи (армяне, греки, болгары), еще до войны горячо желали российского дипломатического участия в своей судьбе, а теперь это желание стало гораздо сильнее по двум причинам: из-за планов России аннексировать и колонизировать часть Османской империи и из-за массовых выселок и уничтожения армян турками. Лишь небольшое число армянских подданных Османской империи жило на Кавказе до войны. Зверства турок вызвали огромный приток армянских беженцев (свыше 350 тыс.) из Турции в Российскую империю¹⁷³. Наместник на Кавказе И.И. Воронцов-Дашков с пониманием относился к бегству армян и, как правило, освобождал их от выселок с Кавказа, хотя формально они им подлежали как враждебные подданные. Однако в работах армянских ученых последнего времени очевидна критика в адрес российского главного командования¹⁷⁴. Хотя армяне и христиане других национальностей — подданные Османской империи были освобождены от выселения, их положение в течение войны оставалось ненадежным; существуют отрывочные свидетельства о том, что многие армяне были подвергнуты депортации с Кавказа как подданные враждебного государства¹⁷⁵. Совет министров официально освободил подданных Османской империи армян и греков от выселения и ликвидации имущества только 11 июня 1916 г.¹⁷⁶ Высланные ранее этой даты не получили права вернуться на Кавказ до августа 1917 г., несмотря на постоянные протесты Московского армянского комитета и армянского Красного Креста¹⁷⁷.

Вражеские подданные мусульманского вероисповедания, даже если они принадлежали к «дружелюбным» национальностям, обычно никаких льгот не получали. Например, 10 тыс. подданных Османской империи мусульман — работников табачных фабрик в городе Сухум, лазов по национальности, были выселены в Рязань и Тамбов. Им не разрешали вернуться до тех пор, пока Временное правительство не пересмотрело их дело в июне 1917 г. и не постановило, что их «принадлежность к грузинскому народу» есть достаточное основание для того,

чтобы позволить им вернуться¹⁷⁸. Аналогичным образом, несколько тысяч татар с турецкими паспортами были высланы в начале 1915 г. из Крыма в глубь России и в Центральную Азию. Многие из них утверждали, что постоянно проживали в Крыму в течение многих лет, но теперь утратили российское подданство, находясь во временной эмиграции в Турции в поисках заработка, что было весьма распространенным явлением среди крымских татар во второй половине XIX в. Их обращения к властям оставались без ответа, пока наконец их дело не было заслушано на заседании Временного правительства в июле 1917 г. и им разрешили вернуться¹⁷⁹.

Многие члены привилегированных меньшинств получили возможность избежать выселения. Хотя исключения так и не стали автоматическими, среди большинства чиновников преобладало убеждение в том, что ради дружественных национальных меньшинств следует предпринять некоторые усилия и пересмотреть их дела. Однако относительно вражеских подданных польского происхождения такого согласия среди бюрократии не было.

Сила и зрелость польского национального движения, его близость к социалистическим течениям и то предпочтение, которое большинство политически активных поляков отдавало созданию независимого государства, готового разрастись на восток от привислинских губерний до русско-польской границы 1772 г., — все это убеждало российские власти в том, что полякам доверять нельзя. Столь же важным фактором было продолжавшееся общественное, культурное и экономическое преобладание польского дворянства во многих западных пограничных губерниях над «русскими» (украинскими, белорусскими и литовскими) крестьянами.

Августовское воззвание вел. кн. Николая Николаевича 1914 г. о том, что Россия готова по окончании войны создать единую автономную Польшу в ее исторических границах под скипетром русского царя, лишь номинально изменило официальную позицию поляков. Как отмечалось в ноте варшавского Польского комитета, заявление имперских властей давало возможность вражеским подданным польской национальности натурализоваться¹⁸⁰. Тем не менее российские власти продолжали придерживаться довоенного отношения к полякам. В результате вражеские подданные поляки получали освобождение от выселений позже и не в полном объеме по сравнению с другими славянскими и привилегированными меньшинствами, и это несмотря на поток служебных записок от министра иностранных дел, утверждавшие-

го, что исключение поляков из действия всех депортационных узаконений — в очевидных интересах русской дипломатии¹⁸¹.

Многие из первых приказов о выселении вражеских подданных определенно подразумевали и поляков. Даже если приказ особо не оговаривал включение поляков, обычная процедура, принятая у военных, не способствовала их изъятию из общих списков. Например, генерал Я.Г. Жилинский 3 августа 1914 г. отдал приказ о том, что вражеские подданные славянского происхождения непризывного возраста могут быть освобождены от выселения из польских губерний, только «если их лояльность и национальное происхождение известны местной полиции или удостоверены вполне благонадежными лицами»¹⁸². Учитывая предубеждения местных российских властей против поляков, можно быть уверенным, что лишь немногие получали освобождение. В течение всей осени 1914 г. польские организации разных типов обращались к властям с ходатайствами об издании общих правил об освобождении от выселений. Но Янушкевич сильно усложнил процесс, потребовав получения санкции Верховного главнокомандующего в каждом отдельном случае. Особенно активен в этом вопросе был польский депутат Думы Г.И. Свенцицкий. В декабре 1915 г. на одно из его ходатайств был наконец получен благоприятный ответ от командующего Юго-Западным фронтом Н.И. Иванова, который давал разрешение освобождать враждебных подданных поляков при условии получения ими документа от любой значительной польской организации, удостоверяющего их национальность, и при отсутствии нареканий со стороны военных и полиции¹⁸³.

Таким образом, в начале войны многие поляки оказались среди высылаемых вражеских подданных. Уже в январе 1915 г. Польский комитет взаимопомощи утверждал, что имеет сведения о 20 тыс. гражданских вражеских подданных польской, чешской и словацкой национальности, высланных только в поволжские губернии. Немалое число поляков было выслано и в другие губернии, особенно в Киевскую¹⁸⁴.

Высылка вражеских подданных польской национальности в Поволжье осуществлялась с особой жестокостью. По сведениям Польского комитета, поляков селили в основном в сельской местности, в татарских и чувашских хозяйствах, где они зачастую были вынуждены жить вместе с домашним скотом. Многие успели взять с собой только летнюю одежду и не имели денег. Рассказывали, что некоторые группы переселенцев вынуждены были часть пути проделать пешком в ужасающих условиях. Одну группу польских переселенцев отправили

пешком на расстояние в 475 км, что привело к смерти тридцати человек. Местные жители считали выселенцев каторжанами и отказывали им в работе и помощи. Воровство их скудных пожитков стало обычным явлением, а враждебность местных жителей постоянно усиливалась, поскольку переселенцев считали виновниками роста цен на местных рынках¹⁸⁵.

Положение выселенных поляков немного улучшилось после того, как 5 марта 1915 г. было принято решение разрешить их проживание в любом месте империи за пределами территорий, объявленных на военном положении. К весне 1915 г. освобождение от принудительного выселения стали получать *все* славяне, а не только чехи, словаки и сербы. Однако вражеские подданные польской национальности как особая категория так никогда и не получили безусловного освобождения от принудительного переселения из районов, находившихся на военном положении, или из зон безопасности, установленных вокруг ряда заводов, вдоль рек и железных дорог по всей стране. Более того, 25 октября 1916 г. императорским указом польским выселенцам и беженцам было запрещено возвращаться в родные места Привислинского края до окончания войны¹⁸⁶. Временное правительство изначально выступило против этого закона, но не отменяло его до июля 1917 г. из-за сильного противодействия военных¹⁸⁷. Эта запоздалая отмена стала лишь формальным *fait accompli*, поскольку многие выселенцы, воспользовавшись ослаблением государственной власти, к тому времени уже давно отправились домой¹⁸⁸.

При выявлении выселяемых категорий населения, несмотря на его случайный характер, главным нередко считался фактор национального происхождения, а не официальное подданство. Это можно рассматривать как часть общего подъема национального чувства, произошедшего под воздействием тягот тотальной войны. Однако славянское происхождение не для всех групп населения служило достаточным основанием для успешного уклонения от выселения. Для болгар, например, подданство и внешнеполитическая позиция их родины по отношению к войне были гораздо важнее, чем национальность.

Когда возникла вероятность того, что Болгария вступит в войну против России в сентябре 1915 г., российские власти приготовились проявить снисходительность к болгарским подданным, проживавшим в империи. Начальник штаба Ставки генерал Алексеев писал своим подчиненным, что, если Болгария вступит в войну, им не следует планировать высылку болгарских подданных *en masse*¹⁸⁹. В сентябре 1915 г. пра-

вительство предпринимало некоторые усилия, чтобы сдерживать разраставшиеся в обществе антиболгарские настроения, настоятельно советуя российским промышленникам перестать увольнять болгарских подданных со своих предприятий в Одессе и по всей южной России¹⁹⁰. Когда 5 октября 1915 г. Болгария наконец вступила в войну на стороне Центральных держав, болгар добавили к списку тех, кого следовало высылать из прифронтовых районов, запретных зон и полос, но лица христианского вероисповедания при этом освобождались от выселения. Поскольку почти все болгарские подданные были православными христианами, это означало, что де-факто освобождались практически все болгары.

Однако вскоре были получены известия, что в Болгарии дурно обращаются с российскими подданными, а в отчетах военной контрразведки утверждалось, что болгары особенно опасны как потенциальные шпионы ввиду близости болгарского и русского языков и культур. В результате Совет министров разработал новое законоположение, аннулировавшее все прежние льготы и исключения для болгарских подданных. Закон требовал депортации *всех* болгарских подданных с территорий, находившихся на военном положении, из районов расположения оборонных предприятий и других запретных зон по всей империи без каких бы то ни было исключений¹⁹¹. Таким образом, менее чем за год болгары, проживавшие в Российской империи, превратились из привилегированных друзей во вражеских подданных.

В ходе применения насильственного переселения и других практик военного времени значение национального фактора выросло как на макроуровне, так и в тысячах отдельных случаев. Одной из причин, по которым царский режим предпочел рассматривать национальное происхождение как более основательный признак, чем официальное подданство, была слабость института подданства в российской имперской традиции. После целого века великой интернационализации Европы в условиях долгого мира Первая мировая война заставила все страны резко перейти к введению паспортов, виз, пограничного контроля и надзора за иностранцами¹⁹². Россия не стала и не могла стать исключением¹⁹³. Но, налагая санкции на российских подданных немецкого и еврейского происхождения и освобождая от них вражеских подданных славянского происхождения, царский режим демонстрировал, что подданство не стало основным решающим фактором, определяющим членов единого национального общества и внутренних врагов. Здесь можно выявить несколько основополагающих проблем. Царь и его

приближенные настаивали на сохранении понятия личной преданности царю и Богу в тексте законов о натурализации как ключевом факторе для получения российского подданства. Либералы, напротив, выступали за гражданство европейского типа и такую натурализацию, когда индивид присягал бы на верность государству, нации и конституции, а не лично царю. Эти противоречия не были преодолены даже во время войны, когда согласие по важнейшему вопросу о патриотизме было столь необходимо. В результате в России так и не было принято законов о подданстве и натурализации вплоть до Февральской революции¹⁹⁴. К июлю 1915 г. Россия фактически была единственной воюющей страной, которая запретила всякую натурализацию на время войны¹⁹⁵. Отчасти по той причине, что подданство так и не стало тем общепринятым критерием, по которому можно было отличать своих от чужих, царский режим полагался прежде всего на национальную принадлежность.

Выбор немцев, евреев и иностранцев в качестве первоочередных объектов для массовых депортаций изменил традиционные принципы национальной политики по нескольким направлениям. Во-первых, в одночасье изменилось восприятие и осознанная классификация друзей и врагов внутри империи. Старый польский враг вдруг стал союзником, в то время как ранее привилегированные этнические немцы стали чуть ли не главными врагами¹⁹⁶. Латыши, литовцы и эстонцы, с 1905 г. считавшиеся опасными революционерами¹⁹⁷, стали соратниками государственной власти в борьбе против прибалтийских немцев, с помощью которых имперский режим в течение двух столетий управлял этим краем. Столь внезапные изменения показывают, насколько важен фактор войны и вообще монопольное право государства произвольно определять своих внутренних врагов и менять собственные установки. В этом контексте было бы неверно рассматривать репрессии военного времени против немецкой и еврейской диаспор как естественный результат назревавшего в течение долгого времени конфликта последних с имперским центром¹⁹⁸. Выбор внутренних врагов, пожалуй, за исключением евреев, ни в коем случае не был предопределен довоенными схемами. Пример болгар в центральной России и мусульман Карсской и Батумской областей показывает, как государство могло и на деле переводило по своему усмотрению целые группы населения из категории друзей в категорию врагов. Этот момент важен при рассмотрении вопросов последовательности применения политики «внутренних врагов» в период всеобщего противостояния 1917 г. Как

и царский режим, большевики были вполне способны формировать собственные категории внутренних врагов и неожиданно менять одних на других декретом сверху.

Выбор первоочередных «жертв» тем не менее не был произвольным и объяснялся не только соображениями обеспечения безопасности в военное время. Диаспоры вражеских и враждебных подданных (как, например, еврейская) в целом были более успешными в торговле, специализированной профессиональной деятельности или сельском хозяйстве, чем русские и представители других национальностей империи, давая тем самым повод русским националистам, считавшимся представителями титульной нации, изображать из себя несправедливо ущемленных и обездоленных. Таким образом, существовали серьезные социально-экономические основания и определенная логика в развитии шовинистических кампаний военного времени, уходивших корнями в программы по защите и поддержке «русских» и «России» в противовес враждебным инородцам, занимавшим вожделенные «важные» статусные позиции в экономике и обществе.

Этот процесс распространился и на территории, занимаемые самими национальными общинами. Почти во всех районах массового насильственного переселения русские составляли меньшинство, как, впрочем, и группы высылаемых. И в каждом из этих районов враждебные подданные стояли на пути у представителей других национальностей, желающих воспользоваться неожиданно открывшейся возможностью вертикальной социальной мобильности. Например, многие литовцы, латыши и эстонцы могли найти взаимопонимание с русскими националистами в попытке устранить немцев и евреев, которые представляли доминирующие в социально-экономическом плане диаспоры, стоявшие на пути национализации коренных прибалтийских национальных общин. В Польше такие взгляды были весьма развиты, и конкуренция между поляками, евреями, немцами и иностранцами до войны была серьезной. Быстрорастущий польский средний класс вступил в еще более острый конфликт и открытую конкуренцию с евреями, немцами и иностранцами в городах, что привело к обострению антисемитских настроений в Польше в 1913 г.¹⁹⁹ Один из польских национальных лидеров откровенно заявлял, что высылка немцев полностью оправданна, поскольку они не смогли или не захотели ассимилироваться с польской культурой²⁰⁰.

Это скрытое взаимодействие между программами русских националистов и окраинных народов заставило многих российских лидеров

призадуматься. Например, когда один известный польский общественный деятель в письме к Янушкевичу просил освободить некоего враждебного подданного от высылки на основании того, что он является одним из лучших выразителей «польской национальной идеи», Янушкевич пометил на полях: «Но не русской же?»²⁰¹ Главы губерний Польши и Волыни докладывали, что поляки продолжали оставаться там для местного населения подлинными и традиционными внутренними врагами; высылка немцев и других иностранцев будет им только на руку и в долгосрочной перспективе возымеет пагубные последствия. Губернаторы прибалтийских губерний указывали, что Россия на протяжении долгого времени проводила политику нейтралитета в межнациональных спорах, выступая как беспристрастный имперский судья, стоящий над схваткой²⁰². Массовые переселения и другие репрессии по отношению к одной группе населения с выгодой для другой, как указывали губернаторы Курляндской и Лифляндской губерний в начале 1915 г., могли лишь усилить напряженность межнациональных отношений, привести к общественным беспорядкам и разрушить устоявшиеся основы российского имперского правления. В какой-то степени насильственное переселение и другие мероприятия против враждебных подданных странным образом оказались направлены как раз против того типа личности, который больше других подходил для сохранения имперской системы²⁰³.

Очищение территорий вдоль западных и южных границ империи от враждебных инородческих диаспор привело к совершенно непредвиденным последствиям: прибалтийские губернии стали более «латышскими и эстонскими», Польша — более «польской», Украина — более «украинской», Грузия — более «грузинской» и т.д. Массовые выселения также повлекли за собой новые проблемы и рост напряженности в Центральной России, связанные с наплывом чужаков, для которых репрессии стали импульсом к обновленному самосознанию обособленных национальных меньшинств.

В результате царский режим и армия буквально прокладывали путь для формирования и самоутверждения национальных групп на определенных территориях, в том числе и для русских. Массовые выселения вначале применялись как временная мера, используемая в интересах безопасности государства, однако вскоре они стали частью националистической программы, включавшей передачу земель, имущества и социального статуса депортируемых лиц представителям коренной или привилегированных национальностей. А это была уже программа радикальной национализации империи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выбор старого режима в пользу масштабной шовинистической кампании против вражеских подданных может отчасти рассматриваться как попытка получить массовую народную поддержку с целью превратить имперское государство в более «национальное» и максимально успешно мобилизовать все силы для продолжения войны до полной победы. Эта попытка безнадежно провалилась по целому ряду причин. Прежде всего, хотя кампания велась достаточно радикально и по духу, и по букве, она не могла удовлетворить многих ее активных сторонников по причинам довольно мягкого отношения к прибалтийским немцам и ряда льгот, неожиданно предоставленных представителям придворной и бюрократической элиты, многие из которых носили немецкие и другие иностранные фамилии. Лидеры крайних правых организаций заполняли страницы периодических изданий критическими антиправительственными материалами с прозрачными намеками на то, что придворная клика изменников покрывает прибалтийских немцев. Ведущие представители генералитета, такие как Н.В. Рузский, М.Д. Бонч-Бруевич и А.А. Брусилов, в один голос выражали свое горькое разочарование в нежелании правительства и Ставки Верховного главнокомандующего развернуть предельно жесткую кампанию против прибалтийских немцев¹. Более умеренные сторонники репрессивных мер также были разочарованы. Одним из самых известных среди них был член фракции прогрессистов IV Думы князь С.П. Мансырев, избранный депутатом от города Риги. В июне 1916 г. он эффективно отказался от поста председателя думской комиссии по борьбе с немецким засильем, обвиняя правительство в сосредоточении усилий на конфискации движимого и недвижимого имущества мелких немецких землевладельцев, тогда как огромные родовые поместья и социальный статус прибалтийских немцев в большинстве случаев оставались в неприкосновенности².

Читая в периодической печати того времени обвинения начальствующих лиц в фаворитизме по отношению к прибалтийским немцам, легко поверить в то, что война вообще никак не затронула последних. Однако это весьма далеко от действительности. В августе 1916 г. царь подписал исторический указ об отмене всех традиционных привилегий прибалтийских немцев как в городах, так и в деревне, по сути уничто-

жив различия в законодательстве Прибалтийского края и остальной империи³. Чистки имперской администрации края удалили губернаторов и чиновников немецкого происхождения из рядов местной бюрократии, и центральная власть постаралась заменить их представителями других национальностей — русскими, эстонцами, латышами и литовцами⁴. Тем не менее элита прибалтийских немцев смогла избежать жестких мер, уготованных для других категорий вражеских и враждебных подданных, и действительно, официальные репрессивные мероприятия против нее оказались слишком запоздалыми и мягкими, чтобы удовлетворить агрессивных сторонников подобных мер.

Если режим колебался при окончательном одобрении масштабной кампании против немецкой элиты Прибалтийского края, то тем более неохотно он шел на вычищение лиц немецкого происхождения из придворных кругов, высшей бюрократии и армейского командования. Не только более 15% офицерского корпуса носили немецкие фамилии, но и все ведущие отрасли управления, бюрократическая и экономическая элита были заполнены лицами нерусского, в частности немецкого происхождения. Например, около 30% членов Государственного Совета и более половины чинов императорского двора были носителями изначально немецких фамилий⁵. Представители имперской элиты не могли не чувствовать нарастающее давление. Обер-прокурор Святейшего Синода В.К. Саблер в мае 1915 г. официально сменил фамилию на Десятковский и стал одним из десятков чиновников, «русифицировавших» свои фамилии во время войны⁶. Иногда бюрократы разыгрывали карту «немецкого предательства» в борьбе со своими соперниками по службе, совсем так же, как это делали некоторые предприниматели в борьбе с конкурентами⁷. Однако хотя кампания против вражеских подданных привела к удалению из «образованного общества» некоторых из наиболее заметных «немцев», большинство сохранило свои посты и постепенно становилось центральным элементом все нарастающего всеобщего недовольства.

К началу 1917 г. жандармские отчеты отмечали широкое распространение среди всех слоев населения слухов о том, что измена пышным цветом расцвела среди имперской элиты. Многие из этих слухов вращались вокруг якобы «немки» императрицы Александры, министра императорского двора барона В.Б. Фредерикса и председателя Совета министров Б.В. Штюрмера⁸. В деревне разрушительное действие производила легенда о страшной бойне, утверждавшая, что немецкая клика в среде аристократии намеренно посылает как можно больше солдат-

крестьян на убой, чтобы после войны некому было требовать земель у помещиков⁹. Солдатские письма, перехваченные цензурой, часто содержали сетования на то, что Россию продали генералы-немцы и их подельники из придворной «немецкой партии», а мемуары офицеров — обладателей немецких фамилий нередко содержат воспоминания о сильнейшей подозрительности в их адрес со стороны нижних чинов и общества в целом. Во многих армейских частях именно это стало основным элементом в разрушении доверия между солдатами и офицерами¹⁰. Уличные выступления Февральской революции включали значительные по масштабам насилия против немцев и других лиц, обвиненных толпой в измене¹¹. Риторика шовинистической кампании таким образом повернулась в итоге против самой имперской элиты.

Однако общественное брожение нельзя объяснить просто ксенофобией или шпиноманией. Многие из повернувшихся против старого режима представителей самых различных политических партий и объединений делали это во имя патриотизма. Правые горько сетовали на нежелание правительства более системно и решительно бороться с вражескими подданными внутри страны, поскольку считали бюрократию неспособной принять истинно русские национальные идеи¹². Шовинистическая кампания, воспринимавшаяся в начале войны как путь единения правительства с народом в совместном излиянии патриотического негодования против внутренних и внешних врагов, стала яблоком раздора между правительством и его самопровозглашенными крайне патриотичными сторонниками.

Данная ситуация также способствовала переходу либералов и более умеренных политиков от патриотической поддержки правительства к патриотической оппозиции. Наиболее ярким примером значимости этого процесса может служить лидер либеральной оппозиции П.Н. Милюков. К концу 1916 г. широко распространились всевозможные слухи о Распутине, Штюрмере, императрице Александре Федоровне и «немецкой партии» при дворе и в высших правительственных сферах, прежде всего намекающие на их планы по заключению сепаратного мира¹³. 1 ноября 1916 г. в своей драматической речи в Государственной Думе Милюков отдал должное этим слухам, открыто обвинив правительство в измене. Эта речь произвела сенсацию. Цензура запретила ее публикацию, но рукописные копии широко разошлись по всей стране, не говоря уже об устных пересказах, естественно, далеко превосходивших оригинал в сенсационности¹⁴. Милюков сознательно стремился при помощи своей речи подорвать жизнеспособность тогдашнего прави-

тельства и неожиданно впечатляюще преуспел в этом, готовя почву для Февральской революции, одним из важнейших первоначальных мотивов которой был праведный гнев по поводу мнимой измены правительства¹⁵.

В широком смысле большинство либералов видели в гражданстве основной способ отличия воюющих наций друг от друга. Поэтому они безоговорочно поддерживали все меры, направленные против вражеских подданных. Однако эта поддержка предоставлялась исключительно на том условии, что правительство даст возможность сформироваться настоящей «гражданской нации», основанной на равных правах для всех российских подданных. После того как режим недвусмысленно показал, что именно последнего он и не желает делать, а вместо этого подверг репрессиям собственных подданных немецкой, еврейской и других «подозрительных» национальностей, либералы в полной мере осознали, что правительство намеренно препятствует успешной патриотической мобилизации в соответствии с тактикой «воюющей нации»¹⁶. Умеренные октябристы и даже часть националистов резко критиковали правительство за высылку и конфискацию имущества тех российских подданных, чьи родственники находились в действующей армии. Широкая коалиция фракций и отдельных депутатов Думы в середине 1915 г. сформировала Прогрессивный блок, который стал центром единой оппозиции, согласившейся, что старый режим должен быть уничтожен с целью создания действительно единого сообщества граждан и патриотического подъема для победы над внешним врагом. Когда либералы пришли к власти в 1917 г., среди первых постановлений Временного правительства была приостановка действия практически всех ограничительных и репрессивных указов и узаконений, касавшихся российских подданных¹⁷.

Таким образом, попытка обрести общественную поддержку путем поощрения националистической кампании едва ли стала успешной. Весьма показательны, что эта кампания возымела неожиданные последствия в виде радикализации и мобилизации пострадавших от репрессий групп населения, чему способствовало чувство ущемленной национальной гордости, сознание единства и национальной идентичности. Насильственные переселения и тяготы военных лет способствовали мобилизации немцев, евреев и представителей других национальностей для оказания всесторонней помощи своим соплеменникам, оказавшимся в худшем положении, что создало условия для осознания и возникновения тесной сплоченности национальных общин. Этот

процесс проходил особенно драматично среди немцев. До войны они были наименее радикализованным национальным меньшинством империи, и все эти купцы, мещане, дворяне, чиновники и фермеры в составе весьма отличных друг от друга немецких общин сравнительно слабо осознавали собственную национальную идентичность. Однако многие из них неожиданно оказались лишенными всех гражданских прав, выселенными из своих домов и почти нищими, и это быстро сблизило разрозненные группы ради формирования гораздо более сплоченного и сознательного немецкого меньшинства. Радикальные меры правительства подтолкнули значительную часть этого меньшинства (ранее ведомого консервативными и умеренными элементами) к решению о присоединении к революционным партиям¹⁸. Еврейское меньшинство претерпело сходную трансформацию¹⁹.

Подобная динамика очевидно просматривается даже для общин привилегированных национальных меньшинств. Чехи, поляки, словаки и др., столкнувшись с выселениями или конфискацией имущества в качестве вражеских подданных, могли рассчитывать на постепенно выработанный набор критериев, исключавших их из сферы действия репрессивных законов. Депортационные и конфискационные меры были лишь частью общего плана по классификации и категоризации индивидов согласно их национальности, статусу иммигранта или гражданству с целью определить, считать ли те или иные категории населения полноправными членами воюющего сообщества или внутренними врагами. Проходя через эти процессы, национальность и этничность в некотором смысле получали официальный статус в качестве незапланированного результата военных практик идентификации.

Приписыванием идентичностей во время войны занималось не только государство, но и сами инородческие общины, и отдельные личности также не менее активно участвовали в этом динамическом процессе. Национальные комитеты взаимопомощи распределяли продовольствие и помощь или отказывали в них, основываясь на национальной принадлежности отдельных лиц. Именно в этом плане меньшинства становились все более сплоченными вокруг общей цели помощи своим соплеменникам и стремления добиться максимума ресурсов и льгот у центра²⁰.

По этим и другим причинам опыт участия в Первой мировой войне означал резкий перелом в истории народов в составе Российской империи. Если в предвоенные десятилетия даже самые агрессивные культурно-русификационные практики прежде всего стремились обра-

тить национальные меньшинства в православную веру и ассимилировать их с русской культурой, то война принесла с собой качественные изменения. Административные практики, исследуемые в данной работе, не имеют ничего общего с ассимиляцией или обрусением. Фактически натурализация иностранцев была отброшена как вредоносная, а медлительность различных комиссий и комитетов, рассматривавших жалобы о льготах и исключениях, показывает, что признаки и степень ассимиляции имели малое значение по сравнению с национальной принадлежностью или периодом натурализации иммигрантов. Целью ограничительных и репрессивных мер было не ассимилировать отдельных лиц, но национализировать столь крупные «абстракции», как экономика, земля или население.

В значительной степени все это было частью общего военного расширения функций государства в его стремлении контролировать и напрямую управлять населением и экономикой, т.е. процесса, отмеченного в историографии войны для всех воюющих стран и широко признаваемого важнейшим прецедентом для всесторонних притязаний будущего Советского государства²¹. Кампания против враждебных меньшинств способствовала укреплению мононационального государства посредством расширения бюрократического контроля над населением, ужесточения полицейского и государственного надзора за иностранцами и иммигрантами, создания целого штата инспекторов, управляющих и ликвидаторов для наблюдения и контроля над акционерными предприятиями и сделками, а также привела к масштабной передаче частных фирм и имуществ государственным учреждениям. Это наглядно демонстрирует, как старый режим сам ввел в практику эти и другие государственные меры, в конечном итоге ставшие основными уже в большевистском революционном наборе методов управления: от национализации частной собственности до выявления, чисток или уничтожения враждебных категорий населения.

Все же перед нами не простой пример сильного интервенционистского государства, активно воздействующего на собственное население. Отчасти правительство и армия применяли столь жесткие и чрезвычайные инструменты, как массовая высылка и конфискация, потому что государственная власть была довольно хрупкой и ограниченной в своих возможностях. Это было особенно верно для многонациональных западных пограничных областей империи, где армия часто действовала как оккупационные силы на вражеской территории. Как показали московские погромы, способность властей сохранять общественный

порядок была сомнительной даже во второй столице империи — в русском сердце страны. Правители России и лидеры шовинистической кампании против вражеских подданных часто исходили в своих действиях из осознания собственной слабости. Проявления этого можно увидеть в параноидальных склонностях российских военных чинов, которые видели серьезную угрозу безопасности империи в изолированных немецких сельскохозяйственных общинах и серьезно преувеличивали подрывной потенциал евреев. Это было так же очевидно в основном лозунге националистической кампании, которая изображала происходящее как борьбу против засилья немцев и иностранцев, якобы систематически подавлявших русских в экономической деятельности и обществе в целом.

Это базовое подсознательное ощущение слабости — ключ к пониманию роли российского национализма во время войны. Большинство национальных движений во многом опирается на факт или видимость того, что государство сохраняет социально-экономический порядок, систематически ущемляющий коренную национальную группу. Кампания против враждебных меньшинств показывает, что российские националисты были способны ощутить себя как раз в такой ущемленной ситуации и поэтому разработали радикальную национально-освободительную программу, бросавшую вызов легитимности имперских элит, космополитичной и многонациональной имперской экономике и даже непосредственно имперской государственной структуре. Эта кампания с ее освободительным экономико-националистическим содержанием представляла собой, возможно, самую динамичную и внятную демонстрацию активности российского национализма в позднимперский период, и это предполагает, что к российскому национализму стоит отнести как к более серьезной силе на финальном этапе существования старого режима.

В этом отношении Османская империя представляется самым близким к российскому варианту государством для сравнительного анализа²². В обоих случаях имперский режим (время от времени неохотно реагировавший на общественное давление) избирал радикальную экономическую националистическую мобилизацию против иностранных и успевших ассимилироваться коммерческих диаспор. В обоих случаях столь активно проводимая мобилизация подрывала общественный порядок, обостряла межнациональные конфликты и способствовала падению старых режимов²³.

Практически в каждом аспекте реализации националистической кампании власти стремились передать отчужденное имущество или коммерческие предприятия прежде всего русским владельцам. Но нередко это вело к непредсказуемым последствиям. Фактически общенациональная мобилизация против широко разбросанных по империи вражеских меньшинств усиливала не общеимперский, а территориальный национализм. Нацеливаясь прежде всего на представителей немецкой, ряда иностранных и еврейской диаспор, более всего активных в окраинных пограничных областях империи, царский режим поощрял другие местные национальные меньшинства за счет их выселяемых соседей, что формировало своеобразную тенденцию в национализации данных районов. Это было так же верно для новых государств Восточной Европы, где национализация и аграрная реформа проходили легче, если местные элиты не принадлежали к «титульной» нации²⁴. То же можно констатировать и для Советского Союза, который оказывал существенную поддержку местным национальностям, но во времена международной напряженности 1930-х гг. и особенно во время Второй мировой войны сменил тактику на репрессивную в отношении многих из тех национальных групп, которые уже подвергались давлению в период Первой мировой войны²⁵. Во всех этих случаях национализующие выступления и устремления соединялись в горячую смесь с международной напряженностью и нестабильной обстановкой военного времени, что способствовало применению радикальных государственных мер. Взрыв российского экономического национализма во время войны не остался без последствий при большевиках. Первая мировая война много поспособствовала слому довоенных мировых финансово-хозяйственных связей и весьма значительно повлияла на переход многих стран к большей экономической автаркии и самоизоляции. В случае СССР этот переход был самым определенным и примечательным. С отказом от идеала мировой революции и поворотом к «социализму в отдельно взятой стране» в качестве идеологии промышленного развития советский режим избрал чрезвычайную форму экономической автаркии, ликвидировал последние иностранные предприятия, работавшие на советской территории, произвел чистки иностранцев, технического персонала, управляющих и инженеров, обвинив их в шпионаже, и вообще начал практически военную мобилизацию местных сил с целью ускоренной индустриализации²⁶. С тех пор утверждалось, что марксизм-ленинизм завершил диалектическую трансформацию марксизма от идеологии, провозгласившей междуна-

родный пролетариат основной движущей силой исторического процесса, к новой идеологии, прежде всего стремящейся к освобождению и развитию сравнительно отсталых наций, т.е. фактически «марксизм-ленинизм стал одним из вариантов национализма»²⁷. Вовсе не является аномальным то, что коммунизм XX столетия имел наибольший эффект не в промышленно развитых, а скорее в отстающих странах, выступая в качестве идеологии антиимпериалистического национального освобождения, т.е. программы мобилизации развивающихся стран против натиска международного капитала и транснациональных корпораций и модели изоляционистского развития экономики. Корни этой фундаментальной черты советской системы гораздо легче обнаружить в российском славянофильстве и народнических традициях с их постоянной оппозицией экономически развитому капиталистическому Западу, чем в классическом марксизме²⁸. Если советская система гораздо в большей степени, чем принято считать в историографии, обязана экономическому национализму, то появление этого вида национализма во время Первой мировой войны становится важнейшим формообразующим эпизодом, демонстрирующим всю его разрушительность. В любом случае теперь, когда Советский Союз уже стал историей, а современная Россия из всех сил пытается снова интегрироваться в международную экономику, становится еще более очевидным, что один из переломных моментов XX столетия наступил именно тогда, когда эти связи были оборваны.

Во время Первой мировой войны постоянное давление общества и армии вынудили старый режим России сделать выбор — сначала неохотно, а затем с энтузиазмом — в пользу радикальной кампании, оснащенной мощным набором «истинно русских» экономических националистических лозунгов и планов. Все изложенное в этой книге побуждает к серьезному переосмыслению роли российского национализма и вообще факторов радикализации и «национализации», столь характерных для Великой войны, в ситуации, сложившейся в России при распаде старого режима и зарождении нового строя.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

¹ В 1914 г. в Российской империи было зарегистрировано около 600 тыс. постоянно проживающих и еще более 100 тыс. временно проживающих граждан вражеских государств. См.: Die Nationalitäten des Russischen Reiches in der Volkszählung von 1897 / Eds. B. Henning, A. Kappeler, B. Roth // Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa. Stuttgart, 1991. Vol. 32B. S. 211; *Оболенский В.В.* Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и СССР. М., 1928. С. 108—110.

² Наиболее интересные работы по данной теме: *Bird J.C.* Control of Enemy Alien Civilians in Great Britain, 1914—1918. New York, 1986; *Fischer G.* Enemy Aliens: Internment and the Homefront Experience in Australia, 1914—1920. St Lucia, Australia, 1989; *Farcy J.-C.* Les camps de concentration français de la Première Guerre Mondiale (1914—1920). Paris, 1995; *Spiropoulos J.* Ausweisung und Internierung Feindlicher Staatsangehöriger. Leipzig, 1922; *Luebke F.C.* Germans in Brazil: A Comparative History of Cultural Conflict During World War I. Baton Rouge, 1987; Minorities in Wartime: National and Racial Groupings in Europe, North America, and Australia During the Two World Wars / Ed. P. Panayi. Berg, 1993; *Panayi P.* The Enemy in Our Midst: Germans in Britain During the First World War. Oxford, 1991; *Luciuk L.* A Time for Atonement: Canada's First National Internment Operations and the Ukrainian Canadians 1914—1920. Kingston, Ontario, 1988.

³ *Гессен В.М.* Подданство, его установление и прекращение. СПб., 1909. С. 95; *Borchard E.M.* Enemy Private Property // American Journal of International Law. 1924. Vol. 18. No. 2. P. 523—532; *Spiropoulos J.* Ausweisung und Internierung. S. 1—15; *Garner J.W.* International Law and the World War. London, 1920. Vols. 1—2; *Garner J.W.* Treatment of Enemy Aliens: Measures in Respect to Personal Liberty // American Journal of International Law. 1918. Vol. 12. No. 1. P. 27—55; Die Zivilgefangenen // Völkerrecht im Weltkrieg. Berlin, 1927. Vol. 3. Part 2. S. 719—826.

⁴ В течение войны Франция интернировала около 60 тыс. гражданских лиц из числа подданных враждебных стран, Великобритания — 30 тыс., Германия — 110 тыс., США — 2300, Австралия — 4500. К сожалению, отсутствуют крайне важные цифры для Габсбургской и Османской империй. *Doegen W.* Kriegsgefangene Völker: Der Kriegsgefangenen Haltung und Schicksal in Deutschland. Berlin, 1919. Таблица G; *Spiropoulos J.* Ausweisung und Internierung. S. 67, 78, 90—92; *Speed R.B.* Prisoners, Diplomats, and the Great War: A Study in the Diplomacy of Captivity. London, 1990. P. 146; *Farcy J.-C.*

Les camps de concentration. P. 129; *Nagler J.* Victims of the Home Front: Enemy Aliens in the United States During the First World War // *Minorities in Wartime*. P. 191—215.

⁵ *Sanborn J.* Military Reform, Moral Reform, and the End of the Old Regime // *Military and Society in Russian History, 1450—1917* / Eds. M. Poe, E. Lohr. Amsterdam, 2002. Санборн показывает, что реформаторы российской армии с 1870-х гг. и далее были весьма обеспокоены наличием указанной связи и сознательно пытались содействовать большему развитию национального самосознания и национального чувства среди солдат и народа в целом.

⁶ *Howard M.* War in European History. New York, 1976.

⁷ Крупнейшей операцией по числу пострадавших граждан враждебных государств в XIX в. стало интернирование 30 тыс. немцев во Франции в 1870 г. Через три недели после этой операции Франция пожаловалась на бунт международного негодования и под дипломатическим давлением вынуждена была объявить об освобождении интернированных. *Spiropulos J.* Ausweisung und Internierung. S. 46; *Александренко В. Н.* О высылке иностранцев // Журнал Министерства юстиции. 1905. Т. 5. Отд. 2. С. 35—69.

⁸ *Gainer B.* The Alien Invasion: The Origins of the Aliens Act of 1905. London, 1972; *Torpey J.* The Invention of the Passport: Surveillance, Citizenship and the State. Cambridge, 2000.

⁹ О различных изменениях значения термина «инородец» см.: *Slocum J. W.* Who, and When, Were the *Inorodtsy*? The Evolution of the Category of 'Aliens' in Imperial Russia // *Russian Review*. 1998. Vol. 57. P. 173—190 [*Слокум Д. У.* Кто и когда были «инородцами»? Эволюция категории «чужие» в Российской империи // *Российская империя в зарубежной историографии: работы последних лет: антология* / Сост. П. Верт и др. М., 2005. — *Прим. пер.*]. Разъяснения по использованию данного термина накануне войны см. в ст.: *Штейнберг Л.* Инородцы: Общий обзор // *Формы национального движения в современных государствах* / Ред. А. И. Кастелянский. СПб., 1910. С. 531. Определение «инородец» редко использовалось в пропагандистско-агитационных кампаниях во время войны, возможно потому, что принявшие российское подданство немцы, находившиеся в центре подобных кампаний, номинально инородцами не являлись.

¹⁰ *Kappeler A.* Russland als Vielvölkerreich: Entstehung, Geschichte, Zerfall. Munich, 1992 [*Каннелер А.* Россия — многонациональная империя: Возникновение, история, распад. М., 1997 — *Прим. пер.*]; *The Formation of National Elites* / Ed. A. Kappeler. New York, 1992; *Saunders D.* The Ukrainian Impact on Russian Culture, 1750—1850. Edmonton, 1985; *Kohut Z. E.* Russian Centralism and Ukrainian Autonomy: Imperial Absorption of the Hetmanate, 1760s—1830s. Cambridge, 1988; *Stone D.* Polish Politics and National Reform, 1775—1788. Boulder, New York, 1976.

¹¹ *Bartlett R.* Human Capital: The Settlement of Foreigners in Russia, 1762—1804. Cambridge, New York, 1979; *Brandes D.* Von den Zaren Adoptiert: Die

Deutschen Kolonisten und die Balkansiedler in Neurussland und Bessarabien 1751—1914. München, 1993; *Ковба Ж.М.* Чеська еміграція на Україні у другій половині XIX — на початку XX сторіччя. Дисс. ... канд. ист. наук. Львов, 1974; *Stumpp K.* Die Auswanderung aus Deutschland nach Russland in den Jahren 1763 bis 1862. Tübingen, 1972. К 1914 г. число подданных Российской империи, утверждавших, что немецкий является их родным языком, составляло около 2,5 млн. человек. См.: *Кабузан В.М.* Немецкое население в России в XVIII — начале XX в. (численность и размещение) // Вопросы истории. 1989. № 12. С. 18—29.

¹² *Anderson B.* Internal Migration during Modernization in Late Nineteenth Century Russia. Princeton, 1980; *Оболенский В.В.* Международные и межконтинентальные миграции; *Brubaker R.* Aftermaths of Empire and the Unmixing of Peoples // *Ethnic and Racial Studies*. 1995. Vol. 18. No. 2. P. 189—218.

¹³ Об участии России в интернационализации экономической деятельности см.: *McKay J.* Pioneers for Profit: Foreign Entrepreneurship and Russian Industrialization 1885—1913. Chicago; London, 1970.

¹⁴ *Kann R.* The Multinational Empire: Nationalism and National Reform in the Habsburg Monarchy, 1848—1918. New York, 1950. Vol. 2. Об этом аспекте советской национальной политики см.: *Slezkine Y.* The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // *Slavic Review*. 1994. Vol. 53. No. 2. P. 414—452 [*Слезкин Ю.* СССР как коммунальная квартира, или Каким образом социалистическое государство поощряло этническую обособленность // *Американская русистика*. Самара, 2001. — *Прим. пер.*].

¹⁵ О провалившихся российских проектах децентрализации и федеративной системы см.: *Mohrenschildt D. von.* Toward a United States of Russia: Plans and Projects of Federal Reconstruction of Russia in the Nineteenth Century. Rutherford, 1981; *Rauch G. von.* Russland: Staatliche Einheit und nationale Vielfalt: Föderalistische Kräfte und Ideen in der russischen Geschichte. Munich, 1953.

¹⁶ *Weeks T.* Nation and State in Late Imperial Russia: Nationalism and Russification on the Western Frontier. DeKalb, 1996. P. 3—18; Russification in the Baltic Provinces and Finland, 1855—1914 / Ed. E.C. Thaden. Princeton, 1981. P. 3—9.

¹⁷ *Rogger H.* Nationalism and the State: A Russian Dilemma // *Comparative Studies in Society and History*. Hague, 1961/62. Vol. 4. No. 3. P. 253—254.

¹⁸ Эта идея является «классикой национализма» в интерпретации Романом Шпорлюком воззрений Фридриха Листа как предтечи националистической идеологии. См.: *Szporluk R.* Communism and Nationalism: Karl Marx versus Friedrich List. New York, 1988.

¹⁹ *Quataert D.* Social Disintegration and Popular Resistance in the Ottoman Empire, 1881—1908. New York, 1983; *Gerth K.* Nationalizing Consumption, Consuming Nationalism: The National Products Movement in China, 1905—

1937. Ph.D. diss. Harvard University, 2000; *Kasaba R.* The Ottoman Empire and the World Economy — The Nineteenth Century. Albany, 1988. P. 105—116; Christians and Jews in the Ottoman Empire: The Functioning of a Plural Society / Eds. B. Braude, B. Lewis. New York; London, 1982. P. 261—338; *Pamuk S.* The Ottoman Empire and European Capitalism, 1820—1913: Trade, Investment, and Production. Cambridge; New York, 1987; *Shaw S.J., Shaw E.K.* History of the Ottoman Empire and Modern Turkey. Cambridge, 1977. Vol. 2: Reform, Revolution, and Republic: The Rise of Modern Turkey, 1808—1975; *Sousa N.* The Capitulatory Regime of Turkey: Its History, Origin and Nature. Baltimore, 1933. Данная ситуация во многих чертах схожа с недавними событиями в Индонезии и Малайзии, где китайская коммерческая диаспора стала объектом негодования «коренной» национальности, а также в других контекстах, когда торговые диаспоры преследуются местным населением как занимающие господствующее положение в обществе. См.: *Essential Outsiders: Chinese and Jews in the Modern Transformation of Southeast Asia and Central Europe* / Eds. D. Chirot, A. Reid. Seattle; London, 1997. P. 61.

²⁰ Обзор историографических тенденций по этой проблеме см. в работе: *Jones G., Gerenstain G.* Introduction // *Ol' P.V.* Foreign Capital in Russia. New York, 1983, а также в Гл. 3 данного изд.

²¹ *Holquist P.* To Count, To Extract, To Exterminate: Population Statistics and Population Politics in Late Imperial and Soviet Russia // *A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin* / Eds. R.G. Suny, T. Martin. Oxford, 2001. P. 111—144; *Idem.* 'Information is the Alpha and Omega of Our Work': Bolshevik Surveillance in Its Pan-European Context // *The Journal of Modern History*. 1997. Vol. 69. P. 415—450 [*Холквист П.* «Осведомление — это алфа и омега нашей работы»: Надзор за настроениями населения в годы большевистского режима и его общеевропейский контекст // *Американская русистика*. Самара, 2001. С. 45—93. — *Прим. пер.*]; *Idem.* What's so Revolutionary about the Russian Revolution? State Practices and the New-Style Politics, 1914—21 // *Russian Modernity: Politics, Knowledge, Practices* / Eds. D. Hoffman, Y. Kotsonis. New York, 2000. P. 87—111.

²² *Dunlop J.B.* The Rise of Russia and the Fall of the Soviet Union. Princeton, 1995; *Brudny Y.M.* Reinventing Russia: Russian Nationalism and the Soviet State, 1953—1991. Cambridge, 1998; *Brandenberger D.* National Bolshevism: Stalinist Mass Culture, Russocentrism and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931—1956. Cambridge, 2002; *Shaw S.J., Shaw E.K.* History of the Ottoman Empire; *Deak I.* The Habsburg Army in the First and Last Days of World War I: A Comparative Analysis // *War and Society in East Central Europe* / Eds. B.K. Kiraly, N.F. Dreisiger. New York, 1985; *Meyer H.C.* Mitteleuropa in German Thought and Action, 1815—1945. The Hague, 1955; *Budding A.H.* Serb Intellectuals and the National Question, 1961—1991. Ph.D. diss. Harvard University, 1998.

²³ Автор одного из лучших недавних исследований этой проблемы приходит к выводу, что русский патриотизм и национализм были

изначально ущербными и сыграли лишь негативную роль в революции, в основном по причинам «отсутствия общезначимой национальной идентичности». *Jahn H.F. Patriotic Culture in Russia During World War I.* Ithaca; London, 1995. P. 177. В том же ключе рассуждает и Джеффри Хоскинг в своем фундаментальном исследовании о русских внутри империи и утверждает, что имперская государственная структура препятствовала формированию русской нации, а также скептически комментирует представление о могучем русском национальном вызове имперскому государству. *Hosking G. Russia: People and Empire, 1552—1917.* Cambridge, 1997 [*Хоскинг Д. Россия: Народ и империя (1552—1917).* Смоленск, 2000. — *Прим. пер.*]. Замечательный анализ проблемы крестьянской национальной идентичности, подвергающий сомнению распространенное мнение о ее недостаточности у крестьян и подчеркивающий значимость национального дискурса во время войны, можно найти в работе: *Sanborn J. The Mobilization of 1914 and the Question of the Russian Nation: A Re-Examination // Slavic Review.* 2000. Vol. 59. No. 2. P. 267—289.

²⁴ *Hagen M. von. The Great War and the Mobilization of Ethnicity // Post-Soviet Political Order: Conflict and State-Building / Eds. B.R. Rubin, J. Snyder.* London; New York, 1998. P. 34—57.

²⁵ *Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism.* London, 1983. P. 83 [*Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма.* М., 2001. — *Прим. пер.*]

²⁶ *Brubaker R. Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe.* Cambridge, 1996. P. 20 [см.: *Брубейкер Р. Мифы и заблуждения в изучении национализма // Ab Imperio.* 2000. № 2. С. 247—268. — *Прим. пер.*].

²⁷ *Ibid.* P. 19. См. также: *Dragunskii D.V. Imposed Ethnicity // Russian Social Science Review.* 1995. (March—April). P. 71—75.

²⁸ *Sanborn J. The Mobilization of 1914.* Санборн уделяет несколько больше внимания, чем я в этой работе, мобилизационной системе per se как показателю существования «нации» и «национализма». Общественная мобилизация против вражеских подданных до некоторой степени поддерживает данный аргумент как попытка настроить российских граждан в целом против иностранцев, а также натравить ряд надежных национальностей на несколько враждебных этнических меньшинств. Я чаще использую термин «национализация» как относящийся к определению этнических групп и ограничиваюсь более узкой, российской тематикой.

²⁹ Наилучшее изложение событий военного периода с описанием двух основных целей кампании против враждебных подданных можно найти в работах: *Fleischhauer I. Die Deutschen im Zarenreich: Zwei Jahrhunderte deutsch-russische Kulturgemeinschaft.* Stuttgart, 1986; *Löwe H.-D. The Tsars and the Jews: Reform, Reaction and Anti-Semitism in Imperial Russia, 1772—1917.*

Chur: Switzerland, 1993; *Dubnow S.* History of the Jews in Russia and Poland, From the Earliest Times until the Present Day. Philadelphia, 1920. Vol. 3.

³⁰ *Gatrell P.* Refugees in the Russian Empire, 1914—1917 // *Critical Companion to the Russian Revolution 1914—1921* / Eds. E. Acton, V.I. Cherniaev, W.G. Rosenberg. Bloomington, 1997. P. 554—564; *Idem.* A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I. Bloomington, 1999. P. 195—197.

Глава 1. Националистические вызовы, имперские дилеммы

¹ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 215. Оп. 1. Д. 174. Л. 180.

² Русские подданные в Германии и Австро-Венгрии во время войны // Русские ведомости. 1914. 22 июля.

³ Цит. по: Речь. 1914. 22 июля.

⁴ Жандармские донесения и отчеты об этих манифестациях см.: ГАРФ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 99. См. также: *Кирьянов Ю.И.* Демонстрации рабочих в 1914 г. — феврале 1917 г. // *Рабочий класс в капиталистической России.* М., 1992. С. 72.

⁵ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1282. Оп. 3. Д. 707 (Всеподданнейшие адреса различных учреждений, обществ и организаций Николаю II).

⁶ Государственная Дума, 1906—1917. Стенографические отчеты. М., 1995. Т. 4. С. 23—24. Немецкоязычная пресса Российской империи была единодушна в выражении поддержки войны и энтузиазма по поводу «объединения русского общества». См.: *Volkszeitung.* 1914. 27 июля. Этот номер содержит выдержки из других немецких газет, издававшихся в России.

⁷ Чрезвычайное заседание С.-Петербургской городской думы // Речь. 1914. 25 июля.

⁸ *Александров А.* (член Государственной Думы). Они ошиблись... // Речь. 1914. 23 июля.

⁹ Неплохой обзор по этой тематике см. в Главе 2 («Union Sacrée») кн.: *Pearson R.* The Russian Moderates and the Crisis of Tsarism 1914—1917. London, 1977. См. также: *Winter J., Robert J.-L.* Capital Cities at War: Paris, London, Berlin, 1914—1919. Cambridge, 1997; *Der Geist von 1914: Zerstörung des universalen Humanismus?* Rehburg-Loccum, 1990; *Verhey J.* The 'Spirit of 1914': The Myth of Enthusiasm and the Rhetoric of Unity in World War I. Ph.D. diss. University of California, Berkeley, 1992.

¹⁰ *Sanborn J.* The Mobilization of 1914 and the Question of the Russian Nation: A Re-Examination // *Slavic Review.* 2000. Vol. 59. No. 2. P. 267—289.

¹¹ Разгром немецкого посольства // Речь. 1914. 23 июля.

¹² Манифестации против Германии // Русские ведомости. 1914. 23 июля; *Anti-German Riots: Fierce Russian Onslaught on the Embassy* // *The Times* (London). 1915. 5 August. ГАРФ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 99. Л. 38 (Начальник

Петроградского жандармского управления Попов — Джунковскому, 23 июля 1914 г.). Один 58-летний германский подданный был найден в здании посольства после погрома мертвым и изуродованным. См.: Убийство в германском посольстве // Речь. 1914. 24 июля.

¹³ ГАРФ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 99. Л. 39 (Начальник Петроградского жандармского управления Попов — Джунковскому, 24 июля 1914 г.).

¹⁴ ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 174. Л. 28 (Циркуляр министра внутренних дел Маклакова всем губернаторам и градоначальникам, 21 июля 1914 г.). Этот важный циркуляр формулировал данную дилемму в том смысле, что правительству необходимо следовать стратегии сохранения единства общества в общем патриотическом порыве, при этом не отдаляя население от властей, чтобы они совместно стремились к поддержанию порядка в империи.

¹⁵ *Лекомцев М.Г.* Формы борьбы рабочих центрального промышленного района в годы Первой мировой войны (июль 1914 — февраль 1917). Дисс. ... канд. ист. наук. Институт истории РАН. М., 1991. С. 165.

¹⁶ РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 132. Л. 1—2 об. (Министр внутренних дел Маклаков — Горемыкину, 22 ноября 1914 г.). Большую часть убытков понесли шесть датских и одна английская фирма. Согласно отчетам, погромщики ошибочно приняли их за немецкие.

¹⁷ См.: *Sanborn J.* Drafting the Nation: Military Conscription and the Formation of a Modern Polity in Tsarist and Soviet Russia, 1905—1925. Ph.D. diss. University of Chicago, 1998; *Idem.* The Mobilization of 1914.; *Kuromiya H.* Freedom and Terror in the Donbas: A Ukrainian-Russian Borderland, 1870s—1990s // Cambridge Russian, Soviet and Post-Soviet Studies. New York, 1998. No. 104; Рабочее движение на Украине. / Ред. И.Т. Щербина. С. 11—17; ГАРФ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 99. Л. 24 (Полковник Пожого — Джунковскому, 20 июля 1914 г.).

¹⁸ ГАРФ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 92. Л. 2—42 (Коллекция материалов, относящихся до настроения прибалтийского населения к военным действиям [собранный в связи с ревизией Джунковского]). Газетные отчеты опубликованы в кн.: *Тупин А.П.* Прибалтийский край и война: материалы из русской печати за август, сентябрь и октябрь 1914 г. Пг., 1914.

¹⁹ Материалы о миссии Джунковского см.: ГАРФ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 91 и 92.

²⁰ ГАРФ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 99. Л. 39 и далее.

²¹ *Кириянов Ю.И.* Демонстрации рабочих. С. 69. Намеренно искаженная интерпретация этих манифестаций советскими историками как «антивоенных» (!) была вскрыта Кирияновым. Многие из подобных «стачек» требовали лишь убрать из состава служащих граждан враждебных государств. См. также: *Кириянов Ю.И.* Были ли антивоенные стачки в России в 1914 году? // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 43—52.

²² Патриотические манифестации // Московские ведомости. 1914. 10 окт.

²³ ГАРФ. Ф. 102, Особый отдел (далее — ОО). Оп. 245. Д. 246. Ч. 1. Л. 57 (Маклаков — Адрианову, 21 октября 1914 г.).

²⁴ Там же.

²⁵ РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 36. Л. 18.

²⁶ Там же (Циркуляр, подписанный Адриановым, 10 октября 1914 г.).

²⁷ См.: Из черной книги российского еврейства // Еврейская старина. 1918. № 10. С. 195—296; *Lohr E.* The Russian Army and the Jews // *Russian Review*. 2001. Vol. 60. No. 3. P. 404—419; *Лоп Э.* Новые документы о российской армии и евреях во время Первой мировой войны // Вестник еврейского университета в Москве. 2003. № 8. С. 245—268.

²⁸ ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 524. Л. 2—3 (Исполняющий должность генерал-губернатора Варшавы — в Совет министров, 6 сентября 1914 г.).

²⁹ О военном положении и управлении см.: *Graf D.* The Reign of the Generals. Предисловие к описи 1 фонда 2005 (Военно-политическое и гражданское управление при Верховном главнокомандующем) РГВИА содержит краткое описание военной юрисдикции в вопросах гражданского управления. См. также приложение № 2 к кн.: Положение о полевом управлении войск в военное время. Пг., 1914; *Розенберг В.* Современные правоотношения к неприятельским поданным. Пг., 1915; *Данилов Ю.Н.* Россия в Первой мировой войне 1914—1915 гг. Берлин, 1924. С. 103.

³⁰ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1 (Предисловие).

³¹ РГВИА. Ф. 1759. Оп. 3. Доп. Д. 1433. Л. 57. Весьма примечательная карта 1913 г. содержит места расположения русских разведывательных пунктов по всей территории империи и за рубежом. Только в Киевском военном округе обозначено 57 центров, большинство из которых расположено вблизи границы. Карта демонстрирует 6 секретных разведывательных пунктов на территории Австро-Венгрии, в Галиции. Об отношении армии к слабости собственных органов контрразведки, выявленной в русско-японской войне, и о попытках исправить ситуацию см.: *Деревянко И.В.* «Шпионов ловить было некому...» // Военно-исторический журнал. 1993. № 12. С. 51—53.

³² РГВИА. Ф. 1343. Оп. 8. Д. 107. Л. 10—11. В 1909 г. варшавский генерал-губернатор потребовал от местных властей начать предоставление ежегодных отчетов о числе иностранцев, проживающих в губерниях бывшего Царства Польского, а также о любых подозрительных действиях в их среде. См.: ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 429. Л. 14.

³³ РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 106. Л. 1—21.

³⁴ Существует обширная литература по проблеме шпиономании в европейских странах, но в России этот важный и распространенный феномен практически не исследовался. См., например: *French D.* Spy Fever in Britain, 1900—1915 // *The Historical Journal*. 1978. Vol. 21. No. 2. P. 355—370; *Резанов А.С.* Немецкое шпионство. Пг., 1915.

³⁵ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 20. Л. 22—22 об. (Янушкевич — в Двинский военный округ, 14 октября 1914 г.)

³⁶ *Поливанов Н.Д.* О немецком засилии. Изд. 12-е. Пг., 1917.

³⁷ Уже в апреле 1914 г. Совет министров подготовил закон о государственной измене, который предполагал лишение иностранцев прав

судебной защиты в случае обвинения в шпионаже. Данный закон обсуждался в Думе в июне 1914 г., но так и не был одобрен большинством до начала войны. РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 106. Л. 1—21.

³⁸ Bakhmetieff Archives. Bark Memoirs. Ch. 14. P. 43; *Cherniavsky M.* Prologue to Revolution. New Jersey, 1967; *Нелупович С.* Генерал от инфантерии Н.Н. Янушкевич // Военно-исторический журнал. 1997. № 1. С. 42—53.

³⁹ *Bonch-Bruyevich M.D.* From Tsarist General to Red Army Commander. Moscow, 1966. P. 63—65.

⁴⁰ Аккерманская германо-турецкая эпопея // Новое время. 1914. 28 дек.

⁴¹ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 28. Л. 23—74.

⁴² См. две работы в его защиту: *Katkov G.* Russia 1917: The February Revolution. London: Longmans, 1967. P. 119—131 [*Катков Г.М.* Февральская революция. Париж: УМСА-Пресс, 1984. С. 135—147. — *Прим. пер.*]; *Шацилло К.Ф.* «Дело» полковника Мясоедова // Вопросы истории. 1967. № 4. С. 103—116.

⁴³ *Katkov G.* Russia 1917. P. 119.

⁴⁴ РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1973. Л. 1—7 (Доклад генерала Баранова для Высочайшего двора по обвинению в измене против Ренненкампа). Секретный доклад делал вывод, что Ренненкампа всегда был одаренным и храбрым военачальником, однако ввиду многочисленных слухов о том, что он бросил свою армию и бежал, его нельзя допустить к продолжению военной службы.

⁴⁵ Яркий контраст поддержке правой экстремистской печати составляло закрытие властями около 80 социалистических периодических изданий в первые дни войны. См.: *Бережной А.Ф.* Русская легальная печать в годы первой мировой войны. Л., 1975. С. 25.

⁴⁶ Подробный разбор способов, при помощи которых цензоры не давали еврейской и либеральной печати возможности опровергать клеветнические обвинения в шпионаже, а также защищали от критики армию в ее антисемитских акциях в течение первого года войны, см.: РГИА. Печатная записка 310: Военная цензура и еврейский вопрос, [нач. 1916 г.].

⁴⁷ *Smith C.J.* Miljukov and the Russian National Question // Russian Thought and Politics / Eds. H. McLean, et al. Cambridge, 1957.

⁴⁸ *Carleton J.H.H.* The Historical Evolution of Modern Nationalism. New York, 1950. P. 77—78.

⁴⁹ *Stockdale M.* Russian Liberals and the Contours of Patriotism in the Great War // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. М., 1999. С. 283—292.

⁵⁰ См.: *Шелохаев В.В.* Теоретические представления российских либералов о войне и революции (1914—1917) // Первая мировая война — дискуссионные проблемы истории. М., 1994. С. 190; *Он же.* Национальный вопрос в России: либеральный вариант решения // Кентавр. 1993. № 3. С. 100—115.

⁵¹ Один из лидеров Союза русского народа В.М. Пуришкевич даже сотрудничал с немецкими колонистами во время предвыборной кампании в IV Думу в Бессарабии. См.: *Schmidt C. Russische Presse und Deutsches Reich 1905—1914*. Cologne; Vienna, 1988.

⁵² См.: *Rosen R.R., baron. Forty Years of Diplomacy*. New York, 1922. Vol. 2. P. 83—86; *Муравьев М.В.* Немцы в России (Материалы для ориентации). М., 1917. С. 65; *Lieven D.C.B.* Pro-Germans and Russian Foreign Policy // *International History Review*. 1980. No. 2. P. 34—54.

⁵³ Текст документа см.: *Documents of Russian History, 1914—1917* / Ed. F.A. Golder. New York; London, 1927. P. 3—23 [*Дурново П.Н.* Записка П.Н. Дурново. Париж, [1914]. — *Прим. пер.*]. Об историческом контексте и значении этого документа см.: *McDonald D.M.* The Durnovo Memorandum in Context // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1996. Vol. 44. P. 481—502.

⁵⁴ РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 707.

⁵⁵ См. четкое выражение подобных взглядов лидером фракции правых в Государственной Думе: *Хвостов А.Н.* Письмо к издателю // *Новое время*. 1915. 30 мая.

⁵⁶ Тема борьбы с немецким засильем была центральной в попытках правых объединить свои столь разрозненные организации в течение войны. См.: ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 38. Л. 28—31.

⁵⁷ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 632. Серьезные доводы в пользу того, что предвоенный антисемитизм основывался на подобных антимодернизационных настроениях, см.: *Löwe H.-D.* Antisemitismus und reaktionäre Utopie: Russischer Konservatismus im Kampf gegen den Wandel von Staat und Gesellschaft, 1890—1917. Hamburg, 1978. См., например: Немецкое засилье на Московско-Казанской линии // *Русское знамя*. 1916. 26 февр.

⁵⁸ После своего назначения Хвостов сразу провозгласил борьбу против немецкого засилья и инфляции в качестве двух из трех главнейших проблем, угрожающих существованию России и русским как нации. РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 29. Л. 12 об. — 15; *Суворин М.* Из недавнего прошлого: Беседа с министром внутренних дел А.Н. Хвостовым // *Былое*. 1917. № 1. С. 62; *Семенников В.П.* Романовы и германские влияния во время Первой мировой войны. М., 1929. С. 80—94; *Lincoln W.B.* A Passage Through Armageddon: The Russians in War and Revolution. New York; Oxford, 1994. P. 206—207. О теориях заговора банкиров и евреев см.: *Aronsfeld C.C.* Jewish Bankers and the Tsar // *Jewish Social Studies*. 1973. Vol. 35. P. 87—104. Подобные теории далеко не во всем противоречили идеям крайних левых во время войны. Значимость данной проблемы была подтверждена решением Ленина именно в 1916 г. опубликовать свою основную работу по империализму, в которой он разоблачал эксплуататорскую сущность международного финансового капитала и монополий практически в тех же выражениях, что и Хвостов, за вычетом антисемитизма. См.: *Lenin V.I.* Imperialism: The Highest Stage of Capitalism. New York, 1985. С. 64 [*Ленин В.И.* Империализм, как высшая стадия капитализма: (Популярный очерк) // *Ленин В.И.* Избранные произведения: В 3 т. М.: Политиздат, 1971. Т. 1. С. 638—742. — *Прим. пер.*].

⁵⁹ РГИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1504. Л. 5—7об.

⁶⁰ Коренник: Монархический-патриотический еженедельник. 1916. № 1. С. 5.

⁶¹ *Lohr E.* The Russian Press and the 'Internal Peace' at the Outbreak of World War I // *A Call to Arms: Propaganda, Public Opinion, and Newspapers in the Great War* / Ed. T.R.E. Paddock. Westport, 2004; *Тоболин И.* Рептильный фонд 1914—1916 гг. // Красный архив. 1941. Т. 105. С. 332—338; *Бережной А.Ф.* Русская легальная печать. С. 25; РГИА. Ф. 776. Оп. 1. Д. 44. Л. 40—40об.

⁶² Консерваторы-традиционалисты, конечно, не симпатизировали евреям, немцам, иностранцам и другим чужеродным элементам, и многие из них демонстрировали явно антисемитские и ксенофобские взгляды в своих воспоминаниях и переписке. Однако в основном лишь у крайних правых антисемитизм открыто выставлялся напоказ. У некоторых членов правых организаций еврейские заявления о лояльности и поступлении на военную службу вызвали даже недолговечные ответные декларации единения с евреями в общей борьбе. Газета «*Volkszeitung*» (Саратов) 31 августа 1914 г. утверждала, что лидеры ярых правых антисемитов в Думе, Пуришкевич и Замысловский, выражали подобные взгляды в первый месяц войны. Летом 1915 г. В.В. Шульгин возглавил отколовшуюся от партии националистов группу, назвавшуюся «прогрессивными националистами», которая среди прочего провозгласила поддержку русским подданным евреям и немцам при условии, что они верно служат России в действующей армии. См.: *Edelman R.* Gentry Politics on the Eve of the Russian Revolution: The Nationalist Party 1907—1917. New Brunswick, N.J., 1980. P. 228—229.

⁶³ *Ibid.* P. 202.

⁶⁴ Германские и австрийские фирмы в Москве на 1914 год. Указатель австро-венгерских и германских промышленно-торговых и торговых фирм в Москве, а равно и тех русских фирм, в составе коих имеются австрийские и германские подданные, по данным московских Купеческой и Ремесленной управ на 1914 г. М., 1915. С. 6.

⁶⁵ *Суворин Б.* Защитникам немецкого международного права // Новое время. 1914. 5 июля.

⁶⁶ *Costello D.R.* *Novoe Vremia* and the Conservative Dilemma, 1911—1914 // *Russian Review*. 1978. Vol. 37. P. 30—50.

⁶⁷ О довоенной истории московского купечества и его попытках укрепить и вывести на лучшие позиции русское предпринимательство см.: *Owen T.C.* *Capitalism and Politics in Russia: A Social History of the Moscow Merchants, 1855—1905.* New York, 1981; *Rieber A.* *Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia.* Chapel Hill, 1982.

⁶⁸ См. введение к кн.: Германские и австрийские фирмы в Москве на 1914 год. Крупная антиавстрийская манифестация 1913 г. в Петербурге закончилась тем, что толпа разбила витрины ряда немецких и австрийских магазинов. ГАРФ. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 1008.

⁶⁹ Российский государственный исторический архив г. Москвы (далее — РГИАМ). Ф. 3. Оп. 4. Д. 4355 (Документы Московского купеческого общества); Бойкот немецких товаров // Голос Москвы. 1914. 13 сент.

⁷⁰ Доклад Комиссии по выяснению мер борьбы с германским и австро-венгерским влиянием в области торговли и промышленности. Октябрь 1914 — апрель 1915 гг. М., 1915. Бесплатные экземпляры этого доклада широко распространялись в редакциях печатных изданий, среди членов Думы, чиновничества в центре и на местах, а также были направлены более чем в 100 биржевых комитетов и купеческих организаций по всей стране. Данный документ содержит длинные списки бойкотируемых товаров, а также подробное объяснение причин бойкота, прежде всего создание более «русской» экономики.

⁷¹ Бойкот немецких товаров // Новое время. 1915. 6 июня. Общество разослало и получило заполненными как минимум 95 анкет от местных биржевых комитетов с уточняющей информацией об уровне австро-германского и вообще иностранного влияния на местную экономическую жизнь и поощряло комитеты начать собственные аналогичные кампании. РГИАМ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 4268. Л. 2.

⁷² См.: РГИА. Ф. 23. Оп. 7. Д. 761. Л. 57 (Деятельность Московского купеческого общества относительно борьбы с немецким засильем); *Joffe M. Regional Rivalry and Economic Nationalism // Russian History. 1984. Vol. 11. P. 389—421.*

⁷³ Челноков наряду еще с несколькими довольно известными кадетами примкнул к партии прогрессистов в основном из-за проблемы немецкого влияния. Обзор кампании против «Общества 1886 года» см. в работах: Германия и русская электротехническая промышленность // Голос Москвы. 1914. 2 сент.; *Дякин В.С.* Германские капиталы в России: Электроиндустрия и электрический транспорт. Л., 1971.

⁷⁴ Будущее немецкое засилье // Голос Москвы. 1915. 5 мая.

⁷⁵ «Общество 1914 года» работало в тесном контакте с другими общественными организациями. «Общество экономического возрождения России» имело сходное происхождение и столь же определенные цели, но специализировалось в большей степени на экономических проблемах и исследованиях научного характера. Общество «Самодетельная Россия», основанное в феврале 1915 г., специализировалось на немецком влиянии в сфере образования и культуры. РГИА. Ф. 733. Оп. 196. Д. 982. Л. 2—20 (Устав общества «Самодетельная Россия», февраль 1915 г.); РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 14. Л. 30 («Общество 1914 года» — Ф.Ф. Трепову, 4 июня 1916 г.).

⁷⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 73. Д. 235. Л. 13.

⁷⁷ Отчет Совета о деятельности «Общества 1914 года» за 1915 г. Пг., 1916.

⁷⁸ См., например: Открытое письмо Совета «Общества 1914 года» гг. членом Государственной Думы 15 июля 1916 г. Пг., [1916].

⁷⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 73. Д. 235. Л. 18 (Директор Департамента полиции — А.А. Катенину, 15 июля 1915 г.).

⁸⁰ Задачи, программа и деятельность торгово-промышленного отдела «Общества 1914 года» в 1915 г. Пг., 1916; Устав Общества потребителей при «Обществе 1914 года». Пг., 1916.

Глава 2. Московские беспорядки и другие народные волнения

¹ На самом деле «немецкая» фирма Мандля давным-давно заменила собой фирму братьев Марс и находилась в совместном русско-австрийском владении, а «немка» великая княгиня была родом из Дании.

² ОР РГБ. Ф. 261. Кар. 20. Д. 6 (Харламов Н.П. Записки бюрократа: Борьба с немецким засильем во время русско-германской войны 1914—1916 гг. Воспоминания). Л. 61 об. — 62. Основными источниками последующего анализа погрома послужили воспоминания Н.П. Харламова и секретный официальный отчет сенатора И. Крашенинникова по итогам расследования погрома и его причин: РГИА. Ф. 1405. Оп. 533. Д. 2536. Л. 1—15 об. (Отчет сенатора Крашенинникова Правительствующему Сенату, 10 сентября 1915 г.). Эти источники дополняют друг друга. Харламов, член совета при МВД, был направлен Джунковским в Москву 29 мая для проведения расследования причин погрома; две недели спустя он и его группа следователей из трех человек были подчинены сенатору Крашенинникову. Харламов за время расследования опросил более ста чиновников и других лиц и собрал множество ценных данных. Наиболее полный отчет о событиях в печати см.: Разгром немецких магазинов // Русские ведомости. 1915. 31 мая; Арсеньев К. На тему дня // Вестник Европы. 1916. Кн. 2. С. 363—368. Беллетризованное описание погрома см.: Solzhenitsyn A. November 1916: The Red Wheel. Knot II. New York, 1999. P. 92—95 [Солженицын А.И. Красное колесо. Узел II: Октябрь шестнадцатого. М., 1993. Т. 3. С. 111—115. — Прим. пер.].

³ ОР РГБ. Ф. 261. Кар. 20. Д. 6. Л. 62.

⁴ Обеспокоенность Франции судьбой этой категории населения в России была до некоторой степени лицемерной, учитывая, что многие жители Эльзаса и Лотарингии находились во Франции под особым подозрением, а некоторые были интернированы из-за угрозы участия в военных действиях на стороне Германии. См.: The Kiss of France: The Republic and the Alsations during the First World War // Minorities in Wartime. P. 21—49.

⁵ ГАРФ. Ф. 63 (1915 г.). Д. 1325. Л. 521.

⁶ ОР РГБ. Ф. 261. Кар. 20. Д. 6. Л. 62.

⁷ Там же. Л. 63об.

⁸ РГИА. Ф. 1405. Оп. 533. Д. 2536. Л. 3об.

⁹ Компания Шрадера была торговой фирмой, работавшей с изделиями из шерсти. Фирма была основана в 1907 г. с уставным капиталом в 3 млн. руб. при участии 600 пайщиков, только 96 из которых были германскими подданными. Все ее управляющие были российскими подданными, 11 членов

семьи Шрадеров находились в действующей русской армии, фирма также имела 8 крупных контрактов на поставку обмундирования для армии. В октябре 1917 г. Министерство торговли и промышленности все же ликвидировало 96 паев вражеских подданных этой фирмы. РГИА. Ф. 23. Оп. 28. Д. 2497. Л. 1—10.

¹⁰ ОР РГБ. Ф. 261. Кар. 20. Д. 6. Л. 64.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Л. 64 об.

¹³ Там же.

¹⁴ Последующее описание основано на изложении хода этого заседания, представленном Харламовым. Там же. Л. 65.

¹⁵ РГИА. Ф. 1405. Оп. 533. Д. 2536. Л. 9об.

¹⁶ *Меницкий И.И.* Рабочее движение и социал-демократическое подполье Москвы в военные годы (1914—1917). М., 1923. С. 123.

¹⁷ Заявление № 174 // Приложения к Стенографическим отчетам Государственной Думы. Пг., 1915. Четвертый созыв. Сессия 4-я. № 27. Л. 2. Данный отчет упоминает лишь о трех погибших с указанием их фамилий. Число погибших было, несомненно, больше. Газета «Московские ведомости» сообщала еще о трех неопознанных телах, выловленных в Москве-реке в течение недели после погрома. Кроме того, отчет не упоминал о двух приказчиках, убитых вечером 27 мая.

¹⁸ Весьма нелегко сравнивать московские беспорядки с основными известными крупными еврейскими погромами, поскольку ни один из них не сопровождался столь подробным расследованием с подсчетом нанесенного ущерба, как майский погром 1915 г.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 102 (ОО). Оп. 245. Д. 246. Ч. 1. Л. 71—80.

²⁰ Эта сумма получена путем вычитания рассмотренных претензий российских подданных, а также подданных союзных и нейтральных стран из подсчета суммы общего ущерба, произведенного Московской городской думой и составившего 70 млн. руб. См.: ГАРФ. Ф. р-546. Оп. 1. Д. 1. Л. 105—108 [Отчет основан на данных, собранных до Октябрьской революции Комиссией по подсчетам потерь населения, вызванных войной, при Министерстве финансов, 1917 г.].

²¹ Заявление № 174 // Приложения к Стенографическим отчетам Государственной Думы. Четвертый созыв. Сессия 4-я. № 27. Л. 2. Эти подсчеты не включают потери от порчи оборудования, а также потерю выручки за период вынужденного закрытия и от травмирования персонала. ГАРФ. Ф. 546-р. Оп. 1. Д. 1. Л. 105—108; там же. Д. 8. Л. 2—3 (Отдел по финансовым вопросам Государственного казначейства РСФСР. Специальная секция по финансовым вопросам, стоящим в связи с осуществлением Брестского договора, б.д. [1918]). Газеты обычно помещали в статьях о событиях оценку ущерба на сумму в 100 млн. руб. См.: *Ежов Н.* Московские настроения // Новое время. 1915. 3 июля.

²² *Кириянов Ю.И.* «Майские беспорядки» 1915 г. в Москве // Вопросы истории. 1994. № 12. С. 137—150. См. также: ГАРФ. Ф. 63 (1915 г.). Д. 1325. Л. 278—280 (Отчет московского градоначальника, 10 июня 1915 г.); Путь к Октябрю: Сборник статей, воспоминаний и документов. М., 1923. Т. 3. С. 131—133. Точку зрения советской историографии см. в работе: История Москвы. М.: АН СССР, 1955. Т. 5. С. 316.

²³ *McDermid J., Hillyar A.* Women and Work in Russia, 1880—1930. London; New York, 1998. P. 144.

²⁴ *Любаров П.Е.* Торговые рабочие и служащие в годы Первой мировой войны // Рабочий класс в капиталистической России. М., 1992. С. 110—124.

²⁵ Обзор весьма сложных взаимоотношений рабочих и мастеров в российской промышленности до и во время войны см.: *Smith S.A.* Workers against Foremen in St. Petersburg, 1905—1917 // Making Workers Soviet: Power, Class and Identity / Eds. L.H. Siegelbaum, R.G. Suny. Ithaca, 1994.

²⁶ ОР РГБ. Ф. 261. Кар. 20. Д. 6. Л. 65.

²⁷ Там же. Л. 65 об.

²⁸ Заявление № 174 // Приложения к Стенографическим отчетам Государственной Думы. Четвертый созыв. Сессия 4-я. № 27. Л. 2.

²⁹ Миниатюры // Русские ведомости. 1915. 31 мая.

³⁰ Последние исследования оспаривают известный довод о причастности правительства к организации еврейских погромов, по крайней мере для высшей бюрократии. По мнению Михаила Окса (Ochs), «в умах российской бюрократии государственная монополия на насилие была неприкосновенна». См. его статью в сб.: *Pogroms: Anti-Jewish Violence in Modern Russian History* / Eds. J.D. Klier, S. Lambroza. Cambridge, 1992. P. 185. О «парадигме погрома» см. статью Джона Клиера (Klier) в том же сборнике. Другие авторы данного сборника также солидарны с выводами Окса о том, что правительство напрямую не поддерживало и не организовывало погромов. См. также: *Judge E. Easter in Kishinev: Anatomy of a Pogrom.* New York, 1992.

³¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265 (Перлюстрация). Д. 1027. Л. 503, 534 и Д. 1042. Л. 18.

³² *Paleologue M.* An Ambassador's Memoirs. London, 1925. Vol. 1. P. 347 [*Палеолог М.* Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 177. — *Прим. пер.*].

³³ Государственная Дума. Стенографические отчеты. Пг., 1915. Четвертый созыв. Сессия 4-я. Заседание 3 августа 1915 г. Стб. 414.

³⁴ Известия Московской городской думы // 1915. 29 мая. Приложение № 15.

³⁵ *Арсеньев К.* На тему дня // Вестник Европы. 1916. № 2. С. 363—368; *Мартынов А.П.* Моя служба в Отдельном корпусе жандармов: воспоминания / Ред. Р. Врага. Стэнфорд, 1972. С. 271.

³⁶ Ряд думских речей по данному вопросу см.: Государственная Дума. Стенографические отчеты. Пг., 1915. Заседание 3 августа 1915 г.

³⁷ ОР РГБ. Ф. 261. Кар. 20. Д. 6. Л. 62 об. Та же цитата помещена в статье Арсеньева: *Арсеньев К.* На тему дня // Вестник Европы. 1916. № 2. С. 365.

³⁸ ГАРФ. Ф. 102, II. Оп. 73, ч. 1. Д. 58. Л. 7 (Инструкции сенатору Крашенинникову, июнь 1915 г.).

³⁹ Уход московского градоначальника // Русские ведомости. 1915. 2 июня.

⁴⁰ Bakhmetieff Archives. Bark Memoirs. Ch. 14.

⁴¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 533. Д. 2536. Л. 1—15 об. По данным Харламова, итоговый отчет по материалам расследования Крашенинникова был засекречен и распространен лишь в пяти экземплярах. ОР РГБ. Ф. 261. Кар. 20. Д. 6.

⁴² РГИА. Ф. 1405. Оп. 533. Д. 2536. Л. 15.

⁴³ Там же. Л. 10—10 об.

⁴⁴ *Кириянов Ю.И.* Демонстрации рабочих в 1914 г. — феврале 1917 г. С. 67—109.

⁴⁵ РГИА. Ф. 1405. Оп. 533. Д. 2536. Л. 11 об. — 12 об.

⁴⁶ Там же. Л. 9 об.

⁴⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265 (Перлюстрация). Д. 1027 и 1042.

⁴⁸ Из истории рабочего движения во время мировой войны (Стачечное движение в Костромской губ.) // Красный архив. 1934. Кн. 67. С. 5—27; *Флеер М.Г.* Рабочее движение в годы войны. М., 1925. С. 207—214.

⁴⁹ *Koenker D., Rosenberg W.* Strikes and Revolution in Russia. Princeton, 1989. P. 59.

⁵⁰ Приказать солдатам стрелять в толпу было очень рискованным шагом. Восстание солдат петроградского гарнизона в феврале 1917 г. стало важнейшим этапом в перерастании уличных манифестаций и забастовок в полномасштабную революцию. Учитывая, что московский гарнизон, как и петроградский в 1917 г., в основном состоял из слабо обученных новобранцев и небольшого числа солдат старших возрастов сомнительной благонадежности, нерешительность Адрианова в вопросе о том, посылать ли их на улицы, выглядит более правомерно.

⁵¹ ОР РГБ. Ф. 261. Кар. 20. Д. 6. Л. 54.

⁵² Воспоминания рабочего активиста, социал-демократа Ш.Н. Ибрагимова подтверждают, что среди рабочих в то время было широко распространено убеждение в том, что вел. кн. Елизавета Федоровна является яркой заступницей немцев. См.: *Путь к Октябрю*. Т. 5. С. 140.

⁵³ Совет министров, планируя отставку Юсупова, на протяжении всего лета 1915 г. жаловался на его демагогию и постоянные речи о немецких шпионах. *Cherniavsky M.* Prologue to Revolution. P. 32—34, 40.

⁵⁴ Приводя в подтверждение лишь косвенные источники, Кириянов утверждает, что особая партия внутри правящей элиты, возглавляемая вел. кн. Николаем Николаевичем и Юсуповым при поддержке Адрианова, допускала или даже организовывала погромы в рамках борьбы с другой влиятельной группой, стремившейся к прекращению войны путем заключения сепаратного мира с Германией. *Кириянов Ю.И.* «Майские беспорядки». С. 137—150.

⁵⁵ ГАРФ. Ф. 102 (ОО). Оп. 245. Д. 246, ч. 1. Л. 71—80 (Глава отдела МВД по охране общественного порядка в Москве — в Департамент полиции, 4 июня 1915 г.).

⁵⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265 (Перлострация). Д. 1042. Л. 17 (И. Дудченко — своему родственнику в Одессе, 30 мая 1915 г.). Подобные слухи основывались на традиционных стереотипах, связывавших вспышки холерных эпидемий с рабочими беспорядками. См.: *Friedgut T. Labor Violence and Regime Brutality in Tsarist Russia: The Iuzovka Cholera Riots of 1892 // Slavic Review. 1987. Vol. 46. № 2. P. 245—265.*

⁵⁷ *Panayi P. Anti-German Riots in Britain During the First World War // Racial Violence in Britain, 1840—1950 / Ed. P. Panayi. Leicester, 1993. P. 65—91.* О массовых беспорядках в Великобритании сообщали и российские газеты.

⁵⁸ ОР РГБ. Ф. 261. Кар. 20. Д. 6. Л. 65 об. — 66; РГИА. Ф. 1405. Оп. 533. Д. 2536. Л. 7 об. — 8. Фирмой Роберта Кентса владел российский подданный.

⁵⁹ Русские ведомости. 1915. 3 июня.

⁶⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 73. Д. 235. Л. 1—21; ОР РГБ. Ф. 261. Кар. 20. Д. 6. Л. 43 об., 50 об.; ГАРФ. Ф. 102 (ОО). Оп. 245. Д. 246, ч. 1. Л. 51—54 об. (Записка Челнокова, 4 июня 1915 г.).

⁶¹ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 615 (Записка кн. Юсупова о необходимости выслать из Москвы и Петрограда германских и австрийских подданных и остановить их принятие в российское подданство, 5—7 июля 1915 г.).

⁶² Излагается сокращенная версия журнала совещания. РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 24. Л. 414—417 (Записка о чрезвычайном заседании Совета министров в Ставке, 14 июня 1915 г.).

⁶³ ГАРФ. Ф. 102, II. Оп. 75. Д. 10, ч. 4. Л. 1, 5 об. Напряженность в отношениях между министерствами настолько усилилась, что Министерство финансов намеренно не информировало МВД о точном времени заседаний комитета, хотя представитель МВД обязан был присутствовать на заседаниях согласно законодательно оформленным правилам работы подобных комиссий и комитетов. Правила, выработанные комитетом для определения потерь, понесенных частными лицами во время погрома, см. в кн.: *Авербах О.И. Законодательные акты, вызванные войной 1914—1917 гг. Пг., 1915—1918. Т. 3. С. 556—600.*

⁶⁴ Хотя к концу 1916 г. комиссия приняла 763 заявления о возмещении ущерба на общую сумму 26 млн. руб., она признала необходимость выплаты лишь 11 млн. руб., причем в основном в форме беспроцентных займов, а не прямых выплат или дотаций. Это была лишь небольшая часть от общего ущерба, поскольку репрессивные законы запрещали многим пострадавшим даже подавать заявления о возмещении понесенных потерь. Претензии, признанные комиссией, поступили практически исключительно от российских подданных, и лишь 13 заявлений от вражеских подданных все же было рассмотрено, из которых менее половины признано заслуживающими компенсационных выплат из казны. Непосредственные выплаты постоянно откладывались, и к октябрю 1917 г. ни один из пострадавших денег не получил. Только после победы Германии и

подписания тяжелого Брест-Литовского мирного договора комиссия, продолжавшая существовать и при большевиках, была вынуждена ускорить темпы своей работы. К июню 1918 г. общая сумма компенсаций так и не была подсчитана, но приблизительно могла составить около 75 млн. руб. ГАРФ. Ф. р-546. Оп. 1. Д. 1. Л. 1—168 (Документы комиссии Министерства финансов для определения потерь, понесенных в результате московского погрома). Важнейшей частью как компенсационной, так и обвинительной кампаний против властей стал принципиальный судебный иск российского подданного бельгийского происхождения, писчебумажного фабриканта К. Шейблера, против Адрианова, Маклакова и Юсупова с требованием выплаты компенсации в 215 тыс. руб. Процесс вызвал большой ажиотаж в прессе как невиданное событие — частное лицо подало иск против столь известных и еще недавно могущественных представителей правящей элиты. Мне так и не удалось выяснить, было ли вынесено окончательное судебное решение по данному делу, которое в начале 1917 г. все еще не было рассмотрено. ГАРФ. Ф. 102, II. Оп. 75. Д. 10, ч. 4. Л. 37; Иск к бывшему министру Н.А. Маклакову // Утро России. 1915. 30 ноября.

⁶⁵ См.: *Panayi P. Anti-German Riots.*

⁶⁶ См., например.: Свод отчетов фабричных инспекторов за [1914—1916] гг. М., [1915—1917]; *Флеер М.Г.* Рабочее движение. С. 2—25; Рабочее движение на Украине в период Первой мировой империалистической войны (июль 1914 г. — февраль 1917 г.): Сборник документов и материалов / Ред. И.Т. Щербина. Киев, 1966. С. 21.

⁶⁷ Большое собрание подобных отчетов см.: ГАРФ. Ф. 58. Оп. 5. Д. 399, особенно Л. 6, 28, 38, 83, 84 об.

⁶⁸ ДАХО. Ф. 3. Оп. 287. Д. 4416. Л. 24 (Отчет Харьковского губернатора Департаменту полиции, 19 сентября 1914 г.). Благодарю Марка Бейкера (Baker) за информацию об этом документе.

⁶⁹ Там же. Д. 5038. Л. 19 (Ежемесячный отчет Харьковского губернатора Департаменту полиции, 21 июля 1915 г.).

⁷⁰ Собрание отчетов см.: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 245. Д. 247.

⁷¹ ГАРФ. Ф. 102 (ОО). Оп. 245. Д. 246, ч. 1. Л. 102.

⁷² Там же. Д. 247. Л. 1—3.

⁷³ Там же. Л. 12.

⁷⁴ РГИАМ. Ф. 16. Оп. 153. Д. 33. Л. 1, 15, 22, 29.

⁷⁵ ГАРФ. Ф. 102 (ОО). Оп. 245. Д. 247. Л. 61—63.

⁷⁶ Там же. Л. 13.

⁷⁷ РГВИА. Ф. 1759. Оп. 3. Д. 1420; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 245. Д. 247. Л. 27.

⁷⁸ Подборку подобных отчетов со всей страны см.: ГАРФ. Ф. 102, II. Оп. 73. Д. 162. Л. 3—155.

⁷⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 245. Д. 247. Л. 14.

⁸⁰ ГАРФ. Ф. 102, IV. Оп. 75. Д. 4, ч. 3, т. 2. Л. 1—3.

⁸¹ ГАРФ. Ф. 58. Оп. 5. Д. 389. Данное дело содержит подборку подобных отчетов начальников губернских жандармских управлений.

⁸² *Купцова И.В.* Художественная интеллигенция России (Размежевания и исход). СПб: Нестор, 1996.

⁸³ РГИА. Ф. 23. Оп. 28. Д. 545. Л. 1—2.

⁸⁴ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 24. Л. 407 (Министр иностранных дел — министру торговли и промышленности, 23 сентября 1915 г.).

⁸⁵ См. объемное дело жандармских отчетов из различных уездов Московской губернии, указывающих на данную тенденцию: ГАРФ. Ф. 58. Оп. 5. Д. 399.

⁸⁶ ОР РГБ. Ф. 261. Кар. 20. Д. 6. Л. 50 об.; ГАРФ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 129.

⁸⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265 (Перлюстрация). Д. 1042. Л. 17 (И. Восторгов — А.А. Вырубовой, б.д.).

⁸⁸ Среди наиболее радикальных чисток можно назвать проведенные в Тверской и Рязанской губерниях. Императрица Александра Федоровна упоминала в письме Николаю II в августе 1915 г. об изданных там приказах об увольнении всех чиновников, носящих немецкие фамилии. *Letters of the Tsaritsa to the Tsar, 1914—1916* / Ed. V. Pares. London, 1923. P. 118 [Переписка Николая и Александры Романовых (1914—1915 гг.). М.; Л., 1925. Т. 2. — *Прим. пер.*].

⁸⁹ РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 14. Л. 343—350. Тот факт, что его отец был австрийским евреем, особо подчеркнут в комментариях к данному делу. Его брат Элиас, также российский подданный, был в начале войны выслан «по подозрению в шпионаже», и представители 6-й армии настоятельно требовали признать, что одного этого факта достаточно для увольнения Эмиля Штемпеля.

⁹⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265 (Перлюстрация). Д. 1042. Л. 18 (Просмотренное цензурой письмо солдата К.И. Вогана, б.д.).

⁹¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 245. Д. 247. Л. 20 (Секретный отчет Новгородского губернского жандармского управления Департаменту полиции, 17 июня 1915 г.).

Глава 3. Национализм в торговле и промышленности

¹ *McKay J.* Pioneers for Profit: Foreign Entrepreneurship and Russian Industrialization 1885—1913. Chicago; London, 1970. P. 28, 37; *Евентов Л.Я.* Иностранные капиталы в русской промышленности. М., 1931. С. 20; *Оль П.В.* Иностранные капиталы в народном хозяйстве довоенной России. Л., 1925. С. 12—13.

² *Абрамова Н.Г.* Источниковедческие проблемы изучения германских капиталов в промышленности дореволюционной России. Дисс. ... канд. ист. наук. МГУ, 1983. С. 186—187.

³ *Owen T.C.* Russian Corporate Capitalism from Peter the Great to Perestroika. New York; Oxford, 1995. P. 182. Эти статистические данные основаны на

анкетах 14 131 основателя акционерных предприятий в России за 1821—1913 гг.

⁴ *Ischchanian B.* Die ausländischen Elemente in der russischen Volkswirtschaft. Berlin, 1913. Данные Ишчаняна основаны на анкетировании, проводившемся в 1890-х гг. Абсолютное количество иностранцев на этих должностях к 1914 г. выросло, однако относительная доля иностранных подданных продолжала постоянно падать.

⁵ *Owen T.C.* Russian Corporate Capitalism. P. 187.

⁶ *Ellis S.C.* Management in the Industrialization of Russia, 1861—1917. Ph.D. diss. Duke University, 1980. P. 175, 185—198; цит. по: *Owen T.C.* Russian Corporate Capitalism. P. 72.

⁷ Обзор историографических тенденций по данной проблеме см. в работе: *Jones G., Gerenstain G.* Introduction // *Ol' P.V.* Foreign Capital in Russia. New York, 1983.

⁸ *Ischchanian B.* Die ausländischen Elemente. S. 290—291.

⁹ Все четыре исследования Джона Маккея, посвященные конкретным фирмам, показывают довольно масштабный переход административной власти управляющих к русскому персоналу. Вольфганг Сартор заключает, что семья Шпис, проживавшая в России к 1914 г. уже в четвертом поколении, полностью вросла в жизнь империи. Исследования Карстенсена об английском предпринимательстве показывают более прохладное отношение британских фирм к русскому административному и техническому персоналу, но он утверждает, что британские предприятия склонялись к некоторой активности в подготовке русского персонала и позволяли русским со временем подниматься по карьерной лестнице до самых высоких постов. Эрик Амбургер обнаружил, что его предки, управлявшие в России целым рядом фирм разных типов, натурализовывались медленнее, но накануне войны ассимиляция уже шла полным ходом. Многие члены этой семьи служили в русской армии и состояли в браке с русскими православного вероисповедания. Фурсенко в одном из своих редких отступлений от официальной советской историографической доктрины всерьез утверждал, что русская (хотя и с иностранными пайщиками) нефтяная компания Нобеля была действительно русской и принимала вполне самостоятельные решения и что ничего подобного нельзя было увидеть в фирмах, подконтрольных Дж.Д. Рокфеллеру и другим «враждебным иностранцам». См.: *McKay J.* Pioneers for Profit.; *Сартор В.* Торговый дом «Шпис»: Документальное наследие династии немецких предпринимателей в России (1846—1915 гг.) // Отечественная история. 1997. № 2. С. 174—183; *Carstensen F.* Foreign Participation in Russian Economic Life: Notes on British Enterprise, 1865—1914 // Entrepreneurship in Imperial Russia and the Soviet Union / Eds. G. Guroff, F. Carstensen. Princeton, 1983. P. 140—158; *Amburger E.* Deutsche in Staat, Wirtschaft und Gesellschaft Russlands: Die Familie Amburger in St. Petersburg, 1770—1920. Wiesbaden, 1986. S. 178—185; *Фурсенко А.А.* Можно ли считать компанию Нобеля русским концерном? // Труды АН СССР. Л., 1971. Т. 12. С. 352—361.

¹⁰ Owen T.C. Russian Corporate Capitalism. P. 188. Приводятся данные по административному персоналу в десяти крупнейших городах империи.

¹¹ Henriksson A. Nationalism, Assimilation and Identity in Late Imperial Russia: The St. Petersburg Germans, 1906—1914 // Russian Review. 1993. Vol. 52. No. 3. P. 341—353. Ведущий ученый-демограф В.М. Кабузан пришел к подобным заключениям для империи в целом, а именно в том, что процесс ассимиляции усилился в начале XX в. Кабузан В.М. Немецкое население в России в XVIII — начале XX века (численность и размещение) // Вопросы истории. 1989. № 12. С. 28. См. также: Bater J.H. St. Petersburg: Industrialization and Theory. Montreal, 1976. P. 376—378.

¹² Обзор взглядов организации на проблему см. в ее официальном печатном органе «Промышленность и торговля». О самой организации см.: Roosa R.A. Russian Industrialists during World War I // Entrepreneurship in Imperial Russia and the Soviet Union. P. 159—187.

¹³ Ликвидация неприятельского владения русскими акциями // Промышленность и торговля. 1917. 4 февр. С. 103—106.

¹⁴ Ischchanian B. Die ausländischen Elemente. S. 295.

¹⁵ Прекрасный сравнительно недавно проведенный анализ ранних стадий этой войны ведомств см. в работе: Стенанов В.Л. Н.Х. Бунге: Судьба реформатора. М., 1998.

¹⁶ Х.Д. Гуревич // Еврейская жизнь. 1915. № 2. С. 15—20.

¹⁷ РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 172. Л. 18 (Отчет о национальном и конфессиональном составе работников частных коммерческих акционерных предприятий и банков, апрель 1914 г.).

¹⁸ Томас Оуэн анализирует систему учредительства в работе: Owen T.C. The Corporation under Russian Law, 1800—1917: A Study in Tsarist Economic Policy. Cambridge, 1991.

¹⁹ Ibid. P. 118—132. Подобные ограничения землевладения применялись в различных регионах империи, но вне пределов западных губерний, где действовали ограничительные земельные законы, анализируемые нами в следующей главе данного изд.

²⁰ Например, подобный аргумент использовался в ответ на жалобы шведского посла на ликвидацию фирмы с совместным шведско-германским капиталом и акционерами. Министерство торговли и промышленности победило в споре с Министерством иностранных дел при помощи аргумента, что право работать в России не есть автоматически даруемая привилегия, а национальная принадлежность фирмы может стать дополнительным фактором при решении судьбы ее дальнейшей деятельности в России. См.: РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1472. Л. 3 (Особый журнал Совета министров, 5 и 9 июня 1915 г.) [Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909—1917 гг. / 1915 год. М., 2008. С. 289—291. — Прим. пер.]. Первым акционерным обществом, пострадавшим от подобного решения, стало общество «Вайс и Фрейтаг»; в 1915 г. разрешения были отозваны у 14 фирм и в 1916 г. еще у 18.

²¹ См.: *Joffe M.* Regional Rivalry and Economic Nationalism; *Rieber A.* Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia. Chapel Hill, 1982; *Owen T.C.* Impediments to a Bourgeois Consciousness in Russia, 1880—1905 // *Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia* / Eds. E.W. Clowes, S.D. Kassow, J.L. West. Princeton, 1991. P. 75—92.

²² *Owen T.C.* Russian Corporate Capitalism from Peter the Great to Perestroika. P. 126—138.

²³ *Rogger H.* Nationalism and the State: A Russian Dilemma // *Comparative Studies in Society and History*. Hague, 1961/62. Vol. 4. No. 3. P. 253—264.

²⁴ По этому вопросу см.: *Szporluk R.* Communism and Nationalism: Karl Marx versus Friedrich List. New York, 1988.

²⁵ Русские подданные в Германии и Австро-Венгрии во время войны // Русские ведомости. 1914. 22 июля.

²⁶ *Borchard E.M.* Enemy Private Property // *American Journal of International Law*. 1924. Vol. 18. No. 2. P. 523; *Gathings J.A.* International Law and American Treatment of Alien Enemy Property. Washington, D.C., 1940. P. vi.

²⁷ *Nolde B.E.* Russia in the Economic War. New Haven, 1928. P. 8.

²⁸ Особый журнал Совета министров, 23 августа 1914 г.; *Nolde B.E.* Russia in the Economic War. P. 9—10.

²⁹ *Panayi P.* The Enemy in Our Midst. P. 134—137; ГАРФ. Ф. 102, II. Оп. 71. Д. 80. Л. 1, 55.

³⁰ Сборник узаконений, распоряжений, разъяснений и циркуляров об ограничении прав неприятельских подданных и о правительственном надзоре за торгово-промышленными предприятиями. Пг., 1915. С. 3.

³¹ Великобритания и Франция приступили к масштабному секвестру имущества вражеских подданных только в начале 1916 г., и ни одна из этих стран не пошла по пути полной и окончательной ликвидации или передачи другим лицам прав собственности иностранцев, как это происходило в России. Также ни Германия, ни Австро-Венгрия не применяли полную ликвидацию имущества вражеских подданных на своей территории. Обе страны прежде всего использовали временную передачу собственности в другие руки через процедуру секвестра. РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 9. Л. 288—292 (Особый журнал Совета министров, 24 октября 1916 г.); Ф. 23. Оп. 7. Д. 369. Л. 9; Ф. 1413. Оп. 1. Д. 1. Л. 22 об. — 23 об.; *Dix R.* Deutsche Internationalisten in der Grossen Sozialistischen Oktoberrevolution. Berlin, 1987. S. 103.

³² Официальные формулировки этих мер см. в работах: *Букипан Я.М.* Военно-хозяйственная политика. М., 1929. С. 119—121; Реквизиция: конфискация. Пг., 1916. С. 21—81. В.Д. Кузьмин-Караваев справедливо подчеркивает, что конфискация не имела никаких оправданий по нормам гражданского права и уже давно к тому времени исчезла из уголовного уложения; см. его работу: Вопросы внутренней жизни // Вестник Европы. 1916. Кн. 3. С. 327.

³³ Командование армией прекрасно знало об этих различиях. В случае с одним свеклосахарным предприятием Янушкевич отдал предпочтение конфискации перед секвестром именно для того, чтобы избежать выплаты компенсации после окончания войны. Янушкевич в целом ряде писем информировал своих подчиненных генералов, что они при малейшей возможности должны использовать конфискацию вместо секвестра. РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 25. Л. 523—524 (Янушкевич — Кривошеину, 4 августа 1915 г.). Полный анализ понятия секвестра с юридической точки зрения для того времени см.: *Розенберг В.* Современные правоотношения. С. 69—75.

³⁴ ГАРФ. Ф. 102, II. Оп. 71. Д. 80. Л. 16, 91 (МВД, Службная записка с выдержками из «Правил о местностях, объявляемых состоящими на военном положении» (Ст. 19) и «Правил о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» (Ст. 26)).

³⁵ Там же. Л. 47.

³⁶ Там же. Л. 51.

³⁷ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 25. Л. 523—524 (Янушкевич — Кривошеину, 4 августа 1915 г.).

³⁸ ГАРФ. Ф. 102, II. Оп. 71. Д. 80. Л. 113; РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 101. Л. 73 об., 79 (Отчет товарища министра внутренних дел Джунковского по итогам его поездки по прибалтийским губерниям, 20 сентября 1914 г.); ГАРФ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 91. Л. 128. *Dellingshausen E. von.* Im Dienste der Heimat! Erinnerungen des Freiherrn Eduard von Dellingshausen ehem. Stuttgart, 1930. S. 193.

³⁹ РГВИА. Ф. 1759. Оп. 3. Д. 1410. Л. 59.

⁴⁰ ГАРФ. Ф. 102, II. Оп. 71. Д. 80. Л. 172 (Общество угле- и сталедобывчиков Юга России — Маклакову, 23 октября 1914 г.).

⁴¹ Там же. Л. 158 об.

⁴² Там же. Л. 167 (Тамбовский губернатор Салтыков — в МВД, 23 октября 1914 г.).

⁴³ Биржевые ведомости. 1914. 1 окт.; ГАРФ. Ф. 102, II. Оп. 71. Д. 80.

⁴⁴ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 25. Л. 17 (Горемыкин — Янушкевичу, 23 сентября 1914 г.).

⁴⁵ Там же. Л. 21—25.

⁴⁶ РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 9. Л. 22 (Особый журнал Совета министров, 12 июля 1916 г.).

⁴⁷ ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 250. Л. 2—30.

⁴⁸ Губернаторы прибалтийских и Киевской губерний были особенно активны. К октябрю 1916 г. 36 торговых и промышленных фирм Киевской губернии подверглись секвестру, что вызвало беспокойство в местном комитете по борьбе с немецким засильем, утверждавшем, что секвестр столь большого числа фирм не может гарантировать окончательную смену собственника, однако это может сделать ликвидация, проведенная в законном порядке. Киевский губернатор заверил комитет, что из 36 предприятий 20 уже

переданы российским подданным, еще 6 закрыты, а их оборудование демонтировано, и это полностью подтверждает, что во всех случаях ликвидация будет проводиться при первой возможности. Значительное число секвестров было произведено — по крайней мере отчасти — намеренно, т.е. специально для того, чтобы воспрепятствовать продаже или смене собственника конкретного предприятия при их проверке на наличие вражеских подданных среди персонала. РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 22. Л. 89—91 (Министерство торговли и промышленности — в Комитет по борьбе с немецким засильем, 5 декабря 1916 г.).

⁴⁹ Уже в октябре 1914 г. министр иностранных дел Сазонов произнес длинную речь, подчеркивая вредные последствия принятия таких мер. Он высказал опасения, что Центральные державы ответят подобными же репрессиями, что это создаст невыгодное впечатление в нейтральных и союзных странах, что принцип частной собственности будет подорван, а российские рабочие и вообще промышленное производство серьезно пострадают. См.: Особый журнал Совета министров, 7 октября 1914 г. [Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909—1917 гг. / 1914 год. М., 2006. С. 427—430. — *Прим. пер.*].

⁵⁰ РГИА. Ф. 1278. Оп. 7. Д. 160. Л. 3 (Записка Министерства финансов по поводу закона 11 января 1915 г., 10 сентября 1915 г.).

⁵¹ Это весьма произвольное решение отражает как ранее возникшие настроения относительно иностранцев, занятых, говоря языком моральной экономики, «непроизводительной» деятельностью, так и изначально умеренный подход к ликвидации крупных промышленных предприятий. *Розенберг В.* Современные правоотношения. С. 73—75.

⁵² Первое определение «национальности» фирмы было предложено министром юстиции А.А. Хвостовым, который предлагал ставить во главу угла именно порядок основания фирмы или товарищества. См.: Особый журнал Совета министров, 7 октября 1914 г.

⁵³ РГИА. Ф. 23. Оп. 28. Д. 3178. Л. 1—2 об. (Записка Ликвидационного отдела Народного комиссариата торговли и промышленности о положении предприятий, ликвидируемых согласно официальным указам, б.д. [конец 1917 г.]). Данные для 1916 г., собранные А. Фогелем, сопоставимы с имеющимися, что указывает на быстрое проведение ликвидационных процедур. См.: *Vogel A. von.* Der Wirtschaftskrieg: Die Massnahmen und Bestrebungen des feindlichen Auslandes zur Bekämpfung des deutschen Handels und zur Förderung des eigenen Wirtschaftslebens. Jena, 1918. Part II. S. 56. Нольде использует данные Фогеля для 1916 г. в своей работе: *Nolde B.E.* Russia in the Economic War. P. 81.

⁵⁴ РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 1211. Л. 5. Эта оценка размеров затронутых фирм основана на отчете министра финансов П.Л. Барка от 3 ноября 1915 г. К этому времени 1102 фирмы с 32 328 рабочими и совокупным товарооборотом в 106 млн. руб. попадали под действие январского указа.

⁵⁵ *Зайцев Л. М.* Подданные враждебного государства и русские суды. Киев, 1915. С. 1—16; *Добрин С.* Вопросы министра юстиции Правительствующему Сенату о праве неприятельских подданных на судебную защиту // *Право*. 1915. № 6. С. 345—355.

⁵⁶ Правительство довольно часто реагировало на конкретные обвинения в адрес отдельных фирм в печати. Нередко статьи в газетах «Новое время» или «Вечернее время» ускоряли бюрократическую переписку и проведение официальных расследований относительно отдельных фирм с целью выявить участие в их деятельности вражеских подданных или проследить деловые связи с Германией. Например, расследование, приведшее к ликвидации завода по производству генераторов «Тюдор», началось с высказанных в книге Резанова наблюдений относительно «подозрительных» связей фирмы в Берлине; см.: *Резанов А. С.* Немецкое шпионство. Пг., 1915; РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 35. Л. 49—53.

⁵⁷ РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 29. Л. 12 об. — 15.

⁵⁸ Один из примеров подобного изъятия относился к химической фирме Людвиг Рабенек. Фирма была основана в 1879 г. и к 1914 г. имела 4,5 млн. руб. капитала. Рабенек и члены его семьи должны были уволиться со своих административных постов в предприятии согласно декабрьскому указу 1915 г.; фирма поступила под государственный надзор, и вопрос о ее ликвидации был уже поставлен на обсуждение, когда в дело вмешался представитель Главного артиллерийского управления генерал Ипатьев, написавший убедительное письмо в поддержку Рабенек и их фирмы. Ипатьев подчеркивал, что предприятие производит практически исключительно оборонную продукцию, а сам Рабенек «совершенно русский в душе». Комитет по борьбе с немецким засильем обсудил дело и постановил, что фирма может быть освобождена от всех ограничений. РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 14. Л. 118—126 (Журнал Особого комитета по борьбе с немецким засильем, 25 августа 1916 г.).

⁵⁹ Этот пункт явно не имел смысла, да еще и содержал насмешку над оправдывающими эти законы соображениями, поскольку узаконения предназначались для противостояния вражескому контролю над стратегическими отраслями экономики, т.к. вражеские подданные могли использовать свое положение для соучастия в шпионаже или для прямого шпионажа. Очевидно, что с этой точки зрения предприятия, работавшие в важнейшем оборонном секторе, должны были считаться наиболее опасными.

⁶⁰ Эта проблема стала чуть ли не основной в печати, которая безжалостно атаковала правительство за предполагаемое немецкое влияние в высших сферах и соответствующую этому защиту немецких деловых интересов. См.: *Розенберг В.* Фиктивная передача предприятий // *Торгово-промышленная газета*. 1916. 17 янв.

⁶¹ РГИА. Ф. 23. Оп. 28. Д. 3178. Л. 1—2 об.; О политике Временного правительства в данном вопросе см.: *Шенелев Л. Е.* Акционерное

законодательство Временного правительства // Труды АН СССР. Л., 1971. Т. 12. С. 369—381.

⁶² РГИА. Ф. 23. Оп. 27. Д. 674. Л. 1—32, 33—35 об. (Алфавитный список предприятий, подчиненных правительственному контролю, по данным на 15 октября 1916 г.). В этом документе значится 795 предприятий, а также даты назначений на них инспекторов и их имена. В дополнительном списке перечислены 534 инспектора, назначенные в последующие 3 месяца. Списки предприятий, куда были назначены государственные управляющие, можно найти в ежегоднике: Акционерно-паевые предприятия России. Пг., 1915—1917.

⁶³ РГИА. Ф. 23. Оп. 27. Д. 675. Л. 31, 37 об. (Наказ правительственным инспекторам, 30 марта 1916 г. и Справка по Особому делопроизводству МТиП, б.д.).

⁶⁴ Ликвидация неприятельского владения русскими акциями // Промышленность и торговля. 1917. № 5. С. 105. Совет съездов послал в Совет министров похожую записку за неделю до применения закона. РГИА. Ф. 1276. Оп. 13. Д. 69. Л. 22 (Совет съездов представителей промышленности и торговли — в Совет министров, 30 января 1917 г.).

⁶⁵ РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 10. Л. 69—70 (Записка Особого комитета по борьбе с немецким засильем, февраль 1917 г.).

⁶⁶ РГИА. Ф. 23. Оп. 7. Д. 3194. Л. 3 (Циркуляр Ликвидационного отдела Народного комиссариата торговли и промышленности РСФСР о компенсации потерь, вызванных войной, — ликвидационным управляющим и ликвидаторам, 10 октября 1918 г.); Там же. Оп. 28. Д. 3179. Л. 39 [Список 79 фирм, ликвидированных к точно не установленному сроку в 1918 г.].

⁶⁷ Данные по суммарному количеству акционерных капиталов взяты из кн.: *McKay J. Pioneers for Profit*. P. 28.

⁶⁸ РГИА. Ф. 23 — Министерство торговли и промышленности. Оп. 28 — Особое делопроизводство по правительственному надзору за торгово-промышленными предприятиями, 1914—18 гг. Данная опись включает 3118 дел, содержащих данные о различных действиях государственной администрации, от исследований предполагаемого участия в них вражеских подданных до надзора и ликвидации. Обзор этого бюрократического института и его полномочий см. в работе: *Абрамова Н.Г. Источниковедческие проблемы изучения германских капиталов в промышленности дореволюционной России*.

⁶⁹ См. воспоминания управляющего, служившего короткое время в начале 1916 г. в должности инспектора: ОР РГБ. Ф. 261. Кар. 20. Д. 6. Л. 108—110.

⁷⁰ Особый журнал Совета министров, 29 марта 1915 г.; *Дякин В.С. Германские капиталы в России: Электроиндустрия и электрический транспорт*. Л., 1971. С. 219; *Абрамова Н.Г. Источниковедческие проблемы*. С. 166.

⁷¹ РГИА. Ф. 23. Оп. 28. Д. 3178. Л. 35—40 об. (Протокол совещания председателей и членов временных администраций и ликвидационных комитетов в Петрограде, 15 ноября 1915 г.).

⁷² РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 336 (О наплыве рабочих желтой расы). Эта программа имела довоенную историю. См. доклад «О мерах экономического воздействия для усиления русской рабочей силы в Восточной Сибири» (Особый журнал Совета министров, подписанный царем 3 августа 1912 г.).

⁷³ РГИА. Ф. 23. Оп. 27. Д. 673. Л. 32 (Циркуляр МТИП правительственным инспекторам, 9 февраля 1917 г.).

⁷⁴ Лучшим обзором этих тенденций остается работа: *Zagorsky S.O. State Control of Industry in Russia During the War*. New Haven, 1928. Например, новоявленные руководители предприятий применяли некоторые бухгалтерские и ценообразовательные методики, такие как попытка установить десятипроцентную наценку сверх себестоимости продукта — базовый принцип позднейшего советского ценообразования. РГИА. Ф. 23. Оп. 28. Д. 3178. Л. 41 (Протокол. Совещание специальных управляющих и членов ликвидационных комитетов, 27 января 1917 г.).

⁷⁵ РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 10. Л. 118.

⁷⁶ *Дякин В.С.* Германские капиталы. Германия и русская электротехническая промышленность // Голос Москвы. 1914. 2 сент.

⁷⁷ РГВИА. Ф. 1759. Оп. 4. Д. 1673. Л. 798 (Переписка между Киевским губернским жандармским управлением и командующим Киевским военным округом, 3—6 августа 1916 г.).

⁷⁸ *Шаховской В.Н.* «Sic transit gloria mundi» (Так проходит мирская слава). 1893—1917 гг. Париж, 1952. С. 173.

⁷⁹ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Отдел печати. Оп. 477. Д. 608. Л. 13.

⁸⁰ РГИА. Ф. 1284. Оп. 190. Д. 212. Л. 11 об.

⁸¹ РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 10. Л. 109—110 (Особый журнал Совета министров, 23 декабря 1916 г.; 10 и 27 января 1917 г.).

⁸² *Дякин В.С.* Германские капиталы. С. 221.

⁸³ Промышленность и торговля. 1917. № 2. С. 24; *Дякин В.С.* Германские капиталы.. С. 222—223. Русские коммерсанты Н.А. Второв и Н.Н. Коншин получили 34% акций компании.

⁸⁴ РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1440. Л. 44 (О закрытии «Киевского электрического общества» // Особый журнал Совета министров, 4 марта 1916 г.) [Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909—1917 гг. / 1916 год. М., 2008. С. 97—98. — *Прим. пер.*]; Д. 1464. Л. 12.

⁸⁵ РГИА. Ф. 23. Оп. 27. Д. 673. Л. 8 (Секретный циркуляр МТИП правительственным инспекторам, 15 октября 1916 г.).

⁸⁶ РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1464. Л. 1—12 (Записка особого делопроизводства МТИП о правительственном надзоре за торгово-промышленными предприятиями, 13 мая 1916 г.). В этой записке МТИП утверждало, что секвестр не является достаточной мерой, поскольку не гарантирует, что предприятие не вернется в «руки врага» (sic!) после войны.

⁸⁷ РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 9. Л. 383 (Особый журнал Совета министров, 2 декабря 1916 г.).

⁸⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 307. Д. 122. Л. 2—3 (Журнал Особого комитета по борьбе с немецким засильем, 24 ноября 1916 г.).

⁸⁹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 13. Д. 70. Л. 1—9 об.

⁹⁰ См., например: РГИА. Ф. 23. Оп. 27. Д. 681. Л. 2—6 (Фенин — министру торговли и промышленности, 3 января 1915 г.). За два года до принятия закона об акциях вражеских подданных в российских компаниях Фенин предполагал, что государство имеет полное право конфисковать или ликвидировать вражеские акции его собственного предприятия («Угольная компания Фенина»), чтобы помочь сознательным гражданам в защите государственных интересов и русской экономики.

⁹¹ *Deeg L. Kunst & Alberts Wladiwostok: Die Geschichte eines deutschen Handelshouses im russischen Fernen Osten 1864—1924.* Tübingen, 1996. S. 189.

⁹² ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 2. Д. 433. Л. 3.

⁹³ РГИА. Ф. 1276. Оп. 13. Д. 70. Л. 1—9 (Служебная записка по МТиП, 4 августа 1916 г.).

⁹⁴ РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1493. Л. 16—18.

⁹⁵ Там же. Л. 1—2.

⁹⁶ РГВИА. Ф. 2000с. Оп. 1. Д. 8317. Л. 1—3.

⁹⁷ РГИА. Ф. 1276. Оп. 13. Д. 70. Л. 15—20 об. Имущество фирмы было национализировано в 1925 г., ее отделения и конторы вынуждены были закрыться в 1930 г., а иная деятельность прекращена в 1939 г.

⁹⁸ *Bauermeister A. Spies Break Through: Memoirs of a German Secret Service Officer.* London, 1934. О распространенном в военной среде до войны мнении, что шпионство широко развито на Дальнем Востоке, а контрразведка, наоборот, слаба, см.: *Деревянко И.В.* «Шпионов ловить было некому» // Военно-исторический журнал. 1993. № 12. С. 51—53.

⁹⁹ Другое крупное, полностью российское предприятие — Путиловские заводы в Петрограде было секвестровано во время войны якобы по причинам взяточничества административного персонала и неспособности работать на оборону в полную силу. Основным пунктом агитации за секвестр было недовольство рабочих одним из директоров, Карлом Шпанном, которого рабочие считали немцем (он много лет уже являлся российским подданным), впрочем, как и других мастеров и управляющих немецкого происхождения. В письме в «Общество 1914 года» группа рабочих завода требовала его секвестра в казну с целью спасти предприятие от германофильствующих банков, снабжавших его сырьем, и очистить администрацию от немцев, которых покрывает Карл Шпанн. ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2527. Л. 1. О секвестре Путиловского завода см.: *Grant J.A.* *Big Business in Russia: The Putilov Company in Late Imperial Russia, 1868—1917.* Pittsburg, 1999. Особенно P. 119.

¹⁰⁰ *Carstensen F.* *American Enterprise in Foreign Markets: Studies of Singer and International Harvester in Imperial Russia.* Chapel Hill, 1984. P. 80, 91.

¹⁰¹ Письмо и отчеты контрразведки и полицейских властей содержатся в деле: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 73, II. Д. 162. Л. 220—227.

¹⁰² РГВИА. Ф. 1759. Оп. 3 доп. Д. 1413. Л. 282.

¹⁰³ Это обвинение также было центральным в газетной кампании против фирмы «Зингер». См.: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 73, II. Д. 162. Л. 67; Лояльность компании «Зингер» // Новое время. 1915. 29 июля.

¹⁰⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 73, II. Д. 162. Л. 200; *Carstensen F. American Enterprise in Foreign Markets*. P. 80.

¹⁰⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 73, II. Д. 162. Л. 41—44.

¹⁰⁶ Там же. Л. 16, 48, 64—66. Эти документы включают запросы губернаторов и управляющих из Архангельска, Хабаровска, Тулы, Тифлиса, Астрахани и Иркутска. Все они содержат упоминания статей в печати и требования полномочий для проведения обысков и закрытия местных отделений фирмы «Зингер» в пределах соответствующих губерний и областей.

¹⁰⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 73, II. Д. 162. Л. 132 (Казанский губернатор Боярский — в Департамент полиции, 10 сентября 1915 г.).

¹⁰⁸ РГИА. Ф. 23. Оп. 28. Д. 806. Л. 43 (Отчет правительственного инспектора центральной конторы компании «Зингер» в Баку, б.д. [конец 1915 г.]). Государственный инспектор в главном региональном филиале «Зингер», имевшем в подчинении 71 магазин, докладывал, что в 1915 г. было приложено немало усилий с целью «почиститься от немецкого и еврейского элемента» в этих отделениях фирмы.

¹⁰⁹ См., например: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 73, II. Д. 162. Л. 28 (Распоряжение Тульского губернатора уездным чиновникам, 4 июля 1915 г.).

¹¹⁰ Там же. Л. 76—103 об. (Протокол заседания комиссии Земгора по разъяснению вопросов о персональном составе служащих российской акционерной компании «Зингер», происхождении ее капиталов и отношениях этой компании к зарубежной промышленности вообще и промышленности неприятельских государств в частности). См. также письмо Дж.П. Моргана, датированное 11 ноября (30 окт.) 1915 г.: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 73, II. Д. 162. Л. 176.

¹¹¹ Там же. Л. 135—138 об. (По вопросу о принятии особых мер в отношении акционерного общества «Компания швейных машин Зингер»: представление управляющего Военным министерством от 25 августа 1915 г. // Особый журнал Совета министров, 18 сентября 1915 г.) [Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909—1917 гг. / 1915 год. М., 2008. С. 401—403. — *Прим. пер.*].

¹¹² Акционерно-паевые предприятия России. Пг., 1917. С. 375. Предприятие, процветавшее и быстро развивавшееся до войны, понесло убытки на сумму в 1,2 млн. руб. в 1914 г. и 9,4 млн. руб. в 1915 г.

¹¹³ РГИА. Ф. 23. Оп. 28. Д. 806. Л. 6 (Отчет правительственного инспектора центральной конторы компании «Зингер» в Тифлисе, 7 декабря 1916 г.).

¹¹⁴ Там же. Л. 26 (Отчет правительственного инспектора отделения компании «Зингер» в Одессе, 12 декабря 1915 г.).

¹¹⁵ Например, американская фирма «Треугольник» подверглась столь же суровым испытаниям. РГИА. Ф. 23. Оп. 27. Д. 681. Л. 2.

¹¹⁶ РГИА. Ф. 23. Оп. 28. Д. 3178. Л. 1—6; *Nolde B.E.* Russia in the Economic War. P. 175—176.

¹¹⁷ Большевицкая комиссия в начале 1918 г. приблизительно подсчитала, что по законам, принятым еще царским режимом, к тому моменту уже было ликвидировано торгово-промышленных предприятий с участием вражеских подданных на сумму 2,35 млрд. руб. Согласно этим данным, 2 млрд. руб. из этой суммы принадлежали гражданам Германии. Подсчеты вообще не затрагивали оккупированную врагом территорию Украины и Польши. Нужно отметить, что это лишь обобщенные цифры, которые мне удалось обнаружить, и проверить их точность нет никакой возможности. ГАРФ. Ф. р-546. Оп. 1. Д. 70. Л. 52 (Записка о возможных претензиях Германии к России, составленная особым отделом Государственного казначейства по финансовым вопросам, стоящим в связи с осуществлением Брестского договора, б.д.). Читатель может оценить масштаб данной программы, сравнив указанные цифры с результатами национализации промышленности, проведенной большевиками. В конце 1918 г. Общество заводчиков и фабрикантов подсчитало, что большевики национализировали 1100 предприятий с уставным капиталом около 3 млрд. руб. См.: *Коваленко Д.А.* Оборонная промышленность Советской России в 1918—1920 гг. М., 1970. С. 156. Другой показатель масштаба программы можно найти в особом финансовом разделе Брест-Литовского мирного договора, подписанном 27 августа 1918 г. Он обязывал большевицкое государство выплатить компенсацию за все потери, понесенные вражескими подданными с начала войны и до подписания мира. Хотя в тексте приложения нет отдельных сумм возмещения для данной категории, такие разделы, как «потери, понесенные гражданскими лицами» и «потери от конфискаций», составляли вместе 4 млрд. марок. См.: Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапальского договора: Сборник документов. М., 1968. Т. 1. С. 615—617, 640.

¹¹⁸ РГИА. Ф. 23. Оп. 27. Д. 689 (Материалы Постоянной комиссии МТиП, 1916—1918 гг.); РГИА. Ф. 23. Оп. 28. Д. 3194. Л. 1 (Циркуляр Ликвидационного отдела Народного комиссариата торговли и промышленности РСФСР о компенсации потерь, вызванных войной, 22 июля 1918 г.); Там же (Циркуляр Ликвидационного отдела Народного комиссариата торговли и промышленности РСФСР — временным управляющим, ликвидационным комитетам и ликвидаторам вражеских фирм, 22 июля 1918 г.).

¹¹⁹ Как считает Сильвана Малле, хотя национализация тяжелой промышленности действительно являлась одним из центральных догматов и целей марксизма, в первые 6 месяцев после большевицкого переворота национализация представляла собой скорее спонтанные акции революционеров, рабочих или мелких представителей новой власти, чем продуманную правительственную политику. Ленин фактически проде-

монстрировал удивительную медлительность с декретом о национализации тяжелой промышленности как с российским, так и с иностранным капиталом, опасаясь полного краха внутреннего производства. Переход от политики «государственного капитализма» к «военному коммунизму» в июне 1918 г. часто объясняется угрозой гражданской войны, однако проблема вражеских подданных также сыграла свою роль. Ликвидация двумя предшествовавшими режимами имущественных прав вражеских подданных оставляла Ленину гораздо меньше возможностей для маневра. Кроме того, серьезной ошибкой стало согласие немецких представителей в июне 1918 г. в Брест-Литовске на то условие, что земли, шахты, промышленные и коммерческие предприятия и акции должны быть возвращены гражданам бывших вражеских государств за исключением собственности, переданной государству. Ошибка состояла в допущении формулировок о любых видах собственности, переданных государству до 1 июля 1918 г., что предоставило большевикам целую неделю, в течение которой они неистово национализировали последние остатки акций и имущества вражеских подданных с целью обойти требование о компенсации. В лихорадочной спешке был подготовлен список из 1100 фирм, включая все оставшиеся предприятия даже с малыми паями граждан Центральных держав, и их национализация была проведена 28 июня, практически накануне истечения положенного срока (1 июля). Следовательно, как минимум ускоряющим обстоятельством для появления большевистского декрета о национализации стал Брестский мир, на условия которого повлияла в том числе и кампания против вражеских подданных. ГАРФ. Ф. р-393. Оп. 7. Д. 1; *Nolde B.E.* Russia in the Economic War. P. 180; *Коваленко Д.А.* Оборонная промышленность. С. 153—155; *Malle S.* The Economic Organization of War Communism, 1918—1921. Cambridge, 1985. P. 59—61; РГИА. Ф. 23. Оп. 28. Д. 3194. Л. 1 (Циркуляр Ликвидационного отдела Народного комиссариата торговли и промышленности РСФСР — временным управляющим, ликвидационным комитетам и ликвидаторам вражеских фирм, 22 июля 1918 г.); В.И. Ленин во главе великого строительства: Сборник воспоминаний о деятельности В.И. Ленина на хозяйственном фронте. М., 1960. С. 63—64.

Глава 4. «Национализация» землевладения

¹ *Rogger H.* Government, Jews, Peasants and Land in Post-Emancipation Russia // *Cahiers du monde russe et soviétique.* 1976. Vol. 17. No. 1. P. 1—11.

² К 1897 г. в двенадцати губерниях, по которым имеются достоверные данные, доля еврейского землевладения и земельных аренд упала на 1,4% и 3,9% соответственно. По обоим показателям произошло снижение более чем на 50% относительно уровня, существовавшего до введения временных ограничительных законов 1882 г. См.: *Бикерман И.М.* Черта еврейской оседлости. СПб., 1911. С. 44—45.

³ Rogger H. Jewish Policies and Right-Wing Politics in Imperial Russia. Berkeley; Los Angeles, 1986. P. 143.

⁴ Cherniavsky M. Prologue to Revolution: Notes of A.N. Iakhontov on the Secret Meetings of the Council of Ministers, 1915. New Jersey, 1967. P. 56—72.

⁵ Прекрасный анализ взаимосвязей таких острых вопросов, как польский и земельный, см.: Rodkiewicz W. Russian Nationality Policy in the Western Provinces of the Empire: 1863—1905. Lublin, 1998; Beauvois D. La bataille de la terre en Ukraine, 1863—1914: Les Polonais et les conflits socio-ethniques. Lille, 1993 [Перевод расширенной версии книги см. в изд.: Бовуа Д. Гордиев узел Российской империи: Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793—1914). М., 2011. — Прим. пер.].

⁶ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 28. Л. 126 (Горемыкин — Янушкевичу, 20 июня 1915 г.); РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 539; РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 155. Л. 12; Giesbrecht W. Die Verbannung der Wolhyniendeutschen, 1915—1916 // Wolhynische Hefte. 1984. No. 3. S. 62; Prusin A. Russian Occupation Policies and Anti-Semitism in Eastern Galicia, 1914—1915 // Military and Society in Russian History, 1450—1917 / Eds. M. Poe, E. Lohr. Amsterdam, 2002.

⁷ Kappeler A. Russland als Vielvölkerreich: Entstehung, Geschichte, Zerfall. Munich, 1992.

⁸ По иронии исторических судеб многие из этих земель были переданы представителям немецких прибалтийских аристократических семей, которые в конце XIX в. были официально признаны русскими. См.: Lubliner L. Les Confiscations des Biens des Polonais sous le Règne de L'Empereur Nicolas I-er suivi de Tableaux Nominatifs et Alphabétiques. Bruxelles; Leipzig, 1861; РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 358. Л. 1—6 (Списки немецких семей, пожалованных поместьями в Царстве Польском, б.д.). Практически все пожалования были осуществлены в 1830-х и 1860-х гг., т.е. вскоре после двух польских восстаний.

⁹ Пыпин А.Н. Польский вопрос в русской литературе // Вестник Европы. 1881. Кн. 1. С. 703—736.

¹⁰ Rodkiewicz W. Russian Nationality Policy. P. 58.

¹¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 190. Д. 307. Л. 1—4 (Служебная записка Департамента общих дел МВД, 16 октября 1914 г.).

¹² 1 мая 1905 г. новый закон несколько ослабил ограничения для поляков, позволив им приобретать земли у частных лиц польского происхождения и площадью до 60 дес. на промышленные нужды у лиц других национальностей. См.: ГАРФ. Ф. 102, II. Оп. 73, ч. 1. Д. 63. Л. 2 об. ([Введение к думскому законопроекту об уничтожении законодательных ограничений для поляков внутри империи], 2 сентября 1915 г.).

¹³ Как и во многих других случаях, вместо того чтобы определенно отменить эти законы, Временное правительство приостановило их исполнение до решения Учредительного собрания. См.: ГАРФ. Ф. р-546. Оп. 1. Д. 9. Л. 19, 23.

¹⁴ См., например: РГИА. Ф. 1284. Оп. 190. Д. 323. Л. 1—3 об. (Волынский губернатор — Хвостову, 17 января 1916 г.).

¹⁵ Об истории немецких колонистов в России и системе их землевладения до 1914 г. см.: *Brandes D.* Von den Zaren Adoptiert: Die Deutschen Kolonisten und die Balkansiedler in Neurussland und Bessarabien 1751—1914. München, 1993; *Neutatz D.* Die «deutsche Frage» im Schwarzmeergebiet und in Wolhynien: Politik, Wirtschaft, Mentalitäten und Alltag im Spannungsfeld von Nationalismus und Modernisierung (1856—1914). Stuttgart, 1993; *Long J.* From Privileged to Dispossessed: The Volga Germans, 1860—1917. Lincoln; London, 1988.

¹⁶ *Neutatz D.* Die «deutsche Frage»; *Martin T.* The German Question in Russia, 1848—1896 // *Russian History / Histoire Russe.* 1991. Vol. 18. No. 4. P. 403—413.

¹⁷ *Rodkiewicz W.* Russian Nationality Policy. P. 61.

¹⁸ В Крыму сложилась сходная ситуация. Дискриминация крымских татар в последовавшие за Крымской войной десять лет вынудила около 200 тыс. из них эмигрировать в Турцию к 1863 г. Земли многих эмигрировавших татар были куплены немецкими мигрантами, прибывшими из Малороссии и Царства Польского. *Оболенский В.В.* Международные и межконтинентальные миграции. С. 77.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 524 (Секретная служебная записка МВД, 22 августа 1914 г.); *Мыш М.И.* Об иностранцах в России. Изд. 2-е. СПб., 1911. С. 33—34; *Rodkiewicz W.* Russian Nationality Policy. P. 73—78.

²⁰ *Bartlett R.P.* Colonists, «Gastarbeiter» and the Problems of Agriculture in Postemancipation Russia // *Slavonic and East European Review.* 1982. Vol. 60. P. 547—571.

²¹ *Fleischhauer I.* The Germans' Role in Tsarist Russia // *The Soviet Germans: Past and Present* / Eds. I. Fleischhauer, B. Pinkus. London, 1986. P. 20, 22; *Pinkus B., Fleischhauer I.* Die Deutschen in der Sowjetunion. Baden-Baden, 1987. S. 96.

²² Одна десятая = 1,093 га. *Neutatz D.* Die «deutsche Frage». S. 86, 160, 261, 265. Формы землевладения и правила наследования земли у немецких колонистов способствовали их сравнительно успешному экономическому развитию по всей империи, т.к. средний размер земельного участка немецкого колониста был в 2—3 раза больше среднего земельного надела в Европейской России. Поучительный контраст с этой ситуацией являли собой Самарская и Саратовская губернии, где немецкие колонисты в начале XIX в. переняли общинные правила раздела и наследования земли. Колонисты Поволжья, в отличие от других колонистов империи, страдали от быстрого сокращения среднего размера земельных участков по мере роста населения колоний в конце XIX — начале XX в. См.: *Long J.* From Privileged to Dispossessed. P. 110—137.

²³ Имеющиеся данные указывают на то, что около 70% всех новых земельных участков было приобретено немцами у дворянства, а не у крестьян славянского происхождения. Исключение составляла Сибирь, где

практически все из приблизительно 1 млн. дес. земли немецкие поселенцы получили от Главного переселенческого управления посредством купли или в долгосрочную аренду. См.: РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 316 (О ликвидации немецкого землевладения в Сибири, 1911—1917 гг.).

²⁴ В 1895 г. ограничения были применены только к лицам, вступившим в российское подданство после 1895 г. Важный закон, принятый 1 мая 1905 г., лишил местных чиновников права препятствовать приобретению земли иностранцами, если не существовало иного особого закона, запрещающего подобные сделки. РГИА. Ф. 1284. Оп. 190. Д. 307. Л. 72.

²⁵ *Bartlett R.P. Colonists, "Gastarbeiter".* P. 547—571.

²⁶ Это скорее касалось немецких поселений на западе и юге империи, чем в Поволжье, где среди колонистов были распространены общинные формы землевладения.

²⁷ *Atkinson D. The End of the Russian Land Commune, 1905—1930.* Stanford, 1983. P. 53. Можно провести интересную параллель между разбросанными немецкими колониями, обеспечивающими распространение агрикультурных нововведений посредством их фактической демонстрации, и поддержкой через столыпинские реформы индивидуальных хуторских хозяйств с той же целью — разбросать их по всей сельской России и показать крестьянам преимущества частной собственности на землю. См.: *Pallot J. Land Reform in Russia, 1906—1911: Peasant Responses to Stolypin's Project of Rural Transformation.* Oxford, 1999. P. 64, 103—104; *Bartlett R.P. Colonists, «Gastarbeiter».*

²⁸ Анализ провалов реформы см. в кн.: *Pallot J. Land Reform in Russia.*

²⁹ РГИА. Ф. 396. Оп. 7. Д. 453. Л. 8.

³⁰ *Schmidt C. Russische Presse und Deutsches Reich 1905—1914.* Cologne; Vienna, 1988. S. 100—108. Практически все депутаты Государственной Думы, избранные от немцев-колонистов и прибалтийских немцев, были членами партии октябристов и ее думской фракции.

³¹ *Neutatz D. Die «deutsche Frage».* S. 185.

³² *Ibid.* S. 190. Даже в конце 1913 г. основные правые газеты, включая такие издания, как «Голос России» и «Киевлянин», продолжали защищать колонистов. РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 316. Л. 103.

³³ *Schmidt C. Russische Presse.* S. 106—108.

³⁴ Подобные карты стали темой горячих общественных дискуссий сразу после публикации их в ряде газет и брошюр. О картах расселения колонистов с указанием плотности населения, опубликованных в периодической печати наряду со статьями, подчеркивавшими угрозы, создаваемые колонистами интересам России, см.: РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 29. Л. 19. См. также подборку статей из газеты «Новое время»: *Ренников А. Золото Рейна: О немцах в России.* Пг., 1915.

³⁵ Карты и статистические данные можно найти в: РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 316. Л. 1—350. Они показывают, что внутренняя миграция, в основном из губерний Новороссии, привела к переселению около 20 тыс. немецких

колонистов на территорию трех уездов Акмолинской области, где к 1911 г. они составляли около 5% населения и владели 430 101 дес. земли.

³⁶ РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 316. Л. 107. Довольно типично, что доклад был крайне скептичен относительно способности русских крестьян на равных конкурировать с немцами без спасительного вмешательства государства посредством неких принудительных мер.

³⁷ Примеры того, что современники отмечали эти демографические срывы в предвоенные годы, см. в собрании статей, опубликованных в кн.: *Тупин А.Л.* Прибалтийский край и война: Материалы из русской печати за август, сентябрь и октябрь 1914 г. Пг., 1914; *Ренников А.* Золото Рейна. О важности этих изменений см.: *Holquist P.* To Count, To Extract, To Exterminate: Population Statistics and Population Politics in Late Imperial and Soviet Russia // *A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin* / Eds. R.G. Suny, T. Martin. Oxford, 2001. P. 111—144; *Brown K.* A Biography of No Place: The Ukrainian Borderlands and the Making of Nation-Space. Ph.D. diss. University of Washington, 2000.

³⁸ Видные чиновники, проводившие в жизнь ограничительные меры военного времени против вражеских подданных, к тому моменту уже имели значительный опыт в осуществлении подобных акций до войны. Например, Н.П. Харламов как начальник канцелярии варшавского генерал-губернатора в предвоенные годы отвечал за надзор за иностранцами. ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 429. Л. 40.

³⁹ *Hagen W.W.* Germans, Poles and Jews: The Nationality Conflict in the Prussian East, 1772—1914. Chicago, 1980. P. 134.

⁴⁰ *Ibid.* P. 192, 320. Хаген подробно прослеживает связь этих изменений в методах национализации в довоенный период с позднейшими комментариями Гитлера в «Майн кампф» о том, что «германизация применима только к земле и никогда — к людям».

⁴¹ Одним из примеров стало решение российского правительства ужесточить ограничения приобретения немецких земель поляками в Восточной Пруссии в период ее краткой оккупации русскими войсками в 1914 г. РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 29. Л. 48—51.

⁴² Подробный анализ этой дискуссии см. в работе: *Дурденевский В.Н.* Германское двуподданство // Проблемы великой России. 1916. № 11. С. 10—12; № 13. С. 11—13; № 15. С. 9—10. О законодательстве см.: *Cahn W.* Reichs- und staatsangehörigkeitsgesetz vom 22. Juli 1913, erläutert mit Benutzung amtlicher Quellen und untervergleichender Berücksichtigung der ausländischen Gesetzgebung (4th ed.). Berlin, 1914.

⁴³ *Fischer F.* Germany's War Aims in the First World War. New York, 1967; *Geiss I.* Der polnische Grenzstreifen 1914—1918: Ein Beitrag zur deutschen Kriegszielpolitik im Ersten Weltkrieg. Lьеbeck; Hamburg, 1960; *Liulevicius V.* War Land on the Eastern Front: Culture, National Identity and German Occupation in World War I. Cambridge, 2000; *Basler W.* Deutschlands Annexionspolitik in Polen und im Baltikum 1914—1918. Berlin, 1962.

⁴⁴ *Тупин А.П.* Прибалтийский край и война. С. 139. Националистически настроенные помещики-немцы переселили в Прибалтийский край не менее 20 тыс. немецких крестьян из поволжских и малороссийских губерний в 1906—1910 гг., т.к. пытались изменить демографическую картину по составу не только населения, но и землевладения в прибалтийских губерниях. См.: *Arndt N.* Umsiedlung wohnniendeutscher Kolonisten ins Baltikum, 1907—1913 // *Wolhynische Hefte*. 1988. No. 5. S. 91—214; *Hehn J. von.* Das baltische Deutschtum zwischen den Revolutionen 1905—1917 // *Die baltischen Provinzen Russlands zwischen den Revolutionen von 1905—1911* / Eds. A. Ezergailis, G. von Pistohlkors. Cologne, 1982. S. 20—42.

⁴⁵ Обзор того, насколько русская публика была осведомлена о разного рода пангерманских публикациях и обеспокоена ими, см. в репринте статьи В.Я. Фан-дер-Флита 1909 г. «Всенемецкое движение как фактор европейской войны» («Известия Министерства иностранных дел». 1915); *А.П. Тупин*, Правда о прибалтийских колонистах // *Новое время*. 1916. 28 авг.

⁴⁶ См., например: *Поливанов Н.Д.* О немецком засилии: Брошюра, отправленная Штабом верховного главнокомандующего на передовые позиции. 12-е изд. Пг., 1917; РГИА. Ф. 1284. Оп. 190. Д. 307.

⁴⁷ Доводы о сравнительной прочности права собственности в российской истории *longue durée* см. в опубликованной дискуссии между Ричардом Пайпсом и Джорджем Г. Вейкхардтом: Was There Private Property in Muscovite Russia? // *Slavic Review*. 1994. Vol. 53. № 2. P. 524—538. О слабости идеи частной собственности в России до 1905 г. по сравнению с Европой см.: *Wortman R.* Property, Populism, and Political Culture // *Civil Rights in Imperial Russia* / Eds. O. Crisp, L. Edmonson. Oxford, 1989. P. 13—32.

⁴⁸ *Линдеман К.* Прекращение землевладения и землепользования крестьян-собственников: Указы 2 февраля и 13 декабря 1915 года и 10, 15 июля и 19 августа 1916 года и их влияние на экономическое состояние южной России. М., 1917. С. 50.

⁴⁹ В некотором смысле то обстоятельство, что гражданство и законодательная защита прав собственности так и не были твердо установлены, сделало полемику по поводу их установления и нарушений более продолжительной, интересной и важной, на что и указывает Анджей Валицки, рассматривая проблемы либерализма и права в более широком контексте: *Walicki A.* Legal Philosophies of Russian Liberalism. Notre Dame, 1992. P. 1—7. Как только идея единого гражданства стала проникать в практику в период Великих реформ и особенно после опубликования Основных законов 1906 г., вопрос о праве собственности для некоторой части населения гораздо легче трансформировался в принцип, т.е. в право для всех граждан. Однако до этих усовершенствований гарантии прав и земель колонистов уж никак не составляли общенациональную проблему, поскольку колонисты были не гражданами, а членами определенного сословия, снабженного целым набором узаконений и правил. Последнюю версию сводного собрания узаконений о колонистах см.: Устав о колониях

иностранцев в империи 1857 г. // История российских немцев в документах (1763—1992) / Ред. Н.Ф. Бугай, В.А. Михайлов. М., 1993. С. 22—36. В ст. 166 четко указывалось, что колонисты имели право приобретать землю у частных лиц в собственность. Однако в 1874 г., когда особая сословная категория колонистов была упразднена, на них стало распространяться основное законодательство империи. Это перевело их права на земельную собственность, по крайней мере формально, в сферу общеимперского законодательства.

⁵⁰ Важным исключением является исследование политики хлебных реквизиций, при помощи которых государство применяло всесторонние меры по ограничению свободной продажи зерна и временами прибегало к полному изъятию урожая зерновых культур. См.: *Lih L. Bread and Authority in Russia, 1914—1921*. Berkeley, 1990. P. 9—15, 49—51.

⁵¹ Сборник узаконений, распоряжений, разъяснений и циркуляров об ограничении прав неприятельских подданных и о правительственном надзоре за торгово-промышленными предприятиями. Пг., 1915. С. 5—6; ГАРФ. Ф. р-546. Оп. 1. Д. 9. Л. 19.

⁵² ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 524. Л. 1—3.

⁵³ ГАРФ. Ф. 102, II. Оп. 73. Д. 351. Л. 40—42.

⁵⁴ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 24. Л. 3 (Вел. кн. Николай Николаевич — Горемыкину, 11 ноября 1914 г. [первоначально отправлено 3 октября 1914 г.]).

⁵⁵ «По вопросу о положении неприятельских подданных в России» (Особый журнал Совета министров, 7 октября 1914 г.). Л. 1—10 [Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909—1917 гг. / 1914 год. М., 2006. С. 427—430. — *Прим. пер.*]; РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 24. Л. 4—10, особенно 6—8 (Горемыкин — Янушкевичу, 14 октября 1914 г.). Ст. 19 (п. 18). «Правил о местностях, объявленных состоящими на военном положении», давала военным властям право секвестровать недвижимое имущество, замораживать капиталы и доходы, получаемые с любого имущества, владельцы которого были вовлечены в преступную деятельность или их деятельность могла иметь опасные последствия для общественного порядка. Гражданские власти обладали схожими полномочиями на территориях, находившихся «в положении чрезвычайной охраны», объявленном в большинстве губерний на время войны. Однако гражданские власти были гораздо сильнее ограничены другими нормами гражданского законодательства. См.: ГАРФ. Ф. 102, II. Оп. 71. Д. 80. Л. 91.

⁵⁶ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 539. Л. 12 об.

⁵⁷ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 24. Л. 305.

⁵⁸ Раздел Азиатской Турции: По секретным документам бывшего Министерства иностранных дел. М., 1924. С. 360—361; *Арутюнян А.А.* Первая мировая война и армянские беженцы (1914—1917). Дисс. ... канд. ист. наук. АН Армянской ССР. Институт истории, 1989. С. 58—74.

⁵⁹ ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 524. Л. 99—103 об.

⁶⁰ По данным Гисбрехта, высылки часто сопровождалось прибытием отряда казаков, а также скоплением местных жителей — украинцев и евреев, стремящихся купить сельскохозяйственный инвентарь, скот и домашнюю утварь высылаемых по максимально низким ценам. *Giesbrecht W. Die Verbannung der Wolhyniendeutschen, 1915—1916 // Wolhynische Hefte. 1984. No. 3. S. 52; Krueger A. Die Fluchtlinge von Wolhynien: Der Leidensweg russlanddeutscher Siedler, 1915—1918. Plauen, 1937.*

⁶¹ Этому решению предшествовала практика секвестра имущества колонистов и вражеских подданных, «скрывшихся за границей» (т.е. находившихся за пределами империи на момент начала войны). Подобные секвестры начали применяться с сентября 1914 г. Сводные статистические данные недоступны, но количество секвестрованного имущества было, безусловно, значительным. РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 24. Л. 305.

⁶² РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 32. Л. 1 (Отчет Житомирского уездного архива о ликвидации немецкого землевладения, б.д.).

⁶³ ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 460. Л. 28 (Циркуляр губернаторам за подписью кн. Енгальчева, 11 февраля 1915 г.).

⁶⁴ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 28. Л. 137 (Иванов — Янушкевичу, 19 июня 1915 г.).

⁶⁵ *Seraphim H.J. Rodungssiedler, Agrarverfassung und Wirtschaftsentwicklung des deutschen Bauerntums in Wolhynien // Berichte über Landwirtschaft. Zeitschrift für Agrarpolitik und Landwirtschaft. Berlin, 1938. Vol. 143. S. 77.*

⁶⁶ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2615. Л. 1 (Отчет о конференции немецких поселян-землевладельцев в Москве, 20—22 апреля 1917 г.); Государственная Дума. Стенографические отчеты. Четвертый созыв. Сессия 4-я. Заседание 30 марта 1916 г. Пг., 1916. Стб. 658; *Линдеман К. Прекращение землевладения. С. 24.*

⁶⁷ Там же. С. 21—22. В июле 1916 г. главный начальник снабжений Северного фронта приказал немедленно секвестровать все земли и недвижимость высланных колонистов, еще не подвергшиеся этой процедуре. РГВИА. Ф. 1932. Оп. 12. Д. 92. Л. 255 об.

⁶⁸ *Линдеман К. Прекращение землевладения. С. 24.* Линдеман оценивает стоимость этой земли в 40 млн. руб.

⁶⁹ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 28. Л. 178—180.

⁷⁰ Там же. Л. 99—100.

⁷¹ РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 14. Л. 163.

⁷² РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 28. Л. 137 (Иванов — Янушкевичу, 19 июня 1915 г.).

⁷³ Последующее изложение основано на положениях трех указов, тексты которых можно найти в кн.: Сборник узаконений, распоряжений. С. 15—30. Статья 87 Основных законов давала правительству и царю право издавать указы во время перерывов в работе Думы. Формально изданные таким образом указы теряли силу, если Дума не одобряла их в течение следующей сессии. На практике же ни один закон, касавшийся

землевладения вражеских подданных, никогда не ставился на голосование в Думе. Однако это не означало, что большинство депутатов не одобрило бы указанные меры. На самом деле в июне 1916 г. Прогрессивный блок воспрепятствовал правым инициировать обсуждение указов в общем заседании палаты именно из опасения, что Дума их примет. Поскольку указы не были одобрены Думой, они формально так никогда и не стали законами, оставшись указами навсегда.

⁷⁴ Закон относился к следующим губерниям и областям: десять губерний бывшего Царства Польского, Петроградская, Эстляндская, Лифляндская, Курляндская, Ковенская, Гродненская, Виленская, Минская, Волынская, Подольская, Бессарабская, Херсонская, Таврическая, Екатеринославская, Область Войска Донского, весь Кавказ и Закавказье, Финляндия, а также районы, входившие тогда в Приамурское генерал-губернаторство.

⁷⁵ Сборник узаконений, распоряжений. С. 25.

⁷⁶ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 29. Л. 82.

⁷⁷ Вопросы внутренней жизни // Вестник Европы. 1915. Кн. 4. С. 342—343.

⁷⁸ РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 32. Л. 4—6 (Записка, подписанная В.М. Любанским, б.д.). Волынский губернатор снова повторил эти возражения в начале 1916 г.: РГИА. Ф. 1284. Оп. 190. Д. 323. Л. 1—3 об. (Волынский губернатор — А.Н. Хвостову, 17 января 1916 г.).

⁷⁹ ОР РГБ. Ф. 261. Кар. 20. Д. 6. Л. 87; Особый журнал Совета министров, 2 августа 1915 г. Л. 1—5.

⁸⁰ ОР РГБ. Ф. 261. Кар. 20. Д. 6. Л. 87.

⁸¹ РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 32. Л. 9. Законопроект, подтверждавший, что земли колонистов будут переданы отличившимся солдатам действующей армии, был внесен на рассмотрение Думы 5 августа 1915 г. Краткость думских военных сессий и разногласия по данному вопросу среди депутатов помешали законопроекту дойти до стадии голосования. См.: РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 29. Л. 18. Законопроект снова безрезультатно обсуждался в начале 1916 г. См.: Государственная Дума. Стенографические отчеты. Четвертый созыв. Сессия 4-я. Заседание 29 февраля 1916 г. Стб. 2455.

⁸² В Прибалтийском крае // Новое время. 1916. 3 июля. Цит. по: РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 25. Л. 83.

⁸³ Немцы-колонисты и залог земель // Русское слово. 1916. 15 июля; РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 25. Л. 84.

⁸⁴ См.: Государственная Дума. Стенографические отчеты. Четвертый созыв. Сессия 4-я. Заседание 3 августа 1915 г. Стб. 434—435. Нужно отметить, что Щербатов не возражал против главной цели — конфискации земель немцев. Он лишь стремился к максимально взвешенному подходу с полным осознанием потенциального ущерба, наносимого российской экономике военного времени.

⁸⁵ Качественный анализ этого закона см. в ст.: По поводу закона 13-го декабря 1915 г. // Журнал Министерства юстиции. 1916. № 4. С. 209—219.

⁸⁶ РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 316 (Записка о ликвидации немецкого землевладения в Сибири, б.д.); РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 27. Л. 37—40.

⁸⁷ «О распространении действия ограничительных в отношении землевладения и землепользования неприятельских подданных узаконений на все губернии и области Государства Российского» (Особый журнал Совета министров, 10 и 31 января 1917 г., подписанный царем 6 февраля 1917 г.) [Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909—1917 гг. / 1917 год. М., 2009. С. 162—163. — *Прим. пер.*]; РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 10. Л. 88.

⁸⁸ Там же. Л. 82.

⁸⁹ Особый журнал Совета министров, 2 августа 1915 г. Л. 1—5.

⁹⁰ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2608—2612.

⁹¹ Там же. Д. 2610. Л. 1.

⁹² ГАРФ. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 20. Л. 7. В том случае, если аукционные цены превышали данную оценщиками Крестьянского банка (что случалось крайне редко), банк обычно аннулировал подобные сделки, применяя свое право первого покупателя земель по сниженным ценам.

⁹³ В 1916 г. местным властям в виде помощи в выполнении этой задачи было предоставлено два чрезвычайных кредита по 200 тыс. руб. и нанято более ста оценщиков и вспомогательных служащих. РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 9. Л. 36—37.

⁹⁴ РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 16. Л. 386. Детальный обзор применения законов по губерниям до 30 мая 1916 г. см.: ГАРФ. Ф. р-393. Оп. 1. Д. 7. Л. 26—28.

⁹⁵ ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 452. Л. 24, 115.

⁹⁶ *Neutatz D.* Die «deutsche Frage». S. 261.

⁹⁷ ГАРФ. Ф. 102, II. Оп. 73. Д. 34. Л. 124. *Линдеман К.* Прекращение землевладения. С. 303—305. Средний размер арендуемого участка, выводимый из ограниченных данных Линдемана, составляет около 25 дес.

⁹⁸ Эти цифры совершенно не точны и основаны на предположении, что в районах применения февральского и декабрьского указов дополнительно 20% земель, подлежавших конфискации, использовались владельцами на правах аренды. Опираясь на явно преуменьшенные данные Крестьянского банка о том, что 3,7 млн. дес. попали в списки отчуждаемых земель, можно предположить, что дополнительные 750 тыс. дес. были арендованы. Одной из причин слабости официальной статистики земельных аренд было то, что они практически всегда представляли собой частные сделки, довольно редко формально регистрируемые. Разрыв договора об аренде был частным делом сторон, и поэтому эти статистические данные довольно трудно было собрать, особенно в хаосе всеобщего перемещения населения военных лет.

⁹⁹ Учитывая эти позднейшие расширения конфискационных указов, можно заключить, что под их действие подпадало не менее 1 млн. землевладельцев, владевших 9—10 млн. дес. Обобщенно это число включает: 3,7 млн. дес. внутри империи, 3 млн. дес. в оккупированных

врагом районах (в том числе на отвоеванной в 1916 г. территории), 750 тыс. дес. в аренде, 750 тыс. дес. в Сибири (в основном земли немецких колонистов, расселившихся на Дальнем Востоке) и 1 млн. в поволжских губерниях.

¹⁰⁰ Это составляло приблизительно 14% всех земель, находившихся в общинном владении. *Дубровский С.М.* Столыпинская земельная реформа: Из истории сельского хозяйства России в начале XX в. М., 1963. С. 574—576; Atkinson D. The End of the Russian Land Commune. P. 76.

¹⁰¹ Соня Штригниц пришла к подобному заключению в своем исследовании Поволжья во время войны. См.: *Striegnitz S.* Der Weltkrieg und die Wolgakolonisten: Die Regierungspolitik und die Tendenzen der gesellschaftlichen Entwicklung // *Zwischen Reform und Revolution: Die Deutschen an der Wolga 1860—1917* / Eds. D. Dahlmann, R. Tuchtenhagen. Essen, 1994. S. 145—146.

¹⁰² *Ноздрин Г.А.* Национальная немецкая благотворительность в Сибири во второй половине XIX — начале XX в. // Зарубежные экономические и культурные связи Сибири (XVIII—XX вв.) / Ред. Л.М. Горюшкин. Новосибирск, 1995. С. 148—149.

¹⁰³ *Линдеман К.* Прекращение землевладения. С. 163.

¹⁰⁴ Государственная Дума. Стенографические отчеты. Четвертый созыв. Сессия 4-я. Заседание 5 августа 1915 г. С. 500—508.

¹⁰⁵ РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 23. Л. 4—10; РГИА. Ф. 1278. Оп. 7. Д. 587. Л. 3. Максимум, что позволяли формулировки важнейших указов, это отложить экспроприацию до конца войны. Более того, вражеские подданные славянского происхождения никогда не освобождались от действия статьи, требовавшей расторжения всех арендных договоров с вражескими подданными. В конечном счете льготы, предоставленные вражеским подданным привилегированных национальностей, не имели универсального статуса. Например, не позднее чем в декабре 1916 г. екатеринославский губернатор докладывал, что, поскольку в законе нет точного указания на освобождение вражеских подданных — армян от действия конфискационных законов, он будет продолжать конфисковывать их имущество. РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 14. Л. 406.

¹⁰⁶ *Gatrell P.* Refugees in the Russian Empire, 1914—1917: Population Displacement and Social Identity // *Critical Companion to the Russian Revolution 1914—1921* / Eds. E. Acton, V.I. Cherniaev, W.G. Rosenberg. Bloomington, 1997. P. 554—564.

¹⁰⁷ РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 36. Л. 91 (Таврический губернатор — Маклакову, 13 марта 1915 г.).

¹⁰⁸ *Ноздрин Г.А.* Национальная немецкая благотворительность. С. 147—150.

¹⁰⁹ *Линдеман К.* Прекращение землевладения. С. 360.

¹¹⁰ Таблицы с росписью дефицитных и избыточных губерний см. в кн.: *Кондратьев Н.Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 95—97. Обзор ситуации в сельском хозяйстве и

роли немцев в аграрном секторе причерноморских губерний см.: *Brandes D. Von den Zaren Adoptiert; Neutatz D. Die «deutsche Frage».*

¹¹¹ *Lih L. Bread and Authority in Russia. P. 9—11; Yaney G. The Urge to Mobilize: Agrarian Reform in Russia, 1861—1930. Urbana, 1982. P. 408—419; Struve P.B. Food Supply in Russia during the World War. New Haven, 1930. P. 460.*

¹¹² ГАРФ. Ф. 102, II. Оп. 75. Д. 29. Л. 75 и далее. Военнопленные и интернированные славянского происхождения использовались на различных работах в гораздо большей степени, чем немцы. По международным соглашениям, пленные офицеры не должны были принуждаться к работе. Военнопленные допускались к работам бригадами под охраной полиции или армейских караулов.

¹¹³ *Линдеман К. Прекращение землевладения. С. 30.* Цели этого приказа состояли в гарантировании того, что конфискованная земля останется доступной для последующего распределения среди отличившихся солдат после окончания войны.

¹¹⁴ Сборник узаконений, распоряжений. С. 32—33.

¹¹⁵ 1 пуд = 16,38 кг = 38 фунтов. См.: *Линдеман К. Прекращение землевладения. С. 52; Rempel D. The Expropriation of the German Colonists in South Russia During the Great War // Journal of Modern History. 1932. Vol. 4. No. 1. P. 64.*

¹¹⁶ *Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов. С. 121.* По подсчетам Кондратьева, общая засеваемая зерновыми культурами площадь в империи в 1915 г. составляла 2,6 млн. дес. за вычетом районов, оккупированных врагом. Число в 1,5 млн. дес., указанное Линдеманом, если оно верно, должно означать, что половина общего снижения количества посевных площадей в империи была вызвана программой конфискации земель.

¹¹⁷ *Линдеман К. Прекращение землевладения. С. 82.* П.В. Каменский был влиятельным членом ЦК партии октябристов и на протяжении долгих лет боролся за религиозную терпимость и в частности за права секты меннонитов. См.: *Martin T. The Mennonites and the Russian State Duma, 1905—1914 // The D.W. Treadgold Papers in Russian, East European and Central Asian Studies. 1996. No. 4. P. 38—39.* Харламов пошел еще дальше, заявив, что 2 млн. дес., принадлежавших немецким колонистам, останутся незасеянными в одной только Херсонской губернии. ОР РГБ. Ф. 261. Кар. 20. Д. 6. Л. 100.

¹¹⁸ *Antsiferov A.N. et al. Russian Agriculture during the War. New Haven, 1930. P. 183.* С 1915-го по 1916 г. фактический спад урожайности составил 18% (903 млн. пудов). Доступных данных для площади земель немецких колонистов, засеянных зерновыми в 1916 г., в соотношении с предыдущими годами не имеется. Причем данный вопрос стоит дальнейшего исследования, т.к. представляется вероятным, что данные об этих землях составят значительную долю в общих подсчетах снижения аграрного производства. Однако необходимо отметить, что фактическое влияние данного снижения на внутренние запасы зерна — неоднозначная проблема. Война практически

полностью прекратила вывоз зерна из России, сократив уровень экспорта в среднем с 718 млн. пудов в 1909—1913 гг. до 25 млн. пудов. Снижение производства зерновых было возмещено резким сокращением экспорта. Однако для немецких колонистов этот фактор не уравновесил падение производства зерна, поскольку здесь было отмечено серьезное снижение производства у отдельных землевладельцев, ориентированных на внутренний рынок, и массовый переход к мелкому общинному производству. Немецкие фермеры, особенно на юге и западе, были в основном частными землевладельцами и продавали значительную долю своей продукции внутри империи, и конфискация их земель оказала серьезное влияние на сокращение количества доступного на внутреннем рынке хлеба.

¹¹⁹ ОР РГБ. Ф. 261. Кар. 20. Д. 6. Л. 86 об.

¹²⁰ Линдеман К. Прекращение землевладения. С. 322.

¹²¹ РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 5. Л. 150.

¹²² РГИА. Ф. 23. Оп. 28. Д. 3203. Л. 1—2. На большинстве из этих предприятий работало от 10 до 200 рабочих, хотя в списках значились и такие крупные предприятия, как свеклосахарная фабрика с 1100 рабочими.

¹²³ Линдеман К. Прекращение землевладения. С. 80. Здесь приводятся данные из речи П.В. Каменского в Государственном Совете 24 марта 1916 г.

¹²⁴ РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 22. Л. 24.

¹²⁵ Линдеман К. Прекращение землевладения. С. 198.

¹²⁶ ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 161. Л. 27.

¹²⁷ ОР РГБ. Ф. 261. Кар. 20. Д. 6. Л. 94. Указ содержал весьма неопределенную фразу: «и другие служащие».

¹²⁸ МВД посылало особо уполномоченных чиновников в районы со значительным процентом враждебных подданных в населении с инструкциями по надзору и строгому исполнению ограничительных и репрессивных законов. См.: ОР РГБ. Ф. 261. Кар. 20. Д. 6. Л. 94—102.

¹²⁹ ГАРФ. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 65 (Особый журнал Совета министров, 3 июня 1916 г.) [Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909—1917 гг. / 1916 год. М., 2008. С. 241—242. — *Прим. пер.*] Обзор иммиграции болгар в Российскую империю см.: Хаджиниколова Е. Белгарските преселенци в южните области на Русия, 1856—1887. София, 1987.

¹³⁰ РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 14. Л. 264.

¹³¹ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2610. Л. 1—2.

¹³² *Rempel D.* The Expropriation of the German Colonists. P. 65. Волынское земство также ходатайствовало в пользу сразу нескольких организаций мелкого кредита, которым высланные немецкие колонисты задолжали более 2 млн. руб. РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 22. Л. 15 (Долги немцев-колонистов // Русское слово. 1915. 16 июля).

¹³³ Много детальной информации об этих жертвованиях можно найти в кн.: Линдеман К. Прекращение землевладения. С. 234—249. См. также:

Lindeman K. Von den deutschen Kolonisten in Russland: Ergebnisse einer Studienreise 1919—1921. Stuttgart, 1924.

¹³⁴ *Линдеман К.* Прекращение землевладения. С. 184—193.

¹³⁵ *Fleischhauer I.* Die Deutschen im Zarenreich. S. 514.

¹³⁶ РГИА. Ф. 23. Оп. 28. Д. 3148. Л. 32—35.

¹³⁷ См.: ГАРФ. Ф. 102, II. Оп. 73. Д. 34. Л. 1—6.

¹³⁸ РГИА. Ф. 23. Оп. 28. Д. 3148. Л. 1—15об. Списки содержали более чем по сотне заводов и фабрик в Екатеринославской, Таврической и Херсонской губерниях и менее значительные количества во многих губерниях по всей стране.

¹³⁹ РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 9. Л. 275—282.

¹⁴⁰ РГИА. Ф. 1278. Оп. 7. Д. 584. Л. 3; РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 9. Л. 16—19; «О некоторых мерах к поддержанию хозяйства на подлежащих ликвидации колониетских землях» (Особый журнал Совета министров, 10 мая и 24 июня 1916 г., подписанный царем 10 июля 1916 г.) [Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909—1917 гг. / 1916 год. М., 2008. С. 284—285. — *Прим. пер.*].

¹⁴¹ РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 23. Л. 42.

¹⁴² ОР РГБ. Ф. 261. Кар. 20. Д. 6.

¹⁴³ Основано на данных Крестьянского банка на 1 января 1917 г. См.: РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 16. Л. 386.

¹⁴⁴ Там же. Л. 390.

¹⁴⁵ Новое время. 1917. 9 февр. Цит. по: *Rempel D.* The Expropriation of the German Colonists. P. 63.

¹⁴⁶ *Линдеман К.* Прекращение землевладения. С. 358.

¹⁴⁷ ГАРФ. Ф. р-546. Оп. 1. Д. 24. Л. 5—5 об.

¹⁴⁸ Число в 2 млн. дес. взято из отчетов Крестьянского банка на 1 января и 1 марта 1917 г. и из отдельных газетных сообщений о земельных аукционах, не включенных в эти данные (250 тыс. дес). Естественно, это грубые подсчеты. Нужно отметить, что эти цифры значительно выше, чем данные, приводимые ведущими историками России и Германии, изучавшими этот вопрос. Например, Флейшхауэр утверждает, что лишь 500—600 тыс. дес. было экспроприровано за время войны. Цифры, приведенные Нольде, недооценивают масштабы конфискации, поскольку он использовал опубликованные данные только за лето 1916 г., т.е. еще до начала активного применения ликвидационных мер осенью того же года. Соболев, приводящий данные на 1 января 1917 г., в основном ограничивается деятельностью Крестьянского банка, игнорируя продажи на аукционах, секвестры военных властей и разрыв арендных договоров. Таким образом, он также недооценивает масштаб запланированных переделов земельной собственности. См.: *Fleischhauer I.* The Germans' Role in Tsarist Russia. P. 27; *Nolde B.E.* Russia in the Economic War. P. 114; *Соболев И.Г.* Крестьянский поземельный банк и борьба с «немецким засильем» в аграрной сфере (1915—1917) // Вестник Санкт-Петербургского университета. 1992. Сер. 2. Вып. 3. № 16. С. 24—29.

¹⁴⁹ Многие губернии, где столыпинская аграрная реформа проходила особенно успешно (Екатеринославская, Харьковская, Херсонская, Самарская, Саратовская, Таврическая), также являлись основными районами расселения немцев-колонистов. *Pallot J. Land Reform in Russia*. P. 44, 97, 103.

¹⁵⁰ РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 32. Л. 167—172. Примечательно в этой записке то, что вольнский губернатор сам придерживался тех же взглядов, предполагая, что единственный путь для русских конкурировать с немцами на равных — это включить индивидуальные земельные участки немцев в состав русских крестьянских общин и подчинить их общинным порядкам. По свидетельству Харламова, надзиравшего за исполнением ликвидационных указов на юге России, среди крестьян во время войны широко распространились слухи о том, что немцы приобрели свои хутора незаконно и поэтому не имеют на эти земли никакого права. См.: ОР РГБ. Ф. 261. Кар. 20. Д. 6. Л. 3.

¹⁵¹ Если включить в анализ 1907—1909 гг., то объемы немецких земельных приобретений приблизятся к половине всех перешедших в частную собственность земельных участков в 1907—1915 гг.: *Atkinson D. The End of the Russian Land Commune*. P. 16, 78. Недавние исследования столыпинской аграрной реформы часто подчеркивают принудительный, «административно-утопический» характер ряда мер, направленных на радикальное переустройство деревни, намекая на некоторую схожесть их с советскими методами. Кампанию против всех видов имущества враждебных подданных можно рассматривать с тех же позиций (хотя и при совершенно другой оценке столыпинских реформ), т.е. как радикальный, принудительно осуществляемый проект, нацеленный на уничтожение частной собственности и всего враждебного населения деревни, реализовывавшийся методами, предвосхищавшими большевистскую коллективизацию. См.: *Yaney G. The Urge to Mobilize; Pallot J. Land Reform in Russia; Коцюбинс Я. Как крестьян делали отсталыми: Сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России, 1861—1914*. М., 2006.

Глава 5. Великое выселение народов

¹ РГВИА. Ф. 1759. Оп. 4. Д. 1693. Л. 1. Семьям интернированных позволялось сопровождать их, и многие так и сделали.

² ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 432. Л. 34—35 об. (Собрание указов и резолюций, относящихся к интернированию, высылке и дарованию разрешений остаться на месте проживания австрийским и германским подданным).

³ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 24. Л. 1 (Циркуляр МВД губернаторам и градоначальникам, подписанный Маклаковым, 11 августа 1914 г.); ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 174. Л. 159.

⁴ Там же. Л. 352 (Записка, одобренная генералом Жилинским, 3 августа 1914 г.); ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 432. Л. 35 об.

⁵ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 24. Л. 30—32 (Горемыкин — Янушкевичу, 19 октября 1914 г.).

⁶ Фактическое применение этих циркуляров прошло гораздо оперативнее в прифронтовых районах, чем внутри страны. Отчеты губернаторов Министерству внутренних дел о выполнении предписаний показывают, что к сентябрю 1914 г. около половины выявленных во внутренних российских губерниях иностранцев, подлежавших призыву в армии Центральных держав, было выслано. ГАРФ. Ф. 102, II. Оп. 71. Д. 102 (1914 г.). Л. 1—10, 15—127; Немцы и Оренбургский край: Сборник материалов областной научной конференции, посвященной 250-летию Оренбургской губернии и 60-летию Оренбургской области (17 дек. 1994 г.) / Под общей ред. А.В. Федоровой. Оренбург, 1994. С. 25—26. 31 октября 1914 г. тремя членами царской свиты были проведены специальные изыскания и представлены далеко не полные данные о числе высланных вражеских подданных из всего лишь 11 губерний, по материалам полицейских отчетов. Они указывали, что 35 тыс. неприятельских подданных уже находятся под полицейским надзором в этих губерниях и более половины из них подлежат призыву в армии вражеских государств. (Эти данные включали лишь 7,5 тыс. подданных Османской империи, поскольку их высылка продолжалась к тому моменту всего неделю после вступления Турции в войну.) Точных данных о числе вражеских подданных мужчин призывного возраста, высланных за время войны, не имеется, однако уже в январе 1915 г. Департамент полиции докладывал, что под полицейским надзором находятся 55 580 вражеских подданных, размещенных в 19 губерниях. Два самых крупных лагеря для интернированных вражеских подданных призывного возраста находились в Вологде и Оренбурге, где содержались соответственно около 5 и 10 тыс. человек. ГАРФ. Ф. 102, II. Оп. 71. Д. 102 (1914 г.). Л. 15—127.

⁷ *Speed R.B. Prisoners, Diplomats, and the Great War.* P. 141—153.

⁸ ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 174. Л. 180 (Циркуляр МВД, 26 июля 1914 г.).

⁹ Более полный обзор историографии и научных дискуссий по проблемам депортации из Российской империи см.: *Lohr E. Enemy Alien Politics within the Russian Empire during World War I.* Ph.D. diss. Harvard University, 1999. P. 92—99.

¹⁰ РГВИА. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 644. Л. 133; *Нелипович С.* Репрессии против подданных «центральных держав» // Военно-исторический журнал. 1996. № 6. С. 33.

¹¹ ГАРФ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 91. Л. 46 (Начальник Лифляндского губернского жандармского управления — Джунковскому, 4 сентября 1914 г.).

¹² РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 24. Л. 3 (Вел. кн. Николай Николаевич — Горемыкину, 11 ноября 1914 г. [первоначально отправлено 3 октября 1914 г.]). Тема вражеских зверств была основной в официальной пропаганде и

российской печати военного времени. Анализ использования пропаганды в целом во время войны см.: *Jahn H.F. Patriotic Culture in Russia during World War I*. Ithaca; London, 1995. Действительно, можно привести отдельные примеры зверской жестокости, проявляемой на Восточном фронте германскими и австрийскими войсками. Однако большая часть этих случаев касается русских военнопленных, а не гражданских лиц. Наибольшую известность получил австрийский лагерь для военнопленных в Талергофе, где с русскими обращались довольно жестоко. См.: Талергофский альманах: Пропамятная книга австрийских жестокостей, изуверств и насилий над карпато-русским народом во времена всемирной войны 1914—1917 гг. Львов, 1925.

¹³ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 24. Л. 67; Там же. Ф. 1932. Оп. 12. Д. 67. Л. 2—2об.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 432. Л. 61.

¹⁵ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 24. Л. 12; ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 524.

¹⁶ 9 февраля 1915 г. Правительствующий Сенат подтвердил сентябрьское решение об отказе вражеским подданным в судебной защите, но в то же время постановил, что российские подданные имеют право подавать иски против неприятельских подданных. Таким образом, судебные процессы по гражданским искам против вражеских подданных проводились в отсутствие обвиняемых. РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 14. Л. 151; *Зайцев Л.М.* Подданные враждебного государства и русские суды. Киев, 1915; *Добрин С.* Вопросы юстиции правительствующему Сенату о праве неприятельских подданных на судебную защиту // *Право*. 1915. № 6 (8 февр.). С. 345—356; ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 432. Л. 29 (Циркуляр губернаторам, подписанный Джунковским, 21 сентября 1914 г.).

¹⁷ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 20. Л. 375; *Нелипович С.* Репрессии против подданных «центральных держав». С. 37.

¹⁸ Там же. Д. 24. Л. 133 (Янушкевич — Фан-дер-Флиту, 20 декабря 1914 г.).

¹⁹ АВПРИ. Ф. 323. Оп. 617. Д. 80. Л. 28 (Янушкевич — Фан-дер-Флиту, 5 января 1915 г.). В последующие недели Янушкевич все же позволил не депортировать чехов и словаков, если они представят доказательство своей национальной принадлежности от Чешского и словацкого попечительского комитета, а проверка их прошлого докажет стопроцентную лояльность проверяемых. Вражеские подданные французского и итальянского происхождения также были освобождены от высылки на тех же условиях. Однако исключений не было сделано больше ни для одного славянского народа, если его представители не находились в процессе получения российского подданства с большой вероятностью его успешного завершения. Более широкие послабления для славян были приняты позже и рассматриваются ниже.

²⁰ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 14. Л. 214.

²¹ РГВИА. Ф. 2000с. Оп. 1. Д. 4430. Л. 52, 61 (Секретный доклад ГУГШ, 24 апреля 1916 г.).

²² ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 615 (Записка кн. Юсупова о необходимости высылки германских и австрийских подданных из Москвы и Петербурга [sic; не Петрограда. — Э.Л.] и прекращения их принятия в российское подданство, 5—7 июля 1915 г.).

²³ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 101. Л. 37 (Секретная записка военной контрразведки — в Ставку, 15 октября 1914 г.).

²⁴ РГВИА. Ф. 1759. Оп. 3. Д. 1421. Л. 45.

²⁵ 1 августа 1917 г. Галицийско-Буковинский попечительский комитет о беженцах подсчитал, что в Российскую империю из Галиции и Буковины в течение войны было депортировано 120 тыс. гражданских лиц, 43 тыс. из которых являлись украинцами и поляками. АВПРИ. Ф. 138. Оп. 475. Д. 428. Л. 91. Как минимум 50 тыс., а возможно, и до 100 тыс. гражданских лиц были депортированы из Восточной Пруссии, включая значительное число женщин и стариков. РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 24. Л. 215 (Маклаков — Янушкевичу, 6 января 1915 г.). На основании имеющихся данных я не в состоянии определить близкое к истинному число гражданских лиц, депортированных с оккупированных территорий Болгарии, Румынии и Османской империи.

²⁶ Die Nationalitäten des Russischen Reiches. / Eds. V. Henning et. al. S. 211; *Оболенский В.В.* Международные и межконтинентальные миграции. С. 108, 110.

²⁷ ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 432. Л. 239 (Записка о численности неприятельских подданных, высланных из города Варшавы на 1 июня 1915 г.).

²⁸ *Нелипович С.* Репрессии против подданных «центральных держав». С. 37.

²⁹ ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 2. Д. 393. Л. 54.

³⁰ *Speed R.B.* Prisoners, Diplomats, and the Great War. P. 141—153.

³¹ Обзор данного вопроса для указанных стран см. в кн.: *Spiropoulos J.* Ausweisung und Internierung Feindlicher Staatsangehöriger. Leipzig, 1922.

³² РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 101. Л. 140; РГВИА. Ф. 1932. Оп. 12. Д. 67. Л. 1—3.

³³ Там же. Д. 28. Л. 78 (Янушкевич — Орановскому, 26 декабря 1914 г.).

³⁴ Там же. Л. 84 (Енгальчев — Янушкевичу, 11 января 1915 г.).

³⁵ Там же. Л. 83 (Янушкевич — Рузскому, 5 января 1915 г.).

³⁶ ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 460. Л. 21 (Циркуляр Енгальчева девяти губернаторам, 16 января 1915 г.).

³⁷ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 28. Л. 238—239.

³⁸ Согласно переписи населения 1897 г., в бывшем Царстве Польском насчитывалось 407 700 человек, говоривших на немецком языке, что составляло 4,3% населения. К 1914 г. это число выросло до полумиллиона человек и составило 5,6% всего населения края. См.: *Кабузан В.М.* Немецкое население в России в XVIII — начале XX в. // Вопросы истории. 1989. № 12. С. 28. В 1907 г. насчитывалось 115 726 немцев-протестантов в местечках и городах и 417 385 — в сельских районах. РГИА. Ф. 1284. Оп. 190. Д. 307. Л. 14—15 об.

³⁹ РГВИА. Ф. 1932. Оп. 12. Д. 67. Л. 3.

⁴⁰ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 28. Л. 84 (Шифрованная телеграмма Енгальцева — Янушкевичу, 11 января 1915 г.).

⁴¹ Там же.

⁴² ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 524. Л. 102—103 об. (Особое совещание, 25 января — 2 февраля 1915 г.).

⁴³ Там же. Д. 460. Л. 21.

⁴⁴ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 28. Л. 97 (Иванов — Янушкевичу, б.д.).

⁴⁵ Там же. Л. 103 (Янушкевич — Варшавскому генерал-губернатору, 11 февраля 1915 г.).

⁴⁶ Например, в одном из случаев Польский комитет взаимопомощи в Варшаве жаловался на то, что тысячи польскоговорящих протестантов с немецкими фамилиями были высланы, несмотря на то что они давно ассимилировались в польской культуре. ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 524. Л. 132—133 (Гражданский комитет для помощи населению Варшавы — Варшавскому генерал-губернатору, 20 февраля 1915 г.).

⁴⁷ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 28. Л. 94 (Янушкевич — Иванову, 15 января 1915 г.).

⁴⁸ РГИА. Ф. 465. Оп. 1. Д. 13. Л. 20—40 об.

⁴⁹ *Graf D.* The Reign of the Generals: Military Government in Western Russia, 1914—1915. Ph.D. diss. University of Nebraska, 1972. P. 138—141.

⁵⁰ ГАРФ. Ф. 102, II. Оп. 111. Д. 224. Л. 22—224 (Особая конференция о мерах, связанных с очисткой при помощи войск районов Северного и Юго-Западного фронтов, одобренных Верховным главнокомандующим [вел. кн. Николаем Николаевичем], 24 июня 1915 г.).

⁵¹ РГВИА. Ф. 1759. Оп. 3. Д. 1421. Л. 33.

⁵² РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 28. Л. 136.

⁵³ ГАРФ. Ф. 102, II. Оп. 71. Л. 111.

⁵⁴ ГАРФ. Ф. 102, II. Оп. 111. Д. 224. Л. 222—224.

⁵⁵ *Лемке М.К.* 250 дней в царской Ставке (25 сент.—2 июля 1916 г.). Пг., 1920. С. 626.

⁵⁶ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 28. Л. 232—235 (Иванов — Алексееву, 23 октября 1915 г.; Алексеев — Иванову, 24 октября 1915 г.).

⁵⁷ *Мякотин В.* Наброски современности. Ликвидация немецкого землевладения // Русские записки. 1917. № 2/3. С. 300; *Линдеман К.* Прекращение землевладения и землепользования поселян-собственников: Указы 2 февраля и 13 декабря 1915 года и 10, 15 июля и 19 августа 1916 года и их влияние на экономическое состояние. М., 1917. С. 20.

⁵⁸ РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 25. Л. 96; Жизнь в Риге // Речь. 1916. 5 авг.; ГАРФ. Ф. 102, II. Оп. 71. Д. 111а. Л. 55, 61, 420. Первый приказ о выселении, касавшийся поселения Гиршенгоф, был приведен в исполнение 4 мая 1916 г.

⁵⁹ *Линдеман К.* Прекращение землевладения. С. 21.

⁶⁰ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 28. Л. 265 (Брусилов — Янушкевичу, 23 июня 1916 г.); ГАРФ. Ф. 102, II. Оп. 71. Д. 111а. Л. 164, 167.

⁶¹ Bakhmetieff Archives. Bark Memoirs. Ch. 14. P. 43.

⁶² РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 155.

⁶³ Альтшулер оценивает число евреев, депортированных или просто изгнанных из мест проживания за время войны, как 500—600 тыс. Франкель приводит число в 1 млн. насильственно высланных евреев уже к концу 1915 г. См.: *Altshuler M. Russia and her Jews: The Impact of the 1914 War* // *The Wiener Library Bulletin*. 1973. Vol. 27. No. 30/31. P. 14; *Studies in Contemporary Jewry: An Annual*. Vol. 4: *The Jews and the European Crisis 1914—1921* / Ed. J. Frankel. Oxford, 1988. P. 6.

⁶⁴ Из черной книги российского еврейства // *Еврейская старина*. 1918. № 10. С. 233; ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 145. Л. 67—70; Документы о преследовании евреев. С. 247—248.

⁶⁵ РГВИА. Ф. 1932. Оп. 12. Д. 67. Л. 27—35.

⁶⁶ Документы о преследовании евреев. С. 250.

⁶⁷ Из черной книги российского еврейства. С. 236; *Graf D. The Reign of the Generals*. P. 143.

⁶⁸ YIVO (New York). Коллекция Давида Мовшовича. Д. 13094.

⁶⁹ РГВИА. Ф. 1932. Оп. 12. Д. 67. Л. 48 (Попов — командующему Двинским военным округом, [17 марта 1915 г.]).

⁷⁰ Там же. Л. 54 (Данилов — Туманову, 11 апреля 1915 г.).

⁷¹ Там же. Л. 24—27 (Курлов — Данилову, 27 апреля 1915 г.).

⁷² Там же. Л. 166 (Отчет Курляндского губернатора, 7 июня 1915 г.); РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 153. Л. 601 (Раввин Гиршович — вел. кн. Николаю Николаевичу, 28 апреля 1915 г.).

⁷³ *Graf D. The Reign of the Generals*. P. 127.

⁷⁴ Из черной книги российского еврейства. С. 240.

⁷⁵ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 635. Л. 10—11 (По вопросу о поголовном выселении по приказу военных властей евреев из западных пограничных губерний вблизи театра военных действий, подписанный Горемыкиным, 15 мая 1915 г.).

⁷⁶ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 991. Л. 33—34.

⁷⁷ РГВИА. Ф. 1759. Оп. 3. Д. 1422. Л. 7 (Джунковский — командующему Киевским военным округом, 10 февраля 1915 г.); РГВИА. Ф. 1932. Оп. 12. Д. 67. Л. 35, 40, 43.

⁷⁸ Там же. Л. 95 (Полтавский губернатор — командующему Двинским военным округом, 8 мая 1915 г.).

⁷⁹ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 635. Л. 10—11.

⁸⁰ РГВИА. Ф. 1932. Оп. 12. Д. 67. Л. 146, 211.

⁸¹ Анализ возражений некоторых членов правительства против тактики военных властей относительно евреев см. в кн: *Cherniavsky M. Prologue to Revolution: Notes of A.N. Iakhontov on the Secret Meetings of the Council of Ministers*, 1915. Upper Saddle River, N.J., 1967. P. 56—64; Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны: Бумаги А.Н. Яхонтова. СПб., 1999. С. 163—164.

⁸² РГВИА. Ф. 1932. Оп. 12. Д. 67. Л. 138 (Алексеев — всем командующим армиями Северо-Западного фронта, 8 мая 1915 г.); *Cherniavsky M. Prologue to Revolution*. P. 56—64.

⁸³ РГВИА. Ф. 1932. Оп. 12. Д. 67. Л. 141 (Данилов — командующим армиями и Варшавскому генерал-губернатору, 9 мая 1915 г.). На практике и железнодорожные чиновники, и местные власти, и военные власти всех уровней делали все возможное, чтобы помешать возвращению высланных евреев в свои дома. РГВИА. Ф. 1932. Оп. 12. Д. 67. Л. 269—272.

⁸⁴ Там же. Л. 183.

⁸⁵ Там же. Л. 193—194.

⁸⁶ Там же. Л. 216—227 (Переписка между Григорьевым, Тумановым и Ивановым, 24—25 мая 1915 г.).

⁸⁷ РГИА. Ф. 465. Оп. 1. Д. 13. Л. 21; РГВИА. Ф. 1932. Оп. 12. Д. 67. Л. 302; *Сергийчук В. Погромы в Україні. 1914—1920*. Київ, 1998. С. 104—105; *Документы о преследовании евреев*. С. 249—250.

⁸⁸ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 539. Л. 21 (Отчеты генерал-губернатора Галиции, 28 августа 1914 г.—1 июля 1915 г.). Сама по себе эта практика имела некоторые аналоги в традиции круговой поруки во внутренней и военной политике допетровской России, на что и указывали некоторые критики как на свидетельство «средневекового варварства» режима и абсолютного беззакония в подходах к еврейскому вопросу. См.: *Из черной книги российского еврейства*. С. 225—226, 264.

⁸⁹ РГВИА. Ф. 2021. Оп. 1. Д. 20. Л. 9 (Виленский этапный военачальник — командующему Северо-Западным фронтом, 1 июня 1915 г.).

⁹⁰ См. пример подобного документа в сб.: *Документы о преследовании евреев*. С. 256.

⁹¹ РГВИА. Ф. 1932. Оп. 12. Д. 67. Л. 302. Эти и другие источники о тактике военных властей относительно евреев в течение Первой мировой войны см.: *Лор Э. Новые документы о российской армии и евреях во время Первой мировой войны // Вестник Еврейского университета в Москве*. 2003. № 8. С. 245—268.

⁹² ГАРФ. Ф. 102, II. Оп. 71. Д. 132. Л. 4; РГВИА. Ф. 1759. Оп. 3. Д. 1422. Л. 22, 60—88; РГВИА. Ф. 1932. Оп. 12. Д. 67. Л. 290.

⁹³ На самом деле до сентября 1915 г. так и не было создано специального бюрократического органа для согласования вопросов, касавшихся взятия и удержания заложников; когда же он был создан, то сосредоточился на заложниках, взятых на оккупированных территориях, в основном работая с дипломатической перепиской по данной проблеме и практически не занимаясь условиями содержания, правомерностью и адекватностью наказаний для заложников из числа российских подданных. АВПРИ. Ф. 323. Оп. 617. Д. 83. Л. 61; Ф. 157. Оп. 455а. Д. 238. Т. 3.

⁹⁴ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 80. Л. 670 об., 728; РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 28. Л. 319.

⁹⁵ РГВИА. Ф. 1343. Оп. 8. Д. 305. Л. 102—111, 113.

⁹⁶ Обсуждение проблемы ответственности правительственной власти за погромы в Российской империи до Первой мировой войны в современной историографии см.: Pogroms: Anti-Jewish Violence in Modern Russian History / Eds. J.D. Klier, S. Lambroza. Cambridge, 1992. P. 315. На основании подробных исследований более ранних погромов (1881—1884 гг. и 1902—1906 гг.) авторы и редакторы данного коллективного исследования пришли к выводу, что высокопоставленные *гражданские* чиновники никогда не организовывали и не одобряли погромов как систематического явления.

⁹⁷ ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 524. Л. 2—3 (Исполняющий должность генерал-губернатора Варшавы — в Совет министров, 6 сентября 1914 г.).

⁹⁸ *Cherniavsky M.* Prologue to Revolution. P. 56—74; Совет министров Российской империи. С. 169, 204—205, 211—212.

⁹⁹ Из черной книги российского еврейства. С. 233; Документы о преследовании евреев. С. 247.

¹⁰⁰ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 24. Л. 305.

¹⁰¹ ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 163. Л. 4—4 об. (Шедува, Ковенская губерния, б.д. [сведения, предоставленные жителем Шедувы депутату Думы М.Х. Бомашу]).

¹⁰² Архивные дела, составляющие личный архив депутата IV Думы М.Х. Бомаша (ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1), содержат десятки подобных сообщений.

¹⁰³ Последующие данные основаны на отчетах именно такого типа, составленных Группой еврейских общественных деятелей — межпартийным обществом ведущих еврейских общественно-политических деятелей. Группа собирала копии официальных документов и отчетов о ситуации в подвергшихся репрессиям общинах. См.: ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 163. YIVO (New York). Коллекция Давида Мовшовича. Д. 13090—13245; Из черной книги российского еврейства. С. 231—296. Отчет о событиях, основанный прежде всего на этих материалах, см.: American Jewish Committee // *The Jews in the Eastern War Zone*. New York, 1916.

¹⁰⁴ Из черной книги российского еврейства. С. 218—219.

¹⁰⁵ О проблеме инфляции в военное время, а также о ее влиянии на межнациональные отношения см.: *Кирьянов Ю.И.* Массовые выступления на почве дороговизны в России (1914 — февраль 1917 г.) // Отечественная история. 1993. № 1. С. 3—18.

¹⁰⁶ YIVO (New York). Коллекция Давида Мовшовича. Д. 13197, 13200.

¹⁰⁷ *Golczewski F.* Polnisch-Jüdische Beziehungen, 1881—1922. Wiesbaden, 1981. S. 106—120.

¹⁰⁸ YIVO (New York). Коллекция Давида Мовшовича. Д. 13214.

¹⁰⁹ Что касается российско-подданных немцев, то имеющиеся исследования не позволяют однозначно заявлять о массовом насилии по отношению к ним в процессе высылки. Однако один из свидетелей высылки немцев из Волынской губернии утверждал, что казаки довольно широко применяли насильственные меры по отношению к немцам, действуя по

той же схеме, что и при высылке евреев. См.: *Krueger A. Die Fluchtlinge von Wolhynien: Der Leidensweg russlanddeutscher Siedler, 1915—1918. Plauen, 1937.* Весьма бедно прокомментированное, но, вероятно, основанное на сообщениях очевидцев исследование также повествует о широком применении насилия: *Giesbrecht W. Die Verbannung der Wolhyniendeutschen, 1915/1916 // Wolhynische Hefte. 1984. No. 3. S. 43—97; 1986. No. 4. S. 9—97; 1988. No. 5. S. 6—62.*

¹¹⁰ ГАРФ. Ф. 102, II. Оп. 71. Д. 111А. Л. 41—42, 67—69.

¹¹¹ Командующие фронтами и армиями настаивали на том, что ни одно ранее высланное лицо не должно получать права на возвращение без особого разрешения военных властей, выдаваемого в каждом конкретном случае. Поскольку данная процедура включала подробное расследование обстоятельств жизни каждого выселенца на предмет его благонадежности, данная установка блокировала все попытки возвращения, пока требования военных не были сняты в течение лета 1917 г. См.: РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 28. Л. 316—318; Ф. 2032. Оп. 1. Д. 281. Л. 408 (А.М. Драгомиров — в Ставку, 15 мая 1917 г.); Ф. 2049. Оп. 1. Д. 452. Л. 117—130.

¹¹² РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 28. Л. 319—322 (Переписка между Ставкой и начальником канцелярии по гражданскому управлению армий Южного фронта, 31 августа 1917 г.); ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 2. Д. 413. Л. 1—19 (Переписка между губернаторами, МВД и Ставкой, апрель—сентябрь 1917 г.). Общий анализ погромов евреев, немцев и вообще иностранцев в 1917 г. см. в кн.: *Канищев В.В. Русский бунт — бессмысленный и беспощадный: Погромное движение в городах России в 1917—1918 гг. Тамбов, 1995.*

¹¹³ ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 2. Д. 413. Л. 9 (Житомирский губернский комиссар — в Ставку, 21 сентября 1917 г.); Л. 14 (МВД — в Ставку, 24 апреля 1917 г.).

¹¹⁴ Там же. Л. 12; *Saratower Deutsche Zeitung. 1917. 28 сент.*

¹¹⁵ АВПРИ. Ф. 157. Оп. 455а. Д. 326, т. 1. Л. 10—17, 20 (Вятский губернатор — в МИД, 26 апреля 1917 г.; Отчет о беглых из Вятской губернии при помощи организации швейцарского Красного Креста, б.д.).

¹¹⁶ РГВИА. Ф. 1932. Оп. 12. Д. 67. Л. 24—27, 38, 166.

¹¹⁷ YIVO (New York). Коллекция Давида Мовшовича. Д. 13141.

¹¹⁸ См.: *Rogger H. Conclusion and Overview // Pogroms. / Eds. J.D. Klier, S. Lambroza. P. 314—362.* Похожую точку зрения защищает работа: *Judge E.H. Urban Growth and Anti-Semitism in Russian Moldavia // Modernization and Revolution: Dilemmas of Progress in Late Imperial Russia / Eds. E.H. Judge, J.Y. Simms, Jr. New York, 1992. P. 43—57.* Сравнительно недавний обзор погромов на Украине см. в кн.: *Abramson H. A Prayer for the Government: Ukrainians and Jews in Revolutionary Times, 1911—1920. Cambridge, Mass., 1999. P. 109—140.* По мнению Питера Гэтрелла, ²/₅ насильственно перемещенных евреев направлялись именно в те регионы Российской империи, которые до этого были для них закрыты. *Gatrell P. A Whole Empire Walking. Bloomington, 1999. P. 146.*

¹¹⁹ РГВИА. Ф. 1932. Оп. 12. Д. 64. Л. 534—536. К сожалению, это единственный архивный документ, касающийся принудительных выселок цыган, который мне удалось обнаружить. Насколько мне известно, исторические исследования по этому важному вопросу также отсутствуют. Остается невыясненным, как именно выполнялись и выполнялись ли вообще подобные приказы.

¹²⁰ ГАРФ. Ф. 406 (старая нумерация) или Ф. 1791 (новая нумерация). Оп. 2. Д. 404. Л. 1—48, особенно 46, 48. См. также: *Lohr E. Enemy Alien Politics*. P. 104.

¹²¹ РГВИА. Ф. 1218. Оп. 1. Д. 155. Л. 93 (Джунковский — Харьковскому губернатору, 15 января 1915 г.). См. также: Государственная Дума. Стенографические отчеты. Четвертый созыв. Сессия 4-я. Пг., 1915. Заседание 1. Стб. 129; Заседание 2. Стб. 153—154, 187; Заседание 10. Стб. 829.

¹²² ГАРФ. Ф. 102, II. Оп. 73. Д. 83. Л. 6.

¹²³ РГВИА. Ф. 1218. Оп. 1. Д. 155. Л. 5—132.

¹²⁴ Там же. Л. 26.

¹²⁵ Там же. Л. 77 об. (Нижегородский губернатор — Джунковскому, 18 января 1915 г.).

¹²⁶ РГВИА. Ф. 2018. Оп. 1. Д. 95. Л. 41. Остров Нарген расположен в Каспийском море на расстоянии около 8 км к юго-востоку от Баку.

¹²⁷ *Сиорадзе М.М.* Батумская область в империалистических планах западных держав (1914—1921 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1986. С. 79.

¹²⁸ РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 1061. Л. 1—4 (Петерсон — А.П. Никольскому, 17 января 1915 г.).

¹²⁹ *Сиорадзе М.М.* Батумская область. С. 60—78; *Conrood R.* The Duma's Attitude toward War-time Problems of Minority Groups // *American Slavic and East European Review*. 1954. Vol. 13. P. 44.

¹³⁰ РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 1061. Л. 61—62.

¹³¹ Выселки российско-подданных — мусульман из этих областей продолжались вплоть до 10 сентября 1915 г., когда наконец появился приказ прекратить их. РГВИА. Ф. 1218. Оп. 1. Д. 155. Л. 150 (Тифлисский губернатор — управляющему МВД, 10 сентября 1915 г.). Расследование мнимой измены аджарцев продолжалось до 26 января 1918 г., пока не было прекращено Кавказским комиссариатом. *Сиорадзе М.М.* Батумская область. С. 79.

¹³² РГВИА. Ф. 1932. Оп. 12. Д. 34. Л. 1.

¹³³ *Bonch-Bruyevich M.D.* From Tsarist General to Red Army Commander. Moscow, 1966. P. 63—65 [*Бонч-Бруевич М.Д.* Вся власть Советам! Воспоминания. М.: Воениздат, 1957. — *Прим. пер.*].

¹³⁴ Командование Петроградского военного округа докладывало, что в штаб одной только 6-й армии за первые три месяца войны поступило 2,5 тыс. доносов. См.: РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 101. Л. 37 (Записка контрразведки Петроградского военного округа, 15 октября 1914 г.).

¹³⁵ Там же. Л. 1—30 (Янушкевич — Лодыженскому, б.д. [1914]).

¹³⁶ См., например, брошюру «Шпионы от религии» (ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2598). Личный фонд П.Н. Милокова, ставшего защитником их прав (однако лишь на словах), содержит немало свидетельств о репрессиях. В качестве примера агитации в печати см. серию статей А. Селитренникова (псевд. А. Ренников) в «Новом времени», позже вышедших отдельной кн.: *Ренников А. Золото Рейна: О немцах в России*. Пг., 1915. Утверждения, что религиозные общины были тесно связаны с Германией, в лучшем случае сомнительны. См.: ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2592.

¹³⁷ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2597. Л. 1—2. Многие штундисты были уволены со службы и высланы по обвинению в распространении своей веры. См.: РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 1142. Л. 14—20.

¹³⁸ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 24. Л. 172 (Циркуляр департамента духовных дел МВД, 22 ноября 1914 г.). В ноябре 1914 г. было принято решение правительствующего Сената, официально даввшее МВД право увольнять и высылать лидеров этих религиозных течений и сект. См.: РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 33. Л. 12 (Циркуляр Маклакова губернаторам и градоначальникам, 13 ноября 1914 г.).

¹³⁹ РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 360. Л. 2; Немцы-пасторы в России // *Голос России*. 1914. № 356. Кампания была также довольно интенсивна в польских губерниях. Газета «Привислянский край» часто помещала заметки о немецких пасторах, высылаемых за «германофильство». РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 360. Л. 20—23; Д. 357 (Алфавитный список пасторов, удаленных из мест служения и высланных за антиправительственную и германофильскую деятельность, 1915—1916 гг.).

¹⁴⁰ ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 524. Л. 132—133.

¹⁴¹ *Zetterberg S. Die Liga der Fremdvölker Russlands 1916—1918. Ein Beitrag zu Deutschlands antirussischen Propagandakrieg unter den fremdvölkern Russlands im ersten Weltkrieg* // *Studia Historica*. Helsinki, 1978. Vol. 8. Обзор обширной полицейской программы по подавлению украинского национального движения и националистически настроенной украинской интеллигенции см.: РГИА. Печатная записка № 262 — «Записка об украинском движении за 1914—1916 гг. с кратким очерком истории этого движения как сепаратистски-революционного течения среди населения Малороссии».

¹⁴² РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 256 (Список католических священников, высланных на восток империи за антиправительственную деятельность, 1914—1916 гг.).

¹⁴³ *Stackelberg-Sutlem E.F. von. Aus meinem Leben: Die Kriegsjahre 1914—1918: Verschickung nach Sibirien*. Hannover-Döhren, 1964; *Stach J. Schicksalsjahre der Russlanddeutschen: Erlebnisse eines deutschen Pastors, 1916—1922*. Bonn, 1983; РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 991. Л. 46—50 (Бонч-Бруевич — Янушкевичу, 12 июня 1915 г.).

¹⁴⁴ Частое использование этого термина в некотором смысле предполагает наличие общих черт с позднейшими советскими этническими

чистками. Терри Мартин в своем исследовании депортаций ряда народов СССР в 1930-х гг. утверждал, что термин «очищение» в то время по смыслу и значению был действительно схож с понятием «этническая чистка». См.: *Martin T. The Origins of Soviet Ethnic Cleansing // The Journal of Modern History. 1998. Vol. 70. P. 815—817.* Данный термин имел ряд значений, включая «очистку или удаление иностранных либо нежелательных элементов», однако также использовался командующими армейских соединений в значении простой очистки территории от вражеских войск. Хотя этот специфический термин изначально имел строго военное значение, а на практике включал в себя еще и принудительные переселения, его смысл вскоре расширился и приобрел черты, сближающие его с современными этническими чистками, проводящимися с целью навсегда изменить демографическую структуру конкретных территорий и сделать их максимально мононациональными. Более того, приказы о выселении часто использовали подобные термины, подразумевая, что выселяемые являются социально опасными, зараженными и нездоровыми элементами, подлежащими удалению. Высокий процент эпидемической заболеваемости среди выселенцев из-за ужасных условий содержания в поездах в процессе депортации лишь добавлял новые оттенки к данному значению. См.: *Нелипович С. Генерал от инфантерии Н.Н. Янушкевич: «Немецкую пакость уволить и без нежностей»: депортации в России 1914—1918 гг. // Военно-исторический журнал. 1997. № 1. С. 42—53; РГВИА. Ф. 1218. Оп. 1. Д. 155. Л. 5—132.*

¹⁴⁵ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 24. Л. 348.

¹⁴⁶ ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 2. Д. 413 (Прошение группы немецких колонистов, высланных из одной из польских губерний, в Харьковский Совет рабочих и солдатских депутатов, 21 мая 1917 г.); *Giesbrecht W. Die Verbannung der Wolhyniendeutschen, 1915/1916. S. 69.*

¹⁴⁷ Изложение основано на следующих материалах: РГВИА. Ф. 2018. Оп. 1. Д. 155. Л. 50, 63—70, 87.

¹⁴⁸ РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1872. Л. 82—85 (Доклад Дашкова царю, январь 1915 г.).

¹⁴⁹ См., например: ГАРФ. Ф. 102, II. Оп. 73. Д. 235. Л. 23; РГВИА. Ф. 1218. Оп. 1. Д. 155. Л. 77 об.

¹⁵⁰ *Schmidt C. Russische Presse und Deutsches Reich 1905—1914. Cologne; Vienna, 1988. S. 100—108; Martin T. The Mennonites and the Russian State Duma, 1905—1914 // The D.W. Treadgold Papers in Russian, East European and Central Asian Studies. 1996. № 4.*

¹⁵¹ *Volkszeitung* (Саратов). 1914. 6 авг.

¹⁵² Наряду с выселениями возникла угроза того, что конфискации земель будут распространены на немецкие общины в Поволжье и других регионах; угроза начала воплощаться в реальность в январе 1917 г. *Striegnitz S. Der Weltkrieg und die Wolgakolonisten: Die Regierungspolitik und die Tendenzen der gesellschaftlichen Entwicklung // Zwischen Reform und Revolution: Die*

Deutschen an der Wolga 1860—1917 / Eds. D. Dahlmann, R. Tuchtenhagen. Essen, 1994. S. 146.

¹⁵³ ГАРФ. Ф. 102, II. Оп. 71. Д. 111а. Л. 118 (Циркуляр МВД губернаторам, военным губернаторам и уездным властям, 3 декабря 1915 г.).

¹⁵⁴ Именно это происходило в Пермской губернии. ГАРФ. Ф. 102, II. Оп. 71. Д. 111а. Л. 149 (Предводитель дворянства Лифляндской губернии — Б. В. Штюрмеру, 9 июня 1916 г.).

¹⁵⁵ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 28. Л. 206. См., например, эволюцию самосознания Йоханнеса Шлейнинга, сравнив то, что он писал о себе во время и после войны: *Schleuning J. Aus tiefster Not: Schicksale der deutschen Kolonisten in Russland*. Berlin, 1922; *Idem. In Kampf und Todesnot: Die Tragodie des Russlanddeutschtums*. Berlin, 1931.

¹⁵⁶ До войны наблюдалось некоторое взаимодействие между депутатами Думы от немецких поселенцев в различных частях империи и представителями прибалтийских немцев, в основном в составе немецкой группы фракции октябристов. В 1908 г. состоялось собрание всех представителей немецких национальных организаций империи, но оно не смогло преодолеть глубокие различия между общинами и достичь основной цели — создания единой организации. В течение войны Карл Линдеман и депутат Думы Л. Г. Люц активно взаимодействовали с различными немецкими общинами и лоббировали их интересы, касавшиеся Москвы и Петрограда. См.: *Линдеман К. Прекращение землевладения и землепользования*. См. также полицейские отчеты об их деятельности: ГАРФ. Ф. 102, II. Оп. 73. Д. 351. Л. 184, 203—204 (Начальник Кубанского областного жандармского управления — в Департамент полиции, 30 ноября 1916 г.); *Fleischhauer I. Die Deutschen im Zarenreich: Zwei Jahrhunderte deutsch-russische Kulturgemeinschaft*. Stuttgart, 1986. S. 385.

¹⁵⁷ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2615. Ряд местных съездов прошел в мае в Одессе, Москве, Саратове и др. городах. ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 2. Д. 496. Л. 154 (Запрос представителей съезда русских немцев Юга России Г. Е. Львову, 5 июня 1917 г.).

¹⁵⁸ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2615.

¹⁵⁹ *Saratower Deutsche Zeitung*. 1917. 28 сент.

¹⁶⁰ *Lager, Front oder Heimat. Deutsche Kriegsgefangene in Sowjetrussland 1911 bis 1920* / Eds. I. Pardon, W. Shurawl'jow. Munich, 1994. Vol. 1.

¹⁶¹ Пример отличного исследования резкой активизации деятельности национальных общин и обществ взаимопомощи: *Zipperstein S.J. The Politics of Relief: The Transformation of Russian Jewish Communal Life During the First World War // Studies in Contemporary Jewry: An Annual*. Oxford; New York, 1988. Vol. 4: *The Jews and the European Crisis, 1914—1921* / Ed. J. Frankel. P. 22—40. См. воспоминания об этой деятельности: *Russian Jewry (1860—1917)* / Eds. J. Frumkin, G. Aronson, A. Goldenweiser. New York, 1966. P. 74—110. О деятельности различных ассоциаций и мобилизации национальных и иных общин для помощи беженцам см.: *Garrell P. A Whole Empire Walking*.

¹⁶² Концепция «мобилизации этничности» во время войны разработана в исследовании: *Hagen M. von. The Great War and the Mobilization of Ethnicity. P. 34—57.*

¹⁶³ Первоначально под безусловные исключения попадали лишь незначительные по численности группы лиц. С 31 июля 1914 г. в ответ на требование Франции вражеские подданные, могущие доказать свою французскую национальность и прошлую принадлежность к Эльзасу или Лотарингии, подлежали исключению из действия депортационных законов. Когда Италия вступила в войну на стороне Антанты, льготы были также предоставлены австрийским подданным итальянского происхождения. Большинство основных приказов о массовых выселениях всегда содержали фразу о возможности исключений для представителей этих национальностей. Несмотря на раннее принятие принципа предоставления льгот этим группам, на практике все было не так однозначно, и послы союзных с Россией стран вынуждены были в течение всей войны держать данный вопрос в поле зрения, чтобы предоставленные законом исключения были соблюдены в каждом крупном приказе о выселении. Например, 9 января 1915 г. французский посол М. Палеолог гневно потребовал предоставить льготы для этнических французов, бельгийцев и румын, являвшихся вражескими подданными, после того как небольшие группы каждой из этих национальностей были высланы из Петрограда. РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1872. Л. 50; Ф. 2005. Оп. 1. Д. 24. Л. 205.

¹⁶⁴ Взгляды правых кадетов были сформированы и разработаны П.Б. Струве и др. сотрудниками журнала «Русская мысль» (под редакцией Струве) и газеты «Московский еженедельник», редактируемой либеральным философом Е.Н. Трубецким. См.: *Fischel A. Der Panslawismus bis zum Weltkrieg: Ein geschichtlicher Überblick. Stuttgart, Berlin, 1919.*

¹⁶⁵ ГАРФ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 99. Л. 26.

¹⁶⁶ РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1872. Л. 51. Эти части должны были формироваться в Киевском военном округе. Общая практика по отношению ко всем военнопленным, захваченным на поле боя, быстро эволюционировала до весьма различного отношения к пленным славянского происхождения. Уже 26 сентября 1914 г. Военное министерство в лагерях для военнопленных стало отделять чехов, словаков, сербов, эльзасцев и лотарингцев, итальянцев и румын, предоставляя им лучшие условия содержания и одежду, а также позволяя жить на частных квартирах (а не в лагерях) во внутренних губерниях и работать на более легких работах. АВПРИ. Ф. 323. Оп. 617. Д. 80. Л. 13 (ГУГШ — в МИД, 26 сентября 1914 г.). Хотя МИД 9 октября 1914 г. предложило предоставлять подобные привилегии и полякам, официально это так и не было сделано. Процедура, позволявшая славянам присоединяться к формируемым из их соотечественников воинским частям и таким образом освобождаться от интернирования, не была отработанной и проходила крайне медленно. В Ставке было подсчитано, что к 1 января 1916 г. всего 2400 лиц, в основном сербов, были освобождены

на этих условиях. РГВИА. Ф. 2000с. Оп. 6. Д. 162. Л. 1—6 об. Ричард Спид подсчитал, что в течение всей войны лишь около 10% приблизительно из 200 тыс. военнопленных славян, содержавшихся в России, записались в ряды специально формируемых военных частей. *Speed R.V. Prisoners, Diplomats, and the Great War.* P. 121.

¹⁶⁷ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 23. Л. 139.

¹⁶⁸ РГВИА. Ф. 1759. Оп. 3. Д. 1421. Л. 53.

¹⁶⁹ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 24. Л. 395.

¹⁷⁰ Там же. Д. 20. Л. 6, 142; Д. 24. Л. 38—50; Д. 22. Л. 21. Приблизительно 200 тыс. лиц чешского происхождения проживало в Российской империи к началу войны, причем около 70 тыс. — в сельскохозяйственных колониях на Украине. Более половины чехов появилось в России в последние 30 лет существования империи, и многие не успели натурализоваться. См.: *Ковба Ж.М. Чеська еміграція на Україні.* С. 70—74.

¹⁷¹ Там же. С. 265. См. также: РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 544. Л. 48.

¹⁷² РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 24. Л. 399 (Саввич — Алексееву, 27 сентября 1915 г.). Он оправдывался тем, что их могут заставить служить во вражеских армиях.

¹⁷³ РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 294. Л. 23об.

¹⁷⁴ *Арутюнян А.А. Первая мировая война.* С. 33.

¹⁷⁵ См., например: ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 2. Д. 404. Л. 5; РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 14. Л. 404, 406; Ф. 1284. Оп. 190. Д. 344. Л. 1—3.

¹⁷⁶ РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 23. Л. 8—9.

¹⁷⁷ ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 2. Д. 414. Л. 7, 10, 13, 15—20.

¹⁷⁸ Там же. Д. 404. Л. 31—41. Лазы — небольшой народ, лингвистически близкий к мингрелам. Краткий очерк массовой эмиграции лазов в Турцию после аннексии Карса и Батума Российской империей см. в кн.: *McCarthy J. Death and Exile: The Ethnic Cleansing of Ottoman Muslims, 1821—1922.* Princeton, 1995. P. 114—116.

¹⁷⁹ ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 2. Д. 404. Л. 1—48, особенно 46, 48.

¹⁸⁰ ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 432. Л. 36.

¹⁸¹ АВПРИ. Ф. 323. Оп. 617. Д. 80 (Министр иностранных дел Сазонов — военному министру Сухомлинову, 9 октября 1914 г.).

¹⁸² ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 174. Л. 352 (Циркуляр МВД губернаторам, подписанный Маклаковым, б.д. [1914 г.]).

¹⁸³ РГВИА. Ф. 2000с. Оп. 1. Д. 4430. Л. 7 (Янушкевич — графу Велепольскому, 7 февраля 1915 г.); РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 24. Л. 237 (Янушкевич — Варшавскому генерал-губернатору, 16 января 1915 г.).

¹⁸⁴ Там же. Л. 294—297 (Польское общество взаимопомощи — в Ставку, 15 января 1915 г.).

¹⁸⁵ Там же (Польское отделение Всероссийской организации помощи славянским военнопленным — князю Туманову, 2 января 1915 г.).

¹⁸⁶ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 23. Л. 45—76.

¹⁸⁷ ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 2. Д. 330. Л. 37, 39, 49, 58, 69. Даже после отмены закона военные продолжали настаивать на обязательном письменном разрешении Ставки в каждом отдельном случае, что существенно замедлило возвращение высланных поляков на родину.

¹⁸⁸ Стихийное возвращение высланных началось весной 1917 г., однако по-настоящему массовым оно стало лишь летом 1918 г., когда имелись первые сообщения о тысячах выселенцев, двигавшихся вдоль железных дорог. ГАРФ. Ф. р-393. Оп. 1. Д. 66. Л. 13—14.

¹⁸⁹ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 24. Л. 403, 405.

¹⁹⁰ Там же. Л. 407 (Министр иностранных дел — министру торговли и промышленности, сентябрь 1915 г.).

¹⁹¹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1469. Л. 1—2; РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 9. Л. 9—15 об. (Особый журнал Совета министров, 7 апреля 1916 г., подписанный царем 7 мая 1916 г.) [Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909—1917 гг. / 1916 год. М., 2008. С. 157—158. — *Прим. пер.*]. Также были изданы приказы о высылке всех болгарских подданных из Москвы и Петрограда. См.: Речь. 1916. 23 июля; Русские ведомости. 1916. 29 авг.

¹⁹² *Torpey J. The Invention of the Passport: Surveillance, Citizenship and the State.* Cambridge, 2000. P. 111.

¹⁹³ АВПРИ. Ф. 157. Оп. 455а. Д. 216. Л. 3—22 (Переписка министра иностранных дел с министром внутренних дел относительно нового закона о правилах, касающихся въезда и выезда из пределов империи); Об установлении временных правил о выдаче заграничных паспортов и свидетельств на въезд в империю // Особый журнал Совета министров, 7 июля 1915 г., подписанный царем 14 июля 1915 г. [Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909—1917 гг. / 1915 год. М., 2008. С. 343—344. — *Прим. пер.*]. Помимо других изменений, данный закон впервые предусматривал обязательное наличие фотографии в заграничном паспорте. АВПРИ. Ф. 157. Оп. 455а. Д. 21а. Л. 1—325 (Жалобы и переписка частных лиц, въезжающих и выезжающих из пределов империи, 1915 г.).

¹⁹⁴ ГАРФ. Ф. 102, II. Оп. 73, ч. 1. Д. 10, ч. 36. Л. 1—117; РГИА. Печатная записка № 2534.

¹⁹⁵ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 24. Л. 414—417 (Служебная записка о чрезвычайном заседании Совета министров в Ставке, 14 июня 1915 г.).

¹⁹⁶ В марте 1915 г. Комитет польских протестантов подчеркивал, что российское правительство в конце XIX в. противодействовало полонизации этнических немцев-протестантов и оказывало давление на последних с целью сохранения ими германской культуры, поскольку считало их более лояльными, чем поляков. Во время войны именно немцы неожиданно были высланы, а поляки оставлены вне подозрений. РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 29. Л. 60—65 (Отчет вел. кн. Николаю Николаевичу о высылке евангелистов из Варшавской губернии, 17 марта 1915 г.).

¹⁹⁷ Генерал П. Г. Курлов в начале войны формулировал этот вскоре устаревший взгляд в виде фразы: «Латыши — все поголовно революционеры». Летом 1915 г. он был уволен в отставку после продолжительной критики в Думе и периодической печати его «прогерманской» политики на всех занимаемых им постах. ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 676. Л. 9 об.

¹⁹⁸ См., например: *Stumpp K.* Die Russlanddeutschen: zweihundert Jahre unterwegs. Stuttgart, 1982; *Dubnow S.* History of the Jews in Russia and Poland, From the Earliest Times until the Present Day. Philadelphia, 1920. Vol. 3; *Lacqueur W.* Russia and Germany: A Century of Conflict. Boston, 1965.

¹⁹⁹ О бойкоте см.: *Golczewski F.* Polnisch-Jüdische Beziehungen. S. 106—120.

²⁰⁰ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 24. Л. 236 (Варшавский генерал-губернатор — Янушкевичу, 16 января 1915 г.).

²⁰¹ Там же. Д. 20. Л. 14—18 (М. М. Радзивилл — Янушкевичу, 29 сентября 1914 г.). Как ни странно, Янушкевич и сам имел польские корни.

²⁰² ОР РГБ. Ф. 261. Кар. 20. Д. 6, ч. 1.

²⁰³ Джон Армстронг утверждает это в своей работе: *Armstrong J.* Mobilized and Proletarian Diasporas // *American Political Science Review.* 1976. Vol. 70. No. 2. P. 393—408.

Заключение

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 991. Л. 96—97.

² Государственная Дума. Стенографические отчеты. Четвертый созыв. Заседание 14 июня 1916 г. Стб. 5395—5396; РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 29. Л. 1—4.

³ Там же. Л. 1—60 (Материалы Министерства юстиции по проекту уничтожения особых земельных прав дворянства в Прибалтийском крае, 1916 г.).

⁴ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 676. Л. 3 об. — 9 об. (Отчет генерал-адъютанта Баранова о расследовании деятельности генерал-лейтенанта Курлова, касающийся его деятельности как особо уполномоченного по гражданским делам в Прибалтийском крае с 24 ноября 1914 г. по 3 августа 1915 г., 1916 г.); *Hagen M.* Russification via 'Democratization'? Civil Service in the Baltic After 1905 // *Journal of Baltic Studies.* 1978. Vol. 9. № 1. P. 56—65.

⁵ РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1952. Л. 1—30 (Списки генералов и офицеров, 1 апреля 1914 г.); Весь Петроград на 1916 г.: Адресная и справочная книга г. Петрограда. Пг., 1916.

⁶ Журнал «1914 год». 1916. 21 апр. С. 15; *Verner A.M.* What's in a Name? Of Dog-Killers, Jews and Rasputin // *Slavic Review.* 1994. Vol. 53. № 4. P. 1047, 1061—1065.

⁷ ГАРФ. Ф. 102, II. Оп. 73. Д. 351. Л. 167—173. Анализ давления на бюрократов всех рангов по причине их немецких фамилий см. в кн.: *Rosen, baron.* Forty Years of Diplomacy. New York, 1922. Vol. 2. P. 84—91.

⁸ ГАРФ. Ф. 58. Оп. 5. Д. 393. Л. 1, 38, 48, 56 (Отчеты жандармов из уездов Московской губернии, апрель—декабрь 1916 г.).

⁹ *Heretz L. Russian Apocalypse 1891—1917: Popular Perceptions of Events from the Year of Famine and Cholera to the Fall of the Tsar. Ph.D. diss. Harvard University, 1993. P. 337; Figes O., Kolonitsky B. Interpreting the Russian Revolution: The Language and Symbols of 1917. New Haven; London, 1999. P. 9—29.*

¹⁰ *Wildman A.K. The End of the Russian Imperial Army. Princeton, 1980. Vol. 1. P. 92.*

¹¹ *Figes O., Kolonitsky B. Interpreting the Russian Revolution. P. 161—163.*

¹² ГАРФ. Ф. 102, II. Оп. 73. Д. 351. Л. 51 (Башмаков — Хвостову, 16 октября 1916 г.).

¹³ ГАРФ. Ф. 58. Оп. 5. Д. 399. Л. 123, 168, 172, 175—182, 246.

¹⁴ Об этой речи см.: *Резанов А.С. Штурмовой сигнал П.Н. Миллюкова. Париж, 1924. Жандармские отчеты о копиях речи, слухах вокруг нее и ее воздействии на общественное мнение см.: ГАРФ. Ф. 58. Оп. 5. Д. 399. Л. 234 и далее.*

¹⁵ *Pipes R. The Russian Revolution. New York, 1990. P. 255 [Лайнс Р. Русская революция. М., 2005. Кн. 1. — Прим. пер.]; Figes O., Kolonitsky B. Interpreting the Russian Revolution. P. 9—29; Solzhenitsyn A. November 1916: The Red Wheel. Knot II. New York, 1999. P. 785 [Солженицын А.И. Красное колесо. Узел II: Октябрь шестнадцатого. М., 1993. Т. 4. — Прим. пер.].*

¹⁶ Одним из основных вопросов, обсуждавшихся на закрытой партийной конференции кадетской партии, проходившей в 1915 г., было насильственное выселение военными евреев и представителей других национальных меньшинств, и именно это вскоре заставило партию вернуться к активной оппозиционной деятельности. См.: РГИА. Печатная записка 310; Из черной книги российского еврейства. С. 197—227 [Съезды и конференции конституционно-демократической партии: В 3 т. М., 2000. Т. 3. Кн. 1: 1915—1917 гг. С. 52—93. — Прим. пер.].

¹⁷ Постановление Временного правительства о приостановлении исполнения узаконений о землевладении и землепользовании австрийских, венгерских и германских выходцев // История российских немцев в документах (1763—1992) / Ред. Н.Ф. Бугай, В.А. Михайлов. М., 1993. С. 54—56. Переписку, связанную с исполнением этого постановления, см.: РГИА. Ф. 23. Оп. 27. Д. 675. Л. 3—19; *Owen T.C. The Corporation under Russian Law. P. 89.*

¹⁸ Документы, иллюстрирующие этот процесс, см. в кн.: Lager, Front oder Heimat. Deutsche Kriegsgefangene in Sowjetrussland 1917 bis 1920 / Eds. I. Pardon, W. Shurawljow. Munich, 1994. Vol. 1.

¹⁹ *Zipperstein S.J. The Politics of Relief: The Transformation of Russian Jewish Communal Life During the First World War // Studies in Contemporary Jewry: An Annual. Vol. 4: The Jews and the European Crisis, 1914—1921 / Ed. J. Frankel. Oxford; New York, 1988. P. 22—40.*

²⁰ *Gatrell P.* A Whole Empire Walking: Refugees in Russia During World War I. Bloomington, 1999. P. 141—170; Vom Zweiten deutschen Kongress des Volgagebiets, 19—22 September 1917 // *Saratower Deutsche Zeitung*. 1917. 28 September; *Zipperstein S.J.* The Politics of Relief. P. 22—40.

²¹ *Lih L.* Bread and Authority in Russia, 1914—1921. Berkeley, 1990; *Холквист П.* «Осведомление — это альфа и омега нашей работы»: Надзор за настроениями населения в годы большевистского режима и его обще-европейский контекст // *Американская русистика* / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2001. С. 45—93; *Holquist P.* To Count, To Extract, To Exterminate. P. 111—144; *Коцюнис Я.* Как крестьян делали отсталыми.

²² Одна из причин состоит в том, что прежние исследования русского национализма старались подчеркнуть скорее то, чего не было, чем реально происходившие процессы. При этом явные или скрытые сравнения всегда проводились исключительно с западноевропейскими мононациональными государствами, но не с континентальными империями.

²³ *Quataert D.* Social Disintegration and Popular Resistance in the Ottoman Empire, 1881—1908. New York, 1983, особенно P. 121—155.

²⁴ Джозеф Ротшильд утверждает, что процессы национализации Восточной Европы после Первой мировой войны были серьезно облегчены именно там, где «имущество иностранных землевладельцев и предпринимателей было экспроприровано в пользу крестьян и чиновников коренной национальности». *Rothschild J.* East Central Europe between the Two World Wars. Seattle, 1974. P. 12.

²⁵ Наиболее полный анализ как содействия развитию национальных культур, так и массовых депортаций отдельных народов в СССР см. в работах: *Martin T.* The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923—1939. Ithaca, 2001; *Idem.* The Origins of Soviet Ethnic Cleansing // *Journal of Modern History*. 1998. Vol. 70. No. 4. P. 813—861. О массовых насильственных переселениях в СССР во время Второй мировой войны см.: *Bugai N.F.* The Deportation of Peoples in the Soviet Union. New York, 1996 [*Бугай Н.Ф., Гонов А.М.* Кавказ: народы в эшелонах (20—60 е годы). М., 1998; *Бугай Н.Ф.* Депортация народов Крыма: документы, факты, комментарии. М., 2002. — *Прим. пер.*]; *Nekrich A.M.* The Punished Peoples: The Deportation and Fate of Soviet Minorities at the End of the Second World War. New York, 1978 [*Некрич А.М.* Наказанные народы. Нью-Йорк, 1978. — *Прим. пер.*].

²⁶ *Day R.B.* Leon Trotsky and the Politics of Economic Isolation. Cambridge, 1973.

²⁷ *Szporluk R.* Communism and Nationalism: Karl Marx versus Friedrich List. New York, 1988. P. 225.

²⁸ *Walicki A.* The Controversy over Capitalism: Studies in the Social Philosophy of the Russian Populists. London, 1969. P. 132—194; *Idem.* The Slavophile Controversy: History of a Conservative Utopia in Nineteenth-Century Russian Thought. Notre Dame, 1989; *Kolakowski L.* Main Currents of Marxism: Its Origins, Growth, and Dissolution. Oxford, 1978—1981. Vol. 1—3, особенно Vol. 3.

ИСТОЧНИКИ И БИБЛИОГРАФИЯ

Архивные источники

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), Москва

- Ф. 133 — Канцелярия министра иностранных дел
- Ф. 135 — Особый политический отдел
- Ф. 140 — Отдел печати и осведомления
- Ф. 155 — II Департамент (Департамент внутренних сношений)
- Ф. 157 — Правовой департамент
- Ф. 160 — Отдел о военнопленных
- Ф. 323 — Дипломатическая канцелярия при Ставке
- Ф. 340 — Коллекция документальных материалов из личных архивов чиновников МИД. Оп. 610 (Б.Э. Нольде)

Державний архів Харківської області (ДАХО), Харків, Україна

- Ф. 3 — Канцелярия Харьковского губернатора, Секретное отделение

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Москва

- Ф. 63 — Московское охранное отделение
- Ф. 102 — Департамент полиции
  - Особый отдел (ОО)
  - II Делопроизводство
  - VI Делопроизводство
  - IX Делопроизводство
- Ф. 110 — Штаб отдельного корпуса жандармов
- Ф. 116 — Всероссийский Дубровинский союз русского народа
- Ф. 117 — Русский народный союз имени Михаила Архангела
- Ф. р-130 — Совет народных комиссаров (СНК), 1917 г.
- Ф. 215 — Канцелярия Варшавского генерал-губернатора
- Ф. р-393 — Народный комиссариат внутренних дел (НКВД)
- Ф. р-375 — Военно-революционный комитет (ВРК) при Ставке Верховного главнокомандующего
- Ф. р-546 — Особый отдел по финансовым вопросам, стоящим в связи с осуществлением Брестского договора, при Департаменте государственного казначейства Народного комиссариата финансов, 1918 г.

- Ф. 573 — Мейендорфы, бароны. Александр Феликсович, тов. председателя III и IV Государственной Думы
- Ф. 579 — Милюков П.Н.
- Ф. 601 — Николай II
- Ф. 671 — Николай Николаевич (младший), вел. кн.
- Ф. 826 — Джунковский В.Ф.
- Ф. 1339 — Канцелярия Ломжинского губернатора
- Ф. 1467 — Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих высших должностных лиц
- Ф. 1790 — Министерство юстиции Временного правительства
- Ф. 1791 — Главное управление по делам милиции
- Ф. 1797 — Министерство земледелия Временного правительства
- Ф. р-1218 — Народный комиссариат по делам народностей России
- Ф. 3333 — Центральная коллегия по делам пленных и беженцев (Центропленбеж)
- Ф. р-6764 — Комиссия по обследованию и учету влияния на русское народное хозяйство войны и блокады Советской России Антантой
- Ф. 9458 — Бомаш М.Х.

Российский государственный исторический архив г. Москвы (РГИАМ)

- Ф. 3 — Московская купеческая управа
- Ф. 16 — Московский генерал-губернатор
- Ф. 17 — Канцелярия Московского губернатора
- Ф. 46 — Канцелярия Московского градоначальника
- Ф. 143 — Московский биржевой комитет

Российский государственный исторический архив (РГИА), Санкт-Петербург

- Ф. 23 — Министерство торговли и промышленности (МТиП)
- Ф. 30 — Комитет по ограничению снабжения и торговли неприятеля Министерства торговли и промышленности
- Ф. 32 — Совет съездов представителей промышленности и торговли
- Ф. 40 — Всеподданнейшие доклады по части торговли и промышленности (коллекция)
- Ф. 126 — Всероссийский съезд обществ заводчиков и фабрикантов
- Ф. 398 — Департамент земледелия (при МТиП)
- Ф. 468 — Кабинет его императорского величества
- Ф. 472 — Канцелярия Министерства императорского двора
- Ф. 544 — Канцелярия императрицы Марии Федоровны
- Ф. 560 — Общая канцелярия министра финансов
- Ф. 563 — Комитет финансов
- Ф. 592 — Государственный крестьянский поземельный банк
- Ф. 593 — Государственный дворянский земельный банк

- Ф. 788 — Военная цензура при Петроградском комитете по делам печати
Главного управления по делам печати
- Ф. 796 — Канцелярия Синода
- Ф. 821 — Департамент духовных дел иностранных исповеданий
- Ф. 828 — Генеральная евангелическо-лютеранская консистория (МВД)
- Ф. 1276 — Совет министров
- Ф. 1278 — Государственная Дума
- Ф. 1281 — Совет министра внутренних дел (МВД)
- Ф. 1282 — Канцелярия министра внутренних дел (МВД)
- Ф. 1284 — Департамент общих дел (МВД)
- Ф. 1291 — Земский отдел (МВД)
- Ф. 1322 — Особое совещание по устройству беженцев
- Ф. 1360 — Общество повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям
- Ф. 1405 — Министерство юстиции
- Ф. 1413 — Особый междудеятельный комитет для учета убытков, понесенных в связи с войной русскими подданными вне России, и для учета убытков неприятельских подданных в России (при Министерстве финансов)
- Ф. 1425 — Документы торгово-промышленных акционерных обществ и товариществ (коллекция)
- Ф. 1483 — Особый комитет по борьбе с немецким засильем
- Ф. 1647 — Мансырев С.П.
- Печатная записка № 310 — «Военная цензура и еврейский вопрос» (б.д. [нач. 1916 г.])
- Печатная записка № 468 — «К вопросу о праве подданных враждебных государств на судебную защиту в России во время войны»
- Печатная записка № 470, 471 — [Коллекции документов о высылке иностранных граждан]
- Печатная записка № 1199 — «Сведения о деятельности Крестьянского поземельного банка [в] 1910, 1914, 1915, 1916 гг.»

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), Москва

- Ф. 239. Оп. 1 — Бонч-Бруевич М.Д.
- Ф. 970 — Военно-походная канцелярия его имп. величества при Императорской главной квартире
- Ф. 1300 — Штаб Кавказского военного округа
- Ф. 1343 — Штаб Петроградского военного округа
- Ф. 1396 — Штаб Туркестанского военного округа
- Ф. 1558 — Штаб Приамурского военного округа
- Ф. 1606 — Штаб Московского военного округа
- Ф. 1720 — Штаб Казанского военного округа
- Ф. 1759 — Штаб Киевского военного округа
- Ф. 1915 — Штаб Минского военного округа
- Ф. 1932 — Штаб Двинского военного округа
- Ф. 2000с — Главное управление Генерального штаба (ГУГШ)

- Ф. 2003 — Штаб Верховного главнокомандующего (Ставка)
- Ф. 2004 — Управление начальника военных сообщений на театре военных действий
- Ф. 2005 — Военно-политическое и гражданское управление при Верховном главнокомандующем
- Ф. 2007 — Полевой штаб казачьих войск при Верховном главнокомандующем
- Ф. 2015 — Управление военного комиссариата Временного правительства при Верховном главнокомандующем
- Ф. 2018 — Управление верховного начальника санитарной и эвакуационной части при штабе Верховного главнокомандующего
- Ф. 2019 — Штаб Северо-Западного фронта
- Ф. 2021 — Управление начальника военных сообщений армий Северо-Западного фронта
- Ф. 2048 — Штаб главнокомандующего армиями Западного фронта
- Ф. 2049 — Канцелярия главного начальника снабжений армий Западного фронта
- Ф. 2050 — Управление начальника военных сообщений армий Западного фронта
- Ф. 2067 — Штаб главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта
- Ф. 2100 — Штаб главнокомандующего войсками Кавказского фронта
- Ф. 2101 — Управление начальника военных сообщений войск Кавказского фронта
- Ф. 2102 — Управление начальника санитарной части войск Кавказского фронта
- Ф. 2031 — Штаб главнокомандующего армиями Северного фронта
- Ф. 2048 — Штаб главнокомандующего армиями Западного фронта
- Ф. 2068 — Канцелярия главного начальника снабжений армий Юго-Западного фронта
- Ф. 2070 — Управление начальника военных сообщений армий Юго-Западного фронта
- Ф. 2126 — Штаб 6-й армии
- Ф. 2144 — Штаб 10-й армии
- Ф. 2168 — Штаб Кавказской армии
- Ф. 2169 — Управление начальника военных сообщений Кавказской армии
- Ф. 12651 — Главное управление Российского общества Красного Креста

Российская государственная библиотека, Отдел рукописей (ОР РГБ), Москва

- Ф. 261. Картон 20. Д. 6 — Харламов Николай Петрович, «Записки бюрократа: Борьба с немецким засильем во время русско-германской войны 1914—1916 гг. Воспоминания».

National Archives, Washington D.C.

- Listen und Fragebögen aus Russland ausgewanderter Reichsdeutscher, angelegt durch das Deutsche Auslandsinstitut Stuttgart. T. 81, R. 630—632.

YIVO Archives, New York

Коллекции Люсьена Вольфа (Wolf) и Давида Мовшовича (Mowshowitch).

Bakhtmetieff Archives, Columbia University, New York

Барк Петр Львович. Мемуары.

Периодические и продолжающиеся издания

Акционерно-паевые предприятия России

Архив русской революции

Биржевые ведомости

Былое

Вестник Европы

Вестник партии Народной свободы

Вестник финансов, промышленности и торговли

Война: Обзорение, пародии и карикатуры

Восход (газета)

Вся Москва

Голос Москвы

Голос России

Еврейская жизнь

Еврейская неделя

Ежегодник Министерства иностранных дел

Журнал «1914 год»: Борьба с немецким засильем и возрождение России

Журнал Министерства юстиции

Известия Министерства иностранных дел

Искры: Иллюстрированный художественно-литературный журнал с карикатурами

Коренник: Монархический-патриотический еженедельник

Красный архив

Московские ведомости

Национальные проблемы

Новое время

Новый восход

Промышленность и торговля

Речь

Рижская газета

Русская будущность

Русская мысль

Русские ведомости

Русские записки

Русское знамя

Clunet, Journal du droit international

Flugblatt des Moskauer Verbands russischer Staatsbürger deutscher Nationalität

Moskauer Nachrichten: Organ des Moskauer Verbandes russ. Staatsbürger dt.
Nationalität

Moskower deutsche Zeitung

Petrograder Herold

Petrograder Zeitung

Rigasche Rundschau

Saratower deutsche Volkszeitung

Volkszeitung (Саратов)

Избранная библиография

Опубликованные источники

- Авербах О.И.* Законодательные акты, вызванные войной 1914—1917 гг. Пг.: Электротип. Н.Я. Стойковой, 1915—1918. Т. 1—5.
- Александренко В.Н.* О высылке иностранцев // Журнал Министерства юстиции. 1905. Т. 5. Отд. 2. С. 35—69.
- Антипа Е.И.* Землевладение и землепользование по закону 2-го февраля 1915 г. и нормировка правоотношений к подданным враждебных нам держав. Одесса, 1916.
- Арам К.* В Сибири с тысячами немцев: четыре месяца в плену у русских. Берлин, 1914.
- Бадаев А.Е.* Большевики в Государственной думе. Воспоминания. М., 1954.
- Базилевич М.П.* Положение русских пленных в Германии и отношение германцев к населению занятых ими областей Царства Польского и Литвы. Пг.: А.А. Суворин, 1917.
- Белавенец М.И.* Немец во главе городских предприятий по трудовой помощи в гор. Петроград. (Борьба с немецким засильем. Соч. № 49). Пг.: Тип. МВД, 1916.
- Белов В.* Евреи и поляки на войне: рассказы офицера-участника. Пг.: Б-ка Великой войны, 1915.
- Бонч-Бруевич М.Д.* Вся власть Советам! Воспоминания. М.: Воениздат, 1957.
- Бруцкус Б.Д.* Экономическое положение евреев и война // Русская мысль. 1915. № 4. С. 27—45.
- Виграб Г.И.* Прибалтийские немцы: их отношение к русской государственности и к коренному населению края в прошлом и настоящем. Юрьев: Тип. эстонского издат. т-ва «Постимес», 1916.
- «Внутренний враг»: Материалы к истории немечества на Руси. М.: Наше Слово, 1915.
- Война и Русь. М.: Московский ком-т Красного креста, 1915.
- Война и экономическая независимость России. М.: Тип. И.Д. Сытина, 1915.
- Германские и австрийские фирмы в Москве на 1914 год. Указатель австро-венгерских и германских промышленно-торговых и торговых фирм в Москве, а равно и тех русских фирм, в составе коих имеются австрийские и германские подданные, по данным московских Купеческой и Ремесленной управ на 1914 г. М.: Издание Московского отдела Всероссийского национального союза, 1915.
- Гессен В.М.* Подданство, его установление и прекращение. СПб.: Тип. Правда, 1909.
- Гойхбарг А.Г.* Землевладение и землепользование подданных враждебных держав и немецких выходцев: Сводный текст законов 2 февраля и 13 декабря 1915 г. с вступительным очерком. Изд. 2-е. Пг.: Право, 1916.

- Государственная Дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. Четвертый созыв. Сессия 4-я: 19 июля — 3 сентября 1915 г. Пг., 1915; Сессия 5-я: 1 ноября 1916 г.—27 февраля 1917 г. Пг., 1917.
- Государственная Дума. Стенографические отчеты. Приложения к Стенографическим отчетам Государственной Думы. Четвертый созыв. Сессия 4-я: 1915—1916 гг. Пг., 1916. №№ 47, 53, 264, 336.
- Государственная Дума. Стенографические отчеты. Четвертый созыв. Сессия 4-я. Пг., 1915; Сессия 5-я: 1 ноября 1916 г. — 27 февраля 1917 г. Пг., 1917.
- Григорьянц С.Т.* Следует ли отрицать существование международного права вообще и права войны в частности? Одесса: Тип. С. Скарлаца, 1911.
- Громов Н.А.* Цензура и шпионство по законам военного времени. Пг., 1914.
- Гурко В.И.* Война и революция в России. М.: Центрполиграф, 2007.
- «Движение китайцев в Россию принимает угрожающие размеры» // Источник. 1997. № 1. С. 69—72.
- Деникин А.И.* Путь русского офицера. М.: Вагриус, 2003.
- Джунковский В.Ф.* Воспоминания. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997. Т. 2.
- Добрин С.* Вопросы министра юстиции правительствующему Сенату о праве неприятельских подданных на судебную защиту // Право: еженедельная юридическая газета. 1915. № 6 (8 февр.). С. 345—356.
- Доклад Комиссии по выяснению мер борьбы с германским и австро-венгерским влиянием в области торговли и промышленности. Октябрь 1914 — апрель 1915 гг. М., 1915.
- Документы о преследовании евреев // Архив русской революции. Берлин, 1928. Т. 19. С. 245—284.
- Дурбневский В.Н.* Германское двуподданство // Проблемы Великой России. 1916. № 11. С. 10—12; № 13. С. 11—13; № 15. С. 9—10.
- Евлогий (митрополит).* Путь моей жизни: воспоминания митрополита Евлогия. Париж: YMCA Press, 1947 [М.: Московский рабочий, 1994].
- Задачи, программа и деятельность торгово-промышленного отдела «Общества 1914 года» в 1915 году. Пг.: Рассвет, 1916.
- Зайцев Л.М.* Подданные враждебного государства и русские суды. Киев: «Петр Барский в Киеве», 1915.
- Законы об иностранцах, подданных воюющих с Россией держав, и сенатская практика. Одесса: М.С. Бершадский, 1914.
- Зив В.С.* Германские капиталы // Иностранные капиталы в российских акционерных предприятиях. Пг.: Тип. редакции периодич. изд. М-ва финансов, 1915. Т. 1.
- Иваненко.* По поводу закона 13-го декабря 1915 г. // Журнал Министерства юстиции. 1916. № 4. С. 209—219.
- Иванов Н.И.* Новый закон о землевладении и землепользовании подданных воюющих с Россией держав, а также австрийских, венгерских или германских выходцев. Одесса, 1916.
- Из черной книги российского еврейства // Еврейская старина. 1918. № 10. С. 195—296.
- Караулов М.А.* Основные моменты в деятельности Совета Общества 1914 года. Пг., 1917.

- Курлов П. Г. Конец русского царизма. Воспоминания бывшего командира Корпуса жандармов. М.: Госиздат, 1923 [М.: Захаров, 2002].
- Ладыженский А. М. Мировая война и будущее международного права // Проблемы Великой России. 1916. № 18. С. 6—9.
- Лемке М. К. 250 дней в царской Ставке (25 сент. 1915 — 2 июля 1916). Пг.: Госиздат, 1920.
- Линдеман К. Законы 2 февраля и 13 декабря 1915 года (об ограничении немецкого землевладения в России) и их влияние на экономическое состояние южной России. М.: К. Л. Меньшов, 1916.
- Линдеман К. Прекращение землевладения и землепользования поселян-собственников: Указы 2 февраля и 13 декабря 1915 года и 10, 15 июля и 19 августа 1916 года и их влияние на экономическое состояние южной России. М.: К. Л. Меньшов, 1917.
- Меньшевики. Документы и материалы. 1903 — февраль 1917 гг. М.: Росспэн, 1996.
- Муравьев М. В. Немцы в России (Материалы для ориентации). М.: Тип. А. И. Мамонтова, 1917.
- Мыш М. И. Об иностранцах в России: Сборник узаконений, трактатов и конвенций с относящимися к ним правительственными и судебными разъяснениями. Изд. 2-е. СПб.: А. Бенке, 1911.
- Мыш М. И. Руководство к русским законам о евреях. СПб., 1914.
- Немецкие шпионы. М.: Изд-во А. Д. Демкина, 1914.
- «Немецкое зло»: Сборник статей, посвященных вопросу о борьбе с нашей «внутренней Германией». М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1917.
- Общество 1914 года (Борьба с немецким засильем). Пг.: Рассвет, 1916.
- Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909—1917 гг. М.: Росспэн, 2001—2009. Т. 1—9.
- Открытое письмо Совета «Общества 1914 года» гг. членам Государственной Думы 15 июля 1916 года. Пг., [1916].
- Отчет Совета о деятельности «Общества 1914 года» за 1915 год. Пг.: Рассвет, 1916.
- Падение царского режима / Ред. П. Е. Щеголев. Л.: Госиздат, 1924—1927. Т. 1—7.
- Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М.: Международные отношения, 1991.
- Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М.: Политиздат, 1991.
- Поливанов Н. Д. О немецком засильи: Брошюра, отправленная Штабом верховного главнокомандующего на передовые позиции. Изд. 12-е. Пг., 1917.
- Положение о полевом управлении войск в военное время. Пг.: Военная тип. имп. Екатерины Великой, 1914.
- Предметный указатель к газете «Новое время» на второе полугодие 1914 года. Пг., 1915; на 1915 год. Пг., 1917.
- Призыв Отдела пропаганды идей «Общества 1914 года». Пг.: Рассвет, 1916.
- Путь к Октябрю: Сборник статей, воспоминаний и документов. М.: Московский рабочий, 1923—1925. Т. 3—5.
- Резанов А. С. Немецкое шпионство (Книга составлена по данным судебной практики и другим источникам). Пг.: М. А. Суворин, 1915.

- Реквизиция: конфискация. Пг.: Эвакуационно-реквизиционный отдел ЦВПК, 1916.
- Ренников А.* В Стране Чудес: Правда о прибалтийских немцах (со многими рисунками и снимками в тексте). Изд. 3-е. Пг., 1915.
- Ренников А.* Золото Рейна: О немцах в России. Пг.: А.С. Суворин, 1915.
- Розенберг В.* Современные правоотношения к неприятельским подданным: с приложением узаконений по этому предмету. Пг.: Тип. ред. период. изданий М-ва финансов, 1915.
- Ронге М.* Разведка и контрразведка. М.: Воениздат, 1937 [СПб.: СПбГУ, 2004]. Сборник узаконений, распоряжений, разъяснений и циркуляров об ограничении прав неприятельских подданных и о правительственном надзоре за торгово-промышленными предприятиями. Пг.: Тип. М-ва финансов, 1915.
- Свод отчетов фабричных инспекторов за... [1914—1916] гг. М.: Тип. В.Ф. Киршбаума, [1915—1917].
- Сергеев И.И.* Мирное завоевание России немцами. Пг., 1915.
- Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны: Бумаги А.Н. Яхонтова (Записи заседаний и переписка). СПб.: Дмитрий Буланин, 1999.
- Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапальского договора: Сборник документов. М.: Политиздат, 1968. Т. 1—2.
- Список членов «Общества 1914 года». Пг.: Рассвет, 1915.
- Ставка и Министерство иностранных дел // Красный архив. 1928. № 26. С. 1—50; № 27. С. 2—57; № 28. С. 3—58; № 29. С. 1—54; № 30. С. 5—45.
- Талергофский альманах: Пропамятная книга австрийских жестокостей, изверств и насилий над карпато-русским народом во времена всемирной войны 1914—1917 гг. Львов: Талергофский комитет, 1924—1925.
- Тунин А.П.* Прибалтийский край и война: Материалы из русской печати за август, сентябрь и октябрь 1914 г. Пг., 1914.
- Устав Общества потребителей при «Обществе 1914 года» [утв. 28 янв. 1916 г.]. Пг.: Рассвет, 1916.
- Фан-дер-Флит В.Я.* Всенемецкое движение как фактор Европейской войны // Известия Министерства иностранных дел. 1915. № 4.
- Шаховской В.Н., кн.* «Sic transit gloria mundi» (Так проходит мирская слава). 1893—1917 гг. Париж, 1952.
- Bauermeister A.* Spies Break Through: Memoirs of a German Secret Service Officer. London: Constable & Co., 1934.
- Benckendorff C., count.* Half a Life: The Reminiscences of a Russian Gentleman. London: Richards Press, 1954.
- Borchardt A.* Deutschrussische Rückwanderung // Preussische Jahrbücher. 1915. Vol. 162 (Okt. — Dez.). S. 133—150.
- Cahn W.* Reichs- und Staatsangehörigkeitsgesetz vom 22. Juli 1913, erläutert mit Benutzung Amtlicher Quellen und untervergleichender Berücksichtigung der ausländischen Gesetzgebung. (4th ed.). Berlin: J. Guttentag, 1914.
- Cherniavsky M.* Prologue to Revolution: Notes of A.N. Iakhontov on the Secret Meetings of the Council of Ministers, 1915. New Jersey: Prentice Hall, 1967.

- Denikin A.I.* The Career of a Tsarist Officer: Memoirs 1872—1916. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1975.
- Die Deutsch-lettischen Beziehungen in den Baltischen Provinzen: ein Wort der Aufklärung. Leipzig: S. Hirzel, 1916.
- Documents of Russian History, 1914—1917 / Ed. F.A. Golder. New York; London, 1927.
- Foreign Office. Reports of Delegates of the Embassy of the United States of America in St. Petersburg on the Situation of the German Prisoners of War and Civil Persons in Russia. N.d. [1916].
- Die Gefangenen: Misshandlungen in Entente-Ländern: Noten der Deutschen Regierung an die Neutralen Staaten. Berlin: Carl Henmanns Verlag, 1918.
- Gourko B.* Memories and Impressions of War and Revolution in Russia 1914—1917. London: John Murray, 1918.
- Higgins A.P.* The Hague Peace Conferences and other International Conferences Concerning Laws and Usages of War: Texts of Conventions with Commentaries. Cambridge, England: Cambridge University Press, 1909.
- Imperial and Royal Austro-Hungarian Ministry of Foreign Affairs // Collection of Evidence Concerning the Violations of International Law by the Countries at War with Austria-Hungary. 1915. January 31.
- The Jews in the Eastern War Zone / American Jewish Committee. New York: American Jewish Committee, 1916.
- Die Juden im Kriege: Denkschrift des Jüdischen Sozialistischen Arbeitervereins Poale-Zion an das Internationale Sozialistische Bureau. (Zweite erweiterte Auflage.) Den Haag: Verlag des Jüd. Soz. Arb.-Verbandes Poale-Zion, 1917.
- Klibanski H.* Russlands Kriegsgesetze gegen die feindlichen Ausländer // Zeitschrift für Völkerrecht (Breslau). 1917. № 10.
- Minsky E.L.* The National Question in the Russian Duma. London: Jewish Labor League, 1915.
- Niessen-Deiters L.* Krieg, Auslanddeutschtum und Presse // Politische Flugschriften. Vol. 27: Der Deutsche Krieg. Stuttgart; Berlin: Deutsche Verlags-Anstalt, 1915.
- Paleologue M.* An Ambassador's Memoirs. London: Hutchinson and Co., 1925. Vol. 1—3.
- Rosen R.R., baron.* Forty Years of Diplomacy. New York: Alfred A. Knopf, 1922. Vol. 2.
- Sammlung von Nachweisen für die Verletzungen des Völkerrechtes durch die mit Österreich-Ungarn kriegführenden Staaten. Vienna: K.K. Hof- und Staatsdruckerei, 1915.
- Sands B.* The Russians in Galicia. New York: Ukrainian National Council, 1916.
- Seligman E.R.A.* The War and the Jews in Russia. New York: National Workmen's Committee on Jewish Rights, 1916.
- Stackelberg-Sutlem E.F. von.* Aus meinem Leben: Die Kriegsjahre 1914—1918 Verschiedung nach Sibirien // Die Baltische Bücherei. Hannover-Döhren: Verlag Harro von Hirschheydt, 1964. Vol. 12.
- Vogel A. von.* Der Wirtschaftskrieg: Die Massnahmen und Bestrebungen des feindlichen Auslandes zur Bekämpfung des deutschen Handels und zur Förderung des eigenen Wirtschaftslebens. Jena: Kommissionsverlag von Gustav Fischer, 1918. Part 2: Russland.

The War and the Jews of Russia / National Workman's Committee for Jewish Rights. New York, 1916.

Weder H.S. Deutsch-russische Rücksiedlung // Bibliothek für Volks- und Weltwirtschaft. Vol. 32. Dresden; Leipzig, 1917. S. 1—66.

Исследования

Абрамова Н.Г. Источниковедческие проблемы изучения германских капиталов в промышленности дореволюционной России. Дисс. ... канд. ист. наук. МГУ, 1983.

Анфимов А.Н. Земельная аренда в России в начале XX века. М.: Изд-во АН СССР, 1961.

Арутюнян А.А. Первая мировая война и армянские беженцы (1914—1917). Дисс. ... канд. ист. наук. АН Армянской ССР (Институт истории). Ереван, 1989.

Арутюнян А.О. Кавказский фронт 1914—1917. Ереван: Аястан, 1971.

Бибе П.П. Немцы в Сибири в годы Первой мировой войны // Исторический архив. 1999. № 1. С. 149—176.

Бондарь С.Д. Секта меннонитов в России в связи с историей немецкой колонизации на юге России. Пг.: В.Д. Смирнов, 1916.

Брубейкер Р. Именем нации: размышления о национализме и патриотизме // Ab Imperio. 2006. № 2. С. 59—79.

Виноградов Ю. Моонзунд в огне. М.: Воениздат, 1971.

Ганелин Р. Государственная Дума и антисемитские циркуляры 1915—1916 годов // Вестник еврейского университета в Москве. 1995. Т. 3. № 10. С. 4—37.

Гессен Ю. Пленные в России с древних времен. Пг.: Тип. Л.Я. Гинзбург, 1918.

Давид И. История евреев на Кавказе. Тель-Авив: Кавказиони, 1990. Т. 1—2.

Данилов Ю.Н. Россия в Первой мировой войне 1914—1915 гг. Берлин: Слово, 1924.

Дервянко И.В. «Шпионов ловить было некому» // Военно-исторический журнал. 1993. № 12. С. 51—53.

Дубровский С.М. Столыпинская земельная реформа: Из истории сельского хозяйства России в начале XX века. М.: АН СССР, 1963.

Думова Н.Г. Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. М.: Наука, 1988.

Дякин В.С. Германские капиталы в России: Электроиндустрия и электрический транспорт. Л.: Наука, 1971.

Дякин В.С. Первая мировая война и мероприятия по ликвидации так называемого «немецкого засилья» // Первая мировая война. 1914—1918 / Ред. А.И. Сидоров. М.: Наука, 1968.

Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны. Ленинград: Наука, 1967.

Зайцев М. «В сердцах кипит, бушует месть, в глазах неистовая злоба...»: В России были не только еврейские погромы, но и немецкие // Столица. 1994. Т. 32. № 194. С. 18—19.

- Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России: Очерки / Ред. В.И. Бовыкин. М.: Росспэн, 1997.
- История монополии Вогау (Торгового дома «Вогау и К^о») // Материалы по истории СССР. Т. 6: Документы по истории монополистического капитализма в России / Ред. А.Л. Сидоров и др. М.: АН СССР, 1959. С. 637—748.
- История российских немцев в документах (1763—1992) / Ред. Н.Ф. Бугай, В.А. Михайлов. М.: РАУ-Корпорация, 1993.
- Кабузан В.М. Немецкое население в России в XVIII — начале XX века (численность и размещение) // Вопросы истории. 1989. № 12. С. 18—29.
- Канищев В.В. Русский бунт — бессмысленный и беспощадный: Погромное движение в городах России в 1917—1918 гг. Тамбов: ТГУ, 1995.
- Каппелер А. Россия — многонациональная империя: возникновение, история, распад. М.: Прогресс-традиция, 1997.
- Каппелер А. Центр и элиты периферий в Габсбургской, Российской и Османской империях (1700—1918 гг.) // Ab Imperio. 2007. № 2. С. 17—58.
- Катков Г.М. Февральская революция. Париж: УМСА-Пресс, 1984.
- Кирьянов Ю.И. Были ли антивоенные стачки в России в 1914 году? // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 43—52.
- Кирьянов Ю.И. Демонстрации рабочих в 1914 г. — феврале 1917 г. // Рабочий класс в капиталистической России. М.: ИНИОН РАН, 1992. С. 67—109.
- Кирьянов Ю.И. «Майские беспорядки» 1915 г. в Москве // Вопросы истории. 1994. № 12. С. 137—150.
- Кирьянов Ю.И. Массовые выступления на почве дороговизны в России (1914—февраль 1917 г.) // Отечественная история. 1993. № 1. С. 3—18.
- Кишкин С.С. Советское гражданство. М.: Наркомюст РСФСР, 1925.
- Ковба Ж.М. Чеська еміграція на Україні у другій половині XIX — на початку XX сторіччя. Дисс. ... канд. ист. наук. Львов, 1974.
- Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 г. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001.
- Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М.: Наука, 1991.
- Коцонис Я. Как крестьяне делали отсталыми: Сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России, 1861—1914. М.: НЛЮ, 2006.
- Лекомцев М.Г. Формы борьбы рабочих центрального промышленного района в годы Первой мировой войны (июль 1914 — февраль 1917). Дисс. ... канд. ист. наук. Институт истории РАН. М., 1991.
- Лор Э. Новые документы о российской армии и евреях во время Первой мировой войны // Вестник Еврейского университета в Москве. 2003. № 8. С. 245—268.
- Лотман Ю.М., Успенский Б.А. «Изгой» и «изгойничество» как социально-психологическая позиция в русской культуре преимущественно допетровского периода («свое» и «чужое» в истории русской культуры) // Ученые записки Тартуского государственного университета. 1982. Т. 576. С. 110—121.
- Любаров П.Е. Торговые рабочие и служащие в годы Первой мировой войны // Рабочий класс в капиталистической России. М.: ИНИОН РАН, 1992. С. 110—124.

- Мартенс Ф.Ф.* О праве частной собственности во время войны. СПб.: В. Голловин, 1869.
- Мартин Т.* Империя позитивного действия: Советский Союз как высшая форма империализма? // *Ab Imperio*. 2002. № 2. С. 55—87.
- Меленберг А.А.* «Обида и горечь, долг и честь»: Остзейские немцы и война с Германией в 1914—1918 гг. Моральный аспект // *Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге: Материалы российско-германской научной конференции*. М.: JVDK, 1995. С. 284—296.
- Меницкий И.И.* Рабочее движение и социал-демократическое подполье Москвы в военные годы (1914—1917). М., 1923.
- Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М.: Новое изд-во, 2010.
- Нелипович С.* В поисках «внутреннего врага»: Депортационная политика России (1914—1917) // *Первая мировая война и участие в ней России (1914—1918)*. М., 1994. Ч. 1.
- Нелипович С.* Генерал от инфантерии Н.Н. Янушкевич: «Немецкую пакость уволить и без нежностей»: депортации в России 1914—1918 гг. // *Военно-исторический журнал*. 1997. № 1. С. 42—53.
- Нелипович С.* Репрессии против подданных «центральных держав» // *Военно-исторический журнал*. 1996. № 6. С. 32—42.
- Немцы и Оренбургский край: Сборник материалов областной научной конференции, посвященной 250-летию Оренбургской губернии и 60-летию Оренбургской области (17 дек. 1994 г.) / Под общей ред. А.В. Федоровой. Оренбург: АО «ДиМур», 1994.
- Ноздрин Г.А.* Национальная немецкая благотворительность в Сибири во второй половине XIX — начале XX вв. // *Зарубежные экономические и культурные связи Сибири (XVIII—XX вв.)* / Ред. Л.М. Горюшкин. Новосибирск: СО РАН, 1995. С. 137—162.
- Нольде Б.Э.* Иностранное законодательство о частных правах неприятельских подданных // *Известия Министерства иностранных дел*. 1915. Т. 4. Кн. 2. С. 221—262.
- Нольде Б.Э.* Национальный вопрос в России. Пг.: Изд. партии Народной свободы, 1917.
- Оболенский В.В.* Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и СССР. М.: ЦСУ СССР, 1928.
- Озеров И.Х.* На новый путь! К экономическому освобождению России. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1915.
- Оль П.В.* Иностранные капиталы в народном хозяйстве довоенной России. Л., 1925.
- Ошеровский Л.Я.* Идея автономного строя в Турецкой Армении под протекторатом России. Пятигорск: Изд. Пятигорского Армянского Ком-та по оказанию помощи добровольцам-дружинникам и беженцам армянам, 1915.
- Пайнс Р.* Русская революция. М.: Захаров, 2005. Кн. 1—3.
- Первая мировая война 1914—1918 гг. / Ред. А.Л. Сидоров. М.: Наука, 1968.
- Петров Ю.А.* Проблема государственного долга и частные германские инвестиции в России // *Экономическая история России XIX—XX вв.: современный взгляд* / Ред. В.А. Виноградов. М.: Росспэн, 2000. С. 458—468.

- Писаревский Г.Г.* История иностранной колонизации в России. М.: Московский археологич. ин-т, 1915.
- Политическая ссылка и революционное движение в России, конец XIX — начало XX в. / Ред. Л.М. Горюшкин. Новосибирск: Наука, 1988.
- Рабочее движение на Украине в период Первой мировой империалистической войны (июль 1914 г. — февраль 1917 г.): Сборник документов и материалов / Ред. И.Т. Щербина. Киев: Наукова думка, 1966.
- Революционное движение в армии и на флоте в годы Первой мировой войны. 1914 — февраль 1917 г. Сборник документов / Ред. А.Л. Сидоров. М., 1966.
- Резанов А.С.* Штурмовой сигнал П.Н. Милюкова: с приложением полного текста речи, произнесенной Милюковым в заседании Государственной Думы 1 ноября 1916 г. Париж: Изд. автора, 1924.
- Россия в Мировой войне 1914—1918 годов (в цифрах). М.: МКХ, 1925.
- Русско-польские отношения в период мировой войны. М., 1926.
- Санборн Дж.* Беспорядки среди призывников в 1914 г. и вопрос о русской нации: новый взгляд на проблему // Россия и первая мировая война (Материалы международного коллоквиума) / Ред. Н.Н. Смирнов. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 202—215.
- Сартор В.* Торговый дом «Шпис»: Документальное наследие династии немецких предпринимателей в России (1846—1915 гг.) // Отечественная история. 1997. № 2. С. 174—183.
- Семенников В.П.* Романовы и германские влияния во время Первой мировой войны. М.: Красная газета, 1929.
- Сидоров А.Л.* Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М.: Наука, 1973.
- Сиорадзе М.М.* Батумская область в империалистических планах западных держав (1914—1921 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1986.
- Слокум Д.У.* Кто и когда были «инородцами»? Эволюция категории «чужие» в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. Сб. ст. М., 2005.
- Соболев И.Г.* Борьба с «немецким засильем» в России в годы Первой мировой войны. СПб., 2004.
- Соболев И.Г.* Крестьянский поземельный банк и борьба с «немецким засильем» в аграрной сфере (1915—1917) // Вестник Санкт-Петербургского университета. 1992. Сер. 2. Вып. 3. № 16. С. 24—29.
- Солженицын А.И.* Красное колесо: Повествование в отмеренных сроках в 4-х узлах. Узел II: Октябрь шестнадцатого. М.: Воениздат, 1993. Т. 3—4.
- Союз Русского Народа по материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 г. / Ред. В.П. Викторова. М.; Л.: Госиздат, 1929.
- Стачки в России в 1914 — феврале 1917 г.: Хроника / Ред. Ю.И. Кирьянов. М.: АН СССР, 1989. Т. 1.
- Тихменев Н.П.* Генерал Джунковский в отставке. Пг.: Тип. М.Д. Кузьмина, 1915.
- Флеер М.Г.* Рабочее движение в годы войны. М., 1925.
- Фуллер У.* Внутренний враг: Шпиономания и закат императорской России. М.: НЛО, 2009.

- Фурсенко А.А.* Можно ли считать компанию Нобеля русским концерном? // Труды АН СССР (Институт истории СССР. Ленинградское отделение). Л.: Наука, 1971. Т. 12. С. 352—361.
- Хобсбаум Э.* Эпоха крайностей: короткий двадцатый век, 1914—1991. М.: Независимая газета, 2004.
- Холквист П.* «Осведомление — это альфа и омега нашей работы»: Надзор за настроениями населения в годы большевистского режима и его общеевропейский контекст // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2001. С. 45—93.
- Хоскинг Д.* Россия: народ и империя (1552—1917). Смоленск: Русич, 2000.
- Шаццлло К.Ф.* «Дело» полковника Мясоедова // Вопросы истории. 1967. № 4. С. 103—116.
- Шелохаев В.В.* Национальный вопрос в России: либеральный вариант решения // Кентавр. 1993. № 2. С. 45—59; № 3. С. 100—115.
- Шелохаев В.В.* Теоретические представления российских либералов о войне и революции (1914—1917) // Первая мировая война — дискуссионные проблемы истории. М.: Наука, 1994.
- Шельхун С.* Немецкая колонизация на Юге России. Одесса: АО Южно-русское печатное дело, 1915.
- Шепелев Л.Е.* Акционерное законодательство Временного правительства // Труды АН СССР (Институт истории СССР. Ленинградское отделение). Л.: Наука, 1971. Т. 12.
- Штерн О.* Царские пленники: Дневник 1914—1918 гг. М., 1992.
- Эвентов Л.Я.* Иностранные капиталы в русской промышленности. М.; Л.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1931.
- Ян Х.Ф.* Русские рабочие, патриотизм и Первая мировая война // Рабочие и интеллигенция в России в эпоху реформ и революций: 1861 — февраль 1917 г. / Ред. С.И. Потолов и др. СПб.: Блиц, 1997. С. 379—396.
- Altshuler M.* Russia and her Jews: The Impact of the 1914 War // The Wiener Library Bulletin. 1973. Vol. 27. № 30/31.
- Amburger E.* Deutsche in Staat, Wirtschaft und Gesellschaft Russlands: Die Familie Amburger in St. Petersburg, 1770—1920. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1986.
- Amburger E.* Fremde und Einheimische in Wirtschafts- und Kulturleben des neuzeitlichen Russland / Ed. K. Zernack. Wiesbaden: Steiner, 1982.
- Andriewsky O.* The Politics of National Identity: The Ukrainian Question in Russia, 1904—1912. Ph.D. diss. Harvard University, 1991.
- The Armenian Genocide in Perspective / Ed. R.G. Hovannisian.* New Brunswick, N.J.: Transaction Books, 1986.
- Armstrong J.* Mobilized and Proletarian Diasporas // American Political Science Review. 1976. Vol. 70. № 2. P. 393—408.
- Armstrong J.* Mobilized Diaspora in Tsarist Russia: The Case of the Baltic Germans // Soviet Nationality Policies and Practices / Ed. J. Azrael. New York: Praeger, 1978.
- Armstrong J., Warneford S.* War and Treaty Legislation, 1914—1922. London: Hutchinson and Co., 1922.

- Arndt N.* Umsiedlung wohlyniendeutscher Kolonisten ins Baltikum, 1907—1913 // *Wohlynische Hefte*. 1988. № 5. S. 91—214.
- Arntz H.G.* Das deutsch-russische Niederlassungsabkommen vom 12. Oktober 1925 und ein Vergleich mit anderen Niederlassungsabkommen. Murnau a. Staffelsee: Buchdr. J. Furst, 1929.
- Ascher A.* The Revolution of 1905: Authority Restored. Stanford: Stanford University Press, 1992.
- Auerbach I.* Alexander v. Meyendorff und das Nationalitätenproblem im Baltikum // *Russland und Deutschland* / Ed. U. Liszkowski. Stuttgart: Ernst Klett Verlag, 1974. S. 257—264.
- Badaev A.E.* Bolsheviks in the Tsarist Duma. London; Chicago; Melbourne: Bookmarks, 1987.
- Bade K.J.* Deutsche im Ausland-Fremde in Deutschland: Migration in Geschichte und Gegenwart. Munich: C.H. Beck, 1992.
- Baron S.W.* The Russian Jew Under Tsars and Soviets. New York: Macmillan, 1964.
- Basler W.* Deutschlands Annexionspolitik in Polen und im Baltikum 1914—1918. Berlin: Rütten & Loening, 1962.
- Bell-Fialkoff A.* Ethnic Cleansing. New York: St. Martin's Press, 1996.
- Benvenisti E.* The International Law of Occupation. Princeton: Princeton University Press, 1993.
- Berend I.T.* The Crisis Zone of Europe: An Interpretation of East-Central European History in the First Half of the Twentieth Century / Trans. A. Makkay-Chambers. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
- Best G.* How Right is Might? Some Aspects of the International Debate about How to Fight Wars and How to Win Them, 1870—1918 // *War, Economy and the Military Mind* / Eds. G. Best, A. Wheatcroft. London: Croom Helm, 1976.
- Bird J.C.* Control of Enemy Alien Civilians in Great Britain, 1914—1918. New York: Garland, 1986.
- Bonch-Bruyevich M.D.* From Tsarist General to Red Army Commander. Moscow: Progress, 1966.
- Borchard E.M.* Enemy Private Property // *American Journal of International Law*. 1924. Vol. 18. № 2. P. 523—532.
- Bosch A.* Entstehung, Entwicklung und Auflösung der deutschen Kolonien am Schwarzen Meer: am Beispiel von Kandel von 1808 bis 1944. Stuttgart: Landsmannschaft der Deutschen aus Russland, 1990.
- Bourret J.-F.* Les allemands de la Volga: histoire culturelle d'une minorité 1763—1941. Lyon: Presses universitaires de Lyon, 1986.
- Brandes D.* Von den Zaren Adoptiert: Die Deutschen Kolonisten und die Balkansiedler in Neurussland und Bessarabien 1751—1914. München: R. Oldenbourg Verlag, 1993.
- Brändstrom E.* Unter Kriegsgefangenen in Russland und Sibirien 1914—1920. Leipzig: Kochler und Ameland, 1927.
- Brubaker R.* Aftermaths of Empire and the Unmixing of Peoples // *Ethnic and Racial Studies*. 1995. Vol. 18. 1 2. P. 189—218.
- Brubaker R.* Citizenship and Nationhood in France and Germany. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1992.

- Brubaker R.* Citizenship Struggles in the Successor States // *International Migrations Review*. 1992. Vol. 26. № 2. P. 269—291.
- Brubaker R.* *Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- Buchsweiler M.* *Völkische in der Ukraine am Vorabend und Beginn des Zweiten Weltkriegs — ein Fall doppelter Loyalität?* Gerlingen: Bleicher Verlag, 1984.
- Burleigh M.* *Germany Turns Eastwards: A Study of Ostforschung in the Third Reich*. Cambridge University Press, 1988.
- Carstensen F.* *American Enterprise in Foreign Markets: Studies of Singer and International Harvester in Imperial Russia*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1984.
- Citizenship, Identity and Social History* / Ed. C. Tilly. Cambridge: University of Cambridge Press Syndicate, 1996.
- Civil Rights in Imperial Russia* / Eds. O. Crisp, L. Edmonson. Oxford: Clarendon, 1989.
- Conrod R.* The Duma's Attitude toward War-time Problems of Minority Groups // *American Slavic and East European Review*. 1954. Vol. 13. P. 30—44.
- Costello D.R.* *Novoe Vremia and the Conservative Dilemma, 1911—1914* // *Russian Review*. 1978. Vol. 37. P. 30—50.
- Dadrian V.N.* *The History of the Armenian Genocide: Ethnic Conflict from the Balkans to Anatolia to the Caucasus*. Providence: Berghahn Books, 1995.
- Daly J.* On the Significance of Emergency Legislation in Late Imperial Russia // *Slavic Review*. 1995. Vol. 54. № 3. P. 602—629.
- Dellingshausen E. von.* *Im Dienste der Heimat! Erinnerungen des Freiherrn Eduard von Dellingshausen ehem. Ritterschaftshauptmanns von Estland*. Stuttgart: Ausland und Heimat Verlags Aktiengesellschaft, 1930.
- Deutsche und das Orenburger Gebiet (Sammelband der Materialien der Wissenschaftlichen Gebietskonferenz zum 250. Jahrestag des Orenburger Gouvernements und zum 60. Jahrestag des Orenburger Gebiets) den 17 Dez. 1994*. Orenburg, 1994.
- Dix R.* *Deutsche Internationalisten in der Grossen Sozialistischen Oktoberrevolution*. Berlin: Dietz, 1987.
- Doegen W.* *Kriegsgefangene Völker: Der Kriegsgefangenen Haltung und Schicksal in Deutschland*. Berlin: Dietrich Reimer, 1919.
- Dragunskii D.V.* *Imposed Ethnicity* // *Russian Social Science Review*. 1995 (March—April). P. 71—75.
- Dubnow S.* *History of the Jews in Russia and Poland, From the Earliest Times until the Present Day*. Philadelphia: The Jewish Publication Society of America, 1920. Vol. 3.
- Dunn F.S.* *The Protection of Nationals: A Study in the Application of International Law*. Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1932.
- Edelman R.* *Gentry Politics on the Eve of the Russian Revolution: The Nationalist Party 1907—1917*. New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 1980.
- Emin A.* *Turkey in the World War*. Oxford: Yale University Press, 1930.
- Entrepreneurship in Imperial Russia and the Soviet Union* / Eds. G. Guroff, F. Carstensen. Princeton: Princeton University Press, 1983.

- Essential Outsiders: Chinese and Jews in the Modern Transformation of Southeast Asia and Central Europe / Eds. D. Chiro, A. Reid. Seattle; London: University of Washington Press, 1997.
- L'Évolution de la nationalité allemande d'après les textes (1842—1953). Étude des problèmes de nationalité en Allemagne Occidentale au cours des vingt dernières années et recueil des 140 principaux textes sur la nationalité allemande promulgués de 1842 à 1953 (en allemand et en français) / Ed. M. Ruby. Baden Baden: Wervereis GmbH, 1954.
- Falz-Fein W. Zwei Kriege. Berlin, 1930.
- Farcy J.-C. Les Camps de Concentration Français de la Première Guerre Mondiale (1914—1920). Paris: Anthropos, 1995.
- Fedyshyn O. Germany's Drive to the East and the Ukrainian Revolution, 1917—1918. New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 1971.
- Figes O., Kolonitsky B. Interpreting the Russian Revolution: The Language and Symbols of 1917. New Haven; London: Yale University Press, 1999.
- Fischel A. Der Panslawismus bis zum Weltkrieg: Ein geschichtlicher Überblick. Stuttgart, Berlin: Cotta, 1919.
- Fischer F. Germany's War Aims in the First World War. New York: W.W. Norton, 1967.
- Fischer G. Enemy Aliens: Internment and the Homefront Experience in Australia, 1914—1920. St. Lucia, Australia: University of Queensland Press, 1989.
- Fitzpatrick S. Ascribing Class: The Construction of Social Identity in Soviet Russia // Journal of Modern History. 1993. Vol. 65. P. 745—770.
- Fleischhauer I. Die Deutschen im Zarenreich: Zwei Jahrhunderte deutsch-russische Kulturgemeinschaft. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1986.
- Fleischhauer I. The Germans' Role in Tsarist Russia // The Soviet Germans: Past and Present / Eds. I. Fleischhauer, B. Pinkus. London: C. Hurst & Company, 1986. P. 13—30.
- Fuller W.C. Civil-Military Conflict in Imperial Russia 1881—1914. Princeton: Princeton University Press, 1985.
- Fuller W.C. The Foe Within: Fantasies of Treason and the End of Imperial Russia. Ithaca; London: Cornell University Press, 2006.
- Fussel P. The Great War and Modern Memory. London; Oxford; New York: Oxford University Press, 1975.
- Gainer B. The Alien Invasion: The Origins of the Aliens Act of 1905. London: Heinemann, 1972.
- Garner J.W. International Law and the World War. London: Longmans, Green and Co., 1920. Vol. 1—2.
- Garner J.W. Treatment of Enemy Aliens: Measures in Respect to Personal Liberty // American Journal of International Law. 1918. Vol. 12. № 1. P. 27—55.
- Gathings J.A. International Law and American Treatment of Alien Enemy Property. Washington, D.C.: American Council on Public Affairs, 1940.
- Gatrell P. A Whole Empire Walking: Refugees in Russia During World War I. Bloomington: Indiana University Press, 1999.
- Gatrell P. Refugees in the Russian Empire, 1914—1917: Population Displacement and Social Identity // Critical Companion to the Russian Revolution 1914—1921 / Eds. E. Acton, V.I. Cherniaev, W.G. Rosenberg. Bloomington: Indiana University Press, 1997. P. 554—564.

- Geiss I.* Der polnische Grenzstreifen 1914—1918: Ein Beitrag zur deutschen Kriegszielpolitik im Ersten Weltkrieg. Lübeck; Hamburg: Matthiesen Verlag, 1960.
- Gerth K.* Nationalizing Consumption, Consuming Nationalism: The National Products Movement in China, 1905—1937. Ph.D. diss. Harvard University, 2000.
- Giesbrecht W.* Die Verbannung der Wolhyniendeutschen, 1915—1916 // *Wolhynische Hefte*. 1984. № 3. S. 43—97; 1986. № 4. S. 9—97; 1988. № 5. S. 6—62.
- Giesinger A.* From Catherine to Khrushchev: The Story of Russia's Germans. Winnipeg: A. Giesinger, 1974.
- Gitelman Z.Y.* A Century of Ambivalence: the Jews of Russia and the Soviet Union, 1881 to the Present. New York: Schocken Books, 1988.
- Golczewski F.* Polnisch-Jüdische Beziehungen, 1881—1922. Wiesbaden: Steiner, 1981.
- Grabar V.E.* The History of International Law in Russia, 1647—1917: A Bio-Bibliographical Study. Oxford: Clarendon Press, 1990.
- Graf D.* Military Rule Behind the Russian Front, 1914—1917: The Political Ramifications // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1974. Vol. 22. № 3. S. 390—411.
- Graf D.* The Reign of the Generals: Military Government in Western Russia, 1914—1915. Ph.D. diss. University of Nebraska, 1972.
- Grant J.A.* Big Business in Russia: The Putilov Company in Late Imperial Russia, 1868—1917. Pittsburg: University of Pittsburg Press, 1999.
- Greenberg L.* The Jews in Russia: The Struggle for Emancipation, 1881—1917. New Haven: Yale University Press, 1951.
- Guthrie S.* The Roots of Popular Ukrainian Nationalism: A Demographic, Social and Political Study of the Ukrainian Nationality to 1917. Ph.D. diss. University of Michigan, 1990.
- Hagen M.* Russification via 'Democratization'? Civil Service in the Baltic after 1905 // *Journal of Baltic Studies*. 1978. Vol. 9. № 1. P. 56—65.
- Hagen M. von.* The Great War and the Mobilization of Ethnicity // *Post-Soviet Political Order: Conflict and State-Building* / Eds. B.R. Rubin, J. Snyder. London; New York: Routledge, 1998. P. 34—57.
- Henriksson A.* Nationalism, Assimilation and Identity in Late Imperial Russia: The St. Petersburg Germans, 1906—1914 // *Russian Review*. 1993. Vol. 52. № 3. P. 341—353.
- Heretz L.* Russian Apocalypse 1891—1917: Popular Perceptions of Events from the Year of Famine and Cholera to the Fall of the Tsar. Ph.D. diss. Harvard University, 1993.
- Hobsbawm E.J.* Age of Extremes: The Short Twentieth Century, 1914—1991. London: Michael Joseph, 1994.
- Holquist P.* Anti-Soviet *Svodki* from the Civil War: Surveillance as a Shared Feature of Russian Political Culture // *Russian Review*. 1997. Vol. 56. № 3. P. 445—450.
- Holquist P.* 'Conduct Merciless Mass Terror': Decossackization on the Don, 1919 // *Cahiers du monde russe*. 1997. Vol. 38. № 1—2. P. 127—162.
- Holquist P.* 'Information is the Alpha and Omega of Our Work': Bolshevik Surveillance in Its Pan-European Context // *The Journal of Modern History*. 1997. Vol. 69. P. 415—450.
- Holquist P.* A Russian Vendée: The Practice of Revolutionary Politics in the Don Countryside, 1917—1921. Ph.D. diss. Columbia University, 1995.

- Holquist P.* To Count, To Extract, To Exterminate: Population Statistics and Population Politics in Late Imperial and Soviet Russia // *A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin* / Eds. R.G. Suny, T. Martin. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 111—144.
- Holquist P.* What's so Revolutionary about the Russian Revolution? State Practices and the New-Style Politics, 1914—21 // *Russian Modernity: Politics, Knowledge, Practices* / Eds. D. Hoffman, Y. Kotsonis. New York: St. Martin's Press, 2000. P. 87—111.
- Hornykewicz T.* Ereignisse in der Ukraine 1914—1922, deren Bedeutung und historische Hintergründe. Philadelphia, 1966. Vol. 1.
- Horowitz D.L.* Ethnic Groups in Conflict. Berkeley: University of California Press, 1985.
- Hosking G.* Russia: People and Empire, 1552—1917. Cambridge: Harvard University Press, 1997.
- Howard M.* War in European History. New York: Oxford University Press, 1976.
- Ischchanian B.* Die ausländischen Elemente in der russischen Volkswirtschaft. Berlin: Franz Siemenroth, 1913.
- Jahn H.F.* Patriotic Culture in Russia during World War I. Ithaca; London: Cornell University Press, 1995.
- Janowsky O.I.* The Jews and Minority Rights. New York: AMS Press, 1966.
- Joffe M.* Regional Rivalry and Economic Nationalism: The Central Industrial Region Industrialists' Strategy for the Development of the Russian Economy, 1880s—1914 // *Russian History*. 1984. Vol. 11. P. 389—421.
- Judge E.* Easter in Kishinev: Anatomy of a Pogrom. New York: New York University Press, 1992.
- Kabuzan V.M.* Zahl und Siedlungsgebiete der Deutschen im Russischen Reich // *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*. 1984. Vol. 32. № 10. P. 866—874.
- Kaminski A.J.* Konzentrationslager 1896 bis heute. Eine Analyse. Stuttgart: Verlag W. Kohlhammer, 1982.
- Kappeler A.* Chochly und Kleinrussen: Die ukrainische ländliche und städtische Diaspora in Russland vor 1917 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1997. Vol. 45. S. 48—63.
- Kappeler A.* Russland als Vielvölkerreich: Entstehung, Geschichte, Zerfall. Munich: C.H. Beck, 1992.
- Katkov G.* Russia 1917: The February Revolution. London: Longmans, 1967.
- Kitchen M.* The Silent Dictatorship: The Politics of the German High Command under Hindenburg and Ludendorff, 1916—1918. London: Croom Helm, 1976.
- Krueger A.* Die Flüchtlinge von Wöhhynien: Der Leidensweg russlanddeutscher Siedler, 1915—1918. Plauen: Günther-Wolff, 1937.
- Kulischer E.M.* Europe on the Move: War and Population Changes, 1917—1947. New York, 1948.
- Lacqueur W.* Russia and Germany: A Century of Conflict. Boston: Little Brown, 1965.
- Lafitte F.* The Internment of Aliens. London: Libris, 1990.
- Lager, Front oder Heimat. Deutsche Kriegsgefangene in Sowjetrußland 1917 bis 1920 / Eds. I. Pardon, W. Shurawl'jow. Munich: LKG Saur, 1994. Vol. 1.

- Leval G. de.* De la protection diplomatique des nationaux à l'étranger. Brussels: E. Bruylant, 1907.
- Lieven D.C.B.* Pro-Germans and Russian Foreign Policy, 1890—1914 // *International History Review*. 1980. № 2. P. 34—54.
- Lih L.* Bread and Authority in Russia, 1914—1921. Berkeley: University of California Press, 1990.
- Lincoln W.B.* A Passage Through Armageddon: The Russians in War and Revolution. New York; Oxford: Oxford University Press, 1994.
- Lindeman K.* Von den deutschen Kolonisten in Russland: Ergebnisse einer Studienreise 1919—1921. Stuttgart: Ausland und Heimat Verlags-Aktiengesellschaft, 1924.
- Liulevicius V.* War Land on the Eastern Front: Culture, National Identity and German Occupation in World War I. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Lohr E.* The Russian Army and the Jews: Mass Deportations, Hostages, and Violence during World War I // *Russian Review*. 2001. Vol. 60. № 3. P. 404—419.
- Lohr E.* The Russian Press and the 'Internal Peace' at the Outbreak of World War I / A Call to Arms: Propaganda, Public Opinion, and Newspapers in the Great War / Ed. T.R.E. Paddock. Westport: Praeger, 2004.
- Long J.* Agricultural Conditions in the German Colonies of Novouzensk District, Samara Province, 1861—1914 // *Slavonic and East European Review*. 1979. Vol. 57. P. 531—551.
- Long J.* From Privileged to Dispossessed: The Volga Germans, 1860—1917. Lincoln; London: University of Nebraska Press, 1988.
- Löwe H.-D.* Antisemitismus und reaktionäre Utopie: Russischer Konservatismus im Kampf gegen den Wandel von Staat und Gesellschaft, 1890—1917. Hamburg: Hoffmann und Campe Verlag, 1978.
- Löwe H.-D.* The Tsars and the Jews: Reform, Reaction and Anti-Semitism in Imperial Russia, 1772—1917. Switzerland: Harwood Academic Publishers, 1993.
- Lubliner L.* Les confiscations des biens des Polonais sous le règne de L'Empereur Nicolas I-er suivi de tableaux nominatifs et alphabétiques. Bruxelles; Leipzig: C. Muquardt, 1861.
- Luciak L.* A Time for Atonement: Canada's First National Internment Operations and the Ukrainian Canadians 1914—1920. Kingston, Ontario: Limestone Press, 1988.
- Luebke F.C.* Bonds of Loyalty: German Americans and World War I. De Kalb: Northern Illinois Press, 1974.
- Luebke F.C.* Germans in Brazil: A Comparative History of Cultural Conflict During World War I. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1987.
- Lundin L.* The Road from Tsar to Kaiser: Changing Loyalties of the Baltic Germans, 1905—1914 // *Journal of Central European Affairs*. 1950. Vol. 10. № 3. P. 223—255.
- Malle S.* The Economic Organization of War Communism, 1918—1921. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
- Mann F.A.* Outlines of a History of Expropriation // *The Law Quarterly Review*. 1959. Vol. 75. P. 188—219.
- Martin T.* The German Question in Russia, 1848—1896 // *Russian History/Histoire Russe*. 1991. Vol. 18. № 4. P. 373—434.

- Martin T.* The Mennonites and the Russian State Duma, 1905—1914 // The D.W. Treadgold Papers in Russian, East European and Central Asian Studies. 1996. № 4.
- Martin T.* The Origins of Soviet Ethnic Cleansing // Journal of Modern History. 1998. Vol. 70. № 4. P. 813—861.
- Mayzel M.* Generals and Revolutionaries: The Russian General Staff During the Revolution. A Study in the Transformation of Military Elite // Studien zur Militärgeschichte, Militärwissenschaft und Konfliktforschung. Osnabrück: Biblio Verlag, 1979. Vol. 19.
- McCarthy J.* Death and Exile: The Ethnic Cleansing of Ottoman Muslims, 1821—1922. Princeton: The Darwin Press, 1995.
- McDermid J., Hillyar A.* Women and Work in Russia, 1880—1930: A Study in Continuity through Change. London; New York: Longman, 1998.
- McDonald D.M.* The Durnovo Memorandum in Context: Official Conservatism and the Crisis of Autocracy // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1996. Vol. 44. S. 481—502.
- McKay J.* Pioneers for Profit: Foreign Entrepreneurship and Russian Industrialization 1885—1913. Chicago; London: University of Chicago Press, 1970.
- McReynolds L.* The News under Russia's Old Regime: The Development of a Mass Circulation Press. Princeton: Princeton University Press, 1991.
- Melancon M.* The Ninth Circle: The Lena Goldfield Workers and the Massacre of 4 April 1912 // Slavic Review. 1994. Vol. 53. № 3. P. 766—795.
- Melancon M.* The Socialist Revolutionaries and the Russian Anti-War Movement, 1914—1917. Columbus: Ohio State University Press, 1990.
- Minorities in Wartime: National and Racial Groupings in Europe, North America, and Australia During the Two World Wars / Ed. P. Panayi. Berg: Oxford and Providence, 1993.
- Munitz B.* Identifying Jewish Names in Russia // Soviet Jewish Affairs. 1972. № 3. P. 66—76.
- Naimark N.M.* Ethnic Cleansing in Twentieth Century Europe // The D.W. Treadgold Papers in Russian, East European and Central Asian Studies. 1998. № 19.
- Die Nationalitäten des Russischen Reiches in der Volkszählung von 1897 / Eds. B. Henning, A. Kappeler, B. Roth // Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1991. Vol. 32, A and B.
- Neuberger J.* Urbanization and the Origins of Ethnic Unrest in Imperial Russia // Problems of Communism. 1989. Vol. 38. P. 128—132.
- Neutatz D.* Die «deutsche Frage» im Schwarzmeergebiet und in Wolhynien: Politik, Wirtschaft, Mentalitäten und Alltag im Spannungsfeld von Nationalismus und Modernisierung (1856—1914). Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1993.
- Neutatz D.* Die Wolgadeutschen in der reichsdeutschen Publizistik und Politik bis zum Ende des Ersten Weltkrieges // Zwischen Reform und Revolution: Die Deutschen an der Wolga 1860—1917 / Eds. D. Dahlmann, R. Tuchtenhagen. Essen: Klartext, 1994. S. 115—133.
- Nicolai W.* The German Secret Service / Transl. by G. Renwick. London: Stanley Paul and Co., 1924.
- Nolde B.E.* Russia in the Economic War. New Haven: Yale University Press, 1928.

- Ol' P.V.* Foreign Capital in Russia. New York: Garland, 1983.
- Owen T.C.* Capitalism and Politics in Russia: A Social History of the Moscow Merchants, 1855—1905. New York: Cambridge University Press, 1981.
- Owen T.C.* The Corporation Under Russian Law, 1800—1917: A Study in Tsarist Economic Policy. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
- Owen T.C.* Impediments to a Bourgeois Consciousness in Russia, 1880—1905: The Estate Structure, Ethnic Diversity, and Economic Regionalism // Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia / Eds. E.W. Clowes, S.D. Kassow, J.L. West. Princeton: Princeton University Press, 1991. P. 75—92.
- Owen T.C.* RUSCORP: A Database of Corporations in the Russian Empire, 1700—1914. [Computer file]. (3rd release). Baton Rouge, LA: T.C. Owen [producer], 1992; Ann Arbor, MI: Inter-University Consortium for Political and Social Research [distributor], 1993.
- Owen T.C.* Russian Corporate Capitalism from Peter the Great to Perestroika. New York; Oxford: Oxford University Press, 1995.
- Owen T.C.* The Russian Industrial Society and Tsarist Economic Policy, 1867—1905 // Journal of Economic History. 1985. Vol. 45. № 3. P. 587—606.
- Paddock T.* German Perceptions of Russia Before the First World War. Ph.D. diss. University of California. Berkeley, 1994.
- Paine S.C.M.* Imperial Rivals: China, Russia and their Disputed Frontier 1858—1924. Armonk; New York: ME Sharpe, 1996.
- Panayi P.* German Business Interests in Britain during the First World War // Business History. 1990. Vol. 32. P. 244—258.
- Panayi P.* Review Article: National and Racial Minorities in Total War // Immigrants and Minorities. 1990. Vol. 9. № 2. P. 178—194.
- Panayi P.* The British Empire Union in the First World War // The Internment of Aliens in Twentieth Century Britain / Eds. D. Cesarani, T. Cushner. London: F. Cass, 1993. P. 113—128.
- Panayi P.* The Enemy in Our Midst: Germans in Britain during the First World War. Oxford, 1991.
- Panayi P.* The Hidden Hand: British Myths about German Control of Britain during the First World War // Immigrants and Minorities. 1988. Vol. 7. P. 25—72.
- Pidhaini O.S.* The Ukrainian-Polish Problem in the Dissolution of the Russian Empire 1914—1917. Toronto; New York: New Review Books, 1962.
- Pinkus B., Fleischhauer I.* Die Deutschen in der Sowjetunion. Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft, 1987.
- Pipes R.* The Russian Revolution. New York: Vintage Books, 1990.
- Plotke A.J.* Imperial Spies Invade Russia: The British Intelligence Interventions. Westport; Connecticut; London: Greenwood Press, 1993.
- Pogroms: Anti-Jewish Violence in Modern Russian History / Eds. J.D. Klier, S. Lambroza. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
- Price M.P.* War and Revolution in Asiatic Russia. New York: MacMillan, 1918.
- Rabe V.* Der Widerspruch von Rechtsstaatlichkeit und strafender Verwaltung in Russland 1881—1917: Motive, Handhabung und Auswirkungen der administrativen Verbanung von Revolutionären. Karlsruhe: Verlag M. Wahl, 1985.

- Reeza S. Mass Expulsion of Aliens in International Law. LL.M. diss. Harvard University, 1986.
- Rempel D. The Expropriation of the German Colonists in South Russia During the Great War // *Journal of Modern History*. 1932. Vol. 4. № 1. P. 49—67.
- Rieber A. Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1982.
- Riots and Pogroms / Ed. P.R. Brass. New York: New York University Press, 1996.
- Rodkiewicz W. Russian Nationality Policy in the Western Provinces of the Empire: (1863—1905). Lublin: Scientific Society of Lublin, 1998.
- Rogger H. Government, Jews, Peasants and Land in Post-Emancipation Russia // *Cahiers du monde russe et soviétique*. 1976. Vol. 17. № 1.
- Rogger H. Jewish Policies and Right-Wing Politics in Imperial Russia. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1986.
- Rogger H. Nationalism and the State: A Russian Dilemma // *Comparative Studies in Society and History*. Hague, 1961/62. Vol. 4. № 3. P. 253—264.
- Russian Jewry (1860—1917) / Eds. J. Frumkin, G. Aronson, A. Goldenweiser. New York: A.S. Barnes and Co., 1966.
- Russification in the Baltic Provinces and Finland, 1855—1914 / Ed. E.C. Thaden. Princeton: Princeton University Press, 1981.
- Sanborn J. Drafting the Nation: Military Conscription and the Formation of a Modern Polity in Tsarist and Soviet Russia, 1905—1925. Ph.D. diss. University of Chicago, 1998.
- Sanborn J. Military Reform, Moral Reform, and the End of the Old Regime // *Military and Society in Russian History, 1450—1917* / Eds. M. Poe, E. Lohr. Amsterdam: Brill, 2002.
- Sanborn J. The Mobilization of 1914 and the Question of the Russian Nation: A Re-Examination // *Slavic Review*. 2000. Vol. 59. № 2. P. 267—289.
- Saunders D. Aliens in Britain and the Empire during the First World War // *Immigrants and Minorities*. 1985. Vol. 4. P. 13—23.
- Schleuning J. Aus tiefster Not: Schicksale der deutschen Kolonisten in Russland. Berlin: C. Flemming and C.E. Wiskott, 1922.
- Schleuning J. In Kampf und Todesnot: Die Tragödie des Russlanddeutschtums. Berlin: Bernard & Graefe Verlag, 1931.
- Schmidt C. Russische Presse und Deutsches Reich 1905—1914. Cologne; Vienna: Böhlau Verlag, 1988.
- Seraphim E. Führende Deutsche im Zarenreich. Berlin: Junker und Dünnhaupt Verlag, 1942.
- Seraphim H.J. Rodungssiedler, Agrarverfassung und Wirtschaftsentwicklung des deutschen Bauerntums in Wolhynien // *Berichte über Landwirtschaft. Zeitschrift für Agrarpolitik und Landwirtschaft*. Berlin: Paul Parey, 1938. Vol. 143.
- Siegelbaum L.H. Another 'Yellow Peril': Chinese Migrants in the Russian Far East and the Russian Reaction before 1917 // *Modern Asian Studies*. 1978. Vol. 12. № 2. P. 307—330.
- Siegelbaum L.H. The Politics of Industrial Mobilization in Russia, 1914—1917: A Study of the War-Industries Committees. London: Macmillan, 1983.

- Simonson P.F.* Private Property and Rights in Enemy Countries. London: Sweet and Maxwell, Ltd., 1921.
- Slocum J.W.* Who, and When, Were the *Inorodtsy*? The Evolution of the Category of 'Aliens' in Imperial Russia // Russian Review. 1998. Vol. 57 (April). P. 173—190.
- Smith A.* War and Ethnicity: The Role of Warfare in the Formation, Self-Images and Cohesion of Ethnic Communities // Ethnic and Racial Studies. 1981. Vol. 4. № 4. P. 375—397.
- Smith C.J., Jr.* Miljukov and the Russian National Question // Russian Thought and Politics / Eds. H. McLean, et al. Cambridge: Harvard University Press, 1957.
- Solzhenitsyn A.* November 1916: The Red Wheel. Knot II. New York: Farrar, Straus and Giroux, 1999.
- Somakian M.J.* Empires in Conflict: Armenia and the Great Powers, 1895—1920. London; New York: I.B. Tauris, 1995.
- Sommer E.F.* Die Einigungsbestrebungen der Deutschen im Vorkriegs-Russland (1905—1914). Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1940.
- Speed R.B., III.* Prisoners, Diplomats, and the Great War: A Study in the Diplomacy of Captivity. London: Greenwood Press, 1990.
- Spiropulos J.* Ausweisung und Internierung Feindlicher Staatsangehöriger. Leipzig: Rossberg'sche Verlagsbuchhandlung, 1922.
- Stach J.* Schicksalsjahre der Russlanddeutschen: Erlebnisse eines deutschen Pastors, 1916—1922. Bonn: Stiftung Ostdeutscher Kulturrat, 1983.
- A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin* / Eds. R.G. Suny, T. Martin. Oxford: Oxford University Press, 2001.
- Striegnitz S.* Der Weltkrieg und die Wolgakolonisten: Die Regierungspolitik und die Tendenzen der gesellschaftlichen Entwicklung // Zwischen Reform und Revolution: Die Deutschen an der Wolga 1860—1917 / Eds. D. Dahlmann, R. Tuchtenhagen. Essen: Klartext, 1994.
- Struve P.B.* Food Supply in Russia during the World War. New Haven: Yale University Press, 1930.
- Studies in Contemporary Jewry: An Annual.* Vol. 4: The Jews and the European Crisis 1914—1921 / Ed. J. Frankel. Oxford: Oxford University Press, 1988.
- Stumpp K.* Die Russlanddeutschen: Zweihundert Jahre unterwegs. Stuttgart: Verlag Landmannschaft der Deutschen aus Russland, 1982.
- Sukiennicki V.* East Central Europe During World War I: From Foreign Domination to National Independence. Boulder, CO: East European Monographs, 1984. Vol. 1—2.
- Sutton A.C.* Western Technology and Soviet Economic Development. Stanford: Hoover Institution, 1968—1973. Vol. 1—2.
- Swiripa F., Thompson J.H.* Loyalties in Conflict: Ukrainians in Canada during the Great War. Edmonton, 1983.
- Szporluk R.* Communism and Nationalism: Karl Marx versus Friedrich List. New York: Oxford University Press, 1988.
- Tereskinas A.* Empress Alexandra in the Russian Public Mind (1915—1916): Strong-Willed Rasputinite Harlot and Hysterical German Traitor. Typescript.
- Thaden E.C.* Russia's Western Borderlands, 1710—1870. Princeton: Princeton University Press, 1984.

- Thomas L.* Das Handelshaus Kunst und Albers im russischen Fernen Osten bis 1917. Zum Problem des deutschen Kapitals in Russland // Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas. Berlin, DDR, 1984. Vol. 28.
- Thomson J.T.* Boris Stürmer and the Imperial Russian Government February 2 – November 22, 1916. Ph.D. diss. Duke University, 1971.
- Tiander K.* Das Erwachen Osteuropas: Die Nationalitätenbewegung in Russland und der Weltkrieg. Vienna; Leipzig: Wilhelm Braumüller, 1934.
- Torpey J.* The Invention of the Passport: Surveillance, Citizenship and the State. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Über die Einstellung des Alldeutschen Verbandes zu den deutschen «Kolonien» an der Wolga und in Sudrussland // Geschichte des Alldeutschen Verbandes, 1890–1939 / Ed. A. Kruck. Wiesbaden: F. Steiner, 1954.
- Verner A.M.* What's in a Name? Of Dog-Killers, Jews and Rasputin // Slavic Review. 1994. Vol. 53. № 4. P. 1046–1070.
- Völkerrecht im Weltkrieg. Berlin: Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik, 1927. Vol. 1–4.
- Walkin J.* Government Controls Over the Press in Russia, 1905–1914 // Russian Review. 1954. Vol. 13. № 3. P. 203–209.
- Washburn S.* Victory in Defeat: The Agony of Warsaw and the Russian Retreat. London: Constable & Co., 1916.
- Weeks T.* Defending Our Own: Government and the Russian Minority in the Kingdom of Poland, 1905–1914 // Russian Review. 1995. Vol. 54 (October). P. 539–551.
- Weeks T.* Nation and State in Late Imperial Russia: Nationalism and Russification on the Western Frontier. DeKalb: Northern Illinois Press, 1996.
- Weeks T.* The National World of Imperial Russia: Policy in the Kingdom of Poland and Western Provinces, 1894–1914. Ph.D. diss. University of California, Berkeley, 1993.
- Wehler H.-U.* Das Deutsche Kaiserreich 1871–1918. 5th ed. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1983.
- Wehler H.-U.* Krisenherde des Kaiserreichs 1871–1918. 2nd ed. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1979.
- Wehler H.-U.* Sozialdemokratie und Nationalstaat: Nationalitätenfragen in Deutschland 1840–1914. 2nd ed. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1971.
- Weinerman E.* Racism, Racial Prejudice and Jews in Late Imperial Russia // Ethnic and Racial Studies. 1994. Vol. 17. № 3. P. 442–495.
- Whelan H.* Adapting to Modernity: Family, Caste and Capitalism among the Baltic German Nobility. Cologne: Böhlau Verlag, 1999.
- Wildman A.K.* The Old Army and the Soldiers' Revolt (March–April 1917) // The End of the Russian Imperial Army. Princeton: Princeton University Press, 1980. Vol. 1.
- Williams R.C.* Russian War Prisoners and Soviet-German Relations: 1918–1921 // Canadian Slavonic Papers. 1967. Vol. 9. № 2. P. 270–295.
- Winter J., Robert J.-L.* Capital Cities at War: Paris, London, Berlin, 1914–1919. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
- Wittman E.* The Inalienable Rights of Aliens. Washington, D.C.; Hobart, 1946.

- Yaney G.* The Urge to Mobilize: Agrarian Reform in Russia, 1861—1930. Urbana: University of Illinois Press, 1982.
- Zagorskii S.O.* State Control of Industry in Russia During the War. New Haven: Yale University Press, 1928.
- Zechlin E.* Die deutsche Politik und die Juden im ersten Weltkrieg. Göttingen: Vandenhoeck u. Ruprecht, 1969.
- Zetterberg S.* Die Liga der Fremdvölker Russlands 1916—1918. Ein Beitrag zu Deutschlands antirussischen Propagandakrieg unter den fremdvölkern Russlands im ersten Weltkrieg // *Studia Historica*. Helsinki: Veröffentlicht von der Finnischen Historischen Gesellschaft, 1978. Vol. 8.
- Zipperstein S.J.* The Politics of Relief: The Transformation of Russian Jewish Communal Life During the First World War // *Studies in Contemporary Jewry. An Annual*. Vol. 4: The Jews and the European Crisis, 1914—1921 / Ed. J. Frankel. Oxford; New York: Oxford University Press, 1988. P. 22—40.
- Zuckerman F.S.* The Tsarist Police in Russian Society, 1880—1917. London: Macmillan, 1996.
- Zwischen Reform und Revolution: Die Deutschen an der Wolga 1860—1917 / Eds. D. Dahlmann, R. Tuchtenhagen. Essen: Klartext, 1994.

СПИСОК КАРТ

1. Районы Российской империи, в которых действовали конфискационные узаконения касательно лиц германского и австро-венгерского происхождения, получивших российское подданство после 1 января 1880 г. (с. 120).

2. Основные места расположения лагерей интернированных гражданских лиц из числа вражеских подданных (с. 152).

3. Массовые выселения евреев и Черта еврейской оседлости до ее отмены 4 августа 1915 г. (с. 167).

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абдулаева Н.И. 7
Адрианов А.А. 26, 45, 46, 50, 51, 52, 53, 54, 219, 221
Александра Федоровна, императрица 55, 195, 196, 222
Алексеев М.В. 160, 162, 168, 170, 186, 187, 190
Альтшулер М. (Altshuler M.) 253
Амбургер Э. (Amburger E.) 223
Андреев И. 62
Армстронг Дж. (Armstrong J.) 264
- Барк П.Л. 227
Бейкер М. (Baker M.) 6, 221
Беляев М.А. 145
Бенерт Р. (Benert) 6
Бисмарк О., фон 110
Бобринский Г.А. 169
Бомаш М.Х. 255
Бонч-Бруевич М.Д. 30, 96, 180, 182, 195
Борхард Э. (Borchard E.) 75
Брандербергер Д. (Branderberger D.) 6
Брандт 79
Брубейкер Р. (Brubaker R.) 18, 19
Брусилов А.А. 160, 162, 195
Будберг 31
Бурмистрова Т.Ю. 7
Бюлов Б. 111
- Валицкий А. (Walicki A.)* 239
Вальдов В., фон 111
Варехова С.И. 7
Вебер 44
Вейкхардт Г. (Weickhardt G.) 239
Вилемс Г. 137
Вильгельм II, имп. 48
Винтер 44
- Воган К.И. 65
Вогель А., фон дер (Vogel A., von der) 227
Воронцов-Дашков И.И. 178, 187
Второв Н.А. 230
Вуд Э. (Wood E.) 6
- Габсбурги, императорская династия 12, 15, 18
Георгий Михайлович, вел. кн. 179
Гисбрехт В. (Giesbrecht W.) 241
Гогенцоллерны, императорская династия 12
Горемыкин И.Л. 78, 83, 115, 165, 166
Гревениц Н.А. 140
Григорьев В.Н. 168
Гучков А.И. 39, 58
Гэтрелл П. (Gatrell P.) 6, 256
Гюбнер 43, 51
- Дабровски П. (Dabrowski P.) 6
Данилов Ю.Н. 78, 154, 165
Датган А. 93, 94, 95
Дашков, кн. 182
Дейли Дж. (Daly J.) 6
Джерейси Р. (Geraci R.) 6
Джунковский В.Ф. 25, 51, 78, 86, 216
Диллон А. (Dillon A.) 6
Долбилов М. 7
Драмми К. (Drummy K.) 6
Дубровин А.И. 35
Дурново П.Н. 34
- Екатерина II, императрица 101
Елизавета Федоровна, вел. княгиня 42, 55, 216, 219
Енгальчев П.Н. 154, 155, 156, 158
Ершовы С. и В. 7

- Жилинский Я.Г. 189
- Замысловский Г.Г.
Заславский Д.О.
Зина А. 62
Зудерман Я. 125
- Ибрагимов Ш.Н. 219
Иванов Н.И. 118, 189
Иванов Ю.Н. 157
- Ипатьев 228
Ишчаня (*Ischchanian B.*) 223
- Кабузан В.М.* 224
Кавтарадзе А. 7
Кайль Ф.-А. 77
Каменский П.В. 134, 245
Караулов М.А. 40
Карлсен 43, 44
Карпеев И. 7
Карстенсен Ф. (*Carstensen F.*) 223
Кенворти С. (*Kenworthy S.*) 6
Кентс Р. 220
Керковиус В.Л. 77
Кинан Э. (*Keenan E.*) 5
Кирьянов Ю.И. 7, 47, 210
Клиер Дж. (*Klier J.D.*) 217
Колтон Т. (*Colton T.*) 5
Кондратьев Н.Д. 245
Коновалов А.И. 58
Коншин Н.Н. 230
Костелло Д. (*Costello D.*) 37
Коцонис Я. (*Kotsonis J.*) 6
Крашенинников И.С. 51, 216, 219
Кривошеин А.В. 77
Кузьмин-Караваев В.Д. 22, 225
Кунст А. 93
Куприянов 154, 155
Купцова И. 7
Курлов П.Г. 264
- Лашкарев Г.А. 121
ЛеДонн Дж. (*LeDonne J.*) 6
Лемке М.К. 160
Ленин В.И. 213, 233, 234
- Ливен Д. (*Lieven D.*) 6
Линдеман К. (*Lindeman K.*) 138, 142, 243, 245, 260
Лист Ф. 74, 206
Лор (*Lohr*) Е. 7
Лор (*Lohr*) Р. и Дж. 7
Львов Г.Е., кн. 97, 138
Люц Л.Г. 22, 260
- Маврин А.А. 117
Макаров В. 7
Макдермотт К. (*McDermott K.*) 6
Маккей Д. (*McKay J.*) 223
МакДональд Д. (*McDonald D.*) 5, 6
Маклаков Н.А. 23, 26, 51, 113, 114, 221
Малле С. (*Malle S.*) 233
Мальков В. 6
Малютин А. 7
Мандль 216
Маниковский А.А. 148
Мансырев С.П., кн. 195
Марс, братья 216
Мартин Т. (*Martin T.*) 259
Мейнленд Г. (*Mainland G.*) 6
Метцельгин 79
Мёрфи К. (*Murphy K.*) 6
Милюков П.Н. 32, 129, 196, 258
Модль А. 64
Мозер 46
Морган Дж.П. 97, 98, 232
Муравьев И.Н. 45
Мясоедов С.Н. 31
- Наполеон Бонапарт, французский император 14
Недипович С. 7
Николай II, император 21, 22, 34, 35, 45, 48, 58, 60, 86, 110, 113, 122, 154, 166, 191, 192, 222
Николай Николаевич, вел. кн. 58, 63, 93, 105, 114, 147, 169, 179, 180, 186, 188, 219

- Оболенский А.Н. 23
 Оболенский В.В. 14
 Оболевешев Н.Н. 45, 53
Окс М. (Ochs M.) 217
 О'Нейл К. (O'Neill K.) 6
Оуэн Т. (Owen T.C.) 6, 70
- Пайнс Р. (Pipes R.)* 5, 239
 Палеолог М. 261
 Петерсон 178, 179
 Протопопов А.Д. 83
 Прохоров Н.И. 43, 51
 Пуришкевич В.М. 213
 Путилов А.И. 50
 Пушкин А.С. 49
 Рабенек Л. 228
 Радкевич Е.А. 175
 Распутин Г.Е. 43, 196
Резанов А.С. 228
 Ренненкампф П.К. 31
Роггер Г. (Rogger H.) 177
 Родичев Ф.И. 50
 Рокфеллер Дж.Д. 223
 Рорбах П. 112
 Россмен Дж. (Rossman J.) 6
Ротшильд Д. (Rothschild J.) 266
 Рузский Н.В. 164, 195
- Саблер В.К. (Десятовский) 64, 196
 Саввич С.С. 187
 Савенко А.И. 109
 Сазонов С.Д. 51, 75, 115
Санборн Д. (Sanborn J.) 6, 19, 205, 208
 Сартор В. 223
 Сафран А. (Safran A.) 6
 Свенцицкий Г.И. 189
 Севенард 46, 52
Селитренников А. 258
 Сергеев Е. 7
 Сиверс В.Ф. 31, 147
 Снайдер Т. (Snyder T.) 6
 Соболев И.Г.
Спид Р.Б. (Speed R.B.) 262
- Стишинский А.С. 114, 119
 Столыпин П.А. 54, 108, 143
 Струве П.Б. 71, 261
 Суворин Б. 37
 Сухомлинов В.А. 114
- Тверской 45
 Трайс Т. (Trice T.) 6
 Трепов А.Ф. 83
 Троцкий В.И. 186
 Трубецкой С. 6
 Трубецкой Е.Н. 261
 Туманов Н.Е. 168
 Устинов 45
- Фаберже 46
Фан-дер-Флит В.Я. 239
 Фан-дер-Флит К.П. 114, 115, 149
 Фелькерзам Г.Е. 22
 Фенин 231
Флейшхауэр Н. (Fleischhauer I.) 247
Франкель Д. (Frankel J.) 253
 Фредерикс В.Б. 195
 Фридман Н.М. 22
 Фроммер Б. (Frommer B.) 6
 Фуко М. 17
Фурсенко А.А. 223
- Хаген М., фон (Hagen M., von)* 5, 6, 18
 Хаген У.В. (Hagen W.W.)
 Харламов Н.П. 51, 140, 216, 219, 238,
 245, 248
 Хвостов А.Н. 35, 60, 82, 123, 213, 227
Холквист П. (Holquist P.) 6, 17
Хоскинг Дж. (Hosking G.) 208
 Хрущевский М. 181
- Циндель 43, 45
- Челноков М.В. 39, 46, 58
 Чурин 94
- Шаховской В.Н. 51, 90

- Шейблер К. 221
Шлейнинг И. (Schleuning J.) 260
Шлюпп 63
Шмеман А. (Schmemann A.) 7
Шмеман С. (Schmemann S.) 6
Шпанн К. 231
Шпис семья 223
Шпорлюк Р. (Szporluk R.) 5, 206
Шрадер Р. 44, 50, 216, 217
Шредер Г. 137
Штакельберг-Зутлем Э. 181
Штах Я. 181
Штемпель Э. 65, 222
Штоль Эмилия 44
Штоль Эдуард 62
Штоль Ю. 62
Штригниц С. 244
Штюмер Б.В. 83, 195, 196
Шульгин В.В. 214
- Щегловитов И.Г. 80
Щербатов Н.Б. 123, 242
- Энгельс Бетти 44
- Юденич Н.Н. 115
Юсупов Ф.Ф. 43, 45, 46, 53, 55, 57, 58,
149, 219, 221
- Янсон 44
Янсон Э. 44
Янсон К. 44
Янушкевич Н.Н. 29, 30, 78, 93, 115, 117,
118, 122, 147, 148, 154, 155, 156,
157, 158, 159, 160, 162, 163, 164,
169, 180, 182, 194, 225, 250, 264

СОДЕРЖАНИЕ

Слова признательности	5
ВВЕДЕНИЕ	9
От империи к национализирующемуся государству	13
<i>Глава 1</i>	
НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ, ИМПЕРСКИЕ ДИЛЕММЫ ...	21
Массовое насилие и армия	27
Либеральные и националистические программы и организации	32
Правые партии	33
Всероссийский национальный союз	36
Националистические вызовы имперской экономике	38
<i>Глава 2</i>	
МОСКОВСКИЕ БЕСПОРЯДКИ И ДРУГИЕ НАРОДНЫЕ ВОЛНЕНИЯ	42
Грани конфликта	47
Символическое значение и истинная роль государства	49
Стрелять или не стрелять?	52
Причины беспорядков	55
Последствия	57
Народные выступления после погрома	61
<i>Глава 3</i>	
НАЦИОНАЛИЗМ В ТОРГОВЛЕ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ	
Роль иностранных и натурализовавшихся меньшинств	
в имперской экономике	67
Экономическая политика военного времени	74
Арест, секвестр и конфискация	75
Чрезвычайное ограничительное законодательство	80
Указ 11 января 1915 года	80
Указ 17 декабря 1915 года	83
Акционерный капитал вражеских подданных	
в российских акционерных обществах	84
Надзор и ликвидация	93
«Кунст и Альберс»	93
«Компания швейных машин Зингер»	95

Глава 4

«НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ» ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ	101
Земельная собственность и национальный вопрос перед войной	101
Ограничения еврейского землевладения	101
Ограничения польского землевладения	103
Довоенные ограничения на расширение немецкого землевладения	105
Ситуация в Германии	110
Развитие конфискационных мер в условиях военного времени	112
От вражеских подданных к немецким иммигрантам	113
Меры военных властей	115
Указы 2 февраля 1915 г.	119
Национализирующие цели указов	121
Расширение конфискационного законодательства	123
Выявление владельцев подлежащего отчуждению имущества	126
Определение категорий враждебных подданных	129
Проблемы и последствия конфискации	132
Статистика последствий экспроприации	141

Глава 5

ВЕЛИКОЕ ВЫСЕЛЕНИЕ НАРОДОВ	144
Высылка и интернирование вражеских подданных	145
Вынужденное переселение российско-подданных немцев	153
Принудительное выселение российских подданных еврейского происхождения	162
Насилие и погромы	171
Другие массовые операции	177
Выселение отдельных лиц	179
Насильственное переселение и национальная принадлежность	181
«Мобилизация этничности» посредством тактики исключений	185
Заключение	195
Примечания	204
Источники и библиография	267
Список карт	295
Именной указатель	296

Эрик Лор

**РУССКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ И РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ:
КАМПАНИЯ ПРОТИВ «ВРАЖЕСКИХ ПОДДАННЫХ»
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Редактор *Е. Леменева*
Художник *Д. Черногаев*
Корректор *О. Семченко*
Верстка *С. Петров*

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ООО «РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
“НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ”»

Адрес издательства:
129626, Москва,
абонентский ящик 55
тел./факс: (495) 229-91-03
e-mail: real@nlo.magazine.ru
<http://www.nlobooks.ru>

Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная № 1.

Печ. л. 19. Тираж 1000. Заказ №15

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14